

Дмитрий Братусь

ПОЯС ЧЕРНЫ

Роман

prostobook.com

2011

Макет и оформление обложки
Дмитрий Братусь

Экипаж спасательного космического корабля «Надежда» обнаруживает нечто в загадочном и опасном месте, называемом «Пояс черны», после чего становится объектом охоты спецслужб. Все это происходит на фоне разгорающегося конфликта между планетой Галеон, где к власти приходят националисты, и планетой Фокос — родиной самого развитого и самого закрытого народа — пришельцев.

©Дмитрий Братусь

От автора

Здравствуйте. Меня зовут Дмитрий Братусь. Разработчик программного обеспечения по профессии, на досуге я пишу художественные произведения.

«Пояс черны» — мое первое произведение, идею которого я вынашивал со школы. Надеюсь оно вам понравится.

Посвящается женщинам, которые, подчиняя себе мужчин, втайне правят миром.

Блог

blog.dbratus.ru

E-mail

dbratus@yandex.ru

A stylized, handwritten signature in black ink, enclosed within a circular flourish. The signature appears to be 'Dbratus'.

Эпизод 1

Призрак

Тонким, растянутым в плоскости вращения планет кольцом опоясывало Солнце облако черной густой пыли, называемое Поясом черны. Терзаемое гравитацией ближайших планет оно постоянно менялось, принимая самые причудливые формы. Закручиваясь в спирали, оно иногда рвалось, и его куски дрейфовали подобно айсбергам до тех пор, пока солнечный ветер не рассеивал их. Под толстым слоем черны, скрывался загадочный сгусток массы, называемый ядром, границей которого считался окружающий его пояс астероидов. Ни разу исследовательский спутник, преодолев этот рубеж, не возвратился обратно, и потому, оставалось загадкой — что собой представляло ядро: возможно, это была планета, возможно — плотное скопление малых небесных тел, возможно — газовый гигант или даже черная дыра.

У самой границы ядра царила совершенная тьма — как будто вселенная еще не родилась, и ничего не существовало кроме бескрайней пустоты. Одиноким луч света пронзил мглу, открыв взгляду разрушенный корпус дрейфующего космического корабля. Тороидальной формы исполин медленно вращался вокруг своей оси, закручивая густую пыль в причудливую спираль, которая шлейфом тянулась за ним. По частоте витков было видно, что корабль двигался по космическим меркам очень медленно. Луч света как бы робко крался по корпусу, восстанавливая фрагменты ужасной катастрофы. В некоторых местах обшивка судна была вздута, покрыта круглой формы пузырями похожими на волдыри от ожогов; некоторые вздутия были разорваны; из круглых

рванных отверстий торчали провода — из-за вращения они стояли перпендикулярно корпусу и в этой крошечной темноте были похожи на водоросли, растущие на кратерах глубоководных гейзеров. За острую кромку одного из отверстий зацепился скафандр; сделанный из сверхпрочных композитов он был разорван напополам в области пояса. Его нижнюю часть, должно быть, унесло в космос, а верхняя, зацепившись племом за обшивку корабля, мрачно болталась среди проводов и обрывков теплоизоляции.

Источником света была небольшая спасательная лодка «Надежда», пришедшая на сигнал пограничного зонда, какие были расставлены по периметру Пояса черны для отслеживания его активности. В этот раз несколько спутников обнаружили нехарактерный для этих мест объект — космический корабль. Первый сигнал проигнорировали, но когда уже пять постов обнаружили одно и то же, Титанианская Космическая Служба Спасения решила послать команду для проведения расследования. Экипаж в этот раз состоял из пяти человек: капитана корабля Ники Пикали́, пилота Ханны Тога́, пилота-навигатора Лис Ка́ори, борт инженера Дага Кодта и молодого практиканта Марчи Лёсса. Больше было не нужно — никто не надеялся найти в этом месте корабль с живыми людьми, поэтому масштабной спасательной операции не планировалось. Все, что требовалось от экипажа — выяснить природу объекта и, если это действительно корабль, определить его бортовой номер, чтобы сопоставить со списком пропавших в Поясе черны судов.

Первым нарушил тишину Даг:

— Сканирование завершено.

— Сильные повреждения, — констатировала Ника, рассматривая на мониторе разрушенный корпус судна. — Похоже, этот корабль побывал в ядре. Мы никогда таких не находили.

— Его атаковали сразу со всех сторон. Странно... — произнес Марчи и на мгновение задумался. — Как будто демоны вначале не заметили его, а потом атаковали. Это не характерно.

— Да, обычно повреждения локализованы с одной стороны, — согласилась капитан. — Самое интересное, что, судя по траектории, он действительно летит из самого ядра.

— Да не может быть, — отмахнулся Даг. — Наверное, столкновения с метеоритами изменили его курс. За всю историю наблюдений из ядра ничего не возвращалось.

На мониторе высветились результаты сканирования: «Плотность биомассы: 0.00 %; Организмов (приблизительно): живых 0, мертвых 0; Объект: Малый крейсер сопровождения — класс А; Экипаж: 45 человек; Повреждения: 62.55 %; Тип повреждений: 45% (нанесены искусственно); 55% (столкновения с метеоритами); Источников радиации: 0».

— Здесь некого спасать, — произнесла Ника, тяжело вздохнув. — Делаем последние замеры и возвращаемся.

— Похоже, он болтается здесь достаточно давно. — Даг показал пальцем на монитор капитана. — Видишь номер модели на маневровом двигателе?

— Ну?

— Их не используют уже года два. Весь галеонский флот давно перешел на более новые.

В этот момент завершилось магическое сканирование и у всех на мониторах высветилась совершенно неожиданная надпись: «Источников магии: 1».

— Чего? — воскликнули хором Лис и Ника.

— Фигня какая-то, — буркнул под нос Даг и начал нажимать на пульте какие-то кнопки.

— Не может быть, — сказала капитан тихо — как будто разговаривая сама с собой. — Даг, магическое сканирование, еще раз.

— Глюк, наверное, — проговорил Даг.

Он запустил магическое сканирование того участка, где предположительно находился объект, используя теперь резервный сканер, но через мгновение на мониторах снова высветилась надпись: «Источников магии: 1».

— Хм, странно, — тихо сказала Ника и посмотрела на Марчи, ожидая от него заключения. — Что это может быть?

— Я не знаю, — робко ответил Марчи, стыдясь своего ответа подобно ученику не выучившему урок. — По правде говоря, я первый раз так близко к Поясу черны. Никогда не слышал о таком.

— Не слышал?..

— Нас больше учили не магии, а как с демонами бороться. Но, насколько я понимаю, такого быть не должно? Чтобы на заброшенном корабле были сгустки магии?

— Понятно. Ну да ладно...

Вернувшись из глубокого раздумья, в разговор вступила Лис.

— А что вез этот корабль? Может это какое-то секретное оружие?

— Вряд ли. Тогда нас бы сюда не послали, — ответила капитан.

— Кончаем гадать, — прервал разговор Даг и начал читать вслух показания приборов. — Объект находится в технологическом помещении под капитанским мостиком. Размер объекта: полметра в диаметре. Объект очень яркий — 30 единиц. Объект неподвижен и стабилен на основном и резервном сканерах. Это определенно не человек и определенно не глюк.

— И биомасса — ноль... — сказала Ника немного испуганно. — Это наверно демон?

— Это не демон. Ты видишь, заряд отрицательный, — сказал Даг немного раздраженно и ткнул пальцем в монитор.

— Насколько я знаю, сконцентрировать такое количество магии в неорганическом теле невозможно, ведь так?

— Возможно, но только искусственно, — не отрываясь от приборов, ответил Даг, — Для поддержания такой концентрации в таком малом объеме потребовался бы источник энергии сравнимый по мощности с основным генератором этого судна. Но, насколько я понимаю, его реактор уже давно потух.

— Душа без тела?.. — прошептала Лис.

На какое-то время в кабине воцарилась тишина. Капитан погрузилась в раздумья. Через несколько секунд испуг в ее глазах сменился энтузиазмом, что в свою очередь испугало Дага. По опыту долгой дружбы и трех лет работы с Никой, Даг знал, что подобный взгляд означает рождение в ее голове плана очередной авантюры, последствия которой, скорее всего, придется ликвидировать ему.

— Я и Марчи идем внутрь, — скомандовала капитан. — Даг, поведешь нас. Лис, смотри в оба, вокруг могут быть демоны.

— Есть! — отпартовала Лис.

— Мне остановить вращение корабля? — спросила Ханна без единой эмоции в голосе.

— Да. Пока возьми на буксир. Останавливай по команде.

— Поняла.

— Я подготовлю скафандры! — радостно воскликнул Марчи.

Ника одобрительно кивнула ему в ответ, и Марчи, зараженный оптимизмом капитана, не скрывая воодушевления полетел в

сторону шлюза. Это был его первый не тренировочный выход в открытый космос. Лис с умным видом уткнулась в экраны навигационных приборов — как будто пытаюсь высмотреть демонов между пикселями, и лишь Ханна, как всегда оставалась спокойна.

— Блин! Это авантюра! — почти выкрикнул Даг. — Назови хотя бы одну причину, по которой ты должна идти туда?

Ника встала со своего места и, подлетев сзади, положила руки Дагу на плечи. Она давно заметила, что ее прикосновения мгновенно расслабляют Дага, и только тогда с ним можно спорить.

— Мы сейчас наблюдаем явление, — говорила Ника, — которое не описано ни в одной научной работе, ни в одном учебнике по теоретической и прикладной магии. Возможно, мы близки к открытию, которое перевернет представление человечества о магии! — Перейдя на шепот, капитан почти касалась губами уха Дага. — Я хочу увидеть глаза профессора Эйкель, когда она взглянет на наши замеры.

— Да, потом откроет новый закон и назовет его «закон Пикалли — Кодта». Я вас умоляю! — нервно, но шепотом ответил Даг. — Скорее всего, она пошлет тебя с этими замерами, сказав, что ты не только не умеешь решать задачи по теоретической магии, но еще и не умеешь пользоваться бортовым оборудованием.

— Правильно, именно поэтому нужны более полные и точные замеры, плюс видеозапись в разных спектрах. Именно для этого я и иду внутрь. Ну? Ты же всегда любил науку?

— Вот! Я любил — я и пойду.

— Нет. Ты — бортинженер, поэтому по определению должен находиться на борту.

— Раньше... — начал Даг, но Ника тут же его перебила.

— До того, как нам дали Марчи, у нас не было выбора и нам приходилось оставлять Лис и Ханну один на один с этим композиционно-оптоволоконным чудовищем, которое кто-то окрестил «Надеждой». Ты помнишь, чем это чуть не обернулось?

— Помню.

— Ханна, входим в четвертый шлюз, похоже, он наименее поврежден, — приказала капитан, после чего, бесцеремонно перекинувшись через Дага, переключила его монитор на план крейсера. — Даг, смотри. Мы войдем в четвертый шлюз, пройдем по

нижней палубе, выйдем на мостик и там попробуем пробиться в технологический отсек.

— Не так все просто, — раздраженно возразил Даг. — В технологические помещения вы попадете только через кухни. Там можно открыть люк в полу.

Даг посмотрел на Нику, как бы предлагая одуматься, но она взяла его за руку и снова, почти касаясь, прильнула губами к уху.

— Не волнуйся. Все будет хорошо, — прошептала она так тихо, что никто кроме него ее не смог бы услышать.

— Может хотя бы отбуксируем его в зеленую зону?

— До зеленой зоны далеко. А если эта штука исчезнет?

— А если слеза?

— По статистике слезы в этой зоне появляются не чаще чем раз в пятнадцать часов. Последний раз мы наблюдали слезу, два часа назад, значит появление новой маловероятно. За час, я думаю, управимся.

С этими словами Ника полетела в сторону шлюза.

— По статистике в Поясе черны каждый год погибает четыре и семь десятых человека, — пробормотал Даг себе под нос.

Перед тем как стыковаться, нужно было избавиться от искусственной гравитации. Заброшенный корабль вращался, создавая центробежную силу, прижимавшую все, что находилось внутри к полу, то есть к любой поверхности параллельной оси вращения. Для кораблей такого размера вращение было нормальным состоянием. Большие космические корабли раскручивали для того, чтобы создать искусственную силу тяжести и сделать таким образом прибывание людей в корабле более комфортным. Однако для спасательной операции притяжение было скорее помехой, потому что в громоздких скафандрах по разрушенному кораблю удобней летать чем ходить.

Зацепив корабль тросом за стойку маневрового двигателя, «Надежда» потянула его в направлении противоположном вращению. Торчавшие из пробоин провода плавно опустились на корпус, сигнализируя о том, что угловая скорость изменилась. Отцепив тросы, Ханна начала маневр, в шутку именуемый среди космонавтов «клизмой». Название он получил за форму, которую принимал шарообразный спасательный корабль во время его выполнения. Чтобы доставить космонавтов внутрь и, в то же время,

не приближаться слишком близко, судно выдвигало стыковочную шахту до полной длины и вводило ее в пробоину или технологическое отверстие. Такой маневр часто применялся для стыковки с поврежденными кораблями.

Наконец «Надежна» состыковалась. Ника и Марчи отстегнули скафандры от стоек, и медленно проплыли в конец шахты. Люк открылся, освободив путь в длинный темный коридор, заполненный черной. Включив прожекторы на скафандрах, спасатели двинулись вперед.

Потрявоженная маневрами пыль равномерным потоком плавно перетекала от одной стены к другой. Капельки воздуха, замерзшие на микроскопических кристаллах углерода, из которых состояла черна, образовывали небольшие снежинки, которые, поблескивая в свете прожекторов, заставляли черную пыль переливаться всеми цветами радуги. Черные, как будто покрытые сажой, уходившие в того же цвета туман, стены выглядели сюрреалистично — как будто выключили текстуры в компьютерной игре. Подобно летучим мышам, различающим в ультразвуке лишь силуэты, Ника и Марчи медленно летели по бесцветным палубам корабля-призрака. У пола в невесомости висели вещи экипажа: коммуникаторы, оружие, обрывки одежды — как и стены, черные, как будто выточенные из угля. Вдалеке, в конце одного из коридоров, через огромную дыру в корпусе виднелись серые, мрачные, подсвеченные прожекторами «Надежды», облака. На пути спасателей в самом центре коридора висела штурмовая винтовка, за рукоятку которой зацепился армейский жетон. Отодвигая с пути винтовку, Ника машинально сняла медальон и стерла пыль. На медальоне было выбито имя и персональные данные какого-то солдата. Еще на жетоне крупно был выбит номер 417. Ника вздрогнула как будто от удара током и на мгновение замерла.

— Все в порядке? — спросил Марчи.

— Все нормально. Продолжаем, — ответила капитан подчеркнуто бодро подобно матери, пытающейся скрыть от ребенка свое волнение.

Ника и Марчи долетели до перехода. Одна лестница вела вниз — в кухню и столовые, а другая вверх — к мостику и центру управления.

— Разделимся, — скомандовала капитан, осмотрев помещение. — Марчи, лети на мостик. Я пойду в кухню. Зайдем с раз-

ных сторон, иначе эта штука может попытаться уйти. Если она, конечно, может двигаться.

Тут же из переговорного устройства раздался голос Дага.

— Плохая идея! Вы не сможете помочь друг другу если что.

— Не беспокойся. Здесь никого нет, — успокоила его Ника.

— Это не значит, что там можно гулять как вздумается. Это сильно поврежденный военный корабль. Там может быть все что угодно включая эту хрень. К тому же, не забывайте, что мы находимся в Поясе черны.

На несколько секунд капитан задумалась, после чего ответила:

— Пожалуй, ты прав. Марчи, за мной.

Влетев на лестничную клетку, Ника обнаружила, что находится на одном из центральных этажей корабля. На стенах перед каждым выходом должен был быть написан номер палубы, но сейчас, когда все стены тонким слоем покрывала пыль, один этаж ничем не отличался от другого. Чтобы не заблудиться, капитан очистила стену, и на ней показался номер: 4Д.

Наконец они спустились на нижнюю палубу и добрались до технологического помещения, в котором находился загадочный объект.

— Тут узкий коридор, — сказала Ника, заглянув в люк.

— А ты как думала? — ответил Даг.

— Что там, Даг?

— Длинный узкий коридор: вперед, потом вверх и до упора вперед. В конце эта хрень.

— Эта — как ты выражаешься — «хрень» еще там?

— К несчастью да.

— Какой ты пессимист. Марчи, оставайся здесь, — сказала капитан и нырнула внутрь.

Из-за скафандра она едва помещалась в узком технологическом тоннеле. Капитан медленно летела вперед, периодически стучаясь то о верхнюю, то о нижнюю стенку. Ей не было страшно. Огромный непроницаемый ни для чего скафандр создавал ложное ощущение безопасности. Как будто все происходило не с ней. Вместе с этим, непреодолимое чувство любопытства подталкивало ее вперед. На сканере Даг увидел как Ника, подлетев к первому изгибу тоннеля, резко остановилась.

— Вижу свет, впередиверху, — прозвучал из переговорного

устройства немного испуганный голос Ники.

— Что еще за свет? — спросил Даг.

— Вижу... — Ника сделала неестественную паузу. — Свет...

Раздался визг.

— Ника!.. Ника, ответь! — громко прокричал Даг, но ответа не последовало. — Марчи, внутрь!

— Есть!

— Лейтенант Кодт, беру командование на себя! — прокричал Даг в переговорное устройство.

Марчи влез в коридор и быстро, отталкиваясь руками и ногами от стен, полетел вперед. В конце коридора он увидел висевшую без движения Нику. В узком тоннеле развернуться было невозможно, и Марчи мог возвратиться обратно только задним ходом, отталкиваясь руками от стен. Схватив одной рукой капитана за ногу, Марчи попытался отталкиваться другой, но из-за того, что ботинок скафандра был очень большим, рука постоянно соскальзывала, к тому же, отталкиваться одной рукой было невозможно. Марчи нервничал — он суетился на одном месте. Хватая ногу Ники то одной, то другой рукой он пытался толкаться, но его постоянно уводило вверх, и его скафандр цеплялся двигателями за верхнюю стенку тоннеля. Марчи охватила паника. Руки и ноги стали слабеть. Капельки пота проступали на лбу и, отрываясь от кожи, хаотично летали по скафандру. Сердце билось так сильно, что, казалось, каждый его удар сопровождался ударом молотком по барабанным перепонкам. На какое-то мгновение Марчи посетила мысль, что он может не выбраться. На дисплее скафандра он пытался прочитать показания приборов. Все расплывалось, но, похоже, скафандр был в норме, хотя Марчи казалось, что кислорода становится меньше, а прожектор медленно тускнеет. На самом деле у Марчи темнело в глазах.

На мониторах Дага состояние Ники отображалось как «глубокий сон», а состояние Марчи как «паника». Нужно было что-то делать.

— Не молчи! — раздраженно крикнул Даг, обращаясь к Марчи. — Что ты там возишься? Что у вас там?

— Я застрял, я не могу двигаться! У меня что-то со скафандром!

— Со скафандром все в порядке. Успокойся! Расслабься. Передохни... Передохни...

Даг выдержал паузу примерно в десять секунд, после чего продолжил:

— У тебя на поясе буксировочный трос. Видишь его?

— Да.

— Обмотай им ноги Нике.

— Обмотал.

— Теперь повернись набок вправо и поверни Нику также.

— Повернулся.

— Хорошо. Теперь аккуратно, отталкиваясь обеими руками от стен, двигайся задом в начало тоннеля.

— Двигаюсь.

Поняв, что может двигаться, Марчи немного успокоился. Постепенно, делая так, как сказал Даг, он выбрался из тоннеля и вытянул Нику буксировочным тросом.

— Капитан Пикали?.. — беспомощно шептал Марчи слегка потягивая Нику. — Капитан!.. Она без сознания.

— С ней все в порядке. Буксируй ее обратно той же дорогой. Быстро! Уходим отсюда!

В этот момент Лис обернулась к Дагу, и по ее лицу было понятно, что у нее плохие новости.

— Даг, у нас проблемы, — испуганно пробормотала Лис. — Слеза десять метров в диаметре движется прямо на нас.

— Направление, расстояние, скорость?

— Точно сзади, сорок миль, четыреста восемьдесят узлов. Не успеем?

— Тихо. Я должен подумать.

Даг закрыл глаза и замолчал на несколько секунд.

— Не успеем, — спокойным голосом констатировал Даг.

Как обычно в критической ситуации Даг ушел в раздумья. Он не паниковал в ситуациях, когда другой бы трясся от страха. Его голос становился спокойным, шуточки и сарказм мгновенно пропадали, — никаких лишних слов. Он концентрировался и начинал мысленно перебирать возможные варианты выхода из ситуации. Лис и Ханна знали об этом и не мешали ему. Даг помнил все технические характеристики корабля, все космические коэффициенты и константы, к тому же он мог оперировать в уме четырехзначными числами, что позволяло ему изобретать невероятные изощренные технические решения за считанные секунды. Не раз это выручало команду. Менее чем через минуту у Дага

родилось решение.

— Марчи, ты где? — спросил Даг.

— В коридоре на нижней палубе.

— Быстро двигайся. У нас проблемы. Как будешь в шлюзе, доложи.

— Есть!

— Ханна, отстыковываемся.

— Зачем? — как обычно спокойно и как бы отрешенно спросила Ханна.

— Отстыковываемся, я говорю! — крикнул на нее Даг, но тут же остыл и продолжил спокойным тоном. — Сделаем следующее. Зацепим стойку тросом, развернем крейсер на девяносто градусов и спрячемся за ним. Слеза попадет в него, и у нас будет около трех минут, чтобы забрать Марчи и Нику. Сможешь?

— Да.

Слезами черны назывались коконы, размером от нескольких десятков метров до нескольких километров. Они разносили демонов на огромные расстояния, позволяя тем достигать обитаемых планет. Оболочка слезы представляла собой панцирь из твердых органических полимеров и переплетенных особым образом свинцовых нитей, защищавших демонов от вредоносного космического излучения. Свернувшиеся в клубок, укутанные слизью и черной, демоны висели на твердых отростках, которыми оболочка крепилась к ядру, внутри которого была заключена демон-нянька.

Науке было неизвестно, как появляются слезы черны, и что придает им огромное ускорение, разгоняющее их почти до крейсерских скоростей космических кораблей. Известно было только, что источником слез является ядро Пояса черны. Некоторые фантасты и мистики утверждали, что в нем находится портал в другое измерение, откуда и приходят демоны. Вряд ли это было так, но этих людей можно было понять, ведь существа Пояса черны были столь не похожи на привычных живых существ, что легко можно было уверовать в их сверхъестественное происхождение.

Когда слеза входила в атмосферу, ее твердая оболочка постепенно сгорала, пыль формировала плотные облака, не пропускавшие ультрафиолет, а демоны вместе со своей нянькой падали на поверхность. Благодаря своей удивительной особенности

крайне быстро регенерировать, существа Пояса черны уже через несколько минут становились вновь полностью жизнеспособными, несмотря на повреждения, полученные при падении. По той же причине, демоны были практически неуязвимы для обычного оружия. Придя в себя, нянька находила удобное место и закреплялась там, становясь для демонов чем-то вроде улья. Днем они прятались под ее панцирем от губительного для них ультрафиолета, а ночью выходили на охоту, принося в улей под утро добычу. Со временем, нянька начинала производить новых демонов, и, в конце концов, когда она сама становилась не в состоянии давать укрытие на ночь своему потомству, происходило деление. На теле няньки появлялся отросток, который через несколько дней принимал очертание новой няньки. Новорожденная нянька отделялась и, забрав с собой стадо демонов для защиты, отправлялась на поиски подходящего места для нового улья.

Сталкиваясь с космическим кораблем, слеза трескалась и лопалась под действием напирającego изнутри газа. Высвободившись в космос, газ быстро улетучивался, разнося пыль на многие километры вокруг. Пыль окутывала корабль, защищая атакующих от солнечного света. Нянька цеплялась за корпус корабля, а демоны, тем временем, проделывали в обшивке отверстия, используя силу, которую издревле люди называли магией. Демоны разрушали полимерную структуру композитов, делая некоторый участок корпуса атакуемого корабля эластичным, после чего, внутреннее давление вырывало кусок обшивки, открывая существам путь внутрь. Попав в корабль, демоны быстро убивали всех, кто в нем находился, и относили тела в няньку. Закончив охоту, демоны собирались под ее панцирем, и та, оттолкнувшись от корпуса, не спеша возвращалась обратно в Пояс черны.

Встреча со слезой в открытом космосе была очень опасна. В отличие от обычных космических тел, летящих по предсказуемым траекториям, слеза была управляема. Нянька при помощи специальных рецепторов, расположенных на поверхности кокона, могла улавливать мельчайшие колебания полей, создаваемые плотными скоплениями магии, такими как, например, обитаемые космические аппараты. Увидев на черном фоне космоса яркий источник магии, нянька направляла слезу прямо в него, и если корабль менял курс, нянька доводила слезу. Слезы, как правило, превосходили корабли в маневренности, поэтому увернуться от

них было практически невозможно.

Ханна уже зацепила крейсер так, как ей приказал Даг, и все было готово для маневра, когда из переговорного устройства послышался голос Марчи:

— Я в шлюзе.

— Хорошо, — ответил Даг. — Зафиксируй Нику и зафиксируйся сам. Используй крепления для скафандров. Сейчас будет трести.

— Что случилось? Что мы делаем? — встревожено спросил Марчи.

— Слеза приближается. Мы уворачиваемся, — ответил Даг бесстрастным деловым тоном.

— Вот черт, — тихо произнес Марчи. — Готово! Что теперь?

— Жди. Ханна, действуй!

— Есть, — ответила Ханна, не отрывая взгляда от приборов.

Как обычно, не выражая лицом ни единой эмоции, Ханна преступила к выполнению маневра. Корабль чуть дернуло от того, что натянулся трос. «Надежда» плавно пролетела вначале вперед, потом вправо, и, как бы качнувшись на натянутом тросе, остановилась. Развернув крейсер на девяносто градусов, Ханна вновь остановила его, используя двигатели «Надежды». Слеза оказалась за разбитым кораблем, и прямое столкновение уже не угрожало.

— Черт! — раздалось из переговорного устройства.

По возгласу Марчи Даг понял, что столкновение произошло.

— Стыкуемся! Быстро! Время пошло, — крикнул он.

— Есть! — ответила Ханна.

Зловещие звуки, пробегая по металлическому корпусу корабля, проникали в закрепленный на стойке скафандр Марчи. Скрежет металла, шорохи, удары и топот медленно приближались, становясь все громче и громче — как будто кто-то, тщательно пережевывая, поедал корабль с другой стороны.

— Они приближаются, я слышу! — почти прокричал Марчи.

— Я знаю, — ответил Даг.

Вися пристегнутым к стойке для скафандров, Марчи целился в темноту без малейшей надежды справиться с надвигающимся стадом. Ему казалось, что он находится в пасти хищного зверя и чувствует как влажное дыхание обдает его лицо. За бортом, пере-

ливаясь огнями, совершала маневры «Надежда». Она остановилась и, осветив прожекторами коридор, начала медленно приближаться для стыковки. В эти секунды движения корабля казались Марчи особенно медленными. Он снова обернулся в коридор. От вибраций, пыль отскакивала от стен, заполняя помещения непроглядной пеленой. Приближаясь, стыковочная шахта предательски медленно открывалась. Марчи отстегнулся сам, после чего отстегнул Нику. Он перевернул ее горизонтально и со всей силы вбросил в открытый до половины люк после чего запрыгнул сам.

— Быстро внутрь! — прокричал Даг.

— Закрывай шахту! Я внутри! — прокричал в ответ Марчи.

— Отлично! — ответил Даг. — Отстыковываемся и уходим отсюда в зеленую зону на максимальной скорости. Курс — сто восемьдесят, двенадцать, двадцать два.

— Отстыковываюсь, — подтвердила Ханна.

Закрывшись, шахта начала задвигаться, подтягивая Нику и Марчи в шлюз. «Надежда» чуть вздрогнула. Агрессивными маневрами, от которых не пристегнутых Марчи и Нику кидало по всему шлюзу, Ханна разворачивала «Надежду» на указанный курс, одновременно удаляясь от пожираемого демонами корабля. Внезапно по корпусу разнесся звук глухого удара.

— Мы задели корпус, — спокойно констатировал Даг.

— Не может быть. Слишком далеко, — ответила Ханна. — Разбалансировка. Что-то прицепилось к маневровому двигателю.

Пронзительный девичий визг раздался в кабине. Даг резко обернулся вправо и увидел Лис побледневшей. Сквозь затянутый слизью с внешней стороны иллюминатор на нее смотрел огромный глаз.

— Марчи, тревога! — произнес Даг в переговорное устройство, не отрывая взгляда от демона. — У нас гости. Демон движется к тебе пока по обшивке. Я открою шлюз, чтобы он не начал ломать корпус. Разберемся с ним внутри.

— Вид? Размер?

— Амеба, — ответил Даг. — Глаз — полметра, приблизительно.

— Мелочь. Справлюсь.

— А я проконтролирую, — прошептал Даг себе под нос.

Демоны-амебы выглядели как «глаза», плавающие в управляемой при помощи магии слизи. Амебы могли менять давление,

объем, температуру и консистенцию своего жидкого тела, проникая через любые щели, куда проходил их твердый глаз. Лучшим способом остановить амёбу было — ее заморозить, но на спасательном корабле это было нечем сделать.

Почувствовав вибрацию корпуса, демон обратил внимание на открывавшийся шлюз. Пузырясь от отсутствия внешнего давления, демон плавно перетек по корпусу и аккуратно заглянул своим плавающим в слизи глазом в открытый люк. Увидев в нем двух потенциальных жертв, он мгновенно подобрал оставшуюся за бортом часть своего жидкого тела и оказался полностью внутри корабля. Даг тут же закрыл люк и запустил синхронизацию давления. Воздух со свистом начал заполнять шлюзовую камеру, что привело амёбу в некоторое замешательство. Сжимаясь и твердея, она, вместо того чтобы атаковать, пыталась приспособиться к новому давлению. Демон то раздувался, начиная кипеть, то сжимался, становясь почти непрозрачным. Воспользовавшись моментом, Марчи занял удобную позицию для стрельбы и начал поливать непрошеного гостя короткими очередями из импульсно-лучевой винтовки — оружия специально предназначенного для уничтожения демонов.

Даг резко вскочил с места и полетел в сторону шлюза. По дороге он достал из ящика несколько гранат с широкой синей полосой посередине.

— Ты куда? — спросила Ханна.

— Разгоняйся потихоньку и выходи на курс. Я в шлюз.

— Святая граната! Поберегись! — услышал Марчи у себя за спиной.

Взрыв гранаты озарил шлюз ярким белым светом, от чего демон начал раздуваться. Казалось, он вот-вот взорвется. Заполнив почти половину пространства шлюза, он замер.

— Сдохни, бацилла! — кричал Марчи, поливая амёбу непрерывной очередью.

Слизь демона начала мутнеть, и, постепенно, однородная прозрачная масса превратилась в желтовато белую паутину эластичных нитей, в которых висел, покачиваясь из стороны в сторону, потемневший глаз. Постепенно нити затвердели, превратившись в хрупкий, похожий на пластик полимер, а глаз стал матовым, однородно серым, шариком.

Из переговорного устройства послышался немного взволно-

ванный голос Ханны:

— Даг? Даг, ответь. Что у вас там?

— Да так, замес небольшой, — ответил Даг, с деловым видом разглядывая убитого демона.

— Как Ника? — испуганно спросила Лис.

— По показаниям датчиков, она просто спит. Она не в коме. Просто в глубоком сне.

Марчи придерживал Нику сзади, а Даг аккуратно открыл скафандр. Нежно, чтобы не разбудить ее слишком резко, Даг взял Нику за щеки и слегка покачал голову.

— Просыпайся, — прошептал Даг.

Ника медленно открыла глаза.

— Как вы себя чувствуете? — взволнованно спросил Марчи.

— Спасибо, нормально... — ответила капитан. — Что случилось?

— Ты все проспала, — с облегчением произнес Даг. — Что ты увидела там в тоннеле?

— В каком тоннеле?

— Вы ничего не помните? — беспокоило спросил Марчи.

— Марчи, подожди, — перебил его Даг. — С какого момента ты ничего не помнишь?

— Мы вошли в корабль?

— Да.

— Я помню, что мы обнаружили какой-то объект. Вроде бы я собиралась войти внутрь. Дальше — смутно.

— Объект двинулся к тебе. Ты говорила про какой-то свет. Потом он соединился с тобой и пропал со сканера.

— Соединился со мной?... — испуганно переспросила Ника. — Я ничего не помню.

— Не волнуйся. По показаниям приборов с тобой все в порядке. Радиационного облучения нет, инфекция не могла проникнуть через скафандр, что еще могло случиться?... Скафандр ничего не пропускает кроме магии. Полетели в лазарет. Я проведу полный медицинский осмотр. — Даг посмотрел на Марчи. — Ты-то в порядке?

— Да, я в норме.

— Тогда отдыхай, боец. Мы летим домой.

— Есть! — отрапортовал Марчи и полетел в каюту.

Корабль «Надежда» тем временем уже вышел на курс и, по-

степенно разгоняясь до крейсерской скорости, улета́л прочь от ядра Пояса черны.

Эпизод 2

Ника

Даг отвел Нику в лазарет и провел полную медицинскую диагностику при помощи аппарата именуемого космонавтами «Шаманом». «Пойти к шаману», — среди космонавтов означало лечь под этот аппарат, чтобы проверить состояние здоровья. «Шаман» фиксировал все физиологические показатели: давление, кардиограмму, конфигурацию электромагнитных, магических полей и многое другое, после чего анализировал данные при помощи экспертной системы и огромной базы симптомов.

Капитан, немного зевая, лежала на кушетке, и вдоль ее тела пробегали полоски света разных цветов. Она чувствовала себя хорошо и особенно не беспокоилась о результатах. Аппарат все равно, как правило, ничего особенного не находил. Самым эффективным его применением была диагностика ОРЗ и гриппа. Новейшие модификации могли по изменениям магического фона обнаруживать в организме чужеродные ДНК и анализировать их, определяя вид с некоторой вероятностью. Иногда аппарат определял не только разновидность инфекции, но и ее конкретный штамм, за что судовые медики быстро переименовали «Шамана» в «Простудометр».

— В целом, с тобой все в порядке, — произнес Даг, глядя на монитор.

— Что значит «в целом»?

— Ну, в общем, к отклонениям можно отнести повышенный уровень магии и гемоглобина. И то и другое проходит естественным образом. Такое бывает, когда человек встречается с мощ-

ным источником магии. Это абсолютно безопасно. Иногда, даже полезно. Говорят, что после таких встреч люди излечивались от неизлечимых болезней, выходили из комы и тому подобное.

— А как такое может быть — тридцать единиц, в неодушевленном предмете?

— По-разному. Ну, например, после смерти, магия, находящаяся в человеке вытекает из него струями. Древние называли это душой. Если умерший был сильным магом, его душа может излучать до тридцати единиц и более. Правда, такие струи очень быстро рассеиваются. В древности, у некоторых народов даже существовал культ человеческого жертвоприношения. Мага убивали, а вокруг клали тяжело больных и раненых. Так вот, магия, исходившая из его тела, их исцеляла.

— Ужас какой... Так может это и была чья-то душа?

Даг усмехнулся.

— Правильно тебе Эйкель зачет не поставила.

— Ну мы давно проходили. Я не помню.

— Магия не будет держаться сгустком так долго. Вне живого организма она быстро рассеивается.

— Интересно. Что же это было? Ты сказал «по-разному». Есть еще какие-то версии?

— Пока нет. То есть, я должен кое-что проверить. Пока не уверен.

— Не говори загадками! — возмутилась Ника. — Ты меня пугаешь. Может быть это какая-то разновидность демонов?

— Тогда почему ты еще жива?

— Тоже верно.

— Не волнуйся. С тобой все в порядке. Отдохни.

— Нет, я не хочу. Это, наверное, от повышенного уровня гемоглобина, — сказала Ника, нервно, неискренне улыбнувшись. — Мне хочется работать. — Капитан достала коммуникатор и произнесла в него, — Капитан Пикали, беру командование на себя.

— Ура! — раздался в ответ радостный голос Лис.

— Я пойду на мостик, — сказала Ника, — а ты можешь отдохнуть. Я, наверное, напугала тебя?..

По дружески обняв Дага, она полетела выполнять обязанности капитана.

Усталость в теле Дага заняла место ушедшего волнения. По титанианскому времени, по которому жили космонавты на этом

корабле, было уже довольно поздно. Даг прилег на кушетку, где только что лежала Ника, и ласковое тепло навяло воспоминания о годах, проведенных в академии.

Аэрокосмическая Академия Титана была местом, где готовили всех, кто был хоть как-то связан с космосом и авиацией. Это было первое высшее учебное заведение подобного профиля, восстановленное после Великого цунами. Академия располагалась, возможно, в самом живописном месте на планете Титан — на островах архипелага Хаммэ. Космодром был построен там еще на заре эпохи космических путешествий, до потопа, когда острова были еще горным массивом на территории одного огромного острова, принадлежавшего Катонии. Место было выбрано за близкое расположение к экватору, откуда проще всего было запускать ракеты на орбиту. Прежний космодром уже более века покоился на дне океана, но, с тех пор, как территория перешла Алларии, рядом был построен новый, а на островах архипелага вырос целый город, все жители которого так или иначе были связаны с космосом.

Ника Пикали была пожалуй самой красивой студенткой в Академии. Если посчитать все влюбленные взгляды, сказанные комплименты и подаренные цветы, Ника стала бы обладательницей абсолютного рекорда, который было бы сложно побить. Имея большие карие, вечно улыбающиеся, глаза, Ника обладала хитрым и в то же время милым взглядом озорного ребенка. При этом черные густые волосы, которые она, как правило, носила распущенными, прикрывали ее лицо подобно плащу темного мага, что придавало ей некий мистический шарм. Одним лишь свойством — превращаться, в зависимости от настроения, то в ребенка, то в роковую красотку, Ника лишала мужчин воли. Фигура Ники была столь безупречна, что, казалось, была создана художником. Спортивная мускулатура задавала форму, а природная склонность к пышности придавала фигуре мягкую женственную округлость. Заключительным штрихом шарма Ники была ее необычная речь. Ника говорила медленней чем алларийцы; ее речь имела особую, не свойственную алларийскому языку, интонацию и плавность; звук «ш» она произносила не свистяще, как это делали алларийцы, а мягко. Своей кошачьей нежностью ее речь завораживала и гипнотизировала. Ника говорила так, пото-

му что была носителем катонийского языка коих на Титане было не много.

Подобно тому, как стайка маленьких рыбок-прилипал сопровождает величественно плывущую в Титанианском океане акулу, гуляющую в саду Академии Нику всегда сопровождала стайка кавалеров, не упускавших ни единой возможности прикоснуться к ее манящим формам. При встрече каждый молодой человек, если не был скован робостью, непременно целовал Нику в щечку. Руки кавалера при этом, как правило, оказывались на талии или чуть ниже, в зависимости от степени наглости. Ника не была недоугой, однако, обладая хорошим чувством дистанции, она ловко жонглировала парнями, подпуская их не ближе, чем те были того достойны. Мужское внимание она обожала. Частенько, Ника, приходя в аудиторию, садилась с подружками на передний ряд, доставала из косметички зеркальце и наблюдала в отражение направленные в ее спину взоры молодых людей. Иногда взгляды Ники и какого-нибудь парня пересекались, и смущенный юноша, покраснев, отводил глаза. Это страшно забавляло ее.

Среди прочих парней окружавших Нику в Академии был один не похожий на других. Он не прилипал к ней как все остальные, не заваливал любовными сообщениями ее коммуникатор, не приглашал на всевозможные мероприятия и не предлагал подвести до дома. Никто никогда не видел их целующимися и даже держащимися за руки. Между тем, ни с одним молодым человеком Ника не проводила времени больше чем с ним. Их часто можно было видеть в саду — держащая за спиной планшет для конспектов Ника и сложивший руки на груди угрюмый молчаливый парень. Они могли допоздна гулять по саду, беседуя о чем-то, но так ни разу и не прикоснуться друг к другу. Он никогда не ревновал ее к другим парням — скорее его забавлял их, иногда глуповатый вид. Высокий, с грубым брутальным лицом и массивной рельефной мускулатурой он не был похож на студента — скорее на боксера или инструктора по фитнесу. Тем не менее, это был студент-отличник инженерного факультета — Даг Кодт.

Ника и Даг, очевидно, были знакомы задолго до Академии, однако для однокурсников их происхождение было покрыто тайной. Даг всегда со всеми кроме Ники был угрюм и не многословен. Ника же при всей своей общительности никогда не рассказывала о детстве. По слухам, распускаемым ее подругами, Ника и Даг —

брат и сестра, оставленные родителями на планете Галеон еще в раннем детстве, и так как детство их было тяжелое, они не хотят никому рассказывать о нем. Однако, их воспитание, манеры, легкий катонийский акцент и общий уровень знаний выдавали в них, скорее коренных жителей планеты Фокос — так называемых пришельцев. О родителях Дага и Ники мало что было известно, а отношения молодых людей были не похожи на отношения влюбленных, да и то, что они были братом и сестрой, было неправдоподобно — Ника и Даг были разной национальности.

Ника шла по коридору Академии в хорошем настроении, которое резко испортилось, когда она увидела идущего навстречу Дина. Дин был одним из тех парней, которые при полном отсутствии мозгов твердо уверены в своей неотразимости. Если девушка отказывала ему, он расценивал это как непонимание ею собственного счастья и упорно продолжал назойливые ухаживания. Очаровав на свою беду и его, Ника уже исчерпала всю свою фантазию, придумывая способы избавиться от его компании. Самым безобразным уродством мужчины она считала отсутствие ума, и Дин в этом смысле был эталоном. Интеллигентное воспитание не позволяло Нике отшить его грубо, а тонкие намеки Дин не понимал. Вот и сейчас он шел навстречу, и Нике нужно было за несколько секунд придумать, как от него отвязаться.

— Привет, красавица!

— Привет, — изобразив вежливую улыбку, ответила Ника и прошла мимо, делая вид, что торопится.

— Ты домой? — Пройти мимо и убежать не получилось. Дин увязался за Никой. — Пойдем, я тебя подброшу. У меня новая яхта, хочешь взглянуть?

— Вообще-то нет, я...

Растягивая слова, перейдя с легкого говорка на приличный катонийский акцент, Ника быстро перебирала в уме вежливые поводы откосить от провожания до дома. Казалось, алларийский ее на мгновение покинул.

— Мне еще нужно задержаться в Академии.

— Да ну ее учебу! Поехали куда-нибудь! — ничего не заметив, предложил Дин и аккуратно обнял Нику за талию.

— Я... Мне нужно... — Ника с бешеной скоростью продолжала перебирать в голове варианты отмазок, деликатно выворачиваясь

из объятий Дина.

Неожиданно сзади возник Даг.

— Мы идем в библиотеку, где будем готовиться к экзамену... — низким голосом произнес он и, предугадав следующий вопрос Дина, добавил, — до самого вечера.

— А, понятно... — Дин резко убрал руку с талии Ники. — Ну, тогда пока.

— Пока. — Неестественно улыбнувшись, Ника проводила взглядом уходящего Дина.

Как только тот удалился на значительное расстояние, Ника театрально, со вздохом облегчения, рухнула Дагу на грудь.

— Спасибо. Ты спас меня!

— Не стоит благодарности, — ухмыляясь, произнес Даг. Он успел только слегка приподнять руки, чтобы обнять Нику, но та, не заметив его движения, отошла назад, и Даг опустил руки обратно.

— Что ты так смотришь? — спросила Ника, глядя Дагу в глаза.

— Ты мне что-то должна отдать.

— Ах, да!

Ника достала две небольшие карточки и с загадочной улыбкой передала Дагу. Даг улыбнулся в ответ.

— А почему их две? — спросил Даг.

— Это для Лис — ну, той, которая Кáори. У вас с ее группой следующая пара, а мне нужно идти домой готовиться к экзамену. Повезло же мне с днем рождения посреди сессии.

«Ну вот, попал», — подумал Даг. — Я ее не знаю.

— Ты ее узнаешь. В их группе всего три девушки, одна из них — блондинка с модельной фигурой — это Лис.

«Блин! Попал. Блондинка с модельной фигурой...» — думал про себя Даг. — Сводница.

— Что?... — возмутилась Ника, еле сдерживая смех. — Я просто ее больше сегодня не увижу. Только передай ей это обязательно сегодня. Посмотри на дату. У нас мало времени.

— Ну, хорошо. Передам. — Даг улыбнулся.

— И еще. Проводи меня до причала, а то еще кто-нибудь привяжется.

— Без проблем... А что, твои кавалеры меня боятся?

— Конечно, громилы такого, — сказала Ника и рассмеялась.

Даг и Ника болтали на причале, пока не подошло маршрутное такси — маленький, восьмиместный катер, какие перевозят людей между островами. Ника села в катер и отправилась в общежитие готовиться к экзамену, а Даг побрел обратно в Академию. По дороге он достал карточки и еще раз прочитал то, что на них было написано. Это были два приглашения — одно для него, второе для Лис. В них были указаны дата, время и место проведения вечеринки по случаю дня рождения Ники.

«Сводница...» — подумал Даг.

Лис действительно выделялась в аудитории. Группы в Академии естественным образом делились на женские и мужские, и специальность «Космическая Навигация» — была традиционно мужской. Как туда попала девушка с внешностью Лис, было загадкой. Она была худощавой блондинкой, с длинными стройными ногами, подтянутым животиком и аккуратной маленькой грудью. Казалось, она в группе лишь для того, чтобы отвлекать парней от учебы. Лис была уникальна в том, что информация, полученная из глянцевого журналов, каким-то удивительным образом уживалась в ее голове с математическим анализом и космологистикой. Не верилось, что эта изящная белокурая головка может построить и решить систему уравнений для расчета движения нескольких тел в космическом пространстве.

Время первой половины пары подходило к концу. Рука Дага еще писала лекцию, а голова уже придумывала с какими словами подойти к Лис.

«Ну вот, и что я ей скажу?.. Привет... Что дальше? Меня зовут... Нет. Получится, что я к ней клеюсь... Черт!»

Наконец прозвенел звонок, все встали из-за рядов и начали, как обычно, собираться в небольшие группки, чтобы поболтать. Лис тоже стояла в компании двух девушек.

«Скучкавались, — мысленно проворчал Даг. — Вечно они ходят по три, по четыре. Сейчас я буду с одной говорить, а остальные сзади хихикать. Подруги — лучшая защита от знакомств».

С этими мыслями Даг, толкаемый обещанием Нике, направился к Лис. Та заметила Дага и, как будто зная, что он идет именно к ней, сказала что-то подругам и направилась навстречу. Разговор начал Даг:

— Привет.

— Привет.

— Это тебе. — Даг протянул приглашение. — Ника Пикали приглашает тебя на день рождения.

— Здорово! Когда? — спросила Лис как бы у самой себя и начала на карточке искать дату.

Даг, с чувством выполненного долга, начал медленно отступать, но Лис остановила его.

— Постой.

— Да?

— А ты... ведь друг Ники? — заискивающе спросила Лис.

— Ну, да, — ответил Даг.

— И значит, ты с ней придешь?

— Нет. Думаю, она придет со своим... художником.

— А, понятно. — Лис робко улыбнулась. — А ты с кем? Если не секрет. — Лис заметно волновалась.

— Вообще, один.

— Мне вот тоже не с кем, — как-то по детски, грустно вздохнув, сказала Лис. — Хочешь, я составлю тебе компанию?

«Блин! Как все продумано», — подумал Даг. — Ну, в принципе, я не против.

— Ну, вот и хорошо! — Лис сразу повеселела. — Запиши мой номер. Потом договоримся где встретиться.

Так, благодаря Нике, Даг впервые познакомился с девушкой. Сам бы он этого никогда не сделал. Он прекрасно знал, что такое любовь и точно знал, что к Лис этого не испытывает, а познакомиться с девушкой, говорить ей комплименты и тем более признаваться в несуществующей любви только для того, чтобы затащить ее в постель Даг где-то на инстинктивном уровне считал для себя неприемлемым. Он был патологически честен. Он не помнил, кто его так воспитал и когда. Возможно, у него от рождения отсутствовали участки мозга, отвечающие за ложь, но солгать он не мог почти физически. Однако, обещание, данное Нике, стало внешней мотивацией — формальным поводом, разрушившим непреодолимый барьер.

Даг ходил из стороны в сторону перед входом одного из корпусов Академии, в то время как Лис сдавала самый сложный экзамен всего курса — экзамен по теоретической магии.

Магия была одной из самых загадочных субстанций во все-

ленной. Она существовала как бы в ином пространстве и времени, не подчиняясь законам физики верным для всей остальной материи. Вначале предполагалось, что магия — это всеохватывающая и всепроникающая неделимая среда, однако, позже выяснилось, что, как и поле, магия квантуется, то есть делится на порции или частицы магии, которых как оказалось семь видов. Не обладая ни массой, ни электрическим зарядом, ни какими бы то ни было другими характеристиками материи, магия ни с чем не взаимодействовала и потому была способна проникать сквозь любые препятствия и даже, теоретически, двигаться в пространстве со скоростью большей скорости света. Магические частицы обладали некоторой энергией, наличие которой, однако, не означало наличие массы. Впрочем, физики легко выкрутились из этой ситуации, назвав энергию магии виртуальной или квази-энергией. Магия обменивалась ею с материей, но не через обмен частицами — она как будто сама «решала», когда и с чем взаимодействовать. Так, магию по необъяснимой причине «привлекали» электрические разряды в нервной системе млекопитающих. Роясь во круг скоплений нервных клеток, магические частицы совершали загадочный танец: вытягивались в нити, которые, скручиваясь в клубки и спирали, окутывали все тело — как будто пытались имитировать какие-то биологические процессы. Причины такого поведения были не ясны, но были очевидны следствия. Магия накапливалась в организмах всех без исключения живых существ обладавших нервной системой, причем — чем больше было в этой системе синаптических связей, тем больше магии в ней накапливалось.

Среди всех существ, чьи тела накапливали магию, качественно выделялись люди тем, что только они могли не просто накапливать магию, но и управлять ею. Эта способность была доступна людям благодаря особому гену — так называемому «гену демона». Присутствуя в ДНК, он заставлял нервные клетки вырабатывать особый Д-белок, являвшийся как бы клеем, соединявшим магию с органической материей. По предположению ученых, «ген демона» возник в результате спонтанной мутации несколько тысяч лет назад. Люди, обладавшие этим геном, в силу большей выносливости и способности «совершать чудеса», очень быстро вытеснили тех, кто этим геном не обладал, и со временем люди не способные использовать магию перестали существовать. Однако,

несмотря на это, далеко не все люди были магами, ровно как не все, обладая интеллектом, писали стихи и совершали научные открытия. Совсем иначе дело обстояло с демонами. Эти живущие в космосе существа, чья природа была мало изучена, использовали магию естественно. Она заменяла им воздух и пищу, а колдовали демоны так же легко, как животные пользовались своими конечностями. Однако магия людей и магия демонов — не была одинакова. Приток магии в тело человека вызывал ускорение регенерации тканей, усиление иммунитета, в общем, стимуляцию всех тех процессов, которые приводят организм в здоровое состояние. Как будто магия, «осознавая», что не может существовать без своего носителя, пыталась сохранить его, стимулируя механизмы самовосстановления. За это свойство простая передача магии от одного человека другому среди колдунов называлась «исцелением». Наука объясняла такую закономерность просто приспособленностью животных к магии. Утверждалось, что существа, обладавшие нервной системой, со временем выстраивали свои жизненные процессы таким образом, что магия давала им преимущество в естественном отборе. Даже развитие у человека сложного интеллекта некоторые ученые объясняли приспособленностью к магии. Ведь не будь человек разумным, он никогда не научился бы ее использовать. Однако, тот факт, что демонов — самых приспособленных к магии существ — она просто убивала, был долгое время самым слабым местом этой теории. Позже выяснилось, что частицы магии, которую использовали демоны, при соприкосновении с человеческой магией, необратимо превращались в последнюю. Именно поэтому демоническая магия не могла проникать в человека, а человеческая, проникая в демона, убивала его. Этот процесс стал называться «заражением». Человеческая магия условно была названа отрицательной, а демоническая — положительной. Однако почему только положительная магия могла использоваться демонами, так и оставалось загадкой.

Лис выбежала радостная и, увидев Дага, сразу же направилась к нему. В форме аэрокосмического агентства она выглядела великолепно. Легкая белоснежная блузка, прижатая ветром, облегалa ее тонкое стройное тело; молочного цвета узкая юбка подчеркивала бедра идеальной формы, и черная пилотка, резко контрастировавшая со светлыми волосами, ей очень шла. В

нескольких метрах от Дага, Лис широко улыбнулась и, раскинув руки, перешла на бег; еще мгновение, и она висела на его могучей шее, а ее маленькая острая грудь плотно упиралась в его мускулистое тело. Это было так неожиданно, что Даг не успел даже начать смущаться. Его руки машинально сомкнулись за спиной Лис, и тут он понял, что на девушке нет бюстгалтера. Понимание этого сильно взволновало Дага. В следующую секунду Лис разжала объятия и соскользнула вниз, чиркнув грудью по его груди.

— Поздравь меня! Я сдала теоретическую магию на отлично!

— Поздравляю, — сказал Даг немного заторможено.

— Ой, что с тобой? У тебя щеки красные.

— Да так, ничего. Просто жарко.

— Проводишь меня до кампуса? Мне нужно надеть купальник. Сегодня ночью будет тепло. Будем купаться.

— А акул ты не боишься?

— Океанологи говорят, что местные акулы ночью спят на большой глубине. Так что ночью купаться безопасно.

— А как Ника сдала? — спросил Даг. — Она, вроде, с вами собиралась пересдавать.

— Ника?.. — Лис задумалась, но через мгновение снова повеселела. — Не знаю. Наверно на что-то сдала. Вот у нее и спросим. Пойдем на пристань! Они там уже давно нас ждут.

На пристани под ручку со своим очередным кавалером стояла Ника. Увидев Дага, шедшего за руку с Лис, Ника невольно разулыбалась. Ее план сработал. Стоявший рядом с ней высокий, худощавый, длинноволосый парень смотрел на Нику, не отрываясь, даже когда она говорила с кем-то другим. Казалось, он ни на секунду не мог отвести от нее взгляд. «Недавно познакомилась... — думал Даг, глядя на них. — Еще не знает ее характера». Парень был одет в ту же форму, что и все студенты Академии. Голубая пилотка говорила о том, что его будущая специальность связана с авиацией, а пять кружочков на ней означали: «кадет пятого года обучения».

Разноцветные пилотки появились на Титане как головной убор военных более века назад. Коричневые — носили пехотинцы, моряки и морская пехота — темно синие. Позже появились голубые пилотки, по которым можно было узнать авиаторов, стюардесс и воздушный десант. Последними появились черные — их

носили космонавты. Нашивки на головном уборе означали ранг: пустой кружок — кадет, заполненный кружок — рядовой. Трех, четырех, пяти и шести конечная звезда означала — офицер первого, второго, третьего и четвертого ранга соответственно. Количество знаков указывали на положение внутри ранга.

Наконец подошла маршрутка, и компания молодых людей, заняла в ней все места. Поскольку Ника сидела непосредственно за водителем, очень быстро все деньги за проезд оказались у нее в руках. Проезд стоил восемь ги, однако кто-то передал десять, кто-то пятьдесят, кто-то передал мелочь. Куча купюр и мелочи ввела Ника в ступор.

— Традиционные тупления над кучей денег, — с ухмылкой сказал Даг, видя страдания Ники.

— Так, сколько я кому должна?.. Это сдача мне... Так, а что отдать водителю?..

— Отдай пятьдесят водителю, — сказал Даг. — Мелочь по два раздай людям, а десятки заberi себе. Водитель вернет тебе две ги, тоже заberi их себе. Что тут считать?..

— А точно! — воскликнула Ника. — Спасибо.

— Компьютеры вас погубят, — пробурчал Даг. — В уме ни кто считать не умеет.

Напротив Дага, рядом с Никой сидела пышная рыжеволосая девушка с усыпанным веснушками лицом, которое Дагу казалось не симпатичным. Девушка сосредоточенно и внимательно читала толстенный учебник истории Аллории, скорее всего, готовясь к предстоящему экзамену.

— Познакомься, это Ханна, — сказала Ника, посмотрев вначале на Дага, а потом на рыжеволосую девушку.

— Даг, — произнес Даг, сделав вежливый поклон.

Девушка подняла глаза и, слегка улынувшись, вежливо поклонилась в ответ, после чего опустила глаза обратно в книгу. Дальше все ехали молча. Даг и Лис, глядя в разные стороны, думали каждый о своем. Ника и ее парень то и дело, улыбаясь, обменивались влюбленными взглядами, а Ханна с серьезным лицом продолжала читать учебник истории.

Катер стремительно летел по волнам, плавно перескакивая с одного гребня на другой. Гладь океана сверкала в лучах рыжего, клонящегося к закату тропического солнца. В белой, поднимавшейся от океана дымке со всех сторон виднелись живопис-

ные зеленые тропические острова архипелага Хаммэ. Чистое голубое небо было сплошь расчерчено белыми линиями — Хаммэ был крупнейшим в регионе транзитным терминалом. С континентом архипелаг был соединен проложенной под водой сверхскоростной монорельсовой дорогой, по которой поезда на магнитной подушке каждый день со скоростью авиалайнера перевозили рабочих между материком и островами. Однако монорельсовая дорога была лишь главной артерией огромной транзитной системы архипелага. В желобе под основной магистралью, по которой ходили поезда, располагалось множество небольших монорельсов паутиной расхлывшихся от основной ветки к островам. По этой паутине ходили транспортные и персональные пассажирские капсулы, представлявшие собой корпуса, которые транзитная система могла подцеплять и переносить из одного места в другое, самостоятельно выбирая оптимальный по времени маршрут. В отличие от автомобилей, работавших на горючем топливе, дефицитном на Титане, транзитная система питалась электроэнергией производимой термоядерными реакторами, построенными почти под каждым крупным городом. Правительство Титанианской конфедерации утверждало даже, что в скором времени титанианцы полностью откажутся от транспорта на горючем топливе и окончательно перейдут на электроэнергию.

Транзитная система, город, аэропорт и Академия с пятью учебными корпусами — все это было построено за какие-то пятьдесят лет. Совсем недавно, после Великого цунами, Титан лежал в руинах, а архипелаг Хаммэ представлял собой голые скалы до блеска отшлифованные гигантской волной. До катастрофы это был горный массив в западной части архипелага Като. После нее он перешел под контроль Алларии и превратился во множество островов, искусственно засаженных растительностью и застроенных огромной инфраструктурой. А где-то вокруг, под толщей океана, лежали в руинах города некогда могущественной страны — Катонии, полностью уничтоженной гигантской волной.

Катер причалил у небольшого острова, в центре которого возвышалась огромная гора, а на ее склонах, меж зарослей тропических деревьев, белели небольшие двух и трех этажные домики. Это был один из кампусов Академии. В домиках, казавшихся бумажными, коими был усыпан склон, жили студенты, а вдоль

берега, располагались кафе и развлекательные центры. Здания инфраструктуры покрывали только тот из берегов, который был обращен к архипелагу, а на противоположном — был пляж. Это была самая простая защита от нередко приходивших из океана цунами.

Компания студентов вышла на причал и направилась к общежитиям. Развлечения ради Ника запрыгнула на тонкое невысокое ограждение вдоль края пристани, и, балансируя, пошла по нему. Ее ладонь свободно лежала в руке кавалера, туловище едва покачивалось, а ноги держались строго вертикально, ловко и точно попадая в тонкую кромку ограждения. Ника шла вровень со всеми, не отставая. Хожение по тонкой кромке получалось у нее на удивление легко, если не сказать профессионально.

— Здорово! — воскликнул ее кавалер. — Вас, космонавтов, что, этому учат?

— Нет, просто у Ники природный баланс, — ответила за нее Лис.

Даг кинул на Нику грустный взгляд и отвернулся.

— Знаешь, — продолжила Лис. — У форменных блузок есть одна интересная особенность.

— Какая? — спросила Ника.

— Они когда намокают, становятся прозрачными.

— Ничего страшного. Если что, я в купальнике.

— Кстати... — Лис неожиданно прильнула к уху Дага. — Пойдем ко мне — выберем купальник. А то я сама буду делать это очень долго. Мне нужно твердое мужское решение.

— Без проблем, — ответил Даг и неестественно улыбнулся в ответ.

Весь оставшийся день Лис и Даг провели вместе. Она быстро уговорила свою соседку по комнате — рыжеволосую Ханну — поучить историю где-нибудь на свежем воздухе, а сама, усадив Дага на кровать, схватила охалку купальников вместе с какой-то другой одеждой и закрылась в ванной. Через некоторое время она появилась в тонюсеньком бикини, дававшем полное представление о ее фигуре, как если бы она была обнаженной.

— Ну как? — спросила Лис, продефилировав несколько раз мимо Дага.

— Здорово. У тебя красивая фигура.

Лис рассмеялась.

- Я про купальник спрашиваю.
- Купальник тоже ничего.
- Подожди! У меня их еще много. Мы же должны выбрать.

С этими словами она быстро убежала в ванную. Так, несколько раз, она выходила в разных купальниках, демонстрируя Дагу не столько их, сколько себя. Казалось, ей непреодолимо хочется раздеться перед ним, и лишь правила приличия ее сдерживают. Не хватало хотя бы маленького шага на встречу с его стороны, но Даг сидел на кровати и с едва заметной полуулыбкой наблюдал за красующейся перед ним Лис. Другой, уже после второго дефиле, схватил бы ее и повалил бы на кровать, но не Даг. Он, конечно, все понимал — понимал, что он ей нравится, понимал, зачем она его сюда привела, но через полчаса начиналась вечеринка у Ники, и Даг очень боялся на нее опоздать, потому что был не только патологически честен, но и патологически пунктуален. Наконец, выбрав купальник и все остальное, что Лис одела на вечеринку, они направились к Нике. Хотя Лис и ожидала другого результата, неудаче она ни сколько не расстроилась, а скорее наоборот, это еще больше завело ее.

Солнце скрылось за горой, и хотя острова на горизонте еще были залиты оранжевым светом, в кампусе на восточном склоне наступила ночь. «Женский» домик, где жила Ника вибрировал от басов громкой музыки. По коридорам и балконам ходили люди с бокалами вина, стаканами пива или сока, а в центре холла образовался танцпол.

Сидя на длинном диване у стены, прямо напротив танцующих, уставившись в бесконечность, допивал второй стакан пива Даг. Ему было весело, хотя со стороны можно было подумать, что он грустит — внешне эти его состояния мало чем отличались. Даг любил вечеринки, но участвовал в них исключительно в качестве стороннего наблюдателя. Ему просто нравилось находиться среди веселящихся людей. Взгляд Дага был направлен через танцпол в другой конец холла, где, сидя на коленях своего кавалера, Ника с восторгом разглядывала на пальце что-то ярко блестящее. Это было кольцо подаренное Яном — тем самым молодым человеком, который сопровождал ее весь вечер.

До того, как поступить в Академию, Ян окончил школу искусств и был, помимо всего прочего, еще и неплохим художником.

Впервые увидев Нику, он предложил ей позировать ему. Черты ее лица показались ему совершенными. После этого Ника и Ян встречались не раз. Нике крайне льстило внимание со стороны человека, разбирающегося в тонкостях женской красоты, а Ян, рисуя один за другим ее портреты, то и дело отпускал комплименты, не стесняясь даже того, что Ника в тот момент была не одна. Однако, помимо естественного восхищения, у Яна был свой, профессиональный, интерес к Нике. Много лет он пытался разгадать секрет женской красоты, а именно — почему одни женские лица считаются более красивыми, а другие менее. Вечерами Ян раскладывал портреты Ники, портреты и фотографии других красивых и не очень девушек для того, чтобы выявить закономерность. Ему казалось, что в корне понятия красоты женского лица лежит некое «золотое сечение» — особое соотношение пропорций, которое люди воспринимают инстинктивно как гармоничное. Взяв Нику за эталон, Ян начал рисовать, измерять и сравнивать эскизы портретов разных девушек, и, наконец, нашел закономерность. Схематические эскизы портретов самых красивых девушек с минимальными различиями совпадали. Копаая глубже, Ян выделил, какие соотношения сильнее, а какие слабей влияют на впечатление от женского лица, таким образом, установив своего рода «допуски» — пределы, в которых могут варьироваться величины, не нарушая гармонии. Используя полученные знания, изменяя соотношения, он нарисовал около сотни портретов совершенно разных гипотетических девушек. Некоторые были похожи друг на друга, некоторые значительно отличались, но все они были, бесспорно, красивы. Это было открытие. Исходя из найденных закономерностей, лицо Ники почти полностью соответствовало идеалу, чем Ян был крайне обрадован. Ему посчастливилось жить в одно время и иметь возможность познакомиться с одной из самых красивых девушек в истории человечества. Теперь он мог не просто это утверждать, а мог доказать это математически. Ян продал несколько своих работ, взял в долг и на полученные деньги заказал кольцо. В его форму и огранку камней он вложил те самые идеальные пропорции женского лица, а на внутренней стороне заказал выгравировать: «Самой красивой девушке в мире». Именно это кольцо Ника разглядывала, сидя у Яна на коленях.

Когда закончился очередной трек, от компании на танцполе

отделилась Лис и без сил упала рядом с Дагом на диванчик.

— Фу... Устала... — выдохнула Лис. — А ты... чего не танцуешь?

— Зачем?

— Ну... — Вопрос поставил девушку в тупик. — Потому что весело.

— Мне и так весело.

— Странно... По тебе не скажешь.

— Я никогда не понимал смысла танца. То есть, смысла то в нем нет, но зачем люди совершают бессмысленные движения?..

— Ну... Для того чтобы полапать совершенно незнакомую девушку например. Ничего, сейчас будет белый танец — я тебя приглашу. Не отвертись. Но перед этим мне нужно искупаться, а то я вся потная. Пойдем. — Лис встала и потянула за руку Дага.

— Уже почти полночь, — сказал Даг, посмотрев на часы. — Акулы, наверное, легли спать. Ну, пойдем.

До пляжа на другой стороне острова было далеко, и студенты часто ходили купаться к пристаням, где ночью практически не было лодок. С тех пор как титанианское кораблестроение перешло на экологически чистое топливо и смазки, даже в судоходных бухтах стало возможно купаться.

Ночи на Хаммэ были теплыми. Из-за высокой влажности разница между дневными и ночными температурами была минимальна. Экваториальный воздух практически не принимал в себя влагу, поэтому выходить из воды здесь было совсем не холодно, даже когда дул ветерок. В обращенной к архипелагу бухте практически не было волн — преодолев лабиринт островов, они теряли свою силу и доходили до кампуса, не достигая высоты и пяти сантиметров.

Лис бросила полотенце, на ходу сняла с себя одежду и, оставив ее беспорядочно разбросанной по причалу, не останавливаясь, изящно нырнула в воду. Даг, напротив, медленно разделся и сложил вещи аккуратной стопкой, после чего сел на край пирса и неуклюже спрыгнул вниз. Лис плыла быстро и легко — как будто вода была ее родной стихией, а плавание — самым естественным способом передвижения. Освобожденное от земного притяжения, ее тонкое тело приобрело особую пластику, какую не увидишь на суше. Островитяне верили, что люди когда-то были морскими существами и могли плавать также грациозно как дельфины,

но боги океана за грехи наказали людей, сделав их тела слабыми и не приспособленными для жизни в воде, чтобы запретить их на маленьких клочках суши, которые то сотрясают землетрясения, то сжигают вулканы, то окунает цунами, то сдувает тайфун. И только отсутствие шерсти и пластика таких девушек как Лис остались напоминаниями о морском прошлом человека.

Даг еле успевал за Лис. Она уплывала все дальше и дальше, а у него уже сбилось дыхание, и руки начали уставать.

— Лис! Подожди. Куда ты разогналась? — крикнул Даг.

— Я разве быстро плыву?

— Я... плохо плаваю... — говорил Даг, еле удерживая голову над водой. — Я уже устал.

— Не может быть! У вас это что, семейное? Вы, наверное, выросли на юге?

— Ты о чем?

— О тебе и Нике. Она тоже плохо плавает. Она же твоя сестра?

— Не совсем, — подумав, ответил Даг.

— То есть как? Как можно быть не совсем братом и сестрой?

— Ну... Генетически мы не родственники, но мы действительно выросли вместе.

— Ника не любит рассказывать о своем детстве. Сколько я не допытывалась, ни в какую. Так, где вы все-таки выросли?

— Ну... В общем... Там, где очень мало воды.

— Да ладно, все знают, что вы пришельцы! Этот ее акцент. Он и у тебя иногда проскальзывает. Ну? Ведь, правда? Скажи!

— Ну да, правда. Мы выросли на Фокосе. Только не рассказывай об этом, хорошо?

— Да ладно! Чего ты скрываешь. Мы же не на Галеоне. Ну, пришельцы и пришельцы, что здесь такого? Все пришельцы кого я знаю классные ребята, а галеонцев я терпеть не могу.

Даг уже сидел на пирсе, а Лис еще продолжала плавать вдоль святищихся буйков, ограждавших подход катеров к причалу. Когда она выходила из воды, он галантно ждал ее с полотенцем. Даг аккуратно обтер ее тонкое стройное тело, тактично избегая интимных мест. Заигрываяще улыбаясь, Лис смяла бикини, чтобы выжать воду, после чего повернулась спиной к Дагу и, с улыбкой поглядывая на него через плечо, проделала то же самое с трусиками. Дагу показалось, что она соблазняет его.

Он невольно представил себе вид спереди, но вовремя опомнился, опасаясь вполне естественной для мужчины физиологической реакции, которая стала бы сразу же заметна, поскольку Даг был одет в одни лишь плавки. «Только не здесь», — подумал он, но и Лис не стала продолжать. Она подобрала свои вещи и, поманив жестом Дага, в одном бикини и парео направилась в дом, где после первой волны купания уже все были без верхней одежды. Во влажном экваториальном воздухе одежда высыхала очень медленно.

Тем вечером Лис все-таки вытащила Дага на танцпол. Играла медленная музыка. Они неспешно кружились в танце, а рядом с ними в белоснежном парео и светло розовом купальнике со своим кавалером порхала Ника. Каждый раз, когда Лис поворачивалась к этой паре спиной, взгляд Дага устремлялся к прекрасной Нике, чьи влюбленные глаза неотрывно смотрели в не менее влюбленные глаза Яна.

Наступила ночь, и большинство гостей уже разошлись. Лис и Даг стояли на балконе коттеджа, любуясь титанианским небом. Облака черны, подсвеченные солнцем, сияли серебристым светом, отражаясь в спокойной воде океана. Тысячи лет они украшали небо, помогая выбирать правильный курс морякам и предсказывать будущее гадалкам. Современные титанианцы привыкли к ним настолько, что были способны любоваться, однако, две тысячи лет назад эти облака вселяли животный страх, напоминая, что существует в природе сила, с которой люди не способны совладать. Внезапно, облака черны окутали Титан, закрыв солнце, и наступили «Тридцать дней сумрака». Миллионы демонов сыпались с неба, уничтожая все на своем пути. В тот раз люди справились. Облака рассеялись, а демоны исчезли так же внезапно, как и появились. Почему это произошло? Никто не знал. Случится ли снова? Ни кто не мог сказать точно.

Облака черны тянулись через все небо, уходя за горизонт, а перпендикулярно им серебристой россыпью сиял млечный путь. Если смотреть внимательно в ночное титанианское небо, среди неподвижных звезд можно было увидеть те, что с постоянной скоростью двигались в одном направлении. Это были спутники и космические корабли, которых за последние сорок лет, на титанианской орбите появилось бесчисленное множество. Где-то в

вдалеке, не высоко над горизонтом, белая точка ярко загорелась и вытянулась в изогнутую кверху линию — это покинул атмосферу шаттл. Через несколько секунд над островом прокатился низкий, едва слышный, гул.

— Я тебе не нравлюсь? Ты думаешь — я глупая? — неожиданно спросила Лис.

— Да нет, что ты! — оправдывался Даг.

— Да ладно, я знаю — думаешь. Парни из моей группы постоянно надо мной подшучивают: «Блондинка... Блондинка...»

— А сами то они кто? Знаешь, если мужчина не может ничем похвастаться кроме интеллекта — грош ему цена.

— Ты так считаешь?

— Интеллект не самоценен — это всего лишь особенность, позволяющая нам выживать в этом мире, имея столь слабое и несовершенное тело. Вот, к примеру, акулы — они обладают гораздо более скромным интеллектом, чем мы. Разве они менее совершенны?

— Ну, смотря в каком смысле. Если человек и акула встретятся в океане, то акула, конечно же, победит, но если человек будет на лодке с гарпуном... Человек в конечном итоге всегда оказывается сильнее.

— Но это частный случай, а что же в целом?.. Люди едва не вымерли две тысячи лет назад, во время Небесного плача. А как ты думаешь, акулы его заметили?

Лис задумалась.

— Думаю, нет.

— Акулы также вряд ли предали большое значение Великому цунами — для них оно не было таким уж великим. Знаешь, за миллионы лет на Титан не раз падали огромные метеориты, поднимая волны не ниже Великого цунами. И тогда были акулы, и тогда они почти ничего не заметили. Акулы живут в воде, то есть в среде гораздо более естественной для Титана, чем суша. Их среда обитания обширней, и в ней они совершенны. Поэтому акулы выживали на Титане миллионы лет и не видоизменялись, а их стабильность как вида есть признак совершенства.

— Но ведь акулы появились давно. Еще до выхода живых существ на сушу. Как они могут быть совершенней?..

— Ну и что?

— Ну, ты же не будешь отрицать, что жизнь развивается от

простой к сложной?..

— Буду, — сказал Даг и улыбнулся, чтобы не показаться слишком самоуверенным. — Ты знаешь, среди пришельцев, слово «эволюция» считается пошлым, обывательским. От него пахнет стариной. Ученые уже давно его не используют. Теория эволюции сейчас называется «Теорией развития жизни». Жизнь скорее подобна волнам в океане. Она в целом хаотична, но иногда в ней возникают всплески и спады. Иногда в океане, во время шторма, возникает одна гигантская волна, которая выше и стабильнее остальных. Ее возникновение случайно, и может произойти в начале, в конце или в середине шторма. Так и в жизни, наиболее успешные виды могли появиться очень давно, а различные короткоживущие уродцы появляются и исчезают постоянно. Нам, как виду, всего миллион с лишним лет от роду. Кто мы? Гигантская стабильная волна или кратковременный всплеск, флуктуация?.. — Даг развел руками. — Может так получиться, что необходимый на каком-то этапе интеллект со временем станет обузой и превратится в рудимент — исчезнет за ненадобностью.

— Значит, ты считаешь, что интеллект — совсем не главное?

— Он важен, но порядочным человеком быть гораздо важнее.

— Да ну. Кому нужна эта порядочность?.. — с грустью сказала Лис. — В современном обществе добиваются успеха умные. Чем человек умнее, тем он успешнее.

— Отдельный человек — может быть да, но не общество в целом. Тем более, что по настоящему умных людей мало. Те, кто слышат мудрецами, как правило просто эффектно умничают. А вот Учителя Сириуса — основателя пришельского государства, современники вообще считали дурачком, хотя он был одним из умнейших представителей человечества. Просто он не умничал никогда. Общество, состоящее из одних только умников не выживет — работать будет некому, а общество порядочных людей — запросто.

— Это философия пришельцев?

— Типа того. Учитель Сириус говорил: «Совершенное общество подобно организму. Как в организме нет менее или более важных органов, так и в совершенном обществе нет менее или более важных людей. В таком обществе каждый имеет свое место, делает свое дело и делает его хорошо, ежедневно близя к совершенству то, чем занимается».

— Ну а если человеку хочется богатства, славы?..

— Тот, кто хочет богатства — обретет богатство, кто хочет славы — обретет славу. Главное, чтобы желания одних не нарушали права других.

— Но ведь это утопия! — возмутилась Лис. — Все хотят богатства и славы.

— Ну почему же? Ты хочешь?

— Ну, как сказать... Не так чтобы сильно, но...

— Вряд ли ты готова променять свою нынешнюю жизнь на другую, где есть богатство и слава, но нет твоих друзей и всего того, к чему ты привыкла. И я не готов. Значит, нам этого на самом деле не надо. В большинстве своем люди не знают, чего хотят, не знают, что доставит им настоящее удовольствие и не знают, как этого добиться. Им никто не сказал, их никто не научил.

— Ну да! Сколько существует религий и каждая учит, как правильно жить.

Даг усмехнулся.

— Религии... Религия — это общепринятая система заблуждений. Религия учит, как правильно заблуждаться.

«Какой умный... — думала Лис. — Ника таких любит».

На какое-то время наступила тишина. Лис и Даг молча смотрели на океан. Заняв мыслями голову неутомонной болтуньи, Даг выиграл время чтобы выработать план дальнейших действий. То, что он сказал было просто и в то же время так ново для нее. Обдумывая сказанное, Лис молчала так долго, как, находясь в компании, не молчала никогда.

— Что ты предпочитаешь пить с утра? Кофе, чай?.. — неожиданно спросил Даг.

— Апельсиновый сок, — растерянно ответила Лис. — А что?

— Я встаю рано, а ты говорила, что ты соня. Вот я и хочу знать, что принести тебе в постель утром.

От неожиданности Лис выпучила глаза. Она и сама не ожидала такого быстрого развития событий.

— Но... — Лис начала говорить, но пока не решила что.

— Ника дала мне ключи от своей комнаты, — опередил ее Даг. — Она сказала, там сегодня свободно.

— Она настоящий друг... — попыталась пошутить Лис и неестественно улыбнулась.

Ошарашенная решительностью Дага, Лис даже не заметила,

что его крепкая рука уже обхватила ее талию, а ее рука лежит у него на плече. Еще мгновение и их губы слились в поцелуе.

Была уже поздняя ночь. Лис, прижавшись щекой к плечу Дага, крепко спала, и плавные изгибы ее обнаженного тела, полу-прикрытого тонким одеялом, освещал тусклый серебристый свет Облаков черны. За стеной в постели лежали Ника и Ян. В желтоватом свете догоравших свечей они смотрели друг другу в глаза, счастливо улыбаясь. Даг лежал на спине и, глядя в потолок, думал о разделявших его и Нику сантиметрах, которые на самом деле были огромным расстоянием.

Восемь лет прошло с тех пор. Так же, заложив руку под голову, глядя в потолок, Даг лежал на кушетке и размышлял. Солнечный свет, проникавший через иллюминатор, из тусклого бордового постепенно превращался в привычный белый, становясь все ярче и ярче. Корабль «Надежда» летел вдоль орбиты солнца прочь от Пояса черны. Погрузившись в воспоминания, Даг закрыл глаза и медленно провалился в сон.

Эпизод 3

Человек в песочной рясе

Галеон был третьей, если считать от Солнца, «живой» планетой. Будучи из всех обитаемых самой холодной и влажной она более всего походила на Титан, каким он был сотни миллионов лет назад, когда жизнь, уже заселив океаны, постепенно выбиралась на сушу. Около шестидесяти процентов поверхности планеты покрывали океаны населенные тысячами разновидностей беспозвоночных моллюсков — панцирных и беспанцирных, а так же ракообразными многие из которых были амфибиями. Значительная часть поверхности на севере и на юге была покрыта двумя огромными ледниками, которые содержали в себе восемьдесят процентов запасов пресной воды планеты. Кое-где льды были рассечены черными горными хребтами. Вечно дымящиеся вулканы наполняли воздух парниковыми газами, благодаря которым Галеон не превращался в ледяную пустыню. Ближе к экватору каменистая безжизненная пустошь сменялась галеонской степью, которая вместо травы была покрыта зеленым грибком похожим на мох, и лишь на самом экваторе появлялись густые хвойные леса, населенные множеством насекомых.

В силу геологических особенностей планеты, полезные ископаемые, которые на Титане залегали глубоко и часто были покрыты толщей океана, на Галеоне лежали почти на поверхности. Поэтому Галеон всегда был подходящим местом для строительства ресурсной колонии. Первой такую колонию построила Аллория, поскольку во времена противостояния с Катонией, не имела доступа к большей части природных ресурсов на Титане. Техно-

логии того времени не позволяли свободно перемещаться между планетами, и потому мало кто стремился осваивать Галеон по собственной воле. Доставить груз с Галеона на Титан было просто. Требовалось лишь отвести его немного от Галеонской орбиты и, под действием солнечной гравитации, груз падал на Титан сам. Однако для обратного путешествия солнечное притяжение требовалось преодолеть, поэтому таких перелетов было мало, и путешествие на Галеон, как правило, было дорогой в один конец. По старой алларийской практике освоением малопригодных для жизни районов занимались каторжники, и потому Галеон, первое время, был естественной тюрьмой. Уголовников, проворовавших-ся чиновников и людей, неугодных власти, ссылали на Галеон, где те оставались на всю жизнь. Иногда за ссыльными летели их семьи, иногда новые семьи образовывались в самой колонии. Население планеты постепенно росло, и Аллария имела все меньше и меньше контроля над колонией.

Единственным способом, которым цитадель могла еще контролировать Галеон, были поставки продовольствия. Помимо того, что сельское хозяйство в галеонском климате, при почти полном отсутствии почв, было практически невозможно, любое производство еды на планете было еще и запрещено законодательно, считаясь покушением на территориальную целостность Алларии. Колония была обязана регулярно отправлять на Титан караваны с полезными ископаемыми в объеме установленном планом, не выполнение которого означало голод. При этом соблюдение алларийских законов в колонии не требовалось и не обеспечивалось. Так, со временем, на Галеоне образовалась во многом независимая вольница с порядками, культурой и моралью ориентированной на добычу ресурсов и борьбу за них.

Постепенно, среди каторжников стали выделяться люди, которые, благодаря своим лидерским качествам и дипломатическим талантам, начали объединять вокруг себя шахтерские предприятия и даже целые города. Как правило, люди эти были либо мошенниками, либо сосланными чиновниками, то есть теми, кто среди прочих каторжников выделялся неординарным умом. Организованные ими группы поначалу были обычными бандами, состоявшими из безработных молодых людей. Эти банды собирали дань с подчиненных им территорий, передавали добытое алларийским властям, а полученное продовольствие и прочие Тита-

нианские блага распределяли между собой и подчиненными по собственному усмотрению. Поначалу, появление таких банд насторожило правительство Алларии, однако потом, когда стало ясно, что они полностью зависимы от центра, алларийские власти начали использовать их как эффективный рычаг управления Галеоном. Центру гораздо проще было иметь дело с несколькими десятками лидеров банд, чем с сотнями тысяч каторжников сразу. Так, банды стали называться корпорациями. Со временем, они подчинили себе весь Галеон, и весь поток добытых ресурсов начал идти через них.

С падением тоталитарного режима в Алларии и приходом к власти либерально настроенного крыла коммунистической партии, контроль над Галеоном значительно ослаб. На планете уже производили продовольствие, но суровый климат и отсутствие технологий не позволяли производить его в достаточном количестве, и только это удерживало Галеон от объявления полной независимости. Вскоре, Великое цунами ударило по Титану, уничтожив несколько стран и свергнув планету в суровый гуманитарный кризис. Теперь уже Титан оказался в зависимости от Галеона, где тем временем началась кровопролитная война корпораций, продлившаяся пятьдесят шесть лет.

За свою более чем вековую историю Галеон приобрел собственную полноценную государственность, и для него уже не было причин считаться частью Алларии. Колония была в нескольких шагах от того, чтобы получить полную политическую независимость.

Посреди бескрайней галеонской степи раскинулся огромный город — столица Галеона — Цитадель. Если ехать на автомобиле, первым признаком приближения города была дорога. За несколько десятков километров двух полосная, разбитая бронетехникой и не отремонтированная со времен войны она превращалась в шестиполосное скоростное шоссе с отбойниками посередине и по краям. Вскоре, на горизонте появлялась высокая бетонная стена со множеством бойниц, через которые пристально разглядывали степь сторожевые роботы. Это был внешний периметр Цитадели. В мирное время он защищал город в основном от нелегальных мигрантов и преступников, но во времена войны был главным оборонительным укреплением города. Пересечь периметр, как и

прежде, можно было только по воздуху или через один из семи контрольно пропускных пунктов.

За воротами города начиналась индустриальная зона. Склады стройматериалов, вечно дымящие небольшие перерабатывающие заводы, электростанции, мрачные военные фабрики, где на стоянках покоились грозные, потрепанные боями, танки, и даже небольшой космодром, — защищенные периметром, эти сооружения были построены для обеспечения города всем необходимым во время осад, которым, впрочем, город так никогда и не подвергался.

Ближе к центру промышленные здания сменялись тусклыми, тесно прижатыми друг к другу, высотками. Некоторые из них, построенные особенно давно, уже изрядно обветшали. Кое-где огромными кусками отваливалась штукатурка, обнажая поменявшие от времени цвет бетонные плиты. Стены некоторых домов были покрыты паутинами скрепленных стяжками трещин. На цементной замазке стяжек были выбиты даты установки, диапазон которых достигал десяти лет. На краях некоторых плит, разрушаемый постоянными перепадами температуры, осыпался бетон. Из разрушенных плит торчала ржавая арматура, от которой на несколько метров вниз по стенам тянулись рыжие подтеки. Покрывавшая нижнюю часть почти всех домов граффити своей яркостью лишь подчеркивала мрачность окружающего пейзажа. Эти дома были построены корпорациями и всегда им принадлежали. В них жили сотрудники, чей доход не позволял купить жилье в Цитадели, то есть практически все сотрудники.

Первый внутренний периметр, представлявший собой стену с колючей проволокой, отделял спальные районы для бедных от спальных районов для богатых. Уровень поверхности земли с внутренней стороны стены был значительно выше чем с внешней, что создавало тактическое преимущество для тех кто оборонял центр. Попасть в центр можно было только днем на метро или на автомобиле. В ночное же время жителей центра от преступности бедных районов отделяла охраняемая стена.

Между первым и вторым внутренними периметрами располагались дома тех, кому на Галеоне принадлежало практически все. Архитектура каждого здания в этих районах была уникальна. Замысловатого вида многоэтажки, таун-хаусы с небольшими уютными дворами, отдельно стоявшие особняки — каждое со-

оружие здесь было неповторимо. На крышах почти всех многоэтажных домов располагались вертолетные площадки, а во дворах некоторых особняков можно было встретить даже небольшие взлетно-посадочные полосы.

Ближе к центру располагались увеселительные заведения: казино, ночные клубы, кафе, рестораны и бордели. Ночью все это начинало сверкать и переливаться миллионами огней, пестря безмерной роскошью. Именно это обычно было изображено на фотографиях и считалось видами галеонской столицы — то, что ассоциировалось со столичной жизнью, которой, как ошибочно думали титанианские алларийцы, жили все, кто оказывался здесь. На самом же деле это было место для тех двадцати процентов людей, в руках которых было сосредоточено восемьдесят процентов галеонских капиталов, а чужаков здесь не любили и принимали их лишь в качестве прислуги, которая жила в трущобах за первым периметром и допускалась в центр только в рабочие часы.

Второй внутренний периметр был понятием достаточно условным. Это была всего лишь еще одна кольцевая дорога, опоясывавшая деловой и политический центр города, где окруженное небоскребами величественно возвышалось над городом единственное административное здание Цитадели — Башня Империи. Это здание было более чем в два раза выше всех остальных небоскребов и потому, в ясную погоду, было видно практически из любой точки города.

Было пасмурное утро. Конец лета. Западный ветер приносил с океана циклоны один за другим. Тучи спустились над Цитаделью так низко, что вершина Башни Империи была не видна в их серой пелене. Всепроникающая влага наполняла душный воздух запахом сырости. Шел мерзкий морозящий дождь, превращавший нанесенную ветром с равнины пыль в грязь, которой было испачкано все вокруг. Дождь на какое-то время уравнил богатых и бедных в этом городе. Здания в элитных районах покрытые безобразными подтеками на штукатурке были ни чем не краше трущоб за первым периметром. Из-за множества аварий, на дорогах скопились многокилометровые пробки, в которых забрызганные до окон грязью машины выглядели одинаково ужасно не зависимо от цены, и двигались все с одинаковой скоростью не за-

висимо от мощности двигателя. Начищенные до блеска менеджеры, спеша на важные встречи, были вынуждены покинуть свои автомобили, спуститься в метро и затеряться в потоке мрачных людей, обутых в одинаково грязную обувь.

Этим утром в аудитории собралось много молодых людей. Учебный год только начался и студенты, особенно первых курсов, еще посещали все лекции, потому что пока не знали преподавателей, а значит, не знали на чьи лекции ходить нужно, а чьи можно пропустить. В аудиторию вошел солидного возраста человек. Он был одет в галеонский деловой костюм и скорее был похож на главу одной из корпораций, чем на преподавателя. Лишь один нюанс отличал его от местного бизнесмена — отсутствие дорогих украшений: золотых часов, брильянтовых запонок, браслетов или перстня, то есть всех тех вещей, по которым на Галеоне можно было безошибочно определить социальный статус человека. Статусные вещи в Цитадели носили все — от мала до велика. Различались только их количество и цена. Их отсутствие у солидно одетого человека бросалось в глаза. Однако на эту странность никто не обратил внимания. Энергичная походка и уверенный доброжелательный взгляд человека внушали уважение, которое заставило аудиторию замолчать.

— Здравствуйте. Меня зовут Дэмми Арчиус. Я буду читать вам лекции по микро и макроэкономике. Все, что мы будем изучать написано в этой книге. — Человек положил руки на книгу, которую принес с собой. — Она называется «Движение капитала». Книга толстая, шрифт в ней мелкий. В ней есть все, но большинство из вас ничего в ней не поймут, потому что написана она ученым для ученых. На лекциях я буду переводить ее содержание на доступный для понимания язык. Поэтому если не хотите иметь дело с этой книгой перед экзаменом, просто ходите на мои лекции и внимательно слушайте.

Аудитория молчала. Учитель Арчиус продолжил:

— Знаете ли вы, откуда берутся деньги?

— Их печатают на фабрике, — пошутил кто-то с заднего ряда. По аудитории побежали тихие смешки.

— На фабрике печатают разноцветные бумажки, — парировал Арчиус быстро — как будто ожидал подобного ответа, — а откуда же все-таки берутся деньги?

— Их платят люди, за товары и услуги, — сказал студент с

первого ряда.

— Хорошо. А откуда деньги появляются у людей?

— Им их платят работодатели, — сказал тот же самый студент.

— Правильно! Работодатели, которым приносят прибыль их компании, которым, в свою очередь, платят деньги клиенты за товары и услуги. Получается замкнутый круг — товар-деньги-товар. Вы, я думаю, о нем уже слышали. А знаете ли вы, что среднее благосостояние жителей Титанианской Конфедерации в четыре с половиной раза выше среднего благосостояния галеонца?

— Чуть вы говорите! — воскликнул кто-то с заднего ряда.

— Трое самых богатых людей мира — галеонцы. Доходы галеонских компаний самые высокие в мире. В рейтинге самых дорогих компаний одни галеонские корпорации!

— Именно так! Но при этом среднестатистический житель Галеона в четыре с половиной раза беднее жителя Титанианской конфедерации. Вы правы на счет того, что самые богатые люди живут на Галеоне, но их единицы, а это значит, что большинство галеонцев беднее титанианцев гораздо больше, чем в четыре с половиной раза. Конечно, те, кто живут в Цитадели, этого не замечают. Средний заработок жителя Цитадели не сильно отличается от заработка гражданина титанианской Аллории, но большинство галеонцев живут за периметром, где царит нищета, голод и беззаконие. В некоторых районах от голода и болезней сейчас в год погибает больше людей, чем в боях в эпоху войны корпораций.

Выдержав паузу, учитель Арчиус продолжил.

— Как же так получилось?.. Если вы помните из истории, когда-то Галеон был процветающей планетой, тогда как, после Великого цунами, Титан лежал в руинах. На его восстановление требовались огромные ресурсы. Все усилия тогда были вложены в переброску как можно больших сил на Галеон, чтобы как можно скорее наладить снабжение Титана всем необходимым. С Галеона на Титан летели цветные металлы, уран, сырье для производства топлива, с Титана обратно отправляли продовольствие и людей. Корпорации, подобно древним феодальным кланам вели постоянные войны за территории, но даже несмотря на это Галеон процветал. Сменилось всего три поколения и вот мы имеем совсем другую картину — Титан процветает, а Галеон в руинах. Что же

произошло?.. Я недаром спросил вас о деньгах — о том, откуда они берутся. Деньги — это всего лишь эквивалент ценности товаров и услуг, производимых людьми. Мы сами своим трудом производим деньги. Тот, кто производит больше ценности, у того и больше денег.

— Это у вас — у пришельцев так! — воскликнул кто-то с задних рядов. — На Галеоне все по-другому: кто больше добывает — у того и деньги, а добывает больше тот, кто нахапал больше земли.

Аудитория замерла в ожидании спора, но Артур, выдержал паузу, для того, чтобы говорящий закончил и продолжил свой монолог, как будто не обратив внимания на реплику.

— Ценность определяется спросом и предложением. Чем выше спрос относительно предложения, тем выше ценность, чем ниже спрос — тем, соответственно, ниже ценность. Потребность Титана в строительных материалах, топливе, металлах рождала огромный спрос на ресурсы Галеона, но для того, чтобы они стали доступны титанианцам, кому-то нужно было их добыть, обработать и привезти на Титан. Этим и занимались корпорации. Они создавали огромную ценность для Титана, и деньги мощным потоком текли на Галеон. На эти деньги Галеон мог закупать на Титане все что угодно в любых количествах. Спрос на ресурсы был настолько велик, что галеонцам не требовалось заниматься ни чем кроме их добычи. Какое-то время это работало, и, казалось, так будет вечно. Но годы шли, Титан постепенно вставал с колен, а на Фокосе за это время сформировался новый народ — пришельцы. Я совсем недавно с удивлением узнал, что в галеонских школах на уроках истории пришельцев упоминают лишь вскользь, хотя их роль в истории Титана и всего мира трудно переоценить. Я полагаю, что вы тоже мало что о них знаете, поэтому я вам о них расскажу. Как вы, наверное, слышали, катастрофа на Титане началась с огромного цунами, происхождение которого до сих пор рождает споры. Некоторые даже винят в нем пришельцев. — Учитель Арчиус усмехнулся. — Знаете, это на Галеоне такая новая мода — во всем винить пришельцев. Если вам кто-то скажет, что в потоке виноваты они, что это они тайными магическими технологиями сдвинули кору Титана — рассмейтесь ему в лицо, потому что потепление, да и смещения коры длились столетиями и не известно точно, что было следствием че-

го. Далеко не все заметили приближавшуюся катастрофу. Одним из тех, кто понял, что Титан спасти уже невозможно был Гáли Си́риус или как его называют пришельцы — Учитель Сириус. Он был великим ученым и великим лидером с невероятным даром научного предвидения и глубоким пониманием человеческой природы. Он собрал вокруг себя множество единомышленников — ученых, бизнесменов, инженеров, людей от искусства, он убедил их в возможности переселения на Фокос и строительства там новой цивилизации — не колонии, а именно цивилизации. Сосредоточив огромное количество труда, капиталов, используя самые передовые на тот момент технологии, они построили космические корабли, снарядили их всем необходимым и, забрав на борт как можно больше людей, отправились на Фокос строить новый мир. До последнего момента пришельцы пытались вывезти как можно больше людей. Последний шаттл стартовал за пять минут до того, как огромная стена воды поглотила космодром. Родиной пришельцев на Титане была Катония — страна располагавшаяся на архипелаге Като, который находился ближе всего к эпицентру того страшного цунами. Последние, кто покидал Титан, плакали, когда видели из космоса, как их родину поглощает океан. Сейчас этого архипелага частично не существует, а все, что осталось, принадлежит Алларии и Нигории. Учитель Сириус говорил: «Смотри вдаль и двигайся вперед». Только тот способен выжить, кто видит будущее и идет к нему, какими маленькими небыли бы шаги. Видеть будущее помогает наука, а движение вперед — это постоянный труд и жертвы. Ведь часто, чтобы достичь чего-то нового, нужно расстаться со старым — таким дорогим и полюбившимся. Знаете, когда правительство Катонии предлагало покинуть страну, а пришельцы — лететь на Фокос, далеко не все согласились, и они до сих пор там, в своих домах, на дне океана. Они не смогли расстаться со старым и погибли. Знание, труд и готовность расстаться со старым — это три опоры, на которых выстроено общество пришельцев. Обосновавшись на Фокосе, пришельцы вернулись на Титан, чтобы передать свои знания жителям их когда-то родной планеты. Они принесли с собой технологии, в которых титанианцы так нуждались: термоядерные реакторы, органические композитные материалы, технологии на основе магии. Титанианцы построили почти под каждым крупным городом реактор, работающий на водороде, которого полно в океане.

Титанианцы научились строить космические корабли, состоящие на три четверти из органических материалов, производимых океанской фауной, но самое главное — титанианцы научились жить, следуя заветам Учителя Сириуса. А что же галеонцы?.. Они что добывали, то и добывают по сей день. Они как воевали друг с другом, так и продолжают воевать. В технологическом развитии они не сдвинулись ни на шаг со времен Великого цунами. Галеонцы постоянно нарушают принципы Учителя Сириуса. Доступное высшее образование на Галеоне появилось совсем недавно, а среднее всегда было в плачевном состоянии. Галеонцам ведь некогда учиться, исследовать, изобретать, да и незачем, ведь долгое время основным занятием большинства галеонцев была война. Вместо того чтобы производить, они воевали, отбирая ресурсы друг у друга, от чего ресурсов, а значит и ценности не становилось больше. Даже наоборот, ее становилось меньше, потому что сама война требует огромных затрат. Спрос на ресурсы Галеона тем временем падал, а значит и цена на них. Восстановив инфраструктуру, перейдя на более дешевые источники энергии и материалы, Титан все меньше и меньше нуждался в поставках с Галеона, но Галеон по-прежнему не производил продовольствие, хотя это уже не было запрещено, не производил космических кораблей, не производил роботов и других высокотехнологичных устройств. Сверхприбыли, полученные от продажи ресурсов, постепенно начали перетекать обратно на Титан, который сейчас для Галеона производит больше ценности, чем Галеон для Титана. Деньги потекли обратно, и Галеон начал беднеть. А то, что самые богатые люди по-прежнему галеонцы — это не удивительно — первыми беднеют бедные. Но стоя на месте, и богатые разорятся, а чтобы двигаться вперед, нужно чем-то жертвовать. В частности, для галеонских богачей это означает расстаться с большей частью своего капитала, к которому они так привыкли, и если они этого не сделают, они не выживут подобно катонийцам, отказавшимся покинуть свои дома. Вы — новое поколение Галеона. Вам строить будущее, в котором придется жить вашим детям, и чтобы ваши дети вас не проклинали вам нужно научиться смотреть вдаль и двигаться вперед...

Вечером того же дня за стойкой бара в одном из многочисленных ресторанов центра Цитадели напивался человек. Он был

одет в деловой костюм; если судить по цене его наручных часов и обуви, это был менеджер среднего звена, каких в Цитадели были миллионы. Допивая очередной стакан, человек разговаривал с барменом.

— Ты понимаешь?.. Вот, что делать, если начальник debil?..

Протирая стакан, бармен смотрел на человека, делая вид, что внимательно слушает.

— Ты понимаешь? Вот продажи должны увеличиваться и все тут!.. Да никому на фиг не нужны эти газеты. Все уже давно за информацией идут в сеть. А этот... на хрен... уперся рогом. Старый пердун!.. Ты понимаешь?

— Желаете еще? — вежливым и равнодушным голосом спросил бармен, дождавшись пока человек допьет.

— Да, налей... — Бармен наполнил стакан, и мужчина продолжил. — Кому нужна эта гребанная пропаганда! Люди правды хотят, а не эти вопли про то, какое у нас замечательное правительство, какое замечательное будущее нас ждет... Прямо таки счастье льется из всех щелей... Везде так все хорошо, что плюнуть некуда...

Человек было поднес стакан ко рту, но его остановила нежная женская рука в мягкой бархатистой перчатке. Незаметно подсевшая незнакомка аккуратно взяла стакан и отставила в сторону. Мужчина повернул голову и увидел рядом с собой загадочную женщину. Она была одета в черную водолазку и обтягивающие черные кожаные брюки, заправленные в черные лаковые сапоги на высоких тонких каблуках; на ее руках были черные перчатки до локтя; голову покрывал черный платок из какой-то воздушной полупрозрачной ткани; глаза женщины скрывали большие черные очки, размером почти в половину лица. Видны были только красивый курносый носик, изящный острый подбородок и маленькие тонкие губы. Кожа женщины была неестественно бледной, а на фоне ее одежды казалась еще белее. Волос из-под платка не было видно — они, очевидно, были заплетены в косу и заколоты, как у многих женщин на Галеоне. Лишь один тонкий прямой локон светлых волос свисал из-под платка через все лицо.

По виду женщина была темной колдуньей. Неестественно бледная кожа, красный язык и коричневатая кровь были признаками отравления магией, которые проявлялись у сильных магов годам к сорока. Женщина либо хорошо выглядела для своего

возраста, либо занималась магией с детства.

— Жизнь — дерьмо. Ведь так? — тихо произнесла колдунья.

— Ты кто? Что тебе нужно?... — пробормотал мужчина, плохо выговаривая слова. — А, ты кофейница? Мне сейчас не до тебя. Проваливай.

— Скажем так, я твоя удача. Как ты думаешь, почему ты напиваешься здесь, а твой начальник сейчас наверно трахает какую-нибудь блондинку? — такую как я например.

— Потому что он старый пердун... Он никого уже не может трахать. У него не встает давно!..

— Он когда-то, так же как и ты пресмыкался, но делал он это раньше, когда сети не было, а в газетах писали правду. И стал генеральным директором он, не потому что был хорошим работником, не потому что у него талант или он просто умнее других и даже не потому, что лучше всех пресмыкался, а просто по воле случая. Миром правит фарт, друг мой, и сегодня тебе повезло, Юли Ззус.

Незнакомка говорила медленно и тихо, при этом голос ее звучал как бы со всех сторон, перекрывая всякий посторонний шум. От каждого ее слова приятная волна тепла скатывалась от затылка по позвоночнику вниз. Человеку у стойки хотелось, чтобы она говорила еще и еще.

— Подожди, ты кто такая? Откуда ты знаешь мое имя?

— Я все знаю.

— Ты что, ведьма? Ты можешь читать мысли?

— Я все могу, — сказала женщина и самодовольно улыбнулась.

Ее слова прозвучали крайне убедительно. Пьяный собеседник был так заворочен, что ни на секунду не усомнился в их истинности.

— Что тебе тогда от меня надо?

— Для одного очень важного дела мне нужен солидный представительный мужчина — такой, как ты.

— Да?..

— Я хочу заключить с тобой сделку.

— Это какую?

— Я сделаю тебя богатым и знаменитым. Ты будешь жить в самом дорогом пентхаусе в Цитадели. У тебя будет дорогой автомобиль, на котором тебя будет возить личный водитель. Ты

будешь посещать самые дорогие заведения города. Любая женщина на Галеоне, если пожелаешь, будет твоей. Ты будешь знаком с самыми влиятельными людьми Цитадели, и все будут уважать тебя.

— И что мне нужно для этого сделать?

— Сущий пустяк. Ты должен беспрекословно подчиняться мне и не задавать никаких вопросов. Что бы я не приказала, ты должен будешь выполнить это немедленно.

— Вот значит как... Это что, какая-то игра?

Колдунья достала из сумочки какие-то бумаги и положила на стойку бара. Сквозь алкогольный дурман мужчина попытался прочесть, что было на них написано, и когда смог опьянение спало в мгновение ока. Он поднял глаза. Нервно дрожащей рукой достал платок и вытер пот со лба. В баре не было никого кроме него и колдуны. Даже бармен куда-то испарился. Мужчина опустил глаза и снова перечитал документ. Перед ним лежала дарственная на четырехкомнатную квартиру в верхнем городе Цитадели.

— А... Это... Ну а, как бы... — Мужчина сглотнул слюну. — Что именно нужно сделать?

— Все, что я попрошу.

— А поконкретней?

— И не задавать лишних вопросов. Неужели это так сложно?

— Ну а если, ты меня попросишь, там... убить кого-нибудь?

— Ты это сделаешь, но тебе ничего за это не будет.

«Черт!» — подумал мужчина. Перед ним лежала дарственная на квартиру со всеми подписями. Ему нужно было только поставить свою. Он уже представлял, как ошарашит начальника заявлением об уходе по собственному желанию. Умом он понимал, что связывается в какую-то дьявольскую авантюру, но желтый лист бумаги как будто затягивал его — подчинял его тело собственной воли. Мир сузился до размеров этого документа. Все перестало существовать кроме этих букв и графы «получатель» как замочной скважины двери в новую жизнь.

— Конечно, я могу найти другого... — произнесла колдунья.

— Нет! Подожди, подожди. Я... я согласен, — нервно перебил ее мужчина, вытирая пот со лба.

— Вот и хорошо. Тогда распишись здесь и здесь.

Дрожащей вспотевшей рукой мужчина подписал документы.

- Да, и еще. Наша сделка пожизненная.
- А если я не подчинюсь тебе?
- Ты умрешь, — спокойно ответила женщина, и от этих слов пронизывающий холод сковал ее собеседника изнутри. — Теперь квартира и машина твои. В квартире ты найдешь деньги — тебе хватит на первое время. А теперь ступай. Когда ты мне понадобишься, я сама найду тебя (где бы ты ни был).
- Как тебя зовут-то хоть?
- С этого момента, зови меня «моя госпожа», — ответила женщина и недобро усмехнулась.

Два года прошло с тех пор. Галеон вышел из состава Аллarii и получил полный суверенитет. Теперь, как независимое государство, он имел право на собственную конституцию, собственный парламент и собственного президента. Галеонская пресса пестрила пафосно патриотическими заголовками и статьями националистского толка. Телевиденье с помпой преподносило обретение Галеоном независимости, называя это одним из величайших событий в истории человечества. Все кругом говорили об особом пути галеонской цивилизации, о ее особом предназначении, однако в чем заключался этот особый путь, и что это было за предназначение — было не понять даже самому внимательному зрителю. Другой популярной темой была история Титана в период, непосредственно предшествовавший Великому цунами. Это была эпоха невероятного подъема Катонии — государства, обладавшего непомерными имперскими амбициями. Показ научно-популярных фильмов на эту тему начался за несколько месяцев до выборов. Все без исключения они представляли Катонию как некую «темную империю» пожелавшую подчинить себе весь мир, и в каждом фильме, пусть даже вскользь, но упоминалось, какой народ являлся прямым потомком катонийцев. Все это было неспроста, ведь одним из главных кандидатов на пост президента был человек, не скрывавший своих симпатий пришельцам. В остальном же, все было как всегда — блоки рекламы, реалити-шоу и передачи о красивой жизни местных звезд.

Между тем, ни один из каналов не освещал другие немаловажные события. Так, например, жители Цитадели не знали о том, что в шахтерских городах, где добыча была прекращена, участились случаи нападения на продовольственные конвои. Ли-

пившиеся работы люди, используя оружие оставшееся у них после войны, не имея возможности заработать на еду, нападали на колонны грузовиков, перевозивших продовольствие в крупные города. Из-за массовых сокращений в Цитадели росла безработица, и как следствие — преступность. Молодежь из бедных кварталов продавала наркотики детям состоятельных людей из центра города. Девушки по вызову наводили воров на дорого обставленные квартиры, а одним из самых «романтичных» видов криминального заработка стал угон дорогих автомобилей на заказ. Галеон медленно утонул в трясине сложного социально-экономического кризиса, и с каждым днем распутать этот клубок становилось все сложнее и сложнее.

С момента подписания мирного договора между враждующими кланами Галеона власть на планете фактически принадлежала нескольким основным корпорациям, составлявшим ядро экономики государства. Исполнительная, законодательная, судебная власти, силовые структуры и СМИ — все принадлежало корпорациям. Прошедшие после провозглашения независимости выборы оказались всего лишь хорошо разыгранным спектаклем, выглядевшим в глазах мировой общественности как демократическая процедура. На самом же деле власть осталась у тех, кому принадлежала, только сейчас эта власть стала легитимной. Консервативно настроенные представители корпораций менять ничего не собирались. Виновными в росте преступности были объявлены загадочные «внешние силы», а в качестве решений предлагались ужесточение законов и наделение правоохранительных органов дополнительными полномочиями. Проводимая националистами политика вытеснения пришельцев с Галеона привела к массовым недовольствам, которые, впрочем, ни к чему не привели. Выступления оппозиционеров были подавлены, и арестованные пришельцы подверглись депортации на Фокос.

Космическая тюрьма курсировала по замкнутой траектории в форме восьмерки между Галеоном и Фокосом. Сбежать из нее было практически невозможно. Заключенных транспортировали на специальных шаттлах не способных входить в атмосферу из-за отсутствия теплоизоляции. Другим кораблям стыковаться с тюрьмой было строжайше запрещено. В этот раз, помимо уголовников, в тюрьме находились пришельцы, депортированные на

Фокос. С юридической точки зрения они были преступниками, и транспортировка при помощи космической тюрьмы, не смотря на все возмущения правозащитников, была сочтена для них приемлемой. Некоторые депортированные летели целыми семьями, хотя официально изгнан из страны был только один из них. Конечно, члены семьи могли бы добраться до Фокоса самостоятельно, в более комфортных условиях, но это было не в традициях пришельцев оставлять друг друга в беде. Семейные узы ценились ими выше физического комфорта.

В камерах пришельцев царила уютная и, нехарактерно для этого места, веселая атмосфера. Молодые люди рассказывали анекдоты про галеонцев и пели песни на катонийском языке, чем сильно раздражали охранников. Пришельцы знали, что летят на родину, где их ждет жилье, медицинская страховка и хорошая работа. Всего двое суток неудобств, и они окажутся в месте называемом — Земля обетованная.

Всего лишь одна тонкая стена отделяла этих жизнерадостных людей от совершенно иного мира, где вместо солнца был тусклый свет грязной засаленной лампы. Сырой, пропахший потом и мочой воздух наполнял тесное переполненное людьми помещение. Лишь тихие шлепки падающих друг на друга карт нарушали тяжелую тишину.

На кровати возле игравших в карты в вальяжной позе сидел молодой, но по виду матерый, зэк.

— Эй, малой. Пойди сюда, — окликнул он парнишку, сидевшего на краю кровати в противоположном конце камеры.

Парень робко подошел к нему.

— Да не бойсь ты, — сказал зэк и, силой посадив юношу рядом с собой, обхватил его рукой за шею. — Как зовут?

— Рэки.

— За что сидишь?

— За угон.

— Отстань от пацана, — сказал зэк самый старший по возрасту.

— Да я че, к нему пристаю? Просто спрашиваю.

— Такой молодой, а уже сел, — с сожалением произнес старший. — Зачем угонял то?

— Да у меня мама больная — деньги нужны, а на работу не берут без образования.

— Ну и как теперь твоя мама будет?

— Ханна, моя девушка, о ней позаботится.

— А она кем работает? — продолжал расспрашивать старший.

— Она... кофейница, — смущенно ответил парень.

— И не впахло тебе с кофейницей то жить? — вмешался молодой эск.

— Да она нормальная, мы с ней со школы знакомы, — отвечал парень.

— Ладно, не оправдывайся, — поддержал его старший. — Главное, чтоб не шлоха по жизни. Как попался-то?

— Да в меня врезался какой-то урод. Я попал в больницу... То-се, тачка угнанная... Короче, меня закрыли.

— Много то дали?

— Три года.

— Ничего, ничего... Придет время, они нам все вернут...

— Кофейницы... — мечтательно произнес молодой. — Сейчас бы хоть одну сюда...

В следующую секунду щелкнул замок, и двое охранников толкнули в камеру девушку, одетую в униформу медсестры. Ее рыжие волосы были растрепаны, а на круглом молодом, почти детском, лице краснел след от пощечины.

— Развлекайтесь, — грозно фыркнул охранник. — Считайте у вас сегодня праздник.

— И поаккуратней с ней! — добавил второй. — Она нам еще нужна.

Дверь захлопнулась, и в камере на несколько секунд воцарилась тишина. Одиннадцать эсков смотрели на девушку, как смотрит стая голодных хищников на маленького незащитного зверька. Потупив взгляд, девушка стояла, прижавшись спиной к двери, и дрожала от страха.

— Бог есть! — закричал молодой и все эски захохотали, став похожими на стаю переполошившихся обезьян.

Засмеялись все кроме одного человека. Опираясь спиной о стену, он стоял молча, сложив руки на груди, опустив голову и закрыв глаза, как если бы спал. Так делали маги во время неглубокой медитации. Мужчине было на вид около сорока. Его длинные прямые черные волосы были забраны в хвост, а тонкое интеллигентное лицо украшала некогда аккуратно выбритая, но

уже заросшая, бородка. Незнакомец был одет в рясу песочного цвета, какие носили маги-учителя на Фокосе и некоторые преподаватели-пришельцы. Находясь в стороне, он, казалось, был равнодушен к происходящему, но впечатление было обманчиво.

Молодой зэк встал с кровати и медленной, валяжной, походкой начал приближаться к девушке. Она смотрела на него внимательно, как будто готовясь увернуться от его внезапного прыжка. Наблюдая за этой сценой, никто и не заметил, как человек в песочной рясе вышел из угла и оказался в центре камеры.

— Отойди от нее, — сказал незнакомец спокойным голосом.

— Оно что-то вякнуло?.. — медленно повернув голову, произнес зэк.

— Я повторю. Отойди от нее.

— Иначе че? — прищутив глаз, спросил зэк.

— Иначе ты ударишь вот эту стену и сломаешь себе руку. — Маг показал пальцем назад.

Один из сокамерников было засмеялся, но увидев, что остальным не смешно, тут же стих.

— Борзый! — резко выпалил зэк, но ни один мускул не дрогнул на лице незнакомца.

Медленно и осторожно, глядя прямо в глаза, как будто готовясь вцепиться зубами в глотку, зэк начал приближаться к человеку в рясе. Тот сделал полтора шага назад к стене и остановился. На лице мага было каменное спокойствие. Зэк подошел почти вплотную, замер, опустил глаза, как будто расслабившись, но в следующее мгновение выстрелил ударом в живот. Колдун прочитал это движение — он резко развернул противника так, что тот на огромной скорости влетел в стену плечом. Раздался хруст ломающейся ключицы. Уголовник упал на пол и захрипел, корчась от боли.

— Вот видишь, — сказал незнакомец в рясе. — Я же предупреждал. Дайка сюда свою руку.

— Тебе конец! — прохрипел с пола зэк. — Я тебя, падла, мочить буду.

Человек в рясе сел на колени рядом, положил одну ладонь на плечо зэку, а вторую в район перелома, закрыл глаза и погрузился в глубокую медитацию. Теряющий сознание от боли уголовник почувствовал, как от рук колдуна исходит тепло. Проникая от мест прикосновения все глубже и глубже, тепло как бы

обволакивало боль, растворяя ее. Несколько минут человек в рясе неподвижно сидел над раненым, а замороженные сокамерники следили за происходящим «чудом».

Наконец, колдун открыл глаза и встал.

— Твою мать... — удивленно произнес эзк. — Отпустило.

— Ты можешь продолжать биться о стену, — сказал колдун, — но учти, я смогу исцелить тебя еще только пару раз.

В это время разъяренный капитан станции, он же начальник тюрьмы, выбежал из комнаты охраны, где наблюдал за тем, что происходило в камере. Он бежал по коридору, немного прихрамывая от того, что его мошонка еще побаливала после недавнего удара. Рукой он держался за живот, на котором, под рубашкой, был скрыт синяк в форме каблука.

Охранники с выпученными глазами сидели перед монитором, когда капитан влетел в тюремный блок.

— Идиоты! Его в карцер, ее ко мне в каюту! — крикнул он, раздав каждому по подзатыльнику.

Не прошло и пяти минут, как несчастная девушка уже сидела на кровати в каюте капитана.

— Ну что, считай, тебе повезло... — Капитан ходил из стороны в сторону, а девушка сидела на кровати и рыдала. — Хочешь в другую камеру?... Я, в принципе, могу вообще отдать тебя песчаным призракам... Им там, в пустыне, наверно не хватает женщин. Они будут рады. Хочешь к песчаным призракам? Знаешь кто это такие? — это дикари! Они будут драть тебя на привалах, а когда закончится еда — съедят!

Речь капитана оборвали два сильных удара в дверь — как будто кто-то пытался ее выбить.

— Кто еще там? — прокричал капитан. — Яйца повырываю!

Он в бешенстве открыл дверь и увидел за ней солдата, который явно был не в себе. Солдат был мертвецки бледен, а белки его полуприкрытых глаз светились тусклым фиолетовым светом; суженные зрачки плавали, от чего глаза смотрели в разные стороны. Солдат покачивался, и, казалось, сейчас упадет без сознания.

— Что надо? — выкрикнул капитан, но солдат не ответил.

В следующую секунду капитан попятился назад, истошно заорал и схватился за голову. Шатаясь, он развернулся несколько раз и упал на колени. Его лицо было перекошено болью; глаза смотрели на девушку и умоляли о помощи, но та отпрыгнула от

него на дальний конец кровати и поджала ноги. Солдат так и стоял в двери без движения. Раздался хлопок — как будто от кия лопнула стеклянная емкость. Мелкие брызги крови упали на постель и белоснежную униформу медсестры. В следующую секунду, массивное тело капитана рухнуло у самого края кровати и забилося в судорогах. Девушка отвела взгляд, чтобы не смотреть на это, а солдат пьяной походкой медленно подошел к телу и упал на четвереньки. Девушку колотил озноб, а от появившегося запаха к горлу подступили рвотные массы. Вдруг, из-за края кровати вынырнуло лицо солдата. Оно было перепачкано кровью, а изо рта свисал покрытый волосами кусок кожи. Одним прыжком преодолев всю комнату, девушка вылетела в дверь и оказалась в коридоре. Дальше все было как в тумане — коридоры, кровь, тела, выстрелы, кровь, тела... Время замедлилось — как будто пространство вокруг наполнилось мутным вязким сиропом.

«Там стреляют — туда не пойду... — думала девушка, беспорядочно блуждая по коридорам. — Найти бы колдуна...»

Внезапно, перед девушкой возник заключенный. Его лицо, шея и роба спереди были в крови — как будто он только что ел что-то окровавленное, а глаза также светились фиолетовым как у того солдата. Он смотрел в одну сторону, а шел в другую и, похоже, вообще не пользовался зрением. Девушка отскочила от него и стала вырывать пистолет из руки лежащего рядом тела. Заполучив оружие, она начала стрелять незамедлительно, хотя до этого никогда не стреляла в людей. После трех выстрелов патроны кончались, но и этого хватило. Заключенный упал, и девушка пробежала мимо, но через несколько секунд расстрелянный ею привстал на локти и пополз, волоча за собой нижнюю часть туловища.

Девушка забрела в комнату, на двери которой было написано «Служба безопасности». Внутри не было никого. На стойках между пультами висело оружие. Девушка заперла дверь и обессилившая рухнула в кресло. Возможно, в этот момент она потеряла сознание. Она пришла в себя только когда увидела на одном из мониторов того мужчину в песочной рясе, что спас ее в камере. Он был заперт в карцере.

— Ты меня слышишь? — прокричала она в переговорное устройство. — Я не знаю, как тебя зовут... Помашки в камеру, если слышишь!

Мужчина обернулся и помахал в камеру рукой. Подгоняемая страхом, девушка, как ей показалось, мгновенно разобралась в системе управления дверями и открыла карцер.

— Я в комнате охраны, наверху! Помогите мне, пожалуйста! — прокричала девушка и заплакала.

Она сняла со стойки винтовку, даже не проверив есть ли в ней патроны, и забилась в угол комнаты. За дверью было тихо, и на мониторах не было никого живого. Либо все уже покинули корабль на спасательных капсулах, либо были мертвы. Колотясь от страха, девушка целилась в дверь.

За дверью послышались шаги.

— Девушка! — раздалось за дверью. — Вы там? С вами все в порядке?

Это был тот маг. Девушка бросила винтовку и впустила его.

— Ты как? — закрыв дверь, спросил незнакомец.

— Вроде нормально, — ответила девушка, немного успокоившись и даже повеселев.

— Корабль кишит одержимыми, — сказал колдун, садясь за пульт охраны.

— Одержимыми? Это эти... со светящимися газами?

— Да.

— А кто они?

— Это демоны — так называемые, бесы. — Незнакомец переключал камеры и изучал план корабля. — Они вселяются в людей и превращают их в одержимых. Наверное, подцепили когда проходили через облако черны.

— И что теперь делать?

— Уходить отсюда. Черт... Похоже, все капсулы уже улетели.

— Мы можем использовать шаттлы, но для этого нужно вначале встать на орбиту, иначе мы врежемся в Фокос.

— Кто будет управлять кораблем?

— Я могу. Я пилот. Я отбываю здесь наказание. Долго объяснять. Пойдем!

— Ну, если так, то пойдем. Путь в рубку открыт.

— Я возьму оружие! — сказала девушка, кинувшись к винтовке.

— Бесполезно, — остановил ее незнакомец. — Одержимые не уязвимы для обычного оружия. От них лучше просто убегать. Еще они не любят шум.

Колдун взял девушку за руку и повел в командный центр корабля. И снова — коридоры, тела, окровавленные стены... Из приоткрытой двери каюты доносились какие-то звуки похожие на чавканье. Девушка попыталась заглянуть внутрь, но не успела — человек в песочной рясе шел быстро, крепко держа ее за руку. Наконец, они добрались до рубки, но дорогу им преграждало трое одержимых. Измазанные кровью они дрались за растерзанный труп. Девушка спряталась за колдуном и зажмурила глаза. Человек в рясе выставил перед собой ладонь и погрузился в медитацию. Одержимые прекратили драться и обратили внимание на людей. Пошатываясь, они начали медленно приближаться, но колдун стоял неподвижно. Вдруг, одержимые затряслись и остановились. Из рта вначале одного, потом второго, третьего вылетели светящиеся фиолетовые точки. Они хаотично метались подобно мухам, но подчиненные невидимой силе, влетели в ладонь человека в рясе и тот сжал руку в кулак. Лишь услышав звук упавших на пол тел, девушка открыла глаза. Обернувшись, она увидела прямо перед собой четвертого одержимого. Она даже не успела закричать, как человек в рясе, загородив ее собой, ударил нападавшего лбом в нос.

— Быстро внутрь! — прокричал колдун.

Он слегка подтолкнул девушку в дверь, а сам сдул с ладони пыль, оставшуюся от светящихся мушек, на пытающегося встать одержимого. Тот начал чихать, и колдун проследовал за девушкой в центр управления. Через мгновение одержимый вспыхнул ярким фиолетовым пламенем. Двери рубки закрылись.

— Черт! У нас большие проблемы, — воскликнула девушка, взглянув на приборы. — Мы прошли точку невозврата. Мы не сможем выйти на орбиту. Мы падаем на Фокос!

— И что теперь?

— Все. Мы погибли, — сказала девушка и заплакала.

— Не спешి. Всегда есть шанс. Подумай, что еще мы можем сделать... Успокойся. — Колдун накрыл своей ладонью руку девушки.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Зэн, — ответил незнакомец.

— А меня Джу́та.

— Вот и познакомились, — сказал Зэн, улыбнувшись.

— Шутить? Нашел время...

Паника сковала разум Джуты. Она смотрела на приборы, пытаясь найти решение. Корабль просто падал на планету, и спасти его в таком случае было невозможно. Ни одна стандартная инструкция не была рассчитана на подобную ситуацию. Все меры по спасению уже должны были быть предприняты. Даже если бы на корабле еще оставались спасательные капсулы, их нельзя было бы применить. Траектория и скорость были таковы, что капсула, отделившись от корабля, просто не смогла бы выйти на орбиту, а значит, упала бы на поверхность.

«Это тюрьма... Это тюрьма... — вертелось в голове Джуты. — Ее невозможно покинуть... Она спроектирована для этого...»

Между тем, приятное тепло поглощало руку Джуты, лежащую под рукой Зэна. Оно поднялось к плечу, и опустилось вниз до поясицы. Появилось странное ощущение — как будто кто-то положил на спину нежные теплые руки. Страх постепенно покинул Джуту, сердце успокоилось, дыхание выровнялось; и тут она вспомнила, что универсальные скафандры для работы в открытом космосе были оборудованы парашютами. Они наверняка были на борту. При взлете и посадке на легких шаттлах космонавты уже давно использовали те же самые скафандры, что и в открытом космосе. Старые модели списали уже лет пятьдесят назад. Если в атмосфере у шаттла возникали критические неполадки, экипаж покидал его при помощи обычной катапульты и спускался на парашютах даже с очень больших высот. И тут же план дальнейших действий стал для Джуты очевиден.

— Бежим в шлюз! — крикнула Джута и сорвалась с места. — Нам нужно достать два скафандра.

— Что ты собираешься делать? — спросил Зэн, следуя за ней.

— Мы спустимся на шаттле.

— Но ведь эти шаттлы...

— Я знаю, — перебила его Джута, — но это единственный выход. Более того, на них даже нет катапульт, но их двигателями можно затормозить падение.

— А как мы покинем шаттл?

— Шаттлы класса космос-космос имеют корпус, рассчитанный на давление изнутри. Они не рассчитаны на сопротивление воздуха снаружи. Если развернуть такой шаттл брюхом вниз, поток воздуха разорвет его напополам в самом не прочном месте, то есть по шву между кабиной и грузовым отсеком.

Избегая блуждавших по кораблю одержимых, Зэн и Джута добрались до шлюзов. От шлюзовых камер до шаттлов было подать рукой, поэтому в громоздких скафандрах далеко ходить не пришлось.

— Ты умеешь пользоваться скафандром? — спросила Джута.

— Нет.

— Тогда смотри. На твоей левой руке есть пульт. На нем шарик, колесо и еще две кнопки. Та, что с галочкой — это «подтверждение», та, что с крестиком это «отмена». Вверху есть шесть клавиш с цифрами. Это кнопки переключения режимов. Теперь посмотри на дисплей в своем скафандре. Сейчас он в режиме «поверхность». Когда ты войдешь в атмосферу, он автоматически войдет в режим «падение». В этом режиме ты сможешь видеть высоту, давление, вертикальную скорость и так далее. Короче, самое важное — это скорость падения и высота. На высоте двадцать тысяч метров сработает система торможения и выстрелит парашют. Не пугайся. Тебе покажется, что скафандр взрывается, но это так и должно быть. Самое главное — если система торможения автоматически не сработает до пятнадцати тысяч, ты должен будешь запустить ее вручную. Для этого нажми галочку и крестик одновременно три раза. Все запомнил?

— Да. На двадцати тысячах метров должен выстрелить парашют. Если не выстрелит до пятнадцати тысяч, нажать три раза крестик и галочку одновременно.

— Еще нам нужно договориться, где приземляемся. Открой у себя в скафандре карту.

— Как?

— Нажми галочку, попадешь в меню. Выбери колесиком пункт два. Выбери Фокос. На карте найди Змеинный Каньон. Карта прокручивается при помощи шарика, приближается и отдалляется колесиком.

— Нашел. Видишь пятиугольную светлую область?

— Сейчас, подожди. Я не могу найти... А вот нашла. Вижу.

— Это гладкие скалы, туда и приземлимся.

— Ты что, знаешь эти места?

— Конечно. Когда приземлишься, главное не становись на песок. Сядь где-нибудь на скале, я тебя сам найду.

— Хорошо. Когда раскроется парашют, ты увидишь на экране карту поверхности. Это та область под тобой, в которую

ты можешь приземлиться. Чем ты ниже, тем меньше эта область. При помощи шарика ты можешь водить курсором по карте. То место, куда показывает курсор — это место приземления. Система управления парашютом сама доведет тебя туда. При слабом ветре погрешность составляет квадратный метр.

— Понял.

— Ну, тогда отстыковываемся. — Загорелась какая-то лампочка, и раздался писк. — А черт! Забыла дверь закрыть... — сказала Джута и нажала кнопку. Писк прекратился.

Медленно открылся люк в полу. Глухо щелкнув, отцепились крепления, и шаттл провалился в черную бездну. Центробежная сила начала относить его все дальше и дальше от корабля. Фокус был уже совсем близко. Когда Джута разворачивала корабль, ярко желтый диск закрыл собой весь иллюминатор. Коричневые каньоны и зеленые скалы были уже отчетливо видны с такой высоты. Шаттл с огромной скоростью падал на планету, и Джута развернула его основными двигателями вниз, чтобы замедлить падение. Из иллюминатора еще был виден космос, но шаттл уже прилично потряхивало. Небо вокруг постепенно меняло цвет с черного на темно синий, а затем на голубой. Корабль трясло все сильнее и сильнее. Корпус то и дело издавал пугающий скрип. Воздушный поток вырывал снаружи все, что торчало и было плохо закреплено. Когда двигатели стали бесполезны, Джута решила положить корабль на брюхо. В иллюминаторе появился еще изогнутый горизонт. Падая плашмя, шаттл начал спускаться почти с постоянной скоростью, но вибрация усилилась. Шаттл начал крениться то в одну, то в другую сторону. Жестом Джута показала Зэну, чтобы тот выходил. Преодолевая тряску, Зэн и Джута, наконец, выбрались из кабины в грузовой отсек. Они прижались спиной к перегородке кабины и начали ждать, как вдруг из-за ящика выпал человек одетый в тюремную робу. Его мотало от стены к стене. Он пытался встать, но из-за тряски у него не получалось. На мгновение взгляды Джуты и этого человека пересеклись. Его глаза не светились фиолетовым. Раздался скрежет металла, и полоса дневного света проникла в грузовой отсек. Еще мгновение. Хлопок. Обломки шаттла унеслись куда-то вверх, и Джута уже, кувыряясь, падала в воздухе.

Система торможения сработала как положено. Языки пламени вырвались из скафандра со всех сторон. Выстрелил парашют,

и Джута повисла на стропах. Наступила тишина. Джута открыла глаза, и голубой свет ослепил ее. На Галеоне, откуда Джута была родом, из-за влажности, небо было серым даже в ясную погоду, а здесь ни одно облачко не нарушало совершенной небесной чистоты. Джуте казалось, что нет и не может быть ничего прекрасней этого голубого света. На глаза ее навернулись слезы, и страшные воспоминания вдруг поблекли, как если бы были сном. Лишь первозданная красота фокосского неба наполняла ее душу, и о существовании чего-либо иного ничто не напоминало кроме обломков космической тюрьмы, падавших вереницей светящихся точек вдалеке.

Джута мягко опустилась на поверхность, выбрав для приземления огромный плоский камень. Освободившись от парашюта, она осмотрелась. Кругом была безжизненная каменистая пустыня. Казалось невероятным, что эта планета обитаема.

— Зэн! — радостно закричала Джута, увидев выходящего из-за скалы Зэна.

Джута радостно подбежала и, закрыв глаза, прижалась к нему на столько, насколько позволяли скафандры. Если бы не они, Зэн обнял бы Джуту, но все, что он смог сделать — это положить руки ей на плечи. Так они простояли несколько секунд.

— Ну как ты? Цела?

— Да, со мной все в порядке.

Джута открыла глаза и увидела, что Зэн с улыбкой смотрит на нее. Их взгляды пересеклись, от чего Джута смутилась и, слегка покраснев, тут же ослабила объятья, затем отошла и с деловым видом начала осматривать окрестности.

Они стояли на гладкой, невысокой, обточенной ветром скале посреди бескрайней каменистой пустыни. Где-то в двадцати километрах от них, на горизонте виднелась естественная каменная стена — это был Змеиный каньон. Ни каких признаков присутствия человека видно не было, если не считать клубов дыма от разбившегося неподалеку шаттла и дорожки следов на песке, оставленных Джутой.

Радость мгновенно сменялась паникой. Джута понимала, что их никто не будет здесь искать. Кому пришло бы в голову, что кто-то мог покинуть падающую станцию подобным образом? К тому же, если бы их и попытались найти, обнаружить двух че-

ловека в бескрайней пустыне было бы крайне сложно, учитывая зону поиска, которая при падении из космоса составляла десятки тысяч квадратных километров. Поняв, что выбраться из этой пустыни им, возможно, не удастся, Джута села и заплакала.

— Ну что с тобой? Не плачь, — успокаивал ее Зэн. — Все хорошо, мы же выбрались.

— Ни черта мы не выбрались! — отмахнувшись от него, крикнула Джута. — Посмотри вокруг! Кто нас будет здесь искать? Лучше бы мы разбились! Я не хочу погибнуть от жажды в этой пустыне.

— Не бойся. Я раньше здесь жил. Поднимайся, я расскажу тебе про это место.

Зэн поднял Джуту на ноги, встал сзади и начал показывать окрестности, поворачивая ее в нужную сторону.

— Мы находимся возле Змеиног каньона. Это моя родина.

— Ты пришелец?

— Да. Я жил здесь долгое время. Смотри, вон там, за скалой, космодром. На него мы бы сели, если бы спускались как положено. Вон там, исследовательский центр. Он совсем близко, но его не видно за горизонтом. Здесь часто бывают песчаные бури. Видишь, скала, на которой мы стоим, какая гладкая. Это от ветра с песком. Из-за этих ветров все строения на поверхности укреплены и не выше одного этажа в высоту, а все остальное под землей. Поэтому этажи на Фокосе считаются всегда сверху вниз.

— Ну вот, обрадовал. А если начнется песчаная буря, что мы будем делать?

— Не начнется — не сезон. Видишь два ущелья. Вот то, небольшое — это ущелье Намуко. Оно названо в честь ученого Юя Намуко. Он первым описал взаимодействие магии с физическими полями. А вот то большое ущелье, названо именем Учителя Сириуса — человека, который когда-то повел людей за собой сюда, на Фокос. Те люди обрели Землю обетованную и основали на ней Страну пришельцев.

— Нам-то, что делать? Ты предлагаешь идти туда пешком?

— Нет. Мыждемся заката, а потом я пойду за помощью.

— Хочешь сказать, что ты пойдешь за помощью, а я останусь здесь?

— Да. Лучше будет, если я пойду один.

— Нет, — умоляющим голосом произнесла Джута. — Не

оставляй меня здесь одну. Я боюсь.

— Не бойся, я быстро доберусь до песчаных призраков и пришлою помощь. Они хорошо знают пустыню и быстро тебя найдут.

— До песчаных призраков?

— Да, а что? Чего ты испугалась?

— Они ведь дикари! Я их боюсь.

Зэн громко рассмеялся.

— Кто тебе сказал? — сквозь смех произнес Зэн.

— Ну... Я слышала, — смутившись, ответила Джута.

— Песчаные призраки в основном только тем и занимаются, что отыскивают в пустыне заблудившихся. Они найдут тебя и отведут на космодром.

— Можно я пойду с тобой?

— В скафандре ты далеко не уйдешь, а без скафандра быстро вспотеешь и израсходуешь всю воду. К тому же ночью здесь очень холодно. В своей одежде ты замерзнешь.

— А ты?

— На мне ряса. Она сделана из специальной ткани — днем в ней прохладно, а ночью тепло. В общем, я быстро доберусь — я буду практически бежать. Не волнуйся, в этом скафандре тебе ничего не угрожает. Пойдем, сядем в тень.

Они спустились к подножью скалы и сели в небольшом углублении, где каменный навес образовывал тень.

— Судя по солнцу, сейчас около семнадцати часов по фокосскому времени, — сказал Зэн, глядя на небо. — Значит, до заката ждать три часа — три фокосских часа.

Возникла пауза.

— Расскажи о себе, — поддержала разговор Джута. — За что ты попал в тюрьму? Ты не похож на уголовника.

— Это долгая история.

— Ну... У нас есть время.

— Моя дочь участвовала в демонстрации протеста против националистских законов, принятых новым правительством...

«Если у него есть дочь, значит, вероятно, есть и жена, — подумала Джута, и эта мысль вернула ее с небес на землю. — Ну конечно! Не может быть, чтобы такой мужчина в его возрасте был одинок и не имел детей, тем более, если он пришелец».

— Демонстрацию разогнали, — продолжал Зэн. — Началась драка. Откуда не возьмись, появились молодые националисты...

Короче, в этой неразберихе убили полицейского, и обвинение пало на мою дочь.

— Кошмар!.. И что теперь с ней? Ее арестовали?

— Нет. Она скрылась, и теперь ее никто не найдет.

— А причем здесь ты?

— Вначале меня обвинили в укрывательстве, но этот факт не удалось доказать.

— Тогда как ты очутился в тюрьме?

— Есть такой закон — «Закон о неблагонадежных иммигрантах».

— Никогда не слышала.

— Его приняло новое правительство совсем недавно. По нему, любой иммигрант, совершивший преступление или правонарушение, навсегда лишается права проживания в стране. Неблагонадежными считаются также и те, чьи родственники совершили преступление. Меня депортировали по этому закону.

— А почему ты оказался в камере с уголовниками?

— Меня депортировали прямо из следственного изолятора. Там не особенно разбирались — кто есть кто.

— Прости, я вижу тебе больно об этом говорить, — сказала Джута, заметив грусть в глазах Зэна. — Давай сменим тему?..

— Скажи, а почему вас называют пришельцами? — достаточно странное слово.

— Это все из-за неправильного перевода, — ответил Зэн. — В катонийском есть два слова: «ёино» и «бино». Первое означает «переселенец» — то есть тот, кто переезжает. Второе, означает «пришелец», «чужестранец» — то есть тот, кто приезжает. Те катонийцы, что после цунами переселились в другие страны на Титане, назывались бино, мы же всегда называли себя ёино. Алларийцы не выговаривают катонийское «ё», и постепенно всех катонийцев стали называть бино, а потом это слово еще и перевели на алларийский. Получились «пришельцы».

— Теперь понятно. А кем ты работал на Галеоне?

— Я преподавал историю и политологию в Университете экономики и права в Цитадели.

— А я вот совсем не разбираюсь в политике. Я, хоть убей, не могу запомнить кто такие правые, кто такие левые и чем они отличаются.

— Ну, тебе, как простому избирателю, о правых и левых до-

статочно знать не многое. В современном обществе существуют две группы людей с противоположными интересами — это работодатели и наемные рабочие. Грубо говоря, владельцы компаний хотят, чтобы рабочие трудились двадцать четыре часа, семь дней в неделю бесплатно. Рабочие же, наоборот, хотят получать деньги и льготы, ничего не делая. Так вот, правые защищают интересы работодателей, а левые — наемных рабочих. Правые стараются дать больше самостоятельности частным компаниям, и вообще отдельным людям. Они стремятся к тому, чтобы экономика была как можно менее регулируемой и основывалась на принципах естественного отбора. Левые, напротив, борются за социальную справедливость, за равенство людей независимо от их умственных и физических способностей. Левые вообще считают естественный отбор в обществе чем-то негуманным, тогда как правые утверждают, что он неизбежен. На самом деле и те и другие заблуждаются в некоторых вещах, но и те и другие выполняют свою важную функцию. Мировая экономика подобна океану, по которому постоянно гуляют волны. Государства — это корабли. Волны бьют их то справа, то слева, раскачивают, кренят, и если команда зазевается, всего одна волна может перевернуть корабль, и он утонет.

Когда государство накрывается вправо, экономика начинает стремительно развиваться. Кто-то обогащается, кто-то разоряется. Конкуренция постоянно растет, и в конечном итоге жизнь всех людей превращается в постоянную добычу денег для выживания. Культура постепенно превращается в шоу-бизнес; гибнет фундаментальная наука. Со временем у людей развивается социальная близорукость — это такое состояние, когда человек настолько занят, что у него не остается времени, да и желания, остановиться и подумать. Он стремится к выгоде в краткосрочной перспективе, здесь и сейчас, не задумываясь о последствиях. В конечном итоге общество обрывает нестабильными финансовыми конструкциями — мыльными пузырями: финансовыми пирамидами, необеспеченными кредитами, неликвидными ценными бумагами... Выхода из этого положения два: государство либо резко переваливается влево, либо переворачивается и идет ко дну.

Но и левый крен не менее опасен. В нем государство начинает заботиться обо всех, и, если оно богато, достается каждому. Однако все идет хорошо до тех пор, пока у страны есть деньги, но

представь себе, что по каким-то причинам государство обеднело. Это может быть что угодно — катаклизм, война или экономический кризис в другой стране, не важно. В этот момент вдруг оказывается, что большая часть предприятий нерентабельны, а рабочая сила чрезвычайно дорога. Сократить никого нельзя, потому что всех защищает трудовое законодательство и профсоюзы. Уменьшить зарплаты нельзя по той же причине. Между тем, товары производимые предприятиями, оказываются неконкурентоспособными, потому что, в отсутствии конкуренции, при полной социальной защищенности, об их качестве никто не заботился. Государство начинает раздавать последние деньги всем подряд лишь бы не допустить безработицы, которая все равно случается, потому что для предприятий стесненных социальными обязательствами банкротство становится единственным выходом. В итоге, результат тот же самый: невыплаты по долгам, обесценивание валюты, нищета, и выхода тоже два: либо резкий кувырок вправо, либо гибель.

Так и болтает государство из стороны в сторону, если у него нет внутреннего маятника, который гасил бы эти колебания. Таким маятником может быть, например, симметричная двухпартийная система. Идеальное государство должно уметь становиться то правым, то левым, когда ему это выгодно, а не вследствие качки. Вот ты за кого голосовала на выборах?

— На каких выборах?

— Как? Ты даже не знаешь о выборах?

— А! Ты про выборы президента? Я не голосовала, я была тогда в походе. Я работала пилотом в одной транспортной компании.

— Как же вы так работали, что даже не знали о происходившем на родине?

— Мы постоянно были в рейсах. На планеты даже не спускались — от одной орбитальной станции до другой. Нас даже вынуждали нарушать правила полетов, чтобы сэкономить время. Выбора особенно не было и мы нарушали. Потом, как-то раз, мы попали в аварию — столкнулись на выходе из стыковочной зоны с другим кораблем. Хорошо, что ни кто не пострадал. Естественно, во всем обвинили меня как пилота. В общем, меня отстранили от полетов и назначили наказание — исправительные работы. В той проклятой тюрьме я была медсестрой.

— Значит, из тебя сделали крайнююю...
— Получается так. Ну да ладно. А на счет выборов я не знаю. Из наших вообще никто не голосовал.

— Вообще, ты должна была проголосовать на одной из орбитальных станций заранее.

— Нам никто об этом не сказал. Хотя подожди... Как раз перед последним рейсом, капитан зачем-то собрал у всей команды паспорта, а потом вернул, ничего не объяснив. Мы еще думали, для чего он это сделал?..

— Все понятно. Значит, кто-то проголосовал за вас.

— Получается так. И что теперь?

Зэн рассмеялся.

— Кошмар! Ты вообще ничего не знаешь?

— Не знаю. Расскажи.

— Вопреки всем ожиданиям, во второй тур прошел лидер Социалистической партии Галеона — Демми Арчиус. Вместе с ним прошел лидер ультраправой партии Новый Галеон — Юли Зэус, что было более чем предсказуемо. Пропаганда твердила, что Арчиус — безнадежный кандидат, что за него проголосуют только три-пять процентов граждан, то есть исключительно сочувствующие пришельцам. «В конце концов, он — пришелец, а какой здравомыслящий галеонец будет голосовать за пришельца?» — так они рассуждали. Однако, людям до того надоело господство корпораций, что они проголосовали бы хоть за черта с рогами, лишь бы против них. Арчиус обещал людям принять такие законы, которые уравнили бы в правах бедных и богатых — законы, защищающие права сотрудников и расширяющие ответственность работодателей. Арчиус обещал вывести экономику Галеона из кризиса, в котором она находится со времени окончания войны корпораций.

— Разве экономика Галеона в кризисе?

— Конечно. Видимое благополучие обманчиво. Ты, наверное, знаешь, что многие Галеонцы боятся и ненавидят пришельцев. Началось это не так давно. Зэус разжег эту ненависть. Он обвиняет пришельцев в заговоре против Галеона. Он утверждает, что на Титане власть тайно уже принадлежит пришельцам, что в лабораториях Фокоса разрабатываются образцы оружия, при помощи которых Титанианская армия захватит Галеон. Он хочет развязать войну на Фокосе.

— Бред какой-то.

— Да, хорошо продуманный бред — простой и понятный. Многие на Галеоне в него верят.

— Тогда зачем Титану давать Галеону независимость?

— Зэус утверждает, что это делается для того, чтобы ослабить экономику Галеона. Многие товары, например, продовольствие, на Галеоне не производятся, либо их производится очень мало. Зэус утверждает, что Титан попытается задушить Галеон ценами на эти товары. Когда Галеон введет свою валюту, она мгновенно обесценится. Цены повысятся, и в этом естественно обвинят Титан якобы захваченный пришельцами.

— А почему именно пришельцы им покоя не дают?

— Понимаешь, именно пришельцы разрабатывают технологии, делающие галеонские товары неконкурентоспособными. Земля обетованная толкает прогресс, от которого галеонцы отстают. Если разработки прекратятся, Титан по-прежнему будет нуждаться в Галеоне. К тому же, галеонские корпорации, как ни кто, умеют делать деньги на войне. Война даст заказы оружейным и транспортным компаниям, у добывающих компаний появятся каналы сбыта и так далее. Война расшевелит галеонскую экономику.

— Понятно. Но ведь так они тоже долго не протянут. Война то рано или поздно закончится.

— А кого это волнует?..

— Так Зэус все-таки победил на выборах?

— Конечно. Корпорации сделали все для этого. Сам Зэус был уверен в легкой победе. Правда, все пошло не совсем так, как планировалось. С небольшим преимуществом во втором туре все-таки победил Арчиус. Все СМИ сразу начали кричать, что результаты сфальсифицированы. Конечно, сфальсифицированы. Только в пользу Зэуса. Я уверен, что за Арчиуса проголосовало больше. Однако Зэус не собирался сдаваться. Партия Новый Галеон подала в суд. Поводом для подозрений было большое количество наблюдателей от титанианской Аллории. Титанианская конфедерация всегда поддерживала Социалистическую партию, и, естественно, обвинения в подтасовках пали на них. Мол, они замечали нарушения только со стороны Нового Галеона, а на подтасовки социалистов закрывали глаза. На суд оказывали огромное давление. Новый Галеон требовал от суда безоговорочного признания

Зэуса президентом, но суд не имел на это права и пошел на компромисс. Был назначен третий тур выборов. По решению суда, количество независимых наблюдателей было уменьшено вдвое, и это позволило Зэусу, хоть и с небольшим преимуществом, но победить. После победы Зэуса между его сторонниками и пришельцами началась информационная война. Из всех источников массовой информации в адрес пришельцев лился поток обвинений во всех смертных грехах. Всеми силами правительство пыталось разжечь в людях ксенофобские настроения, и это удалось. Пришельцы очень быстро стали изгоями. По всей видимости, скрытой целью этого было спровоцировать вооруженное восстание, обвинить в этом пришельцев и создать повод для высадки войск на Фокосе.

— Я и не знала, что на Галеоне происходят такие вещи...

Прошло три часа.

— Солнце скоро сядет, — сказал Зэн, посмотрев на небо. — Мне пора идти.

Зэн снял с себя скафандр, расправил скрученную валиком рясу и начал разминаться.

— Ты вернешься? — спросила Джута.

— Думаю, нет. У меня дела здесь. Я пришлю помощь, а сам отправлюсь в каньон.

— Значит, мы никогда больше не встретимся... — Джута не скрывала сожаления, а наоборот, всеми силами старалась, чтобы Зэн его заметил.

— А ты хочешь встретиться?..

— Очень...

— Значит, возможно, встретимся... — Зэн посмотрел Джуте прямо в глаза. — Ну, тогда до встречи... Ни в коем случае не выходи на песок.

Как и обещал, Зэн почти бегом направился в сторону каньона, а Джута провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду.

Эпизод 4

Битва драконов

На фокосскую пустыню опустилась ночь. Джута сидела под скалой, поджав ноги, и разглядывала кусочек звездного неба, видневшийся в промежутке между скалами. Звезды здесь горели ярко — почти как в открытом космосе. Одна из них, светившаяся голубоватым светом, была значительно больше остальных — это был Титан. Джута хоть и очень устала за прошедший день, все равно не могла заснуть из-за доносившихся со всех сторон звуков. Возможно, они и были здесь всегда, но при свете дня Джута на них не обращала внимания. Блуждавший между скал ветер то и дело завывал подобно волку. Шуршание оторванных от корней сухих кустарников напоминало чье-то сопение. Казалось, что в трещинах кто-то ползал, скребя по камням своими когтями. То и дело слышался треск остывавших камней, некоторые из которых лопались, издавая громкий хлопок. От каждого такого хлопка Джута вздрагивала, ее сердце начинало беспокойно биться, а медленно поглощавший ее сон тут же отступал. Хлопки камней напоминали ей тот звук, что она слышала в каюте капитана, и ужасные образы снова вставали перед глазами.

Джута ничего не видела в крошечной мгле и, вспоминая все, что знает о пустынях, пыталась объяснить себе происхождение каждого из звуков. Ей это почти удавалось, но один — самый пугающий звук — она никак не могла объяснить. Время от времени, издалека, скорее всего из каньонов, он разносился по пустыне и был похож одновременно и на рев слона, и на скрип гнущегося металла. Звук не был очень громким, но, задевая какие-то пота-

енные звериные инстинкты, он вызывал непреодолимое желание, не оглядываясь, бежать прочь. В эти секунды Джута поймала себя на мысли, что теперь знает, что значит: «волосы встают дыбом». От этих пронзительных звуков каждый волосок на ее теле немного шевелился. Успокаивало только то, что звук этот не приближался, а каждый раз возникал приблизительно в одном и том же месте.

Джута заметила, как по скале напротив чиркнул тусклый луч света. Он мелькал из стороны в сторону, становясь все ярче и ярче. Послышался молодой женский, скорее даже девичий, голос.

— Ау!.. Есть здесь кто?.. — прокричал голос на алларийском без акцента. — Ау, выжившие! Или вас уже змеи поели?

— Я здесь! — радостно закричала Джута и несколько раз попыталась встать, но скафандр жутко мешал.

В следующее мгновение яркий свет ударил Джуте в лицо.

— Вот ты где, — сказал девичий голос из темноты.

— Привет, — робко произнесла Джута.

— Привет. — Силуэт протянул Джуте флягу. — Пить хочешь?

— Да, очень.

— На, держи. Ты одна?

— Да, одна.

Днем Джута сидела с открытым скафандром, и горячий сухой воздух медленно иссушал ее тело. Схватив флягу, она стала жадно хлебать воду пока не почувствовала тяжесть в животе. От страха Джута даже не замечала, как сильно хочет пить. Утолив жажду, она со словами благодарности вернула флягу.

Как не старалась Джута, но зайчики от света фонаря, ни как не давали разглядеть лица девушки. Она была невысокого роста, одета в обычный костюм песчаного призрака, который Джута еще в детстве видела на картинке: песочного цвета рубаха, кожаный корсет, опоясанный множеством ремешков с креплениями для различного снаряжения, кожаные поручи также с креплениями, кожаные перчатки с ребристым покрытием на внутренней стороне, чтобы руки не соскальзывали с камней. На девушке были штаны из той же ткани, что и рубаха; они были заправлены в мягкие высокие кожаные ботинки с толстой ребристой подошвой, предназначенной для ходьбы по раскаленным камням. На голове девушки была завязана белая бандана, а на шее — белый шарфик который, если его поднять на лицо, превращался в маску

песчаного призрака. За спиной у девушки висел большой рюкзак, который, казалось, был больше ее самой. Судя по голосу, девушка была еще совсем юной.

— Скажи мне свое имя, и еще, было бы идеально, если бы ты вспомнила номер своего галеонского паспорта.

— Джута Лейнец. Номер паспорта КТ-723-53-72. — Джута была удивлена таким вопросом от песчаного призрака — у нее создалось впечатление, что она проходит пограничный контроль.

Девушка включила передатчик и начала рапортовать на катонийском.

— Ты отвезешь меня в поселок? — спросила Джута.

— Нет, — равнодушно ответила девушка. — Мы будем сидеть здесь, и ждать спасателей.

— А ты не спасатель?

— Я песчаный призрак.

С первого взгляда Джута заметила в облике девушки что-то недоброе, и только сейчас поняла что именно — из ее рюкзака торчала рукоятка катонийского дуэльного меча.

— Тебя прислал Зэн? — спросила Джута.

— Какой такой Зэн?

— Ну, со мной был еще один человек. Вечером он ушел в сторону каньона за помощью, а я осталась ждать здесь.

— Он либо идиот, либо местный. Если он не знает пустыни, думаю, он уже мертв.

— Он пришелец! — воскликнула Джута, защищая Зэна. — На нем была ряса песочного цвета. Должно быть, он светлый маг. Он сказал, что хорошо знает эту пустыню.

— Зэн говоришь? А как он выглядел?

— Высокий. На вид, лет тридцати. Черные прямые длинные волосы, забранные в хвост. Борода, не очень длинная.

— А как его фамилия? — продолжала любопытствовать девушка.

— Я не знаю.

— Ну да ладно. — Девушка поставила на землю рюкзак и начала отстегивать от него какой-то сверток. — Вот, надень это, а я пока костер разведу.

В свертке была стопка пришельской национальной одежды сшитой из ткани песочного цвета: легкие штаны, платье с длинным рукавом похожее на халат, пояс и перчатки. Там же лежали

белый пришельский платок и сапоги из мягкой змеиной кожи, такие же, как и те, что были на девушке.

— Как тебя зовут? — спросила Джута.

— Люка, — ответила девушка и протянула руку для рукопожатия.

Люка сняла с рюкзака какой-то складной посох и, соединив две части рукоятки, воткнула его в песок неподалеку. Когда она сняла чехол, прикрепленный к верхушке посоха кристалл, засиял зеленоватым светом. Кристалл был не очень ярким, но его хватало, чтобы осветить местность в радиусе метров пяти. Пока Джута выбиралась из скафандра, Люка, прихватив с собой только фонарик, куда-то убежала. Ночью в пустыне было холодно, и когда Джута все-таки сняла с себя неудобный скафандр, ей очень скоро захотелось обратно. Колотясь от холода, она спешила одеться в пришельское платье в надежде, что в нем будет теплее.

Рукава платья были длинной до запястья, само же оно заканчивалось на середине бедра. Благодаря двум разрезам по бокам платье ни сколько не стесняло движения ног, а регулируемая застежка на спине позволяла затянуть его по талии. Простое на вид оно было гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд. Внутри него был заключен секрет, тот же самый, что позволил Зэну пройти через пустыню в его рясе. Платье было двухслойным, и если верхний слой был сделан из обычного естественного волокна, которое пришельцы изготавливали из корней пустынных кустарников, то ткань внутреннего слоя была устроена гораздо сложнее. Эта мягкая синтетическая ткань белого цвета впитывала пот, оставаясь всегда сухой, но главной ее особенностью было то, что она могла нагреваться и охлаждаться в зависимости от температуры окружающей среды и количества потоотделения. В волокнах этой ткани существовала целая экосистема. Искусственно созданные бактерии — разогревающие, охлаждающие и вспомогательные — питаясь человеческим потом и частицами кожи, активировали и гасили друг друга. Их сочетание было тонко подобрано таким образом, чтобы сохранять внутри одежды температуру комфортную для человека. Бактериям требовалось время чтобы настроиться, но уже через час человек не чувствовал ни жары ни холода. Белые пришельские платки были устроены таким же образом.

Тем временем Люка вернулась с мешком, как показалось

Джуте, коричневых камней. Высыпая камни, Люка внимательно рассматривала раздетую до нижнего белья Джуту, от чего той стало неуютно.

— У тебя штрих-код на плече. Ты военная? — с недоверием спросила Люка.

— Нет. Штрих-коды сейчас ставят всем, кто работает на транспортные компании. В нем зашифрована персональная информация сотрудника. Я была пилотом корпорации Галеон-Логистика — перевозила грузы.

— Понятно.

Надев на себя все, что было в свертке, Джута поняла, что это был скорей не костюм, а еще один скафандр только более легкий и удобный. Все ее части тела, кроме лица, были скрыты под этой одеждой.

Люка достала из рюкзака длинные охотничьи спички и начала поджигать сложенные горкой камни, принесенные ею из пустыни. К удивлению Джуты, камни начали тлеть и постепенно загорелись. Запахло паленым сеном. Тихо потрескивая, костер постепенно разгорался, и Джута села поближе, чтобы согреться.

— А как ты оказалась здесь? — спросила Люка и Джута начала рассказывать подробности всего произошедшего с ней на корабле.

Порывы ледяного ветра уносили тепло, исходившее от костра. Джута сидела у самого огня, съезжившись, держа руки под теплым платком, но все равно ни как не могла согреться. Ее одежда еще не настроилась и плохо регулировала тепло.

— Тебе холодно? Накинь мой платок. — Люка сняла с головы платок и обернула им Джуту.

Теперь Джута могла разглядеть лицо девушки. Люка была еще очень молода. Хотя на вид ей было всего лет пятнадцать, ее тонкие черные глаза были исполнены холодного безразличия — как будто за плечами ее была длинная, полная страданий жизнь, и лишь здесь, в полном одиночестве, девушка обрела покой. Даже когда Люка из вежливости улыбалась, взгляд ее оставался неизменен — губы улыбались, а глаза нет. Волосы девушки сзади были коротко подстрижены, а длинная челка на левую сторону закрывала пол лица, когда Люка опускала голову. На фоне угольно черных волос выделялась тонкая полоска отросших не покрашенных корней.

— На твоей одежде кровь. Ты что, кого-то убила по дороге?
— спросила Люка, усмехнувшись.

— Не я — демон.

— Ты столкнулась с демоном? — Люка оживилась. — Расскажи.

— Да нечего рассказывать. Я была рядом, когда... В общем... В комнату ввалился одержимый. Рядом был капитан. Одержимый смотрел на него, а капитан... Он схватился за голову...

— Я знаю, — прервала ее Люка, — и голова лопнула. Демон просто вскипятил ему мозг.

— Потом одержимый упал и начал пожирать его внутренности...

— Да, одержимые едят мозги. В тканях мозга содержится много Д-белка. Он является активным агентом при взаимодействии нервных клеток с магией. Бесы умеют его усваивать в организме-носителе, уже не помню как.

— Это было омерзительно...

— Вообще, бывают два вида одержимых. Первые — это те, что одержимы бесами. Они, в общем-то, не очень опасны. Главная возня в том, что если человек одержим бесом меньше двух часов, его еще можно спасти. Есть специальное колдовство для извлечения демона из человека, поэтому не всех одержимых можно просто убить. А есть еще восставшие маги. Если мага ранили в голову, его мозг умирает, но магия тела восстанавливает ткани. Память человека при этом теряется, и маг превращается в безумное существо. Такие очень опасны. Они подчиняются лишь животным инстинктам, и если ты внезапно выскочишь перед ним, и он испугается, не удивляйся, если в тебя вдруг ударит молния или ты вдруг загорись. — Люка еще долго могла бы говорить о демонах, но, увидев шок в глазах Джуты, остановилась. — Ой, прости. Я наверно не должна тебе этого рассказывать, ты же не профессионал в этом деле. Прости.

Люка подсела вплотную к Джуте и обняла за плечо. Объятья неожиданно оказались чересчур крепкими для пятнадцатилетней девушки. Джуту обняла как будто мужская рука.

— Я тебя испугала своими рассказами?.. — говорила Люка, глядя Джуту по руке. — Прости... Защищать Землю обетованную от демонов — это наша работа. Правда, чаще приходится искать в пустыне таких как ты. Слезы в район Змеинового каньона падают

редко, а в дальние экспедиции берут только самых опытных. Я мечтаю когда-нибудь сразиться с демоном.

— Зачем тебе это?

— Ты не воин, тебе не понять... — Люка перевела взгляд на огонь и на мгновение задумалась. — Сейчас войны не те, что раньше. Сейчас какая-то возня крысиная, а вот в древности... Стоишь ты. За тобой войско. Впереди враг. Еще все спокойно — никто не кричит, не стонет, но ты понимаешь, что бой неизбежен, и уже не страшно. И вот, толпа начинает двигаться, и ты как бы растворяешься в ней. Ты уже не отдельный человек, а часть этого, и тебе не страшно, потому что ты часть. Потом начинается бой. Кругом кричат, а ты не слышишь; убивают, а тебе не страшно; тебя бьют, а тебе не больно, потому что ты часть. Тебя как бы нет..

— Прекрати. Ты так рассказываешь, как будто участвовала в таком бою.

— Типа того.

— Но ведь ты же девочка. Зачем тебе все это?..

— Девочка, мальчик — какая разница, — сказала Люка раздраженно. — Ты прям как мой отец.

— Отец волнуется за тебя.

— Отец волнуется за себя. Он не может побороть свой страх потерять меня, поэтому относится к моим поступкам необъективно. Он хочет посадить меня в клетку и не выпускать, а если и выпускать, то водить везде за ручку. Из-за этого он практически меня потерял. Мне приходится скрывать от него все на свете. Для меня нет более чужого человека, чем он.

— Это ужасно. Попробуй понять его...

— Я его понимаю, — перебила Люка. — Я прекрасно знаю, что такое страх за себя и за других. Просто у некоторых людей есть такая слабость — считать своих детей глупее себя. Мой учитель говорил: «Тот, кто не может побороть собственные страхи, не сможет научиться доверять другим, а значит, обречен на одиночество». Много лет я боролась со страхом и недоверием, и поборола, а он не может — он безвольный.

— А у меня, вот, вообще нет родителей, — с грустью сказала Джута. — Я детдомовская.

«Дочь войны» наверное?.. Может быть, оно и к лучшему. Если у тебя нет родителей, ты никогда не узнаешь, что значит их потерять...

— Как ты можешь так говорить! Откуда ты знаешь, что такое потерять родителей!

— Знаю! Моя мать погибла два года назад, а отца я теряла постепенно, на протяжении многих лет. Так что, я теперь тоже — сирота.

Повисло молчание.

— Есть хочешь? — резко изменила тему Люка.

— Да.

— У меня есть змеиное мясо.

После этих слов Люка начала совершать действия, со стороны похожие на мистический ритуал. Она села перед костром, положила руки на колени, слегка склонила голову и закрыла глаза. Почти сразу же, откуда-то из темноты прикатились несколько небольших камней. Затем, прикрепленный к рюкзаку меч, самостоятельно выполз из петли и медленно подполз к хозяйке. За мечом, из рюкзака появился какой-то сверток и тоже остановился возле Люки. Джута заморожено следила за происходящем. Люка открыла глаза, выбрала из подкатившихся камней четыре приблизительно одинакового размера и положила их возле костра — по два с каждой стороны. Затем, она обнажила меч и положила его на камни поперек костра заточкой вверх так, что его изогнутый клинок образовал над костром небольшую арку. После этого Люка развязала сверток. В нем лежала вакуумная коробка с порезанным кубиками белым мясом. Там же лежали бамбуковые палочки, при помощи которых пришельцы ели горячую еду.

— Палочки только одни, — сказала Люка, — так что, будем есть по очереди.

— Я не умею есть палочками.

— Значит, я буду тебя кормить, — сказала Люка и расплылась в довольной улыбке.

Она насадила кусочки мяса на лезвие и начала раздувать костер. Огонь уже потух — остались только маленькие угольки. Кусочки змеиного мяса казались Джуте очень аппетитными, от чего слюна постоянно набегала, и Джуте приходилось ее сглатывать.

— Ты колдунья? — спросила Джута.

— Да, немного. Иногда это очень удобно.

— А из чего вы делаете палочки? Здесь же вроде ничего не растет.

— Из бамбука. Он растет на подземных озерах. Там же мы выращиваем рис.

Тихо потрескивая, белые кусочки мяса постепенно высыхали и приобретали желтоватый оттенок. Люка время от времени нажимала на них палочками, проверяя готовность. Наконец она сняла один кусок и откусила половину.

— Ммм, — довольно промычала Люка, пробуя жареную змею. — Круто...

Сняв палочками следующий кусок, Люка аккуратно поднесла его ко рту Джуты.

— Осторожно горячее... Нравится?

— Да, такое нежное. Похоже на рыбу, только без вкуса рыбы.

— Оно очень питательное. Несколько кусочков хватает, чтобы наесться на полдня.

— А с мечом ничего не случится? От нагрева сталь не теряет свойств?

— Нет. Он сделан из особого композита. Нагревание на костре ему не повредит.

— А из чего ты развела костер? Похоже на простые камни.

— Это змеиный помет.

— Помет?

— Да. В песке он высыхает и становится как камень. Когда сухой, он хорошо горит.

— Фу, какая гадость. — Джута сморщилась. Казалось, ее сейчас вырвет.

— Успокойся, — хихикнув, сказала Люка. — Эти змеи питаются только корнями кустарников. Их помет совсем не похож на обычное дерьмо, скорее на уголь или торф. Когда свежий, он пахнет мокрой травой.

Закутанная в два платка Джута уже согрелась, а вот Люка, наоборот, начала промерзать. Заметив это, Джута сняла с себя второй платок и обернула голову Люки, а сама подседа поближе. В эту секунду из каньона снова раздался рев, от чего Джута вздрогнула.

— Ты что, испугалась? — спросила Люка, почувствовав это.

— Что это?

— Это Дракон, — с улыбкой ответила Люка.

— Дракон? — встревожено переспросила Джута.

— Да. — ответила Люка и рассмеялась. — Есть такая леген-

да. Она появилась в первую фокосскую войну. По легенде, где-то в Змеином каньоне живет царь всех змей — Великий дракон. Он защищает каньон от тех, кто приходит со злыми намерениями. Пришельцев он не трогает, уже не помню почему. Мне папа рассказывал эту легенду давно. Вроде бы пришельцы его от кого-то спасли или напоили, не помню.

— А на самом деле это что?

— На самом деле в Змеином каньоне скалы как бы живые — они движутся то вверх, то вниз. Здесь постоянно немного меняется рельеф. По легенде это из-за того, что под скалами ползает дракон, но, на самом деле, это из-за перепада температур. Пока скала поднимается вверх, под ней накапливается воздух. В какой-то момент, скала опускается, и воздух со свистом выходит через щели между камнями, а скала со скрежетом опускается вниз. Когда этот звук много раз отражается от скал, к нему еще добавляется эхо.

— Спасибо, что объяснила, а то у меня от этих звуков волосы дыбом встают.

— Ты такая пугливая... — хихикнув, сказала Люка. — На самом деле, легенды легендами, но в каньоне без проводника действительно может быть опасно. В первую фокосскую войну в каньоне пропал целый отряд галеонцев, без следа.

— Как? Совсем?

— Совсем. И никто не знает почему.

— Да с ним, наверное, ваши что-то сделали.

— Наверно, но в этом есть мораль. Каньон — опасное место. Бродить по нему без необходимости не стоит.

— Я еще хотела спросить. Зэн сказал мне, что я не должна становиться на песок. Почему?

— Знаешь, почему этот каньон называется Змеиным?

— Нет.

— Смотри.

Люка достала из коробки кусок сырого мяса и с недоброй улыбкой бросила на песок. Песок зашевелился, и в следующее мгновение из него выпрыгнули две хищные змеи. Схватив мясо одновременно, они начали извиваться и вырывать кусок друг у друга прямо из пасти. В клубах пыли все чем-то, видимо, разрешилось и, когда пыль осела, на песке остались лишь извилистые следы.

— Не бойся, на камни они не заползают, — улыбаясь, успокоила Люка перепуганную Джуту. — Ну да ладно, пошли спать. Уже поздно. У меня только один спальный мешок, но мы вдвоем туда поместимся. Ты не против?

— Да нет.

— Вот и хорошо. Так даже теплее будет.

В спальном мешке было хотя и тесно, но зато тепло. Люка лежала, обнимая меч двумя руками, как ребенок мягкую игрушку. Где-то вдали убаюкивающе монотонно завывал ветер.

— А свет мы не будем выключать? — спросила Джута.

— Нет, он отпугивает ящериц, — ответила Люка, не открывая глаза, и, зевнув, добавила: — если выключить, они могут в мешок заползти.

— Понятно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

За несколько дней до этого, в Цитадели, Юли Зэус готовился к своему первому обращению к народу в качестве президента независимого Галеона. На площади перед Башней Империи собрались тысячи людей, поддержавшие его на выборах: полицейские, наемники, националистически настроенная молодежь... Из окон своих кабинетов в небоскребах делового центра за происходящим наблюдали голосовавшие за Зэуса менеджеры старшего поколения. Вокруг Площади Империи, стараясь подлететь как можно ближе, кружили вертолеты телекомпаний.

Церемония была обставлена по галеонски помпезно. Специально для выступления перед зданием правительства была сооружена огромная трибуна. По бокам ее висели огромные флаги с гербом партии Новый Галеон, который теперь уже стал почти государственным. От трибуны в здание тянулась ковровая дорожка, по которой уже шел новоизбранный президент. На площади играл гимн независимого Галеона. Гул толпы приветствовавшей президента нарастал, по мере того как он приближался к выходу.

«Я — президент! Я! Президент!.. — вертелось в голове Юли Зэуса. — Этого не может быть, но это — так. Я — президент!..»

Как и было обещано, за два года он добился всего. Из мальчишка на побегушках он превратился, как ему казалось, во «владыку мира» — в самого главного среди самых главных — в президента самой великой, самой богатой страны. Люди на Галеоне традици-

онно трепетали перед чинами, а система власти здесь была демократической лишь по форме, но авторитарной по сути. Президент на Галеоне был почти всемогущим.

Он стал президентом, и все было бы идеально, если бы не заключенный два года назад договор. Та загадочная колдунья появлялась время от времени, давая указания, с кем и когда встретиться, что кому сказать... Иногда она извещала о событиях, которые должны были произойти, что давало Зэусу тактические преимущества. Колдунья помогала ему, но каждое ее появление превращало Зэуса в трусливого мышонка. Когда она была рядом, когда она говорила с ним, его единственным желанием было — чтобы она поскорей исчезла, но колдунья, как будто чувствуя это, всегда издевательски затягивала разговор — расспрашивала его о всяких посторонних вещах, задавала неудобные вопросы. За два года она узнала о нем все, а он о ней ничего. Зэус был беспомощен перед колдуньей, и чем выше было его положение в обществе, тем сильнее становилось желание от нее избавиться. Однако было уже полгода, как эта женщина исчезла. С тех пор как Зэус стал лидером партии Новый Галеон, все шло своим чередом. Загадочная женщина не появлялась, и Зэус совсем забыл о договоре, но вдруг, у самого выхода, у него на пути встала она, как всегда, вся в черном и как всегда с загадочной, едва заметной, улыбкой, которую Зэус считал издевательской.

— Приветствую вас, моя госпожа, — слегка заикаясь, испуганным голосом поприветствовал ее президент Зэус. Уже давно он называл колдунью госпожой через силу. — «Я — президент. Какая, к черту, госпожа!» — промелькнуло у него в голове, и Зэус испугался этой мысли — как будто колдунья могла услышать ее.

— Ликуете, господин президент? — спросила женщина.

— Да, моя госпожа, — ответил Зэус, как будто отпартовал.

— Я вот что подумала: вы добились того чего хотели, я — тоже. Я решила не мучить вас больше и предоставить вам свободу.

— Свободу? — удивленно переспросил Зэус.

— Да. Вы больше не подчиняетесь мне. Прощайте, президент Зэус.

С этими словами, колдунья, пройдя мимо него, скрылась в коридорах Башни Империи. У Зэуса как будто земля ушла из-под ног. Сердце заколотилось, в глазах потемнело, и две капли холодного пота скатились по спине. Еще несколько секунд на-

зад уверенный в своем превосходстве над всеми человек стоял побледневший, не зная, что ему делать дальше.

«Что означает это прощание? — думал он. — Неужели я сделал что-то не так и попал к ней в немилость? Что будет дальше? Свобода? К черту свободу! Я не просил свободы. Мы так не договаривались. Слава, деньги, власть, но зачем свобода? Что это означает — свобода?»

Немного оправившись от шока, Зэус достал платок, вытер пот со лба и медленно пошел на трибуну. Его ноги как будто стали свинцовыми. Он шел как немощный старик туда, где в ожидании его на площади бесновалась толпа. Подойдя к трибуне, он остановился, посмотрел под ноги и, как будто пересилив себя, сделал последний шаг.

— Граждане независимого Галеона, — начал он свою речь. — Вы сделали свой выбор... — С отработанной интонацией он произносил пламенные речи о будущем Галеона — о том, каких успехов достигли галеонцы, и какое процветание их ждет. Как всегда, он говорил это уверенно и потому убедительно, но в его глазах был страх не заметный толпе. Едва слышно что-то просвистело над площадью, и президент упал. Толпа смолкла. Тут же на трибуну вбежали охранники. Зэус лежал на спине; его грудь была вдавлена; ковер под ним был залит кровавым месивом, а на мертвом лице президента застыла гримаса ужаса. Зэус всегда мечтал о славе. Едва ли на Галеоне чем-то можно было добиться большей славы, чем смертью в прямом эфире пяти крупнейших телеканалов.

С огромной скоростью, но неспеша по космическим меркам, спасательная лодка «Надежда» летела по направлению к Фокосу чтобы, сделав петлю, вернуться домой на Титан. Марчи сидел у иллюминатора, уставившись на млечный путь. Хотя глаза его были открыты, сознание витало далеко — там, у самой границы ядра Пояса черны, где несколько часов назад он впервые столкнулся с демоном. Марчи смотрел на бесконечные россыпи звезд, и они казались ему белыми пузырьками воздуха внутри огромной кипящей амебы, окутавшей всю галактику.

Еще вчера Марчи считал, что в столкновении с демоном нет ничего страшного. «В конце концов, каждый демон — это всего лишь существо со своими сильными и слабыми сторонами. На-

дежное снаряжение и правильная тактика — все, что нужно для победы над любым демоном», — так думал Марчи всего несколько часов назад. Однако тогда он не учитывал некоторых факторов — страх, непредсказуемые случайные события, ответственность за жизни других людей... Марчи прекрасно знал, что самым эффективным оружием против амев были гранаты, но из-за банального страха он забыл об этом — Даг помнил, а он забыл. Марчи было стыдно. Он не мог простить себе страха. Он никогда не считал себя трусом, но на поверку оказался им, как ему самому казалось. Больше всего он боялся, что теперь, каждый раз перед боем, он будет вспоминать то, что произошло в том злополучном корабле, и этот страх будет преследовать его.

Ника осторожно заглянула в каюту Марчи и тихо, как будто стараясь не испугать, заговорила с ним.

— Привет.

— Здравствуйте, капитан Пикали, — поприветствовал ее Марчи.

— Ты как?

— Я?.. — Он еще не полностью оторвался от своих мыслей и был немного заторможен. — Я в порядке.

— Не ври. Я же вижу ты не в порядке

— Нет, правда, со мной все в порядке

— Это было твое первое боевое столкновение?

— Вообще-то, да.

— Синдром девственности... Вроде бы все прошло хорошо, но постоянно, кажется, что ты сделала что-то не так. Я тебя понимаю.

— Причем здесь девственности?.. — возмутился Марчи. Сравнение явно ему не понравилось.

— Ну, прости. — Ника улыбнулась и положила руки ему на плечи. — Не обижайся. Ты молодец. Хочешь, я сделаю тебе массаж?

— Ну что вы, не нужно. — От такого предложения Марчи покраснел. Он даже и не понял — шутит капитан или издевается. В его голове не укладывалось — как офицер может делать массаж рядовому.

— Давай на «ты», — предложила Ника.

— Я не могу, — замялся Марчи, — вы же все-таки мой командир.

— Марчи, мы не в армии, — сказала Ника и разулыбалась. — Мы здесь — одна семья, обращаемся друг к другу на «ты» независимо от звания. Среди космонавтов так принято. К тому же, я еще не такая старая. Снимай комбинезон и ложись на живот.

— Хорошо, как скажите.

— Что за «как скажите»? Чего ты такой зажатый?..

Смущенный Марчи не знал, что ответить.

— Понятно, — констатировала Ника. — Будем тебя отучать от армейских привычек.

Марчи, быстро, по военному, снял комбинезон и лег на кровать четко, как будто выполняя приказ. Ника села ему чуть ниже бедер и подсунула ноги под поручни, чтобы не улетать в потолок от каждого толчка, после чего, очень аккуратно, начала массировать шею.

— Расслабься. Ты весь напряжен, — нежно сказала Ника, и последняя «ж» пробежала мурашками по всему телу Марчи.

— В нашей работе главное — не уходить в себя, а то можно не вернуться. — говорила Ника, разминая Марчи шею. — Пока ничего не происходит, мы все здесь болтаем постоянно о чем-нибудь, стараемся как можно больше находиться вместе. Даже те, из кого слова не вытянешь — Ханна и Даг, например, — даже они стараются хотя бы находиться рядом со всеми. Это помогает им отвлечься от плохих мыслей. Они никогда не признаются, но это так. Даг, к примеру, любит сидеть рядом, когда мы с Лис о чем-нибудь о своем болтаем. Он не участвует в разговоре, но сидит с нами. Он мог бы запереться в своей каюте, но тем не менее... По одиночке мы бы здесь быстро сошли с ума.

Марчи внимательно слушал и молчал, не имея ничего сказать.

— И не стесняйся своего страха. Все боятся: я боюсь, Даг боится, Лис вообще паникерша, по Ханне никогда не определишь, но и она тоже боится.

— Я не смог бы выбраться сам, — говорил Марчи, — из-за страха... Страх не должен затмевать разум.

— Но иногда, все таки затмевает. Даг рассказал мне все. Послушай, ты не мог выбраться по двум причинам: во-первых, у тебя мало опыта проведения работ в невесомости, во-вторых, ты не имел полной информации о том коридоре, поэтому зацепился за крепление труб о которых не знал. Даг помнит как устрое-

ны технологические тоннели (на то он и бортинженер), но не ты. Это не входит в твои компетенции. Ты сделал все от тебя зависящее, Даг сделал все, что зависит от него, и вместе вы решили проблему. Это называется командной работой.

Марчи немного успокоился. Конечно, в глубине души, он по-прежнему винил себя в nepозволительной трусости, но это были уже его личные счеты с самим собой. Нежные, но при этом неожиданно сильные руки Ники аккуратно массировали его уставшее, измотанное стрессом тело. Много лет никто не делал Марчи массаж — только мама, очень давно, когда он был еще совсем маленьким. Он вспомнил ее заботливые руки, ее нежный голос, от чего еле сдержал слезы. Здесь, на корабле «Надежда», мамой была Ника — мамой большой и дружной семьи под названием экипаж. Каждый, нуждался в ней: только она могла поддержать молодого неопытного Марчи, лишь она могла бесконечно выслушивать болтовню Лис и не впадать в бешенство, лишь она знала о Ханне то, чего о ней не знали даже родители. Как мудрая мама она поддерживала образ Дага — строго и рассудительного главы семейства. При этом она могла добиться от него всего, что ей было нужно. Ее приказы, больше похожие на просьбы, всеми членами экипажа всегда выполнялись охотно и с удовольствием. Ника была таким лидером, деятельность которого незаметна, но без которого команда не была бы целым.

— Можно?.. — Марчи на мгновение запнулся. — Личный вопрос?

— Нужно! — ответила Ника. — Надо же нам как-то знакомиться.

— Вот вы... ты... такая красивая женщина. Почему ты выбрала такую опасную работу?

— Красивая, ну и что мне теперь, дома сидеть? На самом деле, у нас не очень опасная работа. Это только кажется. В автомобильных катастрофах погибает больше людей, чем в космосе. Просто это было опасное задание. Хотя, наверное, это и моя вина. Даг прав, я могла не ходить внутрь. Я подвергла тебя и всю команду опасности.

— Я всегда считал, — продолжал Марчи, — что работа в космосе — это работа для настоящих мужчин, а здесь оказывается столько девушек.

— Вот! Все вы мужики такие. Вы всегда пытаетесь уберечь

нас от всего на свете, поэтому любая мало-мальски трудная работа у вас считается «для настоящих мужчин».

— Ну, вы же оберегаете детей? Также мы оберегаем вас. Ты бы хотела, к примеру, чтобы твои дети были спасателями?

— Не знаю... И да, и нет. В общем, ты меня поймал. Может быть ты и прав. Только знаешь, это, наверное, какая-то зависимость, но я не могу долго без космоса. Однажды я заболела и несколько месяцев не летала. Мне стало так скучно, ты себе не представляешь. У меня началась депрессия, какие-то дурные мысли стали лезть в голову. Еще погода была пасмурная — был сезон дождей. Ужасно. Но как только я отправилась в экспедицию, все прошло. Все-таки экспедиция — это общение.

— А муж? Это не общение?

— Я не замужем.

— Не может быть! Такая... — Марчи попытался подобрать эпитет, но видимо застеснявшись, не стал его произносить. — Такая женщина и не замужем?

— Представь себе. Чтоб ты знал, страшненькие первыми выходят замуж и дольше живут в браке. Сколько есть подруг красавиц, ни одна не замужем. Знаешь, вообще это — большой вопрос. Можно познакомиться с человеком, улететь и не видеть его месяцами из-за того, что ваши графики отдыха не пересекаются. Так практически всегда бывает. А если встречаться с кем-нибудь «домашним»... Знаешь, не каждый способен соблюдать верность месяцами, пока твой любимый человек рассекает по солнечной системе. Особенно это вас, мужчин, касается. Многие из наших предпочитают, так сказать, свободные отношения.

— Представляю себе, — сочувствующе произнес Марчи. — Это невыносимо — ждать любимую девушку, зная, что она подвергается опасности, и ты ничем не можешь помочь.

— Ой, не говори. Ханна была замужем. Муж с ней развелся — не выдержал долгих расставаний, — сказала Ника с легкой иронией, подразумевая что-то совсем другое.

— Поэтому она такая молчаливая?

— Да нет. Она всегда такой была.

На некоторое время наступило молчание. Не видя лица сидящей на спине Ники, Марчи не мог определить ее реакции на его вопросы. Возможно, она обиделась, из-за невзначай задетой большой темы. Марчи немного подумал и, что бы как-то, поддер-

жать разговор задал абсолютно бессмысленный вопрос — первое, что пришло в голову.

— А вы, я имею в виду экипаж, давно друг друга знаете?

— Да. Мы учились вместе.

— И все попали в один отряд?

— Конечно. Это не удивительно. Очень важно собрать в отряд людей психологически совместимых. Знаешь, космонавты находятся месяцами друг с другом в замкнутом пространстве. Они не имеют возможности спрятаться друг от друга. Если люди будут слишком вспыльчивы, от каждой ссоры будет накапливаться обида, и это может приводить к психологическим расстройствам. А если собрать в отряд людей психологически инертных, таких как Даг и Ханна, они сами по себе не будут общаться, замкнутся и это тоже очень плохо. Должны быть те, кто разогревает атмосферу и те, кто ее остужает. Это как в реакторе, пока нагрев и охлаждение находятся в равновесии, он выделяет тепло, если же возникает дисбаланс, он может потухнуть или взорваться. Так вот, я отвлеклась. Почему мы попали в один отряд? В Космической академии есть такая практика — наблюдать за тем, кто с кем и как общается, чтобы к концу обучения на каждого студента составить полное психологическое досье. В академии работают специальные люди — наблюдатели. Они ходят на лекции, гуляют по парку, посещают развлекательные мероприятия. Их задача — наблюдать за людьми.

— То есть шпионить?

— Ну, почти.

— И как вы к этому относились? Это же нарушение ваших прав — вторжение в частную жизнь.

— Да нормально относились. На первой вводной лекции нам рассказывали о наблюдателях, объясняли зачем они нужны. Конечно многие возмущались поначалу, а потом привыкли. В конце концов, это необходимое условие обучения в академии. На самом деле, наблюдателей почти незаметно. Их наличие для студентов ни чем не отличается от их отсутствия — это основной принцип. В наблюдателей берут молодых светлых магов. Молодых — для того, чтобы были незаметными среди студентов. Магов — потому, что иногда они используют колдовство для наблюдения — прослушивание, например. У наблюдателей есть своя этика: они не общаются со студентами и преподавателями, они не разглаша-

ют никакую информацию полученную в ходе наблюдения. Единственное, о чем они обязаны докладывать — о готовящихся преступлениях. Остальное должны держать в секрете. Наблюдатели регулярно составляют отчеты и отдают их в службу психоанализа, где составляется психологическая история студента за пять лет обучения. Естественно, все это хранится в строжайшей тайне. В конце обучения, на основании психологических досье, студентов собирают в отряды, которым назначают руководителя, и уже отряды распределяют на различные работы. Естественно, чаще всего, в отряды попадают одноклассники, соседи по общежитию, короче, те кто дружили все годы учебы. Состав отрядов первые несколько лет практически не меняется — система очень эффективная.

— Ты была лидером своего отряда?

— Да. Я всегда была лидером. В группе была старостой, потом стала лидером отряда.

— А лидеров тоже подбирают на основании досье?

— Конечно.

— Ты, наверное, еще и отличницей была? — спросил Марчи, улыбнувшись в подушку.

— Была, но не совсем. Была у нас такая преподавательница — профессор Эйкель. Она преподавала физику и теоретическую магию. Однажды, мы с девчонками о чем-то шептались на ее лекции. Она заметила и выгнала меня из аудитории. Я гордо вышла, а за дверями расплакалась. Это было ужасно унижительно. Ко мне подошел незнакомый молодой человек и сказал несколько слов, от которых мне стало легче. Пока я соображала, откуда этот парень так много обо мне знает, он куда-то исчез. Я даже не успела спасибо сказать. Я только потом поняла, что это, скорее всего, был наблюдатель. Больше я на ее лекции не ходила. Она поставила мне шесть баллов, но потом я пересдала на восемь у другого преподавателя. Это была единственная восьмерка в моем дипломе, остальные — десятки.

— Наблюдатель пожалел тебя и нарушил предписание?

— Получается так.

— Ради такой девушки как ты, я бы то же самое сделал.

— Ну вот, только не говори, что тоже в меня влюбился.

— Ну... — Марчи понял, что сказал лишнее, от чего покраснел.

— Да ладно, расслабься. — Ника по-доброму рассмеялась. — Ты уже обосновался в Звездном городке?

— Да я успел только сумку кинуть. Даже вещи не успел разобрать.

— А ты один приехал?

— Один.

— Хорошо! Вот вернемся, устроим вечеринку по случаю твоего новоселья. Познакомишься с девушкой какой-нибудь. С младшей сестрой Лис, например. Она сейчас учится в академии. Будешь к ней прилетать.

— Ну... Посмотрим.

— А пока поспи. Время позднее. Не сбивайся со времени по Хаммэ, а то прилетим в Звездный городок, будет тяжело перестраиваться. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Ника бесшумно вылетела из каюты Марчи и направилась к рубке, где и столкнулась с Дагом, который в тот момент был глубоко погружен в свой коммуникатор.

— Здравствуйте, коллега, — улыбаясь, поприветствовала его Ника.

— Здравствуйте, коллега, — Даг заулыбался в ответ. — Разрешите поинтересоваться, где вы были? Я вас искал.

— Укладывала спать новобранца.

— Сеанс сушки штанов?

— Какой ты злой... Я делала ему массаж, а ты сегодня обойдешься без массажа, потому что у меня пальцы устали. Ты меня зачем-то искал?

— Да, я тут вычитал кое-что в энциклопедии — по поводу того явления. Хотел поделиться.

— Ой, не напоминай. Что-то страшное?

— Нет, — поспешил успокоить ее Даг. — Ничего страшного, просто гипотеза. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Хорошо. — Ника зевнула. — Можно завтра?

— Конечно, ничего срочного. Ты еще не ложишься?

— Да, сейчас спать пойду.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — сказала Ника и по-дружески поцеловала Дага в щеку.

Оттолкнувшись от Дага, Ника пролетела мимо, а он оста-

новился и продолжил копаться в своем коммуникаторе. Поняв, что устройство зависло, Даг решил его перезагрузить. Ника, тем временем, долетела до капитанского мостика, где на своем месте дремала Лис. Даг, находившийся в проходе между мостиком и жилым отсеком, невольно подслушал их разговор.

— Спать в каюте гораздо удобней, — тихо сказала Ника, наклонившись над Лис.

— Ой! Я о чем-то задумалась и заснула.

— Поздно уже, иди спать.

— Да, надо бы. А ты почему не спишь?

— Да вот, решила почистить шлюз. Думаю, никто не будет возражать, если я выброшу останки демона за борт. Куда они там полетят?

— На Фокос упадут, — сквозь зевоту проговорила Лис.

— Вот и хорошо...

С этими словами Ника открыла шлюз, и воздух, вырвавшись за борт, утянул за собой засохшие останки амебы.

— Замуж хочу... — неожиданно заявила Ника. — Тридцатник уже на подходе, а мы с тобой все как девочки...

От этих слов Даг выронил коммуникатор. Аккуратно, чтобы не создать шума он поймал его, спрятал в чехол и уже намеренно стал подслушивать.

— Хочу выйти замуж, устроиться преподавателем в академию. Буду читать лекции, а в свободное время писать диссертацию, воспитывать детей, готовить любимому ужин...

— А мы?

— А у вас Даг, скорее всего, станет капитаном, дадут нового бортинженера. Будете ко мне в гости прилетать.

— Даг — капитан?... — как будто спрашивая у самой себя, пробормотала Лис. — Боюсь, став капитаном, Даг не перестанет быть бортинженером, а два бортинженера на корабле не уживутся.

— Ты думаешь?

— Конечно. Если он даже в постели не перестает им быть...

Ника захихикала.

— Без тебя будет скучно, — продолжала Лис. — Я заметила, Даг разговорчивый, только когда ты рядом. Без тебя из него слова не вытянешь

— Правда?

— Да. Когда ты появляешься, у него как будто крылья вы-

растают.

— Не замечала. Я думала он всегда одинаковый.

— А за кого замуж то? Скажи?

— Пока не знаю. Кого хочу — не знаю, кого знаю — не хочу.

— За Рио например.

— Да ну, ты что! Он же жлоб.

— Разве?

— Конечно! Ты же была с нами в компании. Замечала? О чем бы ни зашла речь, он сразу же переводит разговор на цену? «То дорого, это дорого», — он постоянно прибедняется и ноет, что у него нет денег.

— Да, замечала.

— Запомни, это симптом патологического жлобства. Он — старший научный сотрудник в центре прикладных исследований, зарабатывает чуть меньше чем мы, при этом постоянно ноет о ценах. Терпеть не могу таких. Выйдешь за такого замуж и будешь отдыхать всегда в самых дешевых отелях, летать самым дешевыми чартерами и есть самую дешевую еду.

— А Криджи?

— Криджи — бабник. Сколько раз еще в академии замечала — он приходит, с утра целуется у входа с одной, а стоит возле аудитории — лапает другую.

— Ну, кто тогда?... Зэнко?

— Кто?

— Ах, да, он же... — Лис загадочно хихикнула. — Я забыла.

— Мужика хочу, настоящего, грубого. Чтобы смотрел — и мурашки по коже, чтобы схватил — а ты сделать ничего не можешь, и чтобы никаких сомнений не было.

— Да... Только где такого взять?

— Все хорошие мужики уже разобраны, — сказала Ника, грустно вздохнув.

— Девочками-стюардессками... — добавила Лис.

— Ничего, скоро стюардессок роботами заменят, и наше время наступит.

— Только бы не состариться к тому времени.

— Ладно, пошли спать.

— Пошли.

Даг быстро нырнул в свою каюту. Он лег на кровать и начал обдумывать то, что сказала Ника. Этой ночью он долго не мог

заснуть.

Все легли спать, и на корабле воцарилась тишина. «Надежда» делала крюк вокруг большого облака черны, и через шесть часов из-за черной пыли должен был показаться желтый полу-месяц Фокоса. «Надежда» двигалась по направлению к нему. Ради экономии топлива, Ника проложила курс так, чтобы корабль развернуло притяжением Фокоса прямо на Титан. Еще через три часа «Надежда» должна была пролетать перед светлой стороной «желтой планеты» так близко, что из иллюминаторов можно было бы не вооруженным взглядом разглядеть Змеинный каньон, у подножья которого в это время обнявшись, чтобы не замерзнуть, спали Джута и Люка.

Ника проснулась, почувствовав, что ее коммуникатор вибрирует. Пришло сообщение от фокосского спутника о том, что был зафиксирован сигнал SOS от терпящей бедствие галеонской тюрьмы. Нике очень хотелось домой, и первой ее мыслью было: «Хоть бы этим кто-нибудь уже занимался». Она тихо, чтобы не разбудить Ханну и Лис, встала с постели и полетела на мостик. К удивлению Ники, Даг уже сидел на своем месте и внимательно разглядывал что-то на карте Фокоса.

— Привет, — сказала Ника сонным голосом. — Ты не спишь?..

— Да, что-то не спится. У нас задание новое.

— Я видела. Ты проверил? В этом районе нет больше никого? — потянувшись, спросила Ника.

— Нет, мы одни. Ну, есть какой-то транспортник, но из спасателей никого. Я, кстати, с ними связался. Они подтвердили, что видели на орбите несколько целых спасательных капсул. Похоже, есть выжившие.

— Тогда давай подождем еще часик, пусть люди поспят, а потом приступим. Все равно раньше мы не доберемся. — Ника зевнула.

— Есть еще кое-что.

— Что?

— Сигнал SOS с поверхности. Не знаю, связано ли одно с другим, но... Короче, с поверхности нужно тоже кого-то подобрать. Опять с Марчи пойдешь?

— А что? — кокетливо спросила Ника.

— Предлагаю оставить его сторожить корабль, а мы вдвоем,

как в старые добрые времена...

— Ты так хочешь полететь со мной? — Зная, что Даг этого не любит, Ника начала кокетничать с ним.

— Сигнал поступил из Змеинового каньона. — Даг был как-то необычно серьезен.

— Правда? — радостно переспросила Ника.

— Я хочу увидеть эти места снова.

— Столько воспоминаний сразу... Хорошо, тогда полетим вместе. Ты мне вчера что-то хотел рассказать, помнишь?

— Ах да. Ты когда-нибудь слышала о теории связанного состояния магии?

— Что-то слышала. Вроде бы это была какая-то передача о паранормальных явлениях, а говорил о ней какой-то теолог... — сказала Ника, с усмешкой. — В общем, мракобесие сплошное.

— Вот-вот. Теория эта была одно время очень популярна. До цунами, когда люди жили относительно беззаботно, многие ученые занимались двумя до сих пор не разрешенными проблемами — возникновение жизни и возникновение магии. Очень популярны были разговоры о том, что жизнь и магия как-то взаимосвязаны, и раскрыв секреты одного можно постичь секреты другого. И вот, один ученый выдвинул гипотезу о том, что магия есть гораздо большее, чем мы о ней думаем. В общем, он провел аналогию между органической материей и магией.

— Это как?

— Ну вот, смотри. Представим себе некий абстрактный разум, ничего не знающий об органике. Предположим, он никогда не встречал в природе углерода, но встречал азот, водород, кислород, железо и другие элементы, из которых состоят органические молекулы. Допустим, также, что этот разум не знает периодического закона и не может предсказывать существования других элементов, отличных от тех, что ему известны. Вопрос — сможет ли он вообразить, что в природе возможна сложная органическая жизнь?

— По-моему, слишком много допущений.

— Почему же? Есть места во вселенной, где углерода нет вообще, а периодический закон мы и сами не так давно открыли.

— Тогда откуда там возник разум?

— Не важно. Без углерода невозможно образование аминокислот и, как следствие, ДНК, а значит и белков.

— Ну, хорошо, предположим... И что дальше?

— А теперь представь, что в поле зрения этого разума попало нечто, что создано органическими существами, но при этом не является органическим. Например, полупроводниковый микропроцессор. Разум будет всю жизнь ломать голову над тем, что это и как появилось, но так никогда и не найдет ответа. Эта штука слишком сложна, чтобы появиться в природе естественным путем. Представляешь, какой уровень абстрактного мышления необходим, чтобы, ничего не зная об органике, вообразить, что где-то существует жизнь?

— Но ведь эту штуку мог создать другой разум, такой же, как тот, что ее изучает.

— А если нет? Если разум наш точно знает, что он сам или подобное ему существо на такое не способно?

— Так... Ты разрываешь мне мозг. Скажи сразу, к чему ты клонишь?

— Что мы знаем о магии? Лишь то, что она состоит из семи типов очень сложно организованных на квантовом уровне частиц, обладающих огромной потенциальной энергией. Высвобождая потенциал, магия может преобразовывать его в другие виды энергий. Благодаря химическим реакциям белков группы Д, магические частицы могут образовывать несложные структуры, и, таким образом, накапливаться в организме человека. Все! И это все, что, по сути, мы о ней знаем. Мы даже не можем классифицировать эти частицы ни как иначе, кроме как по типу высвобождаемой энергии. Подобно тому гипотетическому разуму, что не знает периодического закона. Мы даже не можем доказать или опровергнуть возможность существования других типов магии.

Даг вошел в азарт — не похожий на обычного себя он говорил эмоционально, усиливая ключевые фразы жестами. Очарованная Ника слушала очень внимательно.

— Так вот, — продолжал он, — началось все с того, что один ученый разработал новую классификацию магических частиц. Что-то вроде стандартной модели в квантовой физике. По этой классификации, магических частиц должно быть восемь — восемь, а не семь! Одно место в модели пустовало. По расчетам, восьмая частица была бы крайне нестабильна, а потому существование ее в свободном состоянии было бы невозможно. Однако это только в свободном состоянии, но не в связанном! Расчеты по-

казали — если бы такая частица существовала, магия могла бы образовывать сколь угодно сложные конструкции с неизвестными свойствами. Да кто его знает, может быть даже разумную жизнь! Ну, то есть не жизнь, а нечто подобное жизни, но только состоящее из одной лишь магии. Время жизни восьмой частицы было бы ограничено этим самым связанным состоянием. Если бы это состояние что-то нарушило, связывающая частица распалась бы, а остальная — стабильная магия — рассеялась бы. — Даг пылал энтузиазмом. Ника не видела его таким со студенчества.

— Классно! Я правильно понимаю — то, что мы видели, могло быть... Призраком?

— Не так банально, но... Магия очень вероятно может образовывать сложные структуры, и одну из таких мы, кажется, наблюдали.

— Почему так не уверенно? Эта теория, она доказана или опровергнута?

— Ни то, ни другое, — ответил Даг. — Теория эта, на свою беду, стала очень популярной в кругах различных мистиков, писателей фантастов, журналистов и прочей псевдонаучной публики. При помощи нее объясняли все суеверия, все необъяснимые явления и чудеса. Теория обросла толстым слоем псевдонаучной плесени, и ни один серьезный ученый уже не мог заниматься ею, не испачкавшись.

— Грустно. Неужели не нашлось смельчаков?

— Понимаешь, в науку, в религию и в политику идут два типа людей: те, кто не хотят работать и те, кто одержим какой-то высокой идеей — почти сумасшедшие. Кто-то хочет разгадать тайну вселенной, которая с детства его мучит, кто-то хочет молитвами получить божественное откровение, а кто-то построить идеальное общество. Таких, как ты понимаешь, крайне мало. В большинстве своем, ученые, политики, религиозные деятели — это службисты — те, кому не хватает таланта заработать много денег другим способом. Продавая труд, много денег не заработаешь, а чтобы заниматься бизнесом, нужен особый талант, которого у них нет. Вот и идут они туда, где можно просто, делая очевидно правильные вещи, медленно, шаг за шагом, двигаться вверх. Службисты никогда не бывают первыми в своей профессии. Они обычно руководят, но сами ничего не делают. Они не совершают резких движений, не рискуют, и, самое главное, они незамедлительно

«съедят» любого, кто высунет голову выше остальных, и сделают они это, прикрываясь ценностями, принятыми в их сообществе, будь то научная истина, религиозная догма или государственная идеология. Вот поэтому-то в ученом сообществе так мало людей, занимающихся спорными теориями — теориями «с душком».

— Да. Учитель Сириус, например... Кстати! — Ника оживилась. — Ведь среди его последователей наверняка были те, кто занимался этой теорией или хотя бы считал ее перспективной.

— Возможно...

— Скорее всего! Встретиться бы с Майей, когда будем на Фокосе. Только времени на это не будет. Черт!..

Прошел час. Ника, положив палец на кнопку громкой связи, посмотрела на Дага, как бы спрашивая разрешения. Даг кивнул головой.

— Ну, раз, два, три... — Ника наклонилась к микрофону громкой связи. — Подъем! Просыпаемся девочки и мальчики! У нас заседание. Всем собраться в переговорной. — После некоторой паузы Ника добавила. — Повторяю специально для Лис, всем собраться в переговорной.

Марчи прилетел первым через несколько минут. Несмотря на то, что засиделся допоздна, он выглядел бодро. Ника подлетела сзади и нежно взяла его за плечи.

— Ну как ты? — шепотом спросила она.

— Спасибо, все в порядке, — тихо и быстро ответил Марчи, стыдясь такого вопроса. Ему не хотелось выглядеть трусливым новобранцем перед более опытным Дагом. Почувствовав смущение Марчи, Ника молча отлетела от него и заняла место за столом.

Вскоре подросла Ханна. Ее лицо как всегда выражало равнодушие. Со стороны могло показаться, что она немного сонная, но на самом деле это было не так. Последней, зевая, в зал влетела Лис, явно недовольная столь ранним пробуждением.

Капитан начала инструктаж.

— Для начала, я хочу попросить прощение за позавчерашний инцидент. Я не должна была ходить в тот корабль. Из-за своего любопытства я подвергла нас всех опасности и за это прошу прощения. Слово офицера, больше такого не повторится.

— Мы тебя прощаем, — с ухмылкой сказал Даг. — Ближе к делу.

— Хорошо, приступим...

Капитан начала обстоятельно рассказывать детали миссии. Грубоватый Даг, легкомысленная Лис, молчаливая Ханна и обаятельная Ника тут же превратились в команду слаженно работающих профессионалов. Марчи, как новичку, оставалось только наблюдать со стороны за тем, как опытные спасатели обсуждают план операции. От ощущения непричастности ему даже стало как-то неуютно.

Распределяясь в космическую службу спасения, Марчи и подумать не мог, что встретит здесь самую красивую женщину в своей жизни. Ни одна другая не производила на него того впечатления, которое производила Ника, и в то же время она была так далека от образа красотки созданного алларийской массовой культурой. Без макияжа, с волосами, заколотыми впопыхах, в форменном комбинезоне Ника была красива своей простой и естественной красотой. Марчи наслаждался ее хорошо поставленной речью со странноватым произношением, любовался ее движениями, трепетал перед ее умом и интеллигентностью. В эти секунды он старался больше думать о ней, потому что, когда вспоминал о себе, досада снова настигала его.

«Забавно, — думал Марчи. — Некоторые женщины сидят на диетах, изводят на себя тонны косметики, тратят кучу денег на одежду, а все равно никогда не будут такими, как капитан Пикали. — Эта мысль заставила его улыбнуться. — Никакими подарками такую не соблазнишь... И другой не найдешь похожей... Такой женщины нужно быть достойным».

Инструктаж тем временем подходил к концу.

— Ханна, остаешься за старшую на корабле, — говорила Ника. — Марчи, отвечаешь за безопасность. На поверхности попросим помощи песчаных призраков, если что.

— В любом случае нужно быть аккуратнее, — сказал Даг, — то была тюрьма все-таки. Неизвестно, кто там спустился на поверхность. Если это какой-нибудь рецидивист, наемник или тому подобное, я бы поостерегся его на корабль поднимать.

— Хорошо, — согласилась Ника, — в любом случае попросим помощи у песчаных призраков. Все равно им обычно делать нечего.

Ника еще раз посмотрела на записанный план действий и продолжила.

— Ну, вот и разобрались. Итак, коллеги, у нас есть десять минут для того чтобы привести себя в порядок — умыться, почистить зубы и оказаться на рабочих местах. Поехали...

Страх охватил граждан независимого Галеона. Несколько месяцев перед выборами пропагандистская машина подконтрольная правым внушала людям мысль о намерении пришельцев захватить власть на планете. Любая информация о них преподносилась исключительно в контексте мифа о заговоре, и любое действие Земли обетованной объяснялось исключительно стремлением к смене власти. Утверждалось даже, что программа усыновления пришельцами галеонских сирот существует лишь для того, чтобы ослабить генофонд галеонской нации и уменьшить тем самым процент этнических галеонцев на планете. Строительство университетов и школ, гуманитарная помощь голодающим шахтерам, бизнес консультации, борьба за права иммигрантов, — словами правых все это стало пунктами плана вторжения. Всеми силами они пытались создать впечатление, что потеря власти корпорациями обернется для Галеона катастрофой. Потому неудивительным было то, что убийство Зэуса было воспринято гражданами как прямое доказательство враждебности и беспринципности пришельцев.

После двухдневного отсутствия официальных комментариев центральное телевидение показало заявление правительства Галеона. Чтобы усилить эффект его транслировали в прямом эфире в специальном выпуске новостей, прервавшем все остальные передачи.

На трибуне стоял довольно пожилой человек. От глубокого шрама на его щеке веяло войной, а тяжелый холодный взгляд, гипнотизируя, приковывал напуганных галеонцев к экрану.

— Нам объявили войну, — заявил человек. — Мерзкие инородцы, прячась под личиной добродетели, уже давно пытались прибрать нашу планету к рукам. Но мы, галеонцы, как никто знаем, что у пришельцев не бывает добродетели без корысти. Убийством нашего — избранного нами — президента пришельцы показали свое истинное лицо. Их гуманизм, их социальные ценности существуют лишь до той поры, пока перед ними не встало настоящее препятствие — такое как воля целого народа. И тогда, они готовы переступить через труп каждого из нас на пути

к своей цели. Свою социальную защищенность, свои низкие цены, эффективное производство и что у них там еще, — все это они оставят при себе, а нам от них достанется только рабство. Не питайте иллюзий, что вас — представителей галеонской нации — эти потомки катонийцев считают за равных! Веками, катонийцы видели в других народах исключительно рабов. И сейчас наше противостояние продолжается. Как триста лет назад алларийцы сбросили с себя катонийское рабство, так и мы теперь должны изгнать захватчиков с нашей земли и отомстить за нашего президента. Мы привыкли отвечать на удар. Поэтому, объединенные силы корпораций уже направлены на планету Фокос. Виновные в смерти президента будут наказаны...

Это был — Дари Кронг — ушедший в политику генеральный директор компании Дарун — самой крупной на Галеоне военной корпорации. Хотя уже не являясь официально главой компании, он по-прежнему оставался самым влиятельным человеком на планете. Многие видели именно его первым президентом Галеона и были сильно удивлены непонятно откуда взявшемуся Юли Зэусу, после смерти которого, впрочем, все встало на свои места.

Кронг родился и вырос на войне. Он не знал иного способа подчинения кроме страха и иного стиля управления кроме командно-приказного. Президент Кронг искренне считал, что отсутствие войны развращает, что на Галеоне должна быть только одна корпорация, что у планеты должен быть один правитель, а такие понятия как «демократия», «свобода слова», «права человека», «равноправие», «гуманизм»... есть выдумки зажавшихся торгашей — миф, созданный ими для спасения себе подобных, миф, апеллирующий к состраданию, которое Кронг считал слабостью. В его понимании, мир был лишь передышкой между боями, а закон был волей сильнейшего, и любого человека можно было заставить сделать все, что угодно, манипулируя страхами и низменными потребностями. Дари Кронг был достойнейшим из сынов галеонской войны.

Названная именем мифического многоголового дракона, корпорация Дарун выросла из небольшой банды, продававшей оружие наемникам. Жестко подавляя любую конкуренцию, эта банда постепенно захватила весь рынок вооружения, сделав на этом огромные деньги, и став, таким образом, самой влиятельной организацией на Галеоне. Однако война закончилась, и в мирное вре-

мя, которое очень не любил президент Кронг, корпорация начала терпеть убытки. Теряя контроль над своими дочерними компаниями, она рассыпалась. Фармацевтическое направление, логистика и химическое производство выделились в отдельные независимые компании, а машиностроение удалось удержать с трудом. Переведенные на производство гражданской продукции заводы производили огромные, жадно потребляющие топливо тяжелые грузовики, которые ни сколько не улучшали положение корпорации, потому что не были способны конкурировать с удобными и экономичными аналогами, привозимыми с Титана.

Огромный неповоротливый галеонский дракон постарел и, казалось, уже не был способен ни кому причинить вреда. Исхудавший он медленно умирал от хронических заболеваний свойственных его преклонному возрасту. Но выстрел на площади разбудил его. Собрав оставшиеся силы, он поднялся и, стряхнув паразитов, распулав падальщиков, издал оглушительный рев. Близилась новая война.

Джута проснулась первой от ощущения, что ее стопы опустились в чан с горячей водой. Она выглянула из спального мешка и увидела, что лучи уже достаточно высоко поднявшегося над горизонтом солнца падали на то место, где были ее ноги. Металлического цвета спальный мешок сам по себе отражал солнечный свет, но камни под ним постепенно превращались в раскаленную сковороду. По мере того, как солнце двигалось к своему зениту, тень, в которой спали девушки, становилась все меньше и меньше. Люка, между тем, пока еще этого не замечала, потому что во сне, пытаясь свернуться калачиком, поджала ноги.

От движений Джуты Люка проснулась.

— Мммм... — промычала она. — Солнце встало... Пора вставать.

Люка бодро выскочила из мешка и поспешила к своему рюкзаку, из которого достала две пары больших солнечных очков.

— На, одень. — Люка протянула Джуте очки. — Днем фокосское солнце очень вредно для глаз и кожи, поэтому не снимай платок и очки. Ультрафиолет здесь отражается от песка — он может разрушить сетчатку. Прикрой лицо платком. — Люка посмотрела по сторонам. — Нужно найти другую тень — эта исчезнет через несколько часов.

- А когда придут спасатели?
- Сказали, что утром будут. За мной!

Медленным бегом Люка направилась вдоль скалы. Джута последовала за ней. Осмотревшись, Люка рассчитала движение солнца и выбрала подходящую тень. Девушка-призрак двигалась не очень быстро, но Джута все равно за ней еле успевала. Прыжки со скалы на скалу удавались Люке поразительно легко, и даже висевший за спиной рюкзак ей, казалось, не мешал. Когда же Джута оказывалась перед краем расщелины, которую Люка только что перескочила с легкостью, инстинкт самосохранения заставлял Джуту спуститься и преодолеть препятствие менее опасным способом. Люка, однако, порхала с камня на камень легко и бесшумно, подобно бабочке. Периодически она останавливалась и ожидала отстающую Джуту, которая, неуклюже перелезая препятствия, походила на маленького медвежонка. Так они добрались до высокой скалы, отбрасывающей большую тень.

Из-под скалы открывался вид на бескрайнюю фокосскую пустыню. Чем дальше от Змеиног каньона, тем мельче становились камни и где-то далеко, наверное, на расстоянии нескольких километров, они вообще исчезали, и пустыня становилась гладкой, покрытой волнистыми дюнами. Казалось, что где-то совсем далеко пустыня плавно переходит в море, но на Фокосе этого быть не могло. На поверхности Фокоса не было ни грамма жидкой воды. Вся Фокосская вода была скрыта глубоко под землей, в многочисленных полостях коры планеты. Если хотя бы половина из присутствовавшей на планете воды попала бы на поверхность, это привело бы к парниковому эффекту, и превратило бы Фокос в кипящий котел со среднесуточной температурой около трехсот пятидесяти градусов выше точки замерзания воды.

В небе появилась белая линия. Она словно тонкий древесный червь, изгибаясь, ползла по небу, медленно приближаясь к тому месту, где сидели Джута и Люка. На переднем конце белой линии показалась черная точка. Вскоре линия исчезла вовсе, а точка постепенно приобрела очертания шаттла, который плавно приземлился на широком плоском камне. Из шаттла вышли Ника и Даг.

- Пойдем. Это спасатели, — сказала Люка, махнув рукой.

Люка не скрывала радости от того, что вот-вот избавится от неуклюжей попутчицы, но Джуте не хотелось покидать Фокос.

Тяжелая тоска наваливалась на нее от одной мысли о том, что ждет ее на Галеоне: недосиженный срок, клеймо преступницы в паспорте, разрушенная карьера пилота... Если бы только она знала пустыню также хорошо, как Люка. Она бы осталась здесь, жила бы отшельницей и каждый день видела бы это голубое небо. А еще, где-то на Фокосе жил Зэн — таинственный незнакомец, с которым она очень хотела встретиться снова.

— Здравствуйте. Капитан Ника Пикали, — представилась Ника. — Космическая Служба Спасения. Из этого района поступил сигнал SOS.

— Здравствуйте, — поздоровалась Джута. — Меня зовут Джута Лейнец. Я была на корабле... Ну, то есть, в тюрьме. Вы наверное знаете...

— Да да я в курсе, — ответила Ника. — Значит забрать надо вас?

— Да, — ответила Джута и опустила глаза.

— Хорошо. — Ника перевела внимание на Люку. — А вы?

— Люка — песчаный призрак, к вашим услугам.

— Ну что ж, тогда возвращаемся на корабль. Спасибо за содействие, Люка. Джута, давайте на «ты».

— Я не против, — ответила Джута.

По дороге к шаттлу Ника попросила Джуту рассказать подробности происшедшего, и та начала в деталях описывать события прошлого дня.

— Мы приземлились благополучно, — рассказывала она, уже сидя в шаттле. — На закате, вчера, Зэн ушел за помощью. Больше я его не видела. Но, я думаю, если Люка появилась, значит, он добрался до песчаных призраков.

Ника сидела напротив и внимательно слушала со взглядом сочувствия.

— Зэн, говоришь... А ты случайно не знаешь его фамилию?

— Почему всех так интересует его фамилия? Люка тоже спрашивала. Я не знаю.

— Ну не знаешь и не знаешь. Зэн — достаточно редкое имя для пришельца. У меня есть знакомый Зэн, он, возможно... Ну да не важно.

— Вы отдадите меня властям Галеона?

— Ты — заключенная. Я обязана это сделать.

На глазах Джуты навернулись слезы.

— За что ты отбываешь наказание? — поинтересовалась Ника.

— Не отдавайте меня властям Галеона! Лучше оставьте здесь! — Джута уже рыдала.

Видя состояние девушки, Ника обняла ее и крепко прижала к себе.

— Ну не плачь... Всего лишь месяц исправительных работ — это не так страшно.

— Ты как женщина должна меня понять... — сквозь слезы произнесла Джута и начала рассказ о том, как попала в тюрьму, и о том, как оказалась в камере уголовников, отказавшись лечь в постель с начальником тюрьмы. Джута рассказала об испорченной карьере — о том, что лишится комнаты в общежитии, которую корпорация Галеон Логистика предоставляла ей на время работы. Ни друзей, ни дома на Галеоне у нее теперь не было.

Даг тем временем из кабины пытался связаться с «Надеждой».

— Надежда, это шаттл как слышите меня? Надежда, как слышите меня?..

Ответа не последовало.

— Что за ботва!.. Надежда, как слышите меня? Ханна, Лис, где вы? Ответьте, е-мое!..

Ника и Джута, тем временем, уже плакали вместе.

— Бедная девочка, — глядя по голове как ребенка, успокаивала Джуту Ника. — Я не дам тебя в обиду. Все, теперь мы с тобой подруги. Что-нибудь придумаем, я посоветуюсь с командой, мы вместе что-нибудь придумаем... Сейчас, подожди, я с Дагом поговорю.

Заплаканная Ника вошла в кабину шаттла, чем испугала и без того взволнованного Дага. Она оторвала его от переговорного устройства и коротко описала ситуацию.

— Блин! Это геморрой!.. — почти выкрикнул Даг. — Ты понимаешь, что это должностное преступление?

— Я понимаю, но что мы можем сделать? — ответила Ника, вытирая слезы.

— Блин, ну у нее проблемы, мы тут причем? Ты знаешь, сколько таких на Галеоне?..

— Даг, мы — спасатели, и наша задача — спасти людей во всех смыслах этого слова! — Ника откровенно злилась. — Включи

мозги! Ты этим на хлеб зарабатываешь.

— А если она лжет? Если она — галеонский наемник? Мы поднимем ее на борт, а она захватит корабль.

— Не выдумывай.

— Подожди, тут и без того проблем хватает. «Надежда» не отвечает.

— Чего? — Ника испугалась.

— Связь устанавливается, но на мостике никто не отвечает.

— Ты думаешь демоны?..

— Да не может быть.

— А что тогда?

— Не знаю, но лететь бесполезно — нам ни кто шлюз не откроет.

— Что ты предлагаешь?

— Ну что?.. Догоняй ту девчонку — у нее может быть транспорт. Поедешь на Землю обетованную, а я эту посторожу.

— Блин, накаркала. Вот тебе и повод задержаться. Кстати, «эту» зовут Джута. Джута, запомнил?

— Джута...

— Вот, хорошо. Обращайся с ней вежливо. Она — хороший человек.

Ника поспешила догонять Люку. Дверь шаттла открылась, и, к удивлению Ники, Люка стояла прямо за ней, как будто ожидая, что кто-то обязательно выйдет.

— Как хорошо, что ты еще не ушла, — сказала Ника на катонийском.

— Вам нужна помощь, — ответила Люка так же на катонийском.

— Да, ты права, нам нужна помощь.

— Это не вопрос. Вам действительно нужна помощь.

— Мне нужно срочно на Землю обетованную.

— Не думаю, что это возможно. Выходите, надо поговорить.

— Даг! Иди сюда! — крикнула Ника в дверь шаттла. — Джута, мы скоро вернемся.

— Что-то случилось? — взволнованно спросила Джута.

— Не волнуйся, — ответила Ника. — Небольшая задержка, сейчас полетим.

— Вы не отдадите меня Галеонцам?

— Не волнуйся, не отдадим. — Ника неестественно улыбну-

лась, пытаюсь скрыть волнение.

Ника и Даг вышли наружу и вместе с Люкой отошли в тень, которую отбрасывал шаттл.

— Я смотрю, вы из наших, поэтому буду говорить прямо, — начала Люка на катонийском. — Короче, ситуация такая, только что на орбиту Фокоса встал экспедиционный флот Галеона. Галеонская армия готовится к высадке. Она вся будет на поверхности через несколько часов. Их цель — уничтожение террористов, скрывающихся в Змеином каньоне, то есть песчаных призраков.

— Кошмар! — возмутилась Ника. — Этого не может быть! Титан не позволит!

— Надо понимать, плевали они на Титан, — сказал Даг, почувствовав облегчение, потому что понял, что произошло с командой. — Галеон теперь — независимое государство и может действовать по своему усмотрению. К тому же, президент Зэус мертв. Наверняка, это стало поводом для вторжения.

— Зэус мертв? — удивилась Ника.

— Да, — ответила Люка. — Его убили несколько дней назад.

— Так, что с нашим кораблем? — спросила Ника.

— Ваш корабль арестован. Галеонцы установили блокаду. Скорее всего, они никого не впустят и не выпустят без согласования с Титаном.

— Какое они право имеют! — продолжала возмущаться Ника. — Нам нужно срочно возвращаться на Титан! Люка, проводи нас на Землю обетованную.

— Земля закрыта, — отрицательно покачав головой, сказала Люка. — Уже поздно. Высадка начнется скоро. Призраки готовятся к обороне. Нас туда никто не пустит.

— Так что нам делать? Свяжись с Землей, пусть вышлют помощь.

— Я уже связалась. Придется выбирать самим. Земля скинула план. Мы бросим шаттл, он нам уже не понадобится. Для начала нужно будет пройти на запад до космодрома.

Даг скептически усмехнулся.

— То есть нам придется пройти сквозь ударную группу атакующих войск? Ты в своем уме?

— Это как раз не проблема, — ответила Люка. — Я знаю тропы, по которым мы пройдем спокойно до самого космодрома. Дальше — самое сложное. Космодром уже будет захвачен. Нам

нужно будет пробраться в ангар, угнать бомбардировщик и на нем долететь до Титана.

— Как все просто у тебя. — Ника смотрела на Люку изумленными глазами. — Пробраться, угнать... Кто это будет делать? Мы не наемники и не спецназ.

— Я все сделаю сама, — ответила Люка. — Это моя работа. Вопрос только в том, кто поведет бомбардировщик?

— Галеонский бомбардировщик?.. Я не умею, — сказала Ника.

— Я, только в теории. — Даг развел руками.

— Подожди. Джута ведь — пилот. Точно! Даг, она — настоящий асс. Я тебе потом расскажу, как она спускалась на тюремном шаттле, если выберемся, конечно.

— Я тебе дам «если выберемся»! — воскликнул Даг. — Выберемся. Ты думаешь ей можно доверять?

— Думаю да, — ответила Ника. — Она — хороший человек, поверь мне, во всяком случае, не наемник.

— Понятно, — вмешалась Люка. — Скорее всего, Земля и подразумевала Джуту в качестве пилота. Собирайтесь быстрее. Времени нет.

История отношений пришельцев и галеонцев насчитывала уже около тридцати лет. Война корпораций подходила к концу, и хотя в отдаленных районах еще шли бои, Цитадель и ее окрестности уже отстраивались, приобретая свой современный вид. Следующие двадцать лет для Галеона стали эпохой процветания. Неизвестно из каких источников возникла та информация, возможно, еще из отчетов первых алларийских экспедиций, но среди глав галеонских добывающих компаний ходили слухи о том, что воды верхних слоев фокосской коры содержат большое количество золота.

Это было правдой. Поскольку Фокос был ближайшей от Солнца планетой, содержание тяжелых элементов в его коре было наивысшим. Однако золотосные воды были надежно скрыты от солнца слоями песка и горной породы. К тому же, не редко такие воды содержали помимо золота еще и уран. Поэтому разрабатывать эти месторождения, не навредив экологии Фокоса, было невозможно, но галеонцам никогда не приходилось думать об экологии. К тому же, у галеонского обывателя, это слово, приме-

ненное к планете считавшейся почти безжизненной, скорее всего, вызывало бы смех. В конце концов, самая крупная из добывающих компаний решила провести на Фокосе геологоразведку.

По плану, добычу должны были вести открытым методом. В относительно тонком верхнем слое, взрывами, должны были проделывать дыры, открывающие доступ к пористым отложениям и подземным водам. Казалось, этот метод, широко применяемый на Галеоне, не мог нанести экосистеме никакого вреда, но Фокос был необычной планетой. Он находился на грани, а может быть и за гранью «пояса жизни» — узкого диапазона орбит, в пределах которого возможна жизнь. Экосистема Фокоса строилась на очень хрупких, скрытых от непосвященного, взаимосвязях, разрушив которые, можно было очень быстро уничтожить жизнь на планете. Главной угрозой для Фокоса являлся парниковый эффект. При такой близости к Солнцу Фокос сохранял относительно невысокую температуру исключительно благодаря почти полному отсутствию в атмосфере парниковых газов. Колонии зеленых бактерии, выглядевшие из космоса как леса, поглощали углекислый газ, а то незначительное количество водяного пара, которое попадало в воздух, впитывали похожие издалека на снег белые губчатые растения, покрывавшие долины. Пропуская воду сквозь себя, губки, через длинные корни, возвращали ее обратно в подземные водоносные слои. Так, миллионы лет живые существа делали атмосферу своей планеты совершенно прозрачной для солнечных лучей; камни отражали большую часть света обратно в космос, и в недрах Фокоса сохранялась прохлада.

Добыча золота открытым методом неизбежно привела бы к катастрофе. Огромное количество воды, испаряясь из проделанных в коре отверстий, вызвало бы значительный рост температуры. Но главная опасность заключалась в том, что начал бы уменьшаться суточный перепад температур, который на Фокосе достигал ста градусов. Такой резкий перепад был очень важен для губок — их жизненные циклы были тонко настроены под него, и если бы он исчез — губки вымерли бы, и влажность начала бы повышаться еще быстрее, что, в конце концов, привело бы к гибели зеленых бактерий. Жар постепенно стал бы проникать все глубже в кору, и через тысячи лет жизни на Фокосе не осталось бы вовсе. Пришельцы, прожив на планете около ста лет, хорошо это понимали, но не понимали галеонцы, да и если бы понимали,

их это вряд ли бы остановило.

Галеонская вера во всемогущество денег всегда была безграничной. Типичный галеонский менеджер считал, что, имея достаточное количество денег, любую проблему можно решить, даже парниковый эффект. «Нанять лучших ученых, купить им лучшее оборудование, и они что-нибудь придумают. Если проблема окажется сложнее, чем думали вначале — не беда, — нужно нанять еще больше ученых и купить еще больше оборудования», — так обычно рассуждали главы галеонских корпораций. Много раз история учила людей тому, что наказание за ошибки от природы, ровно как и от общества, приходит с задержкой, и, допустив причину, устранить следствие не всегда бывает возможно. Однако галеонцы плохо знали историю — им это не требовалось для зарабатывания денег.

По-началу, галеонские колонисты считали Фокос необитаемым. Свидетельства о замеченных среди скал людях принимались за галлюцинации вследствие жары. Таинственных людей называли «песчаными призраками». Их игнорировали и об их присутствии на Галеон не сообщали до тех пор, пока не начались диверсии. Стало взрывать оборудование, выходить из строя техника. Поняв, что призраки объявили корпорациям войну, галеонцы перебросили на Фокос армию. Так началась первая фокосская война.

Словосочетание «война с призраками» очень точно описывало характер конфликта. Галеонцы не знали, откуда приходит враг, не знали даже приблизительную его численность. Призраки приходили в полночь и в полдень — когда галеонцы спали или прятались от жары. Они делали, что хотели и уходили незамеченными. Любые попытки преследования не приводили к успеху. Иногда казалось, что отряд призраков загнан в тупик и выхода из него нет, но загадочным образом они всегда уходили. Каких только мифов не придумано было о песчаных призраках: и что они не люди, а инопланетяне, и что они могут проходить сквозь стены и летать, и что они не уязвимы, и что они — разновидность демонов — исчадие Пояса черны. Галеонцы, на самом деле, не знали, кто такие пришельцы. Факт исхода нескольких тысяч человек с Титана был известен не многим. В свое время, алларийская пропаганда изъела его из всемирной истории. Тем более это было неизвестно простым галеонским военным и работягам.

Но самым пугающим мифом, появившимся в первую фокосскую войну, был миф о пустынном драконе. Однажды, воздушной разведке удалось выследить и провести до Змеиног каньона группу песчаных призраков. В каньоне было обнаружено небольшое поселение, которое посчитали базой диверсантов. Поселение уничтожили с воздуха, а местность в том районе решили прочесать. Туда направили большую группу войск. Те, кто выжил, говорили, что из каньона то и дело доносился страшный рев, от которого кровь холодела даже у бывалых солдат. Когда один из отрядов вошел в каньон, снова прогремел тот ужасный звук — гораздо дольше и громче чем обычно. После этого, тот отряд никто не видел. Несколько сотен человек и несколько десятков единиц техники пропали без следа.

Вскоре, руководство корпораций поняло, что воевать с призраками дорого и бессмысленно. Год прошел с момента высадки галеонцев на Фокосе, но прибыли от этого проекта не было никакой. Добыча золота так и не началась, а сама идея такой добычи была признана бесперспективной. К тому же, правительство титанианской Алларии требовало вывода войск, но не жизни людей заботили его. Больше всего Аллария боялась обвала цен на золото и обесценивания своего золотого запаса. Столкновение с пришельцами было для алларийцев очень удобным поводом приостановить проект.

Корпорации покинули Фокос. Пришельцы одержали победу. С тех пор прошло тридцать лет.

Спасатели и Джута следовали за Люкой по извилистой тропе между скалами. То опускаясь под землю, то поднимаясь на поверхность, дорога вела их в неопределенном направлении, но Люка шла уверенно — как будто много раз ходила здесь. Ни разу не сверив направление с картой, она откуда-то знала, куда сворачивать. Они шли уже несколько часов.

— Далеко еще? — ноющим голосом спросила Джута. — Я очень устала. Может, передохнем?

— Нельзя сейчас, — ответила Люка. — Дойдем до точки сбора, передохнем.

— Потерпи, подружка, — поддержала Джуту Ника. — А что за точка сбора?

— В операции нам будут помогать еще несколько человек.

Мы должны с ними встретиться.

После этого они прошли еще три часа.

Близился полдень — время, когда только люди могли выжить на поверхности Фокоса. Четыре человека двигались из тени в тень. Ветер, гулявший между скал, иногда задувал под платки, и в этот момент, казалось, будто бы сам Дракон дышит на них своим раскаленным дыханием. Люка иногда пила воду из серебряной трубки, шедшей от ее рюкзака. Когда она дала попить Джуте, две капли воды упали на камни и, зашипев, мгновенно испарились.

— Стоп! — произнесла Люка и резко остановилась. — Ждите здесь. Я пройду вперед. Сейчас вернусь.

— Ты куда? — спросила Ника уставшим, безразличным голосом.

— Я по делам.

— Я сейчас умру, — простонала Джута. — Я хочу есть и пить.

— Не дыши ртом, дыши носом, — сказала Люка, выглядевшая бодрее всех. — Сейчас поедим и отдохнем. Мы возле перевальной базы.

Люка скрылась в узкой, едва заметной щели в скалах, а Джута и Ника рухнули на камни в тени. Джута чувствовала, что ее тело как будто стало в два раза тяжелее. Ей ужасно хотелось есть. Ей казалось, будь такая возможность, она съела бы змею живьем. Ника сидела, закрыв глаза. Даг стоял на ногах, и, хотя ему было не легче других, он не подавал виду. Ника развязала маску и сняла запотевшие очки, чтобы протереть. Джута сделала то же самое. На лице Ники почему-то была улыбка. Глядя на Нику, Джута тоже улыбнулась, после чего они обе рассмеялись.

— Давно я так не бегала по скалам, — сказала Ника. — Как ты?

— Я есть хочу, — вяло пробормотала Джута.

— Блин, знала бы, с собой бы взяла. Как там наши, интересно?..

— Я думаю, с ними как раз все нормально, — ответил Даг. — Что вот с нами будет?.. Не нравится мне эта идея с угоном...

Не успел Даг начать рассуждать, как из щели появилась Люка.

— За мной! — крикнула она. — Можно заходить.

Меньше всего Джуте сейчас хотелось вставать, но, собрав

оставшиеся силы, она все-таки добрела до щели и вместе со всеми протиснулась внутрь. Щель была настолько узкая, что перемищаться по ней можно было исключительно боком. Для мускулистого Дага даже это создавало проблему — он помещался там почти впритирку. Через несколько метров ход расширялся, превращаясь в узкий коридор, идущий по спирали куда-то вверх. Коридор вел в небольшую пещеру, в которой было на удивление прохладно и пахло какой-то едой. Выполнявшая функцию окна, узкая трещина вдоль одной из стен, была завешена непрозрачной шторой, не пропускавшей ультрафиолет. В комнате сидело двое песчаных призраков без масок. В углу стопкой были сложены ящики с оружием, боеприпасами и взрывчаткой; на ящиках лежали две короткие штурмовые винтовки с глушителями.

— Добро пожаловать! — сказал один из призраков на алларийском со страшным акцентом. — Чувствуйте себя как дома. Тут еда... вода...

— Пошли, пошепчемся, — полушепотом сказала Люка призракам на их родном языке.

Джута, Ника и Даг принялись поглощать лежавшую на столе еду, а Люка с призраками скрылись в узкой норе. Нора вела в трещину, расположенную высоко на стене с противоположной стороны скалы. Это был наблюдательный пункт. Оттуда хорошо просматривалось широкое ущелье, по которому, предположительно, должны были пройти галеонские войска.

— Как обстановка? — поинтересовалась Люка.

— Пока все спокойно, — ответил призрак.

— Вы знакомы с деталями миссии?

— Вообще, мы должны отследить продвижение ударной группы, потом двигаться к космодрому и совершить там диверсию. Еще нам приказали оказать помощь призраку, выполняющему особое задание. Это, как я понимаю, ты. О деталях твоего задания нам ничего не известно.

— У меня задание простое. На космодроме стоит бомбардировщик. Со мной три человека. Среди них галеонский пилот. Нам нужно угнать бомбардировщик и улететь на... — Люка остановилась, не желая раскрывать больше, чем нужно. — Короче, покинуть Фокос.

— Хорошее такое задание, — усмехнувшись, сказал один призрак другому. — Интересно, кто из них пилот.

— Тот здоровяк похож на спецназовца, а девчонки симпатичные. Я бы с ними познакомился, — улыбаясь, ответил второй.

— Особенно брюнеточка. Ооо!...

— Я вам не мешаю? — прервала их Люка. — Не имеет значения, кто они. Их нужно посадить в бомбардировщик. Могу сказать только, что это обычные люди, без спецподготовки.

— Здорово. Значит, надо понимать, ты одна все собираешься проверить?

— С вашей помощью. В чем цель вашей диверсии? Наверняка взорвать полосы.

— Именно так.

— Так вот, вы должны сделать это как только мы взлетим. Не раньше и не позже. Они не должны успеть поднять в воздух перехватчик.

— Ну, это мы сделаем. Еще помощь какая нужна?

— Еще было бы хорошо пошуметь перед этим, чтобы отвлечь часовых. Есть идеи?

— Мы думали на эту тему. Нам передали снимок космодрома сразу после высадки галеонцев. На востоке, у склада с топливом, лежат боеприпасы. Чувствуешь мысль: «у склада с топливом боеприпасы», уже хорошо звучит, правда? Так вот мы хотим сделать следующее. Вначале разыграем пожар возле боеприпасов. Естественно, галеонцы наделают в штаны и разбегутся. В этот момент мы перегрузим часть боеприпасов в два грузовика, стоящие рядом. Выкатим грузовики на взлетные полосы, свалим и... Бум! Как идея?

— Замечательно. Пока вы будете грузить, я зачищу ангар, а когда вы начнете выкатывать грузовики, мы уже будем на полосе. Как только мы взлетим, вы перекроете полосы, а потом взорвете. Так и сделаем.

— Классная ты — «зачищу ангар». Ты только не обижайся, сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Это значит, со сколько лет тебя обучали?

— С пяти, — ответила Люка, и призраки оторопели.

— Прости, я просто никогда не видел такую молоденькую... песчаного призрака.

— Ничего, это нормально. Нас немного пока. А такая молодая, потому что... На то есть ряд причин.

— Понятно.

— Я пока пойду, пожру, с утра ничего не ела, — сказала Люка и уползла обратно в пещеру.

Из-за холма показались несколько тяжелых танков, которые быстро двигались в сторону ущелья.

— Думают, мы на это поведемся.

— Ага.

— Это — разведгруппа. Смертники — рассчитывают, что мы ударим по ним и раскроем свои позиции.

Танки проехали и скрылись в каньоне. Через несколько минут показалась основная группа. Она состояла уже из десятка танков, нескольких десятков БМП и группы штурмовых вертолетов.

— Вот, это уже основная группа, — тихо сказал призрак, глядя в бинокль. — Как дети, ей богу — без масок, без головных уборов.

— Теперь я понимаю, почему мы их победили в тот раз, — сказал второй — тот, что с виду был моложе.

— К вечеру их лица покроются волдырями и будут гореть — как будто их облили авиационным топливом и подожгли.

— Да... Бессонная ночь их ждет.

— Патруль десять-одиннадцать, — передал старший призрак по рации. — Основная группа прошла через ущелье Сашши́и и повернула на Хари.

— Земля. Понял вас, — ответили из штаба.

Сквозь прозрачную атмосферу поверхность планеты хорошо просматривалась из космоса, но галеонский флот был на орбите, и спутники пришельцев, будь они включены, были бы тут же обнаружены и уничтожены. Приходилось использовать старые, но эффективные способы разведки.

Четвертая бригада экспедиционной армии стремительно двигалась по ущелью, поднимая в воздух огромные клубы пыли и превращая в щепки песчаные кустарники. Галеонцы шли длинной узкой извивающейся на неровном ландшафте колонной, похожей издали на огромного песчаного змея. Рев двигателей разрывал величественную тишину фокосской пустыни, где тысячи лет самым громким звуком был треск рассыпающихся от перепада температур камней. Прикрепленные к технике флаги корпораций

гордо развивались на ветру, демонстрируя логотипы участников операции перепуганным ящерицам. Из трещин в скалах за этим парадом галеонского величия наблюдали сотни песчаных призраков, понимая, как эти наивные чужаки беспомощны в замысловатом мире песка и камней.

Ударная группа благополучно миновала ущелье и остановилась у необычной скалы. Скала была ступенчатой. На каждом ярусе располагался ряд полукруглых отверстий. Вытесанные из камня лестницы, располагавшиеся по краям, соединяли ярусы между собой. Это было типичное поселение пришельцев на поверхности, сохранившееся еще со времен первых высадок на Фокос. Как временные поселения и перевалочные базы строителей и песчаных призраков эти сооружения еще использовались.

Войска выстроились вряд и приготовились к атаке. Танки направили главные орудия на входы в поселение. Пехота покинула бронетранспортеры и легла за бархан, приготовившись к наступлению. Командир подразделения достал громкоговоритель и на ломаном катонийском начал произносить ультиматум.

— Сдавайтесь! Если вы не окажите сопротивления, мы гарантируем вам жизнь. Те, кто не связан с террористической деятельностью, будут освобождены.

Наблюдавшие за происходящим со скал песчаные призраки в этот момент тихо хихикали. Не дождавшись ответа, галеонцы начали наступать. Первой пошла пехота. Короткими перебежками солдаты приближались к стене, в то время как танки в любой момент были готовы ударить из основных орудий. Однако сопротивления не было. Солдаты разделились на несколько групп и, поднявшись по лестнице, оказались у одного из входов. На какое-то мгновение штурмующие замерли. Из отверстий в скале не было слышно не единого звука. Создавалось впечатление, что внутри никого нет.

— Черт! — раздраженно буркнул лейтенант. — Они нас заманивают. Нужно провести разведку.

Солдат достал из рюкзака небольшого робота, похожего на игрушечный танк у которого вместо башни была камера, и поставил его на землю, после чего, при помощи пульта дистанционного управления, направил внутрь.

Робот медленно проехал по коридору, освещенному неярким зеленоватым светом от кристаллов установленных на потолке.

Примерно через двадцать метров коридор пересекался с другим, таким же. Дальше, по обеим сторонам шли двери, ведущие в комнаты песчаных призраков. Одни были закрыты, другие приоткрыты, некоторые открыты настежь. Робот объехал все помещения, но никаких признаков человеческого присутствия не обнаружил.

Поселение было устроено незамысловато. Это была сеть коридоров, в каждой ячейке которой было несколько комнат. Стены, а точнее перегородки, комнат были сделаны из бумаги натянутой на бамбуковый каркас. Бумага была пропитана специальным раствором, делавшим ее не горючей. Двери комнат представляли собой обычный фрагмент перегородки, уложенный в два желоба сверху и снизу, по которым он свободно скользил.

Не обнаружив угрозы, пехотинцы решили войти. Они двигались вглубь поселения, открывая двери одну за другой, заглядывая внутрь при помощи камер. Все комнаты были пусты. Некоторые были определенно жилыми. Каждая такая комната была хоть и маленькой, но рассчитанной на одного человека, от чего помещение не было похоже на обычную казарму. Хотя комнаты и были персональными, замки на дверях отсутствовали, да и с бумажными стенами в них не было никакого смысла. Личных вещей в комнатах не было, только какой-то хлам. Солдаты также нашли три туалета, кухню и столовую, но везде было пусто.

Заходя в одно из помещений, боец услышал за спиной шум.

— Контакт! — завопил он и выпустил пол обоймы в открытую дверь за спиной. Из комнаты выбежала кошка.

Этаж за этажом солдаты проверили все поселение, но похоже было, что воевать с ними никто не собирался. В то же время, было видно, что помещения оставлены недавно. Для галеонцев это было дико. По галеонским военным традициям даже тактическое отступление считалось страшным позором. Галеонцы не привыкли так воевать, и с одной стороны, это было хорошо, что поселение взято без потерь, но, с другой стороны, всем было как-то не по себе от того, что происходит нечто непонятное, далекое от ожиданий.

Пришельская тактика славилась своей непредсказуемостью. Предугадать действия пришельцев, не зная их конечного плана, было невозможно. Они могли напасть тогда, когда, казалось бы, не должны и отступить, практически держа победу в руках. Ра-

кеты «Близнецы» были одним из пришельских изобретений, в которое была заложена такая тактика. Эти ракеты запускались парами, и каждая летела по непредсказуемой траектории, совершая на пути к цели замысловатый танец. В какой точке будет ракета через несколько секунд, не знала даже сама ракета, однако цель всегда была известна. Эффективность «Близнецов» составляла без малого сто процентов. На войне и в жизни пришельцы иногда жертвовали оптимальностью процесса ради конечного результата. Они не стремились к превосходству над противником в течение всей кампании, им достаточно было просто победы.

Первую победу пришельцы одержали без единого выстрела. Хотя поселение было захвачено, моральный дух галеонцев был сломлен. Осознавая непредсказуемость действий противника, они уже не могли чувствовать себя спокойно, и эта неопределенность, подпитанная множеством мифов и суеверий, рождала обезоруживающий страх. Пришельцы не собирались воевать по галеонским правилам, их не волновала воинская честь в ее галеонском понимании. Пришельцы были свободны от тех предрассудков, что заставляли галеонцев не надевать шлемы и не отступать даже если это приведет к верной смерти. Воюя друг с другом в замкнутом мире феодальных конфликтов, галеонцы уверовали в то, что все люди в мире разделяют их воинские ценности. Это было не так.

Не успел генерал разобраться в ситуации, как от разведывательного отряда пришла нехорошая весть. Проход, который еще недавно был отчетливо виден со спутника, куда-то исчез. На его месте внезапно выросли скалы. Следующий час от разведгруппы поступали данные, лишившие командира веры в реальность происходящего. По данным разведки, рельеф со вчерашнего дня сильно изменился, и тех направлений, по которым планировалось наступление, больше не существует. Более того, в том ущелье, по которому группа добралась до поселения, путь был перегорожен валунами, которые, судя по следам на песке, сами выползли из ближайших скал несколько минут назад. Расстояние между валунами было таким, что танки обратно если и прошли бы, то с большим трудом.

У четвертой бригады не оставалось другого выхода кроме как обосноваться в поселении на ночь. Место было решено сделать временной опорной базой.

С полудня прошел один час. На территории космодрома не было ни души. Из тени выбежали двое и, одним прыжком перемахнув через ограждение, скрылись где-то среди ящиков с оружием. Песчаные призраки умели при помощи магии усиливать сокращение мышц ног и таким образом совершать прыжки на расстояние до семи метров — это называлось «лягушачьим прыжком».

Вскоре, густой черный дым начал окутывать склад горючего. На космодроме началась паника, и часовые на вышках, вместо того, чтобы наблюдать за периметром, пилились на убегающих от ящиков с боеприпасами солдат. Этим и воспользовалась Люка. Уже несколько минут она разглядывала космодром в оптический прицел. Двумя точными выстрелами Люка избавилась от часовых. Они тихо упали за перила дозорных выпшек, от чего их отсутствия поначалу никто не заметил. Позвав за собой остальных, Люка аккуратно и быстро, придерживаясь тени, направилась к валуну возле самого ограждения. Операция началась, и с этого момента каждое действие должно было укладываться в жесткий временной интервал, непопадание в который грозило провалом.

— Сидите здесь. Я сейчас вернусь, — сказала Люка прижавшимся к валуну Нике, Джуте и Дагу.

Ловко, подобно ящерице, Люка забралась на валун, приняла на мгновение позу лягушки, и, резко оттолкнувшись, перемахнула забор одним прыжком. Приземлившись, Люка сделала кувырок и, не теряя ни секунды, побежала ко входу в ангар.

Ника и Джута сидели за огромным валуном, поджимая ноги как можно ближе, как будто именно в этом и заключалась теперь их безопасность. Периодически, они нервно смотрели по сторонам, опасаясь увидеть галеонский патруль. Даг как всегда выглядел невозмутимым. Он прижимал к себе дрожащие руки девушек и, закрыв глаза, размышлял.

«Как мы все это оформим?.. — думал он. — Угон, потеря корабля, половина команды под арестом. Интересно, до командования дошла информация?.. По каким законам квалифицировать угон галеонского судна на Фокосе? Зависит от того, объявлено ли военное положение. Объявлено ли?.. Кто эта девочка? Под чьим командованием она находится?.. Если операция санкционирована Землей обетованной, то разведка нас отмажет, а если нет?..»

«Главное выйти в космос, главное выйти в космос, — верте-

лось в голове Ники. — Там нас ни кто не достанет... Галеонцы — уроды! Вернусь, обзвоню всех знакомых в СМИ. Позвоню Кóмме, чтоб отмазал, если что. Так, кто у нас связан с МИДом?.. Гачи, у Синди отец... Так, ладно ребят вызволим. Пусть только посмеют им что-нибудь сделать! До президента дойду! Главное выйти в космос...»

Через несколько минут Люка вернулась из ангара и начала кусачками вырезать в ограждении щель. Закончив, она тихо подбежала к валуну и возникла из-за него, испугав всех троих.

— Пошли, — шепнула Люка.

Она быстро забежала в ангар, и все остальные не менее быстро проследовали за ней. В ангаре Люка сбавила темп, как будто понимая, что находится в безопасности. И действительно, все, кто охранял ангар, были мертвы. Один охранник висел, перекинувшись через перила; в стекле комнаты управления виднелись два пулевых отверстия, а стена за дверью была испачкана кровью. На трапе бомбардировщика лежал застреленный солдат. Люка подбежала, схватила его за руку и оттащила с трапа как какой-то мусор.

Ника и Даг, будучи спасателями, насмотрелись всякого, но Джута видела мертвого человека всего второй раз в жизни. Она остановилась, побледнела и уставилась на труп не способная отвести взгляд. Даг заметил это и, зная, что делать в таких случаях, обогнал Джуту, закрыл от нее труп собой и повел ее в самолет, подталкивая под спину. Он усадил Джуту на место первого пилота, а сам сел за пульт бортинженера. Вторым пилотом стала Ника. Люка, еще раз убедившись, что ангар зачищен, вбежала последней. Переборов шок, Джута начала разбираться в знакомой ей только по тренажеру приборной панели.

Перед ней было два больших плоских дисплея, на которые выводились показания всех приборов. Еще по две панели было у Ники и Дага. По специальным интерфейсам данные поступали от приборов из разных частей самолета на два дублирующих друга бортовых компьютера в передней и задней части фюзеляжа. Информация выводилась на шесть цифровых панелей и шлемы членов экипажа. Формат был стандартным для всей галеонской авиации; разница заключалась лишь в наличии и отсутствии некоторых особых функций. Поэтому, независимо от того был ли это шаттл, пассажирский самолет или бомбардировщик все стан-

дартные приборы выглядели одинаково. Много лет программное обеспечение для галеонских воздушных судов разрабатывалось одной единственной компанией.

— Всем занять места и пристегнуться, — сказала Джута, надевая шлем.

Она запустила двигатели, и бомбардировщик засопел, как будто делая глубокий вдох. Низкий гул турбин постепенно становился выше, превращаясь в свист.

«Ну, быстрее, — думала Ника, нервно барабанив пальцем по показаниям тахометра».

Наконец турбины раскрутились, и обороты стабилизировались — можно было начинать руление.

— Я боюсь, — прошептала Джута, держа руку на ручке управления тягой.

— Успокойся, тебе сейчас нельзя волноваться, — сказала Ника и взяла ее за руку.

— Да ты сама дрожишь.

— Так, девочки, не паниковать, — сказал Даг. — Почти выбрались. Давай! Покатились.

— А если они нас собьют!.. — воскликнула Джута.

— Нечем, — спокойно ответила Люка. — У них здесь нет ПВО. Взлетай.

— Откуда ты знаешь? — поинтересовалась Ника.

— Знаю, — ответила Люка. — Разведка доложила. Ну, давайте уже! Мы летим или нет! Времени мало!

Джута выставила режим руления. Ее вспотевшая ладонь соскальзывала со штурвала. Самолет вздрогнул и медленно покатился.

«Борт четыреста три, — раздалось в эфире. — Взлет запрещен, вернитесь в ангар».

— Они пытаются связаться с нами, — взволнованно произнесла Джута. — Что ответить, чтобы они не заподозрили?

— Борт четыреста три, — не умолкал диспетчер. — Повторяю. Взлет запрещен! Вернитесь в ангар! Подтвердите.

— Дай я отвечу, — сказала Люка и встала со своего места.

На вышке, тем временем, диспетчеры в недоумении наблюдали за происходящим на космодроме. В нескольких сотнях метров от них горел склад, но ни кто не осмеливался приблизиться к нему, чтобы начать тушить. Все ожидали взрыва боеприпасов в

любой момент, но приказа на эвакуацию не было, и сотрудники базы не могли покинуть своих рабочих мест. В то же время на взлетную полосу вырулил бомбардировщик и собрался взлетать. Без приказа, да и, учитывая чрезвычайность ситуации, по всем правилам, взлет разрешать было нельзя. Однако борт на связь не выходил. Только когда на мониторе появилась Люка, показывающая неприличные жесты, все поняли, что происходит.

— Черт! — прокричал диспетчер. — Это песчаный призрак! Тревога! Нападение на базу!..

— Что ты делаешь!.. — возмутилась Джута, отталкивая Люку от приборной панели.

— Говорю «до свидания».

— Сядь на место и пристегнись! Мы взлетаем! — крикнула Джута раздраженно.

На самом деле, пожара на складе не было. Просто двое диверсантов бросили в него по дымовой пашке и, пока галеонцы бегали вокруг, боясь приблизиться к якобы горящему топливу, призраки наполняли грузовики взрывчаткой и устанавливали детонаторы.

— Смотри! Они перегораживают полосы! — прокричала Джута, увидев грузовики.

— Спокойно. Это наши, — ответила Люка. — Взлетай, они пропустят.

— Куда безопасней лететь? — спросила Ника.

— На север, — ответила Люка.

— Тогда выход влево. Курс — пять. Высота — полторы тысячи.

— Взлетаем на форсаже. Всем приготовиться, — сказала Джута и выдвинула ручку тяги до упора.

Струи голубого пламени с оглушительным свистом вырвались из сопел. Вжав в кресла и сжав дыхание всех, кто находился в кабине, гигантская сила подхватила самолет и с ускорением понесла по полосе. Уже через мгновение огромный стратегический бомбардировщик черной птицей поднялся над пустыней и полетел на малой высоте прочь, оставляя за собой раскаленный след.

Как только самолет пронесся мимо, призраки погнали грузовики на полосы. Они выбрасывали за собой дымовые пашки, чтобы образовать от полос до склада сплошной коридор дыма, прячась в котором, можно было бы покинуть космодром. Устано-

вив грузовики, диверсанты побежали сквозь дым к ограждению и прыжком покинули территорию. Дело было сделано — оставалось только нажать кнопку. Вскоре прогремел взрыв.

Поднятая взрывом пыль рассеялась, и стало видно, что из покрытия двух взлетно-посадочных полос вырваны огромные куски бетона. В виде пыли они покрывали площадь в несколько километров. Два унесенных взрывной волной истребителя лежали у стены диспетчерской в виде бесформенной груды металла. Песчаные призраки из трещины в скале наблюдали за результатом своей работы.

— Ну вот, было две длинных, стало четыре коротких, — сказал один другому, глядя в бинокль.

— Замечательно. Думаю, дня два отсюда точно ничего не взлетит.

— А девчонка далеко пойдет...

— Да уж...

Наступила ночь, но в лагере четвертой бригады ни кто не спал. Отовсюду раздавались стоны тех, кто весь день находился на солнце без масок. Солнцезащитные кремы, выданные солдатам, оказались не рассчитанными на фокосские дозы ультрафиолета. Дневной жар как будто вьелся глубоко в кожу и выжигал ее изнутри, разрывал, покрывал волдырями. Обожженные глаза слезились и болели так, как будто вот-вот лопнут.

Бригада в этот день потеряла ранеными почти треть личного состава. Не пострадали только танкисты и пилоты, весь день находившиеся в боевых машинах. Они и вышли в ночной дозор. Уставшие от дневной жары, не выпавшие из-за ранней высадки, они вяло бродили между танков, БМП и ударных вертолетов как бы охраняя их. В эти часы бригаду можно было брать голыми руками. Кто-то думал об этом и ожидал, что вот сейчас появятся призраки и все попадут в плен практически без боя.

Внезапно раздался рев. Это был тот самый рев Дракона, пугавший Джуту ночью. Он доносился откуда-то из скал и был настолько громким, что его можно было ощущать всем телом. Через несколько минут рев повторился. Он повторялся снова и снова все чаще и чаще. Все, кто был в состоянии ходить, выбежали из поселения, чтобы посмотреть, что происходит. Началась неразбериха. Кто-то скомандовал: «Приготовиться к обороне!» На какое-то

мгновение звуки прекратились. Наступила пауза. Все замерли в ожидании. В полной тишине послышался низкий гул. Он нарастал и как будто приближался. Гул доносился со всех сторон: от каждой скалы, от каждого камня; он становился все громче, и вот уже от него все расплывалось в глазах. Люди начали валиться с ног. Ставший от вибраций зыбучим песок поглощал технику и людей. Те, кто стоял на камнях кричали и закрывали уши, пытаясь защититься от уже невыносимо громкого звука, разрывавшего им голову.

Прогремел взрыв. В непроглядной тьме фокосской ночи его никто не видел, но продолжительный звук похожий на гром услышали все, кто находился в Змеином каньоне. Той же ночью на лагерь седьмой бригады, располагавшийся неподалеку, падали камни, а утром один джип нашли пробитым насквозь упавшим с неба дулом танка. Все кругом было усеяно обрывками композитного волокна, из которого были сделаны лопасти вертолетных винтов. На месте лагеря четвертой бригады разведчики обнаружили лишь скалы и песок. Ни бригады, ни захваченного ею поселения больше никто не видел.

Эпизод 5

«Где все?..»

Перевернувшись и выставив турбины вперед, бомбардировщик на автопилоте спускался с орбиты Титана. Едва заметно подправляя курс, автоматика вела воздушное судно по пологой траектории ко входу в атмосферу в районе архипелага Хаммз. Ручное управление еще не требовалось. За приборами следил Даг, а Джута спала, удобно расположившись за пультом управления вооружением в задней части кабины. Пол пути до Титана Ника успокаивала ее, убеждая в том, что все будет хорошо. В конце концов, Джута ей поверила и смогла заснуть. На месте помощника бортинженера сидела Люка и играла с болтавшимся в неведомости мечем. Одним пальцем она мягко толкала его в гарду, наблюдая за вращением, и за этим занятием была немного похожа на кошку. В иллюминаторе ослепительно голубым светом сияла полусфера Титана. Проснувшись от этого света Ника открыла глаза и начала потягиваться. Даг, как будто давно ожидая пока Ника проснется, начал разговор:

— Ты знаешь, я придумал, что нам делать с ней... — Даг кивнул в сторону Джуты. — Ну, как ее?..

— С Джутой, — напомнила Ника.

— Да, с Джутой... Ей ведь приговор вынесли до присяги Зэуса?..

— Не знаю, — растерянно сказала Ника.

— Потому что новости надо читать. Его убили во время инаугурации. Он не успел произнести присягу.

— Ну и что это значит?

— А значит это то, что Галеон официально не является независимым государством. По закону о суверенитете субъектов республики Аллария, в случае признания независимости, субъект обретает ее с момента завершения формирования в нем всех институтов власти. Короче, пока у галеонцев нет президента, они — Алларийская автономия.

— Да ладно? Они разве — Алларийская автономия?

— А что же еще?

— Независимый Субъект Конфедерации, — неуверенно ответила Ника.

— А вот и нет. Это типичное заблуждение. Галеонская колония — это автономная область республики Аллария, которая, в свою очередь, является частью конфедерации. Следовательно, Джута осуждена судом республики Аллария и как гражданин Алларии может отбывать наказание на ее титанианской территории.

— То есть даже на Хаммэ? — радостно переспросила Ника, не веря в то, что обстоятельства складываются столь удачно.

— Конечно. Как только мы передадим ее полиции Хаммэ, ей нужно будет написать заявления в суд по правам человека и описать все, что с ней делали в галеонской тюрьме. Пока заявление будет рассматриваться, свой срок она отсидит на Титане. Вообще, она может даже остаться на Титане, ведь она — гражданка Алларии.

— Здорово! Все-таки я всегда знала, что ты у меня гений.

«Я у нее... — подумал Даг и на мгновение почувствовал себя мужем Ники, от чего тут же погрузился в воспоминания, что, на самом деле, это не так. — Времени мало... Всего пара часов осталась до посадки. Потом нужно решить проблему с Джуттой, найти команду, — все это разрешится достаточно быстро, и что дальше?... Дальше, Ника, скорее всего, устроит вечеринку по случаю благополучного завершения незапланированных приключений... — Дагу было известно, что у Ники сейчас точно никого нет, но, зная как легко она заводит знакомства, он был почти уверен, что после этой вечеринки у нее появится новый кавалер, скорее даже один из прежних — тех, что она держала про запас, и в этот раз, возможно, он станет ее мужем. — Времени мало... Нужно найти подходящий момент. Остаться с ней наедине и признаться во всем. Черт! Как все просто!.. — От одной мысли о таком призна-

нии тело Дага сковывало ледяной паутиной. Сознание мутилось от волнения. — Какие подобрать слова?.. Как она воспримет признание в любви от человека, которого всю жизнь считала братом, лучшей подругой — кем угодно, но только не любовником? Я двадцать лет ее знаю, но так и не могу понять, что у нее в голове творится. А вдруг, по какой-то причине, она не хочет ложиться со мной в постель?.. Ведь ни разу за эти двадцать лет не было даже намека на флирт. Да и все ее кавалеры так не похожи на меня. Может быть, я ей просто не нравлюсь. Она любит со мной дружить, я для нее замечательный собеседник, но не более. Ведь есть же у меня подруга Ханна. Мы с ней болтаем на любые темы, но жениться — ни за что!.. — Больше всего Даг боялся поставить Нику перед выбором: жить с другим человеком, зная, что ее лучший друг любит ее, или выйти замуж за него только лишь из чувства благодарности».

С катонийского языка словосочетание «моя жена» дословно переводилось как «живущая у меня дома». Уже давно домом для Дага было то место, где живет Ника.

В детстве, принимая ванну, Ника любила смотреть на мыльную пену, которая напоминала ей облака Титана. Ника закрывала глаза и представляла себя летящей высоко в небе. Ника была одной из немногих жительниц Земли обетованной выдавшей облака. Когда-то, в детстве, Ника с родителями улетала с Титана в шторм. Она и без того боялась грозы, а в тот день молнии сверкали то справа то слева, озаряя ярким светом салон пассажирского шаттла. При взлете порыв ветра неожиданно бросил самолет вниз. Кто-то в салоне вскрикнул от ужаса. Прижавшись к маме, малышка Ника колотилась от страха, но вот самолет поднялся над облаками и оказался совсем в другом мире. В кристально чистом небе сияло солнце, а, далеко внизу, во все стороны до самого горизонта простиралась белоснежная пелена облаков. Маленькая Ника очарованная этим зрелищем смотрела в иллюминатор, пока стюардесса не объявила о том, что корабль покидает атмосферу. Эта картина осталась в памяти Ники на всю жизнь.

Вот и сейчас небо над Хаммэ было затянуто плотными облаками.

— Странные облака... — сказал Даг, глядя вниз. — Откуда взялся этот циклон? Не сезон ведь.

— Такой большой... — сказала Ника. — Вообще, циклоны иногда приходят в это время, но очень редко.

— Да и цвет... Либо здесь стекло тонированное, либо облака какие-то серые.

— Да нет, небо-то нормальное... — Тревога Дага постепенно передавалась Нике. — Облака действительно странные.

— Я запросила погоду на Хаммэ, — объявила Джута. — Температура воздуха — двадцать пять градусов. Дождя нет, но вероятность большая. Ветер северный, порывистый — восемь метров в секунду. Видимость у земли — полторы мили. Нижняя граница облачности — пятьсот метров.

— Жестко, — констатировала Ника и посмотрела на уровень горючего. — Топлива в обрез. Сможешь сесть?

— Смогу, — ответила Джута. — На бомбардировщиках хорошие системы стабилизации.

— Ну, хорошо, тогда я связываюсь с Хаммэ-подход. — Из списка станций Ника выбрала нужную и запросила посадку. — Борт десять-пятьдесят, высота двадцать одна тысяча спускаюсь до одиннадцати, прошу экстренную посадку

— Хаммэ-подход, приветствуем вас, — с некоторой задержкой ответил искусственный голос автоматического диспетчера. — Борт десять-пятьдесят, спускайтесь и сохраняйте восемь тысяч, разворот вправо курс двести десять.

— Понял вас, спускаюсь и сохраняю восемь тысяч, вправо, курс двести десять, борт десять-пятьдесят.

«Ну вот, сейчас появятся перехватчики, — думал Даг, — и отведут нас на секретную военную базу пришельцев. Там мы общаемся с сотрудниками разведки, и все — как будто и не было ничего».

На радаре, однако, было чисто. Похоже, в небе вообще не было воздушных судов.

Самолет вплотную приблизился к густой пелене облаков и уже слегка касался ее. Джута понизила тягу, и бомбардировщик начал медленно погружаться в серый туман, где видимость почти до самой земли была ограничена несколькими метрами. Летящие навстречу капли и льдинки создавали иллюзию длинного коридора дождя, по которому самолет летел с огромной скоростью, и ничего вокруг не было видно кроме этого коридора.

Джута опустила экран шлема и включила курсоглиссадную

систему. Стекло экрана тут же стало почти непрозрачным, и она уже практически не видела кабину. Однако это было и ненужно — вся необходимая информация выводилась на шлем и была перед глазами постоянно, куда бы Джута не повернула голову. Сеть ярких желтых линий очерчивала ландшафт. Перед глазами Джуты крутился авиагоризонт с информацией о горизонтальной и вертикальной скоростях, высоте и курсе. Сквозь кабину и серую пелену, Джута видела под собой идеально ровную гладь океана, над которой кое-где возвышались острова. Чуть справа, уже виднелись две высокие тонкие скалы, называемые Южными вратами. В ясную погоду они были хорошим ориентиром для пилотов, заводящих самолеты на посадку. Чтобы выйти на глиссаду нужно было пролететь над Южными вратами на высоте двух тысяч трехсот метров и развернуться немного вправо. Основные полосы аэропорта Хаммэ оказывались прямо по курсу.

— Борт десять-пятьдесят, посадку разрешаю, — раздалось в наушниках. — Спускайтесь и сохраняйте две тысячи, разворот вправо, курс тридцать два. Полоса основная правая. Работайте с Хаммэ-вышка.

— Спускаюсь и сохраняю две тысячи, разворот вправо курс тридцать два, полоса основная правая, борт десять-пятьдесят, — ответила Ника диспетчеру. — В эфире как-то пусто. Похоже, мы здесь одни.

— Ты можешь в это поверить? — спросил Даг.

— Может быть из-за циклона? — предположила Джута.

— Циклон — не причина, — ответил Даг. — И не в такую погоду садятся. Над Хаммэ никогда не бывает пусто. Странно, что ни кто не интересуется, кто мы, откуда взялись, да еще и основную полосу дают. Обычно, они постоянно заняты — на них один за другим садятся, еще и в зоне ожидания вертится кто-нибудь.

Как только диспетчер разрешил посадку, в бортовой компьютер были переданы векторы захода, и на дисплее шлема появилась череда уходящих вниз прямоугольников. Это была глиссада. Пройдя по этому коридору, самолет оказывался в точке касания у начала полосы.

Бомбардировщик медленно спускался, немного покачиваясь из стороны в сторону. Коварный ветер то бил его под крыло, пытаясь перевернуть, то, закручиваясь в спираль, создавал воздуш-

ные ямы. От резких рывков вниз у Люки холодели конечности. Она смотрела в иллюминатор, нервно потирая пальцем рукоятку меча, и тщетно пыталась определить, на какой высоте они находятся. Капли воды, ударяясь о стекло, вытягиваясь в длинные линии. Эти следы оставляли на стекле подтеки странной серой грязи, которая, стекая назад, набивалась в кромку иллюминатора.

— Смотрите, — тихо сказала Люка Дагу. — К нам какая-то грязь прилипает. Она в двигатели не забьется?

— Где?

— Да вот. — Люка показала пальцем на край иллюминатора.

— Я же говорил, какие-то странные облака! — воскликнул Даг.

— Что там? — взволнованно спросила Ника.

— Да ничего особенного, — ответил Даг. — Грязь какая-то.

— Может подняться? — спросила Джута.

— Да теперь уж лучше садиться, — ответил Даг. — Три тысячи до земли.

Даг пробежался взглядом по приборам.

— На двигатели похоже она не влияет. Да, продолжаем снижение.

Самолет развернулся вправо, и из тумана показались пики Южных врат. Люка смотрела через иллюминатор дрожащий конец крыла. Вскоре загудели и медленно опустились закрылки. Чем ниже спускался самолет, тем прозрачней становилась серая пелена; темнел, покрытый белыми барашками, океан. На дисплее курсоглиссадной системы Джута видела уходящий вдаль коридор зеленых ворот, в конце которого белела трапеция взлетно-посадочной полосы. Тысяча метров, девятьсот, восемьсот... На альтиметре шлема уже показался указатель поверхности. Под самолетом пронеслись качающиеся на волнах буйки. Пятьсот, четыреста, триста... Быстро промелькнул тонкий песчаный пляж и начался каменистый берег. Двести, сто... Вот уже пронеслось мимо ограждение аэродрома. Самолет плавно коснулся полосы и, опустив нос, начал резко тормозить, поднимая в воздух клубы пара и брызг.

— Борт десять-пятьдесят, добро пожаловать в Хаммэ, — сказал голос диспетчера. — Освобождайте полосу вправо по ближайшей РД. Работайте с Хаммэ-руление.

— Понял вас. Вправо по ближайшей РД, — ответила Ника.
— Переключаюсь на Хаммэ-руление, борт десять-пятьдесят.

Самолет сбросил скорость и развернулся на рулежную дорожку. Подняв глаза от приборов, Ника увидела пугающе мрачную картину. Живой, вечно суетящийся транзитный узел Хаммэ как будто вымер. На стоянках рядами были припаркованы лайнеры и небольшие бизнес-джэты, однако ни трапов, ни заправщиков, ни вечно суетящихся роботов-грузчиков вокруг не было. Вдалеке, у терминала стоянка была заполнена аккуратно припаркованными автобусами, которые отвозили пассажиров к самолетам. Ника и не знала, что там их стоянка, ведь все эти автобусы были постоянно либо на летном поле, либо ждали в очереди у гейтов. В это время дня солнце над Хаммэ еще стояло высоко, но под толстым слоем плотных облаков был такой сумрак, что Джуте пришлось включить огни, чтобы разглядеть разметку рулежной дорожки.

— Даг, мне страшно, — прошептала Ника. — Здесь как на ядерном полигоне за минуту до взрыва.

— Да. Похоже, мы здесь одни, — задумчиво ответил Даг, не отводя взгляда от иллюминатора.

Ника выбежала из бомбардировщика первой и сразу начала осматриваться в поисках хоть одной живой души, а Даг первым делом направился к шасси, стойки которых были облеплены загадочной грязью. Он провел пальцем по элементу крепления и размазал странное вещество по ладони. Налет был серого цвета и образовался, должно быть, из очень мелкой летучей пыли.

— Я кажется знаю, что происходит, — громко сказал Даг, выходя из-под крыла самолета. — Похоже, взорвался вулкан. Какой из действующих вулканов ближайший к Хаммэ?

— Ты у меня спрашиваешь?.. — переспросила Ника.

— Я знаю только Какóто, — сказала Джута. — Когда я училась в академии, мы ездили туда с друзьями.

— Но до Какóто пятьсот миль, — возразила Ника. — Да и вообще, в сводках погоды такие вещи всегда говорят. Нет, не похоже это на вулкан. Даг, из-за чего могут эвакуировать остров? Как ты думаешь?

— Гадать можно до бесконечности, — ответил Даг. — Нужно что-то делать. Топлива все равно нет. Нам в любом случае нужно как минимум заправиться.

— Ты прав. У нас нет топлива, мы голодны... — Ника на какое-то мгновение задумалась. — Так! Если бы Хаммэ угрожала опасность, стал бы автоматический диспетчер нас сажать?

— Тоже загадка... — сказал Даг. — Если бы остров эвакуировали, нам бы посадку не дали.

— Нужно разобраться, что происходит, по возможности найти людей. Пойдем в терминал.

С этими словами Ника решительно двинулась в сторону аэровокзала. Даг обернулся, чтобы позвать Люку и увидел, что та сидит на земле и медитирует. Через мгновение внимание всех было приковано к ней.

— Что она делает? — тихо спросила Ника.

— Колдует, — так же тихо ответила Джута. — Она колдунья.

— Я слушаю, — сказала Люка, не открывая глаза. — Не мешайте.

Несколько минут Ника, Джута и Даг, переглядываясь, молча смотрели на юную колдунью. Легкий ветерок трепал по лицу ее тонкие черные волосы. Должно быть, ей было щекотно, но она была неподвижна. Даже дыхание ее замедлилось настолько, что прилипший к носу локон совсем не колыхался.

— Море спокойно, земля спокойна, воздух спокоен... — начала говорить Люка монотонно. — Слышу звуки... Он идут из-под земли... Прямо под нами...

— Что под нами? — спросила Ника у Дага шепотом.

— Топливные насосы, — ответил Даг. — Возможно, стоянка заправщиков или склад термоядерных ускорителей.

— А что за звуки? — деликатно спросила Ника у Люки.

— Как будто перетекает слизь... Что-то капает... Шипение... Как будто что-то горячее опустили в воду... Шарканье...

— Может быть пожар?... — тихо спросила Ника. — Слышишь что-нибудь еще?

Люка открыла глаза и окончательно вышла из медитации.

— Больше ничего, — ответила Люка. — Может быть, услышала бы больше, если бы ваше сердцебиение и дыхание не заглушали. Но землетрясения, извержения, цунами точно нет — я бы услышала.

— Ты, я смотрю, хорошо в этом разбираешься.

— Да. Нас в школе учили слушать землю, — ответила Люка.

— Ну, тогда пойдем в аэровокзал...

Ника шла чуть впереди, постоянно поглядывая по сторонам. Сколько не старалась она найти взглядом хоть кого-нибудь — все тщетно. Они прошли напрямую к зданию терминала и остановились возле ворот, которые должны были открываться автоматически, но сейчас были заперты. Даг подошел к двери и, с трудом просунув пальцы между створок, попытался раздвинуть их силой. Дверь не поддавалась, но вдруг сверху что-то щелкнуло, и правая створка резко улетела в сторону.

— Там замок, — сказала Люка. — Нужно его поднять, чтобы дверь открылась.

— Где замок? — недоуменно спросил Даг.

— Внутри, — сказала Люка и показала пальцем на правый верхний угол двери. — Я открыла его при помощи магии. Раздвигать их силой бесполезно.

Даг смутился, а Ника, заметив это, улыбнулась. Люка пошла вперед. Во второй двери что-то щелкнуло, и девушка легко отодвинула ее рукой.

В зале ожидания как обычно горел свет, и работали эскалаторы, но на скамейках, в кафе и магазинчиках никого не было. На витринах ювелирных магазинов переливались голубоватым светом цэттерские бриллианты; в бутике напротив, аккуратными стопками были сложены пришельские шарфики. Рядом была надпись: «Распродажа -40%!». В кафе, полки барных стоек как всегда были заставлены спиртным, привезенным со всех концов мира, а на лотках, напротив, за стеклом, стояла постоянно подогреваемая еда.

— Может, перекусим, — предложила Ника.

— Ага. Если сможем... — сказал Даг.

— Да видишь, все работает. Роботы, наверное, тоже.

На столиках кафе стояли одноразовые тарелки с остатками еды и стаканчики с недопитыми напитками. Рядом лежали пластиковые одноразовые столовые приборы. Создавалось впечатление, что все посетители одновременно исчезли. В зале, однако, был порядок, лишь в дальнем углу была разлита какая-то жидкость. Ника прошла в зал и, выбрав подходящее место, посмотрела на Дага. По одному ее взгляду он понял, что нужно сдвинуть два соседних столика вместе.

Лазеры, установленные на потолке, проецировали на поверхность стола меню. Слева, в каждом пункте списка было изобра-

жено блюдо, а чуть правее большими буквами написано его название и цена. Справа от списка вертикально шли кнопки выбора разделов: «закуски», «первое», «горячие» и так далее. После нажатия на пункт меню появлялось трехмерное изображение блюда с его полным описанием включавшим состав, список аллергенов, количество калорий и прочее. Повторное нажатие на пункт меню добавляло блюдо в заказ. Чтобы заплатить, нужно было провести пластиковой карточкой по сканеру расположенному в кромке стола и подтвердить действие, приложив палец к сканеру отпечатков.

Все сделали заказы, и меню исчезло. Через некоторое время, откуда-то из-под потолка на тонких блестящих механических руках спустились тарелки с едой, стаканы с напитками и приборы. Ориентируясь по магнитным маякам в углах столиков, робот аккуратными движениями с ювелирной точностью расставил все на свои места, после чего искусственный голос сказал: «Приятного аппетита», — и металлические руки скрылись где-то под потолком.

Несмотря на то, что в здании аэропорта не было никого, кроме четырех случайных посетителей, полностью роботизированное кафе работало в своем обычном режиме. В коридоре тщательно вытирал принесенную с улицы грязь робот-уборщик. Его вызвал искусственный глаз, постоянно сканировавший пол в поисках мусора. Работала и система сортировки багажа. Сейчас во внутреннем расписании аэропорта все рейсы были отменены, но стоило появиться хотя бы одному активному, и багаж, поставленный на ленту у соответствующего терминала, оказался бы гарантированно возле грузового выхода, где его уже ждал бы робот-грузчик, чтобы отвезти в самолет. Весь аэропорт был автономным «живым» организмом, состоявшим из роботов, которые слаженно работали бы без вмешательства человека, до тех пор, пока в проводах есть ток.

Вот уже пятьдесят лет в странах Титанианской конфедерации роботы постепенно вытесняли людей из тех профессий, где требовался однообразный физический труд. Все меньше людей оставалось среди барменов, официантов, уборщиков, грузчиков... Официанты-люди сохранились лишь в престижных ресторанах и клубах. Чаще всего это были девушки с безупречной внешностью, знающие несколько иностранных языков и способные не только

принять заказ и принести еду, но и развлечь посетителя приятной беседой. Девушки-стюардессы обслуживали только VIP рейсы, а человека моющего пол можно было встретить разве что в очень отсталой стране. Однако, несмотря на это, были и те области, в которых за пятьдесят лет роботы ни сколько не потеснили людей. Так и не удалось создать полностью автоматизированной системы управления самолетом, и автомобили могли ездить без водителя только в специально оборудованных городах. Роботы прекрасно справлялись со своими задачами в идеальных условиях, но когда что-то шло не так, требовалось вмешательство человека.

Майор Зилус почти бегом мчался в штаб по ликвидации последствий чрезвычайного происшествия, когда у него зазвонил телефон. Времени не было, и майор уже собрался нажать кнопку сброса звонка, но какое-то чутье заставило его достать телефон и хотя бы посмотреть, кто звонит. На дисплее было написано: «Капитан Н. Пикали».

«Вот она! Объявилась! — подумал майор и облегченно выдохнул. — Висит, небось, на орбите. Ну, уж повиси пока. Не до тебя сейчас».

Экипаж капитана Пикали должен был вернуться сутки назад. О незапланированной операции и тем более об аресте майор не знал. Последнее сообщение на базу пришло от корабля «Надежда», когда тот покинул Пояс черны. Майор был осведомлен об атаке на Фокос. Интуиция подсказывала опытному военному, что задержка связана именно с этим, ведь маршрут возврата пролегал мимо Фокоса, но волнение за Нику все равно не давало ему покоя. Майор всегда беспокоился о ней так, как если бы она была его дочерью.

— Ну, здравствуй, — сказал майор Зилус.

— Здравствуйте, товарищ майор, — ответила Ника.

— Вернулась, наконец. Докладывай, где была. Только быстро.

— На орбите Фокоса мы приняли сигнал SOS и оказали помощь кораблю потерпевшему бедствие. Потом наш корабль арестовали галеонские военные.

— Как я и думал. Где вы сейчас?

— Мне и лейтенанту Кодту удалось добраться до Титана. Мы в терминале Хаммэ.

От слова «Хаммэ» глаза полковника округлились, руки похолодели. Он резко остановился и как будто забыл куда шел.

— Где вы? Повтори! — крикнул он в трубку.

— В Хаммэ, — робко ответила Ника.

— Как вы туда попали? Вы там давно?

— Около часа. Мы совершили вынужденную посадку. Это долгая история.

— Главное не паникуй...

— Что случилось? Вы меня пугаете.

— Вы должны как можно скорее, не теряя ни секунды, убираться оттуда. Ближайший безопасный аэропорт — военная база Ни-Абе-Хумма на Цэттере.

— Что случилось?

— Вчера Титан был атакован демонами. Начался Небесный плач. Хаммэ кишит демонами. На стадионе академии засела огромная нянька. Убирайтесь оттуда!

— Поняла вас. Не волнуйтесь, здесь пока все спокойно. Должно быть, солнечный свет отпугивает их. Мы немедленно покидаем остров.

— Быстро! Доложи, как только взлетишь! Слышишь? Ника, доложи, как взлетишь!

— Так точно!

Все, кто были за столом, мгновенно перестали есть. Джута смотрела на Нику испуганным взглядом, а по выражениям лиц Дага и Люки было ясно, что они все поняли.

— Ну что, девочки и мальчики, у нас большие проблемы, — выдохнув, произнесла Ника.

— Демоны, — буркнула Люка под нос, после чего оттянула гарду меча и повернула ее на сто восемьдесят градусов. — Так я и думала. Этот звук — шипение — это вода и огонь... Огненные шары и амебы... — Люка замерла. — Амебы! — крикнула она.

В следующую секунду Люка резко отодвинула стул ногой и, выхватив меч, с ловкостью кошки прыгнула в центр зала. Люка направила клинок в то место, где несколько минут назад была разлита вода, но в углу уже было сухо.

— Вода, — сказала Люка. — Тут была разлита вода.

— И что? — спросила Ника.

— Ее нет. Она не могла так быстро высохнуть!

— Может это робот вытер? — предположила Джута.

— Нет! — рывкнула Люка. — Я не слышала, чтобы робот вытирал. Это точно амеба. Она на кухне.

— Ты собираешься с ней драться? — спросила Ника.

— Да ты что, с ума сошла! — крикнула Люка. — Валим отсюда!

Оставив недоеденный ужин, все покинули кафе. Люка, не отводя глаз от двери на кухню, вышла последней. Обдумывая план дальнейших действий, Ника направилась обратно к открытым воротам. Даг шел за ней. Испуганная Джута держалась около него — рядом с крепким мужчиной она инстинктивно чувствовала себя спокойней. Перед лестницей на первый уровень Ника резко затормозила — так, что Даг натолкнулся на нее. Ей в голову пришла какая-то мысль. Ника подбежала к окну и начала внимательно разглядывать стоянку самолетов.

— Даг, как ты думаешь, они не заправлены? — спросила Ника.

— Думаю, нет. Ты же сама знаешь, топливо положено заливать непосредственно перед взлетом.

— Значит нужно найти заправщик. Пойдем, — сказала Ника и решительной походкой отправилась вниз.

На улице моросил мелкий теплый дождь. Он не падал с неба, а скорее заполнял все пространство вокруг. Видимость у земли резко ухудшилась. Сквозь серую завесу дождя вдалеке виднелись несколько ярких оранжевых цистерн.

— Смотри! Это ведь заправщики, — воскликнула Ника.

— Похоже, — ответил Даг. — Только что-то мне подсказывает, что они пусты.

— Проверь. Люка, помоги Дагу. Мы с Джутой пойдем в бомбардировщик и будем вас ждать.

— Пойдем, — сказал Даг, махнув Люке рукой.

После исчезновения Катонии на Титане не происходило никаких крупных катастроф, поэтому в странах Титанианской конфедерации уже успело повзрослеть несколько поколений людей не знавших, что такое массовая эвакуация. Тем удивительней было то, что внезапно объявленная тревога не вызвала совершенно никакой паники и даже замешательства. Международный терминал Хаммз, внезапно открыв зоны таможенного контроля, объявил регистрацию и посадку на все рейсы в пределах бли-

жайших восьми часов. Кто-то из ожидавших в очереди пассажиров даже обрадовался. Лишь когда самолеты поднялись в воздух, людям сообщили, что это была эвакуация, и все рейсы летят в аэропорты Аллании. С удивлением восприняли жители островов появление в водах архипелага кораблей ВМС, и на призыв собраться у причалов отреагировали с любопытством. Не спеша, они покидали здания, спрашивали друг друга, пытаясь понять что происходит, и брели к пристаням, где их уже ждали большие десантные корабли. Подняв в воздух все рейсы разом, аэропорт Хаммэ начал работать как эвакуационный пункт. Самолеты государственной авиакомпании Аллиан вперемешку с транспортниками десантных войск взлетали один за одним, увозя на континент тех, кто оказался рядом с аэропортом в тот день. Последними на правительственном самолете улетели сотрудники терминала, губернатор и руководители операции. Однако, транспортная система архипелага оказалась бесполезна. Спроектированная для регулярного пассажиропотока, она попросту не была рассчитана на вывоз огромного количества людей в короткий срок.

Все произошло так внезапно, что даже военные, не знали причину эвакуации. Кто-то думал о взрыве вулкана, другие — о падении метеорита и даже о новом Великом цунами, но никто и предположить не мог истинную причину произошедшего. Уже много лет Титан защищала от демонов система Горизонт. Она представляла собой множество спутников на дальних орбитах планеты. Эти спутники обнаруживали и уничтожали слезы черны при помощи лазеров. Будучи необитаемыми, станции не привлекали демонов. Спутники Горизонта просто разрезали лучом оболочку слезы, и демоны, лишившись защиты, погибали от солнечной радиации. Каждый спутник мог совершить по одному залпу каждые восемь часов. Количество спутников позволяло уничтожать по одной слезе каждые полтора часа, что по статистике было более чем достаточно. Однако, неожиданно, Пояс черны нарушил статистику, извергнув на Титан целое облако слез. Совершив пятнадцать залпов со стопроцентной точностью, Горизонт ликвидировал лишь одну пятую угрозы, и шестьдесят семь слез различной величины достигли Титана.

— Интересно, почему в здании демонов нет? — подумал вслух Даг. — Они ведь ультрафиолета боятся, но стекло не пропускает

ультрафиолет

— Они боятся любого света, — ответила Люка. — Особенно белого — солнечного. Днем демоны всегда прячутся.

— Значит, до заката нам ничего не угрожает?

— Думаю да.

— Получается, у нас есть четыре часа, — заключил Даг, посмотрев на коммуникатор.

— Ты не знаешь, из-за чего бывает небесный плач? — спросила Люка.

— Никто не знает, — ответил Даг. — Он был-то всего один раз — восемьсот лет назад. Если верить летописцам, Титан окутало «Облако тьмы» и наступило сорок дней сумрака.

— Да, это я знаю, — сказала Люка и начала цитировать «Книгу ведьм». — «Небо плакало огненными слезами, и наступили сорок дней сумрака. И спустились посланцы. Хаа — испепеляющий огнем. Фэюй — повелитель всех ветров» и так далее. Интересно, что было на самом деле...

— Вероятнее всего, Титан столкнулся с крупным облаком черны, которое пролетало слишком близко, и было притянuto его гравитацией.

— Интересно, а можно ли вызвать небесный плач искусственно? Залезть в ядро и...

— Пощекотать, — продолжил мысль Даг. — Кто его знает... Откуда такие мысли?

— Да так... — Люка ничего не ответила, как будто опасаясь сболтнуть лишнего.

В это время Джута уже сидела в кресле пилота, а Ника с надеждой смотрела на оранжевые силуэты заправщиков вдалеке. Даг и Люка уже давно скрылись за стеной дождя, но ни одна из цистерн не двигалась с места. Ника начинала нервничать. Она потянулась за коммуникатором, когда тот запищал.

Из устройства послышался голос Дага:

— Как я и думал — они все пусты. Ими заправили самолеты и оставили на полосе.

— Что, прям совсем пустые? — переспросила Ника.

— Совсем. В них нет ни капли. Мы все проверили

— Посмотри вокруг. Может там есть еще заправщики.

— Невидно, — ответил Даг после некоторой паузы. — На полосах заправщиков больше нет.

— Черт! Что же делать тогда?..

— Я думаю, у нас есть два варианта — либо ждать помощи, либо спуститься в гаражи и подогнать свежий заправщик.

— Даже и не думай! — почти прокричала в коммуникатор Ника. — Возвращайтесь в самолет. Будем ждать помощи. Я уже послала сигнал SOS.

— Не думаю, что это хорошая идея, — ответил Даг. — При такой облачности уже через час станет так темно, что демоны решат, будто наступила ночь и повывлезают из укрытий. Тогда нам конец.

— Что ты предлагаешь? Спуститься в гаражи? Там наверняка полно демонов.

— Ну, во-первых, это неизвестно, во-вторых, они не так опасны, как кажется. Главное подойти к этому с умом. Эта девушка — Люка — она хорошо разбирается в этих тварях.

— Кажется, она сама предложила убежать.

— У нее есть идея. Она говорит, что мы имеем дело с парой амеба-огненные-шары. Это два вида демонов. Они находятся в симбиозе. Понимаешь, демоны в слезах не летают с кем попало. Так вот, если в слезе амебы и огненные шары, то кроме няньки там больше никого не может быть. Огненные шары вообще кроме как с амебами больше ни с кем не летают. Короче, смотри, у нас тут есть теплозащитные костюмы, так что огненные шары нам не страшны. Амебы сами по себе не очень опасны, но у них есть глаз, которым они видят в инфракрасном спектре. Если амеба видит живое существо, она зовет огненный шар. Термозащитные костюмы не пропускают инфракрасное излучение, поэтому амебы нас попросту не заметят.

— Подожди, но ведь демоны наводятся на магию.

— Правильно, но магию чувствует только демон-нянька. Так что, если мы на него не нарвемся, нашего присутствия никто не обнаружит.

— Даг, ты действительно знаешь, что делаешь?

— Да. Это наш единственный шанс.

— Тогда удачи вам, — обреченно вздохнув, сказала Ника. — Мы вас ждем. Будьте осторожны.

Среди всех демонов огненные шары были самыми опасными для человека. Их небольшие тела представляли собой сферу из тонкого эластичного вещества. Железы демона выделяли зо-

лотистую, очень летучую жидкость, называемую демонической слюной. Температура ее горения достигала тысячи градусов, а скорость распространения огня была около десяти метров в секунду. Поджигая при помощи магии слюну, маленькие черные комочки превращались в огненные шары. Надувая мешок горячим воздухом, демоны были способны подниматься над землей, и, сжимаясь, выпускать струю горячей жидкости. Созданная таким образом реактивная тяга, позволяла демонам перемещаться бросками со скоростью ударенного с силой мяча.

Доехав до гаражей на пустом заправщике, Люка и Даг оставили машину у входа, чтобы раньше времени не привлекать внимания демонов. Дальше они решили идти пешком. Широкая дорога с черным покрытием, на котором виднелись вмятины от колес тяжелой техники, вела по спирали вниз, уходя в серый тоннель, освещенный тусклым желтоватым светом. С обеих сторон дорога была огорожена высокими бетонными бордюрами, отделявшими проезжую часть от пешеходных дорожек. Люка шла, держась внешней стороны дороги — так она видела больше пространства впереди. Она надела поверх теплозащитного костюма корсет и поручи, к которым крепились меч и все остальное снаряжение. В любой момент Люка была готова вступить в бой. Спустившись, наконец, до этажа стоянки она остановилась. Длинный прямой коридор перед ней, был на несколько сантиметров заполнен водой.

— Дренаж чем-то забит, — сделал вывод Даг.

— Это амёбы. Они изменили плотность воды, чтобы она не стекала, — сказала Люка.

— А где глаз?

— Глаз может быть где угодно. Только попробуй ступить в эту воду, и он тут же появится. Амёбы чувствуют малейшие колебания воды. Пойдем по бордюру.

— Ты шутишь?

— Нет, — спокойно ответила Люка и ловким движением запрыгнула на бордюр. — Я буду идти медленно, так что ты за мной успеешь. Если будешь отставать, кричи. Демоны все равно ничего не слышат.

Люка не спеша пошла вперед, и Даг, неуклюже забравшись на бордюр, последовал за ней. Невысокая Люка шла прогулочным шагом вытянувшись в полный рост. Ее тело даже не пока-

чивалось, как если бы она шла по земле, но Дагу каждый шаг давался с трудом — из-за высокого роста и мощной мускулатуры, его центр тяжести был выше, чем у Люки, от чего балансировать на тонком бордюре Дагу было гораздо сложнее.

«И почему я не научился у Ники ходить по канату! — мысленно ворчал Даг».

Расстояние от бордюра до стены было приблизительно в полторы руки Дага, а кромка была округлой — как будто специально для того, чтобы по ней было труднее ходить. Остановившись, чтобы подождать своего неуклюжего спутника, Люка наблюдала за водой, которая выглядела очень неестественно. Было ясно видно, что уровень ее в разных местах коридора разный — как будто застыли волны. Вдруг, из-за поворота впереди выплыл глаз размером с колесо легкового автомобиля. Он плыл бесшумно. Нарушая закон гравитации, вода поднималась перед ним и опускалась сзади, образуя волну в форме полумесяца. Даг и Люка замерли, а глаз проплыл мимо и не обратил на них внимания.

— Теплозащитные костюмы — вещь, — прошептал Даг и посмотрел на Люку.

Они пошли дальше и остановились у поворота, из которого выплыла амеба.

— Нам куда? — спросила Люка.

— Вперед, — ответил Даг.

Не раздумывая ни секунды, Люка сделала два шага назад и с небольшого разбега одним прыжком преодолела расстояние в четыре с половиной метра, оказавшись на бордюре с противоположной стороны. Даг опешил. Его поразил скорее не сам прыжок, а та точность, с которой Люка приземлилась на узкий бордюр. Подобно кошке она уперлась всеми четырьмя конечностями и после первого касания не сдвинулась ни на миллиметр, как будто когтями вцепившись в бетон.

— Ну а мне что прикажешь делать? — спросил Даг негромко.

— Я не знаю, — ответила Люка. — Надо подумать.

— Слушай, что будет если я быстро перебегу?

— Демонов переполошишь.

— Ну и пускай, все равно они нас не видят. Ну приплывет этот глаз, посмотрит, что никого нет и уплывет.

— Как знаешь.

— Посмотри, он далеко?

— Он в самом конце коридора.

— Ну, три-четыре... — сосчитал Даг и, спрыгнув с бордюра, быстро побежал на другой конец коридора, но где-то посередине поскользнулся и упал. В то же мгновение яркий свет озарил тоннель. Даг поднял голову и увидел перед собой огненный шар, который неподвижно висел в воздухе, как будто разглядывая человека. С охваченного пламенем тела демона яркими белыми каплями стекала в воду раскаленная слюна. Несколько секунд шар был неподвижен, но вдруг из него вырвались фонтаны пламени. Расширяясь с огромной скоростью, огонь заполнил все пространство от пола до потолка. Ослепительно яркая стена огня промчалась по коридору, наполнив его густым паром.

— Бежим! — крикнула Люка и рванула по бордюру вглубь тоннеля.

Послав к черту все предосторожности, Даг побежал за ней по воде, но демон, казалось, и не собирался преследовать их. Добравшись до стоянки, Люка и Даг забрались на один из стоявших в ряд трапов и сели на ступеньки. Даг тяжело дышал; по его лбу струйками стекал пот, а влажная одежда мерзко прилипала к телу. В полностью герметичном теплозащитном костюме было ужасно жарко. Больше всего Дагу хотелось снять его, но делать этого было нельзя, потому что огненный шар мог появиться в любой момент. Люка, однако, почти не сбива дыхания и, благодаря прищельскому платку, совсем не вспотела.

Передохнув несколько секунд, Люка посмотрела по сторонам.

— Пойду, посмотрю, где там заправщики, — сказала она и полезла на трап.

— Вот дерьмо! — раздалось через несколько секунд.

В самом центре стоянки, раскинув покрытые толстой броней лапы, лежала демон-нянька. Ее пять распластанных конечностей напоминали морскую звезду, а тело походило на огромный лимон посыпанный пеплом. Панцирь демона был гладким, что говорило о его молодости. Когда нянька росла, панцирь трескался и раздвигался. Вскоре разломы твердели и застывали, от чего, с возрастом, тело демона становилось бугристым. Отростки, которыми нянька крепилась к слезе, имели свежие сколы. Из них торчали «нервы» — тонкие нити, которыми демон ощущал колебания магии.

— Как ты думаешь, она нас видит? — спросил Даг шепотом.
— Конечно видит, — ответила Люка в полный голос.
— А почему демонов не зовет?
— Не хочет, — ответила Люка, пожав плечами. — Самое отстойное, что заправщики находятся за ней.

— Да, блин. Мимо нее не проедешь.

Люка посмотрела вверх. В потолке, прямо над демоном, была шахта, через которую проникал тусклый дневной свет. В полуметре над нянькой на канатах висел крюк.

— А куда ведет эта шахта? — спросила Люка.

— На поверхность, — ответил Даг. — Через нее спускают грузы. А что?

— Да есть идея. — Люка отстегнула от корсета бухту троса.
— Где пульт управления краном?

— Наверху. Ты думаешь, выдержит?

— Выдержит. Он до пяти тонн держит. Иди к заправщику. Как только я начну ее поднимать, езжай к бомбардировщику. Встретимся наверху.

Размотав трос, Люка обвязала им лапы няньки — одну за другой. Демон лежал неподвижно, как будто был сделан из цельного куска камня. Закончив связывание, Люка по отросткам забралась на самую макушку демона и соединила крюк с тросом надежным альпинистским узлом. В эту секунду два огненных шара вырвались из тоннеля и закружили возле няньки, то вспыхивая, то угасая. Они метались из угла в угол, как если бы искали кого-то. Люка, тем временем, перепрыгнув с крюка на металлическую балку, медленно ползла вверх. Огненные шары рванули в шахту, где их уже ждало лезвие меча Люки. Налетев на него, один из демонов последний раз вспыхнул ярким пламенем, и два куска дымящейся бесформенной массы рухнули на бетонный пол, издав громкий шлепок. Пролетев шахту до конца, второй огненный шар скрылся из виду, а измазанная горячей жидкостью Люка спрятала меч и поползла дальше, к поверхности.

Даг уже завел заправщик, когда канаты потянули демона-няньку вверх. Поджав лапы, она попыталась скинуть петлю от чего стала меньше и легко прошла сквозь шахту, не цепляясь. Как не пыталась нянька выкрутиться из альпинистского каната, гибкости конечностей ей не хватало, и с каждым движением узлы сжимались только сильнее. Даг рванул по тоннелю, стирая

краску на бортах то о левый, то о правый бордюр. Превращенные в месиво глаза амёб каким-то удивительным образом восстанавливали свою форму и как могли преследовали его. Как только заправщик вынырнул на поверхность, Даг услышал, как что-то упало на крышу кабины. По звукам шагов, каких не могли издавать демоны, он понял, что это Люка.

Из кабины бомбардировщика, затаив дыхание, Джута и Ника наблюдали, как по взлетно-посадочной полосе на полной скорости несется горящий заправщик, на цистерне которого объятая пламенем Люка мечом отбивается от нескольких огненных шаров. Обладая большей скоростью чем заправщик, демоны то обгоняли, то отставали, то падали под колеса, то накрывали кабину облаком пламени. Люка как могла отбивалась, но лишь одного из демонов ей удалось разрубить. Неудобный костюм сильно мешал. Узкое окошко шлема сужало обзор, да еще и языки пламени постоянно слепили глаза. Двое демонов продолжали кружить возле заправщика, но вдруг остались позади, как будто врезавшись в какую-то стену. Заправщик уже стоял возле бомбардировщика, а демоны все метались из стороны в сторону, не решаясь подойти ближе.

Поглядывая на беснующихся неподалеку демонов, Даг водичку вставил тяжелый шланг в топливный клапан. Пока горячее заполняло баки, он, на всякий случай, еще и заменил заряды термоядерных ускорителей. Люка, тем временем, следила за огненными шарами с крыла бомбардировщика.

Сверкнув, что-то пронеслось над аэродромом. Последовал гул, и тут же взрыв. Яркая вспышка осветила аэродром из того места, где на канатах висела нянька. После этого, с пронзительным скрежетом, стрела крана медленно согнулась, лопнула, и тяжелая нянька утащила ее в шахту вслед за собой. Сквозь шум дождя послышалось стрекотание вертолета.

«Ну наконец-то! — подумала Ника. — Лучше поздно, чем никогда».

В небе показались три вертолета: два штурмовых и один грузопассажирский. Отделившись от группы, один из штурмовиков зашел слева. Раздалась очередь, и град трассирующих голубым светом пуль осыпался на демонов. Их еще секунду назад живой, бурлящий огонь начал медленно растекаться, постепенно угасая.

Пассажирский вертолет тем временем начал снижаться. На

его подвесах, по одной на каждом, были закреплены необычные ракеты — синие с белыми боеголовками. Это были невероятно дорогие «святые ракеты» — новейшее оружие для борьбы с демонами. Пассажирский вертолет приземлился, и Люка смогла разглядеть и узнать то, что белело на его двери. Это был трехглавый дракон — логотип корпорации Дарун. Повернув гарду меча, Люка спрыгнула с крыла и спряталась за цистерной заправщика.

Из вертолета вышел совершенно лысый и болезненно худой человек одетый в черный деловой костюм поверх черной водолазки. Неестественно бледный цвет кожи выдавал в нем мага. Презрительно посмотрев по сторонам своими впалыми полуприкрытыми глазами, он направился к бомбардировщику неспешной, слегка вальяжной походкой — как будто полководец, шедший по только что завоеванной земле. Его сопровождало четверо галеонских наемников. Ника выбежала радостная навстречу этим людям, но настроение ее резко изменилось, как только она увидела взгляд мага.

— Вы арестованы по обвинению в терроризме, — сказал маг резко и с презрением, как будто выругался.

Только сейчас Ника вспомнила, что на угнанном ими бомбардировщике тоже был изображен трехголовый дракон.

— А вы кто такие? — дерзко спросила Ника. — Вы вообще, что здесь делаете? Вы частное лицо и не уполномочены кого-либо арестовывать!

— Молчать, пришельский выродок! — крикнул темный маг и ударил Нику по щеке.

В ту же секунду тяжелый кулак Дага полетел в челюсть обнаглевшего колдуна и возможно убил бы его, если бы тот, не увернулся. Маг схватил Дага за руку, и разряд тока пронзил его и Нику, от чего оба упали. Колдун сложил руки за спиной, перешагнул Нику и направился к бомбардировщику, начав разглядывать его, как если бы искал повреждения на только что найденной после угона машине.

— Этих в вертолет, — приказал он. — Обыщите бомбардировщик. С ними должен быть песчаный призрак.

Двое бойцов направились в самолет. Они медленно вошли в салон, держа винтовки наготове. Узкий коридор, в котором было негде спрятаться, уходил в кабину. Ни на месте первого, ни на месте второго пилота никого не было. Один из солдат остался у

входа, а второй аккуратно начал продвигаться вглубь, ожидая, что вот-вот из какой-нибудь щели выскочит песчаный призрак. Солдат вошел в кабину, и Джута из-под приборной панели уже увидела между кресел дуло штурмовой винтовки, когда на улице раздался шлепок упавшего в лужу тела и звон выроненного меча. Оба наемника тут же выбежали из самолета. На земле неподвижно лежала Люка, а перед ней с безгловым выражением лица стоял колдун и зажимал рукой рану на боку.

— Теперь все, — тихо прохрипел колдун, преодолевая боль. — Улетаем!

Перепуганная Джута сидела неподвижно до тех пор, пока звук лопастей вертолета не скрылся за шумом дождя. Вспомнив, что находится на острове, кишасщем демонами, она вскочила с пола, но ударилась головой о приборную панель. Выбравшись из укрытия, Джута начала одной рукой заводить двигатель, держа второй за шишку на голове. Топливные баки были уже полны, но присоединенный шланг заправщика не позволял включить турбины. Джута выбежала наружу и, не теряя ни секунды, отцепила хомут шланга. Тяжелое крепление, грохнувшись, упало на бетон, и Джута оттащила его подальше от шасси. Под вторым шасси лежал меч Люки. Джута подняла его, прополоскала лезвие в луже, чтобы смыть кровь, затем вытерла об одежду и забрала с собой.

Через несколько минут бомбардировщик скрылся в плотной пелене облаков.

Эпизод 6

Земля обетованная

«Зачем я прилетела сюда?.. — думала Джута. Золотистый полумесяц Фокоса поблескивал в ее глазах. — А куда мне еще лететь?.. На Галеон?.. На Титан?.. У меня ни денег, ни документов... Наемники, должно быть, ищут свой бомбардировщик. Его бортовой номер уже разослан во все аэропорты мира. Где бы я ни села, меня тут же арестуют».

Джута откинулась на спинку кресла пилота и закрыла глаза. Страшные мысли как летучие мыши хаотично мелькали в ее голове. Последние сутки все было как в тумане: взлет, выход в космос; подсознание заставило Джуту установить курс на дальнюю орбиту Фокоса. Потом она спала. Проснувшись, она просто лежала с открытыми глазами, стараясь не думать ни о чем, потому что любая мысль о будущем или о прошлом доставляла ей невыносимую боль. Прошло двадцать титанианских часов с момента старта, и равнодушный женский голос сообщил, что приближается Фокос, и через пять минут корабль встанет на орбиту. Лишь этот голос заставил Джуту оторваться от койки и перелететь на место пилота.

Резко распахнув глаза, Джута взорвалась истошным криком — таким громким, каким позволяли связки и таким долгим, каким позволяли легкие. Выгнувшись, что было сил, она как будто попыталась вырваться из собственного тела. Услышав этот крик, дурные мысли на какое-то время попрятались, и лишь самые смелые постепенно начали выходить наружу.

«Я погибла, — думала она. — Меня не существует, меня не

должно существовать. То, что я жива — недоразумение. Той Джуты больше нет. Есть другая Джута — фокосская террористка, угнавшая бомбардировщик — та, которую ищет корпорация Дарун».

Джута представила, как исправляет недоразумение, — как, разваливаясь на куски, охваченный пламенем бомбардировщик отвесно падает над пустыней и, врезаясь в Фокос, превращает песок в расплавленное стекло.

«Красивая смерть...» — подумала Джута.

Она пустым взглядом смотрела на звезды, сидя неподвижно в кресле пилота, и еще многие мысли приходили к ней. Джута не чувствовала времени и не знала сколько его прошло до того, как внезапно корабль начал двигаться. Он перевернулся, выставил турбины вперед и начал задвигать солнечные батареи. На панели автопилота горела надпись: «спуск». Джута попыталась выключить автопилот, но нажатиям клавиш он не подчинился. Через двадцать минут бомбардировщик уже летел в атмосфере Фокоса, но вместо того, чтобы выключиться после выхода в горизонтальный полет, автопилот переключился в режим следования по маршруту, и командам Джуты по-прежнему не подчинился. Все, что она могла сделать — лишь посмотреть по карте маршрута, которым вел ее автопилот. Контрольные точки были проложены на малой высоте вдоль низменностей, и последняя точка находилась над Змеиным каньоном.

Постепенно Джута поняла, что происходит. Однажды она слышала рассказ о небольших роботах, которые способны проникать в космические корабли и захватывать управление, подменяя команды автопилота. Прежде Джута считала это байкой, но, похоже, пришельцы действительно каким-то образом смогли захватить ее бомбардировщик.

Самолет стремительно приближался к каменной стене, с каждым метром отнимая секунды для принятия решения. Внизу уже мелькали скалы, по которым недавно Люка вела Джуту к космодрому. До стены оставалось несколько миль. «Катапультироваться?» — подумала Джута, но спускаться на парашюте было крайне опасно. Скалы давали мало шансов для удачного приземления. Большие и мелкие трещины, нагромождения валунов перемежались с острыми скалами похожими на торчащие из земли скошенные кончики клинков катонийских мечей. О такой рельеф

можно было запросто переломать кости, и в этом случае Джуту ожидала долгая мучительная смерть в пустыне.

Бомбардировщик миновал стену и, все ближе была последняя точка маршрута, которая располагалась на восьмисот метровой высоте над ровным плато, и, что предпримет захваченный автопилот дальше, было неизвестно. Джута натянула на лицо платок, опустила стекло шлема и, заткнув за пояс, обмотанный одноразовой простыней меч, схватила ручки катапультирования.

Внезапно бомбардировщик что-то ударило сзади. Джута взвизгнула. Монотонный голос начал перечислять повреждения: «Левый двигатель поврежден; правый двигатель отсутствует; задний левый стабилизатор отсутствует; задний правый стабилизатор отсутствует...» Самолет как будто разорвало напополам по диагонали. Радар не предупредил о приближении ракеты; активная защита не сработала; в воздухе рядом ничего не было, — как будто что-то невидимое на огромной скорости прошло сквозь самолет и полетело дальше. Бомбардировщик стал резко крениться на бок и на движения штурвала не откликался. Ударом снесло элероны, и выравнивать самолет уже было нечем. Разворачиваясь в горизонтальной плоскости, бомбардировщик сваливался в плоский штопор. Взрыв топливных баков отразился в стекле яркой желтой вспышкой. Языки пламени ворвались в салон и стремительно приближались к кабине. Их, завывая, подгонял ветер, прорывавший через щели в корпусе.

Теперь у Джуты не было выбора, и она дернула ручку катапультирования. Ремни безопасности мгновенно стянули голову, тело и руки, прижав их к креслу так, что Джута уже не могла пошевелиться. Кабина со свистом улетела вверх, и казавшийся твердым воздух ударил в лицо. Выстрелила катапульта. От удара Джута потеряла сознание. Лишь спустя несколько секунд она пришла в себя. Она висела на стропах и медленно спускалась в прозрачном фокосском небе. Под шлем задувал прохладный ветерок.

С приземлением Джуте повезло. Она как будто понравилась местному ветру, и тот мягко опустил ее на плоское плато в нескольких метрах от расщелины, в которой была спасительная тень. Шок от удара постепенно проходил, и лишь на земле Джута почувствовала всеохватывающую боль. Как будто все ее кости были переломаны. С большим трудом Джута добралась до

укрытия. Каждый глубокий вдох вызывал выворачивающий наизнанку кашель, от которого во рту появлялся привкус крови. Опираясь одной рукой о скалу, Джута спускалась в ущелье. С каждым шагом ее дыхание сбивалось все сильнее, и кашель становился все чаще. В глазах потемнело, и Джута почти ничего не видела, когда ей показалось, что недалеко впереди на валуне сидит человек. Преодолевая боль, она направилась к нему. Шаг за шагом Джута шла вперед уже в полной темноте, лишь чувствуя под ногами твердую поверхность. Шаг... Еще шаг... Но вот и это последнее ощущение исчезло. Силы покинули Джуту.

Джута пришла в себя лежащей в тени под скалой. Рядом с ней на коленях сидел старец и смотрел на нее, улыбаясь хитрой и доброй улыбкой. Он находился на открытом солнце без маски и очков, но кожа его не была покрыта ожогами, а только легким загаром. Однако она блестела так, как будто старец был сделан из воска, подтаявшего на жаре. Длинные седые волосы старца от залысин уходили за спину, где были собраны в хвост. Тонкие длинные усы спускались вниз и сливались с заостренной седой бородой. Старец был одет в катонийский халат из традиционной фокосской ткани.

— Как себя чувствуешь? — спросил он на чистом алларийском без акцента.

— Хорошо, — ответила Джута.

— Попробуй встать.

Боль исчезла. Привкус крови во рту еще оставался, но дыхание уже не вызывало кашель.

— Присаживайся, — предложил старец, сев на валун. Джуту поразило то, как ловко он подобрал под себя ноги. Ей никогда не хватило бы гибкости так сделать.

Возле валуна, на котором сидел старец, стоял посох с мешком на верхнем конце (Джута уже знала, что это осветительный прибор). Рядом лежал меч Люки. Старец размотал простыню и прочитал вязь, которая была написана на лезвии, после чего замотал и положил меч обратно.

Джута робко присела на край камня.

— Меня зовут Джута.

— А меня Лей, — сказал старец.

— Простите, а что вы делаете в пустыне один?

— Жду тебя, — ответил Лей с легкой улыбкой. — Я знал, что тебе потребуется помощь после приземления. Эти варвары так и не научились делать безопасные катапульты.

«Откуда он меня знает?.. — подумала Джута. — И почему говорит по алларийски? Неужели я так сильно не похожа на пришельца даже в этой одежде?»

Лей внимательно смотрел туда, где холодные потоки воздуха, вытекавшие из ущелий, сталкивались с горячим ветром каньона, создавая причудливое дрожащее марево. В расплывчатых силуэтах камней и узорах оставленных ветром на песке Джута пыталась разглядеть то, на что так пристально смотрел старец, но там, куда он смотрел, не было ничего кроме обычного пустынного пейзажа.

Не выдержав затянувшейся паузы, Джута начала разговор.

— Вы сидите на солнце без маски и очков. Разве это не вредно?

— Вредно, но я пользуюсь контактными линзами и солнцезащитным кремом.

— А почему песчаные призраки не пользуются кремом?

— Потому что он быстро кончается, а им приходится подолгу находиться в пустыне. Военные предпочитают простые и надежные технологии.

— Не скажите. Этот бомбардировщик — он был в тысячу раз сложнее всего, чем я управляла раньше.

— Я говорю не о галеонцах. Они всегда воевали на своей земле, вблизи заводов и ремонтных мастерских. Они не знают, что такое проблема поддержки войск. Их новейшие виды оружия вообще никогда не испытывались в реальном бою. Их техника требует сложного обслуживания и ремонта, поэтому галеонцы могут победить только единственной молниеносной атакой, и никогда не выдержат затяжной войны на чужой территории. Тем более, что логистика всегда работает на того, кто защищает собственную землю. Галеонцы никогда не победят пришельцев на Фокосе. Вопрос только в том, сколько жизней нам придется отдать чтобы доказать им это.

Лей сделал паузу и снова обратил свой взгляд в сторону пустыни.

— Фокос — удивительная планета, — говорил он. — Для человека невнимательного, поверхностного, она предстает скучной

безжизненной пустыней — негостеприимным, враждебным миром. Человек глупый и самоуверенный погибнет здесь, пытаясь приспособить природу этой планеты под себя. Лишь перед человеком мудрым, трудолюбивым, терпеливым, обладающим внутренней дисциплиной, Фокос предстает раем. Пустыня — лишь оболочка, скрывающая тайны планеты от чужаков.

Лей выдержал паузу, после чего обернулся к Джуте, и на его лице снова появилась хитрая улыбка. Джута поймала себя на мысли, что, будь он хотя бы лет на тридцать моложе, она влюбилась бы в него только за эту улыбку.

— А ты терпеливая, — сказал Лей. — Сидишь на жаре, выслушиваешь мою стариковскую болтовню, не проронив ни слова.

— Просто вы так интересно рассказываете. Я заслушалась.

— Ну, с пустыней, я полагаю, ты уже познакомилась. Пойдем, я покажу тебе другой Фокос.

Взяв посох и меч, Лей повел Джуту по узким трещинам куда-то вглубь каньона.

«Откуда они знают дорогу? — думала Джута, осматривая лабиринты скал. — Люка, этот старец, — они как-то здесь ориентируются. Неужели по памяти?..»

Скалы в глубинах каньона были совсем не такими, как у края — здесь они были пористыми. Миллионы сообщающихся полостей шарообразной формы образовывали причудливый лабиринт, залитый желтоватым светом, проникавшим сверху через отверстия в скалах и своды, где слой полупрозрачного минерала был особенно тонок. Джута чувствовала себя маленькой мошкой ползающей по огромной корке белого хлеба. Постепенно в лабиринте становилось темнее, и Джута понимала, что старец ведет ее куда-то все глубже вниз. Наконец, когда в пещере стало совсем темно, Лей снял с посоха чехол, и закрепленный на верхушке камень засиял зеленоватым светом.

«Интересные у них осветительные приборы, — думала Джута. — Никогда ничего подобного не видела. Интересно, откуда они берут энергию и на сколько их хватает?..»

Лей, хотя и был лет на пятьдесят старше Джуты, шел так, что та за ним еле успевала. У Джуты уже сбилось дыхание, а старец все не сбавлял темпа.

— Простите, вы не могли бы идти чутьточку помедленней, — попросила Джута. — Я за вами не успеваю.

— Ой, прости, — буркнул Лей. — Это привычка — вечно спешу, даже, когда это не требуется. Потерпи, уже скоро.

— У вас хорошая физическая форма.

— Работа такая, — сказал Лей и снова хитро улыбнулся.

Шаг за шагом они спускались в недра Фокоса все глубже и глубже. Лей шел впереди. В этих причудливых пещерах, в традиционной одежде, со светящимся посохом он был похож на сказочного волшебника.

«Странно, — думала Джута, — Если они действительно такие развитые, почему они не построят здесь лифты?»

— Ты, наверное, думаешь: «Почему здесь нет лифтов?»

«Блин! Он что, читает мои мысли?..»

— Но ты сама только что ответила на этот вопрос. Я никогда не пользуюсь лифтом там, где можно пройти пешком. Поэтому я в такой хорошей форме. — Лей снова хитро улыбнулся. — Шутка. На самом деле это просто секретная тропа, поэтому здесь нет лифтов. Ты знаешь, это не самый трудный путь на Землю обетованную. Наши предки летели сюда шесть месяцев, а потом четыре года исследовали планету, чтобы найти вход в ее недра. Еще двадцать лет ушло на строительство полноценной колонии. В общем, считай, что тебе повезло.

Наконец из темноты возникла сплошная стена, полностью преграждавшая путь дальше. Лей остановился и закрыл глаза. Откуда-то снизу раздался скрежет похожий на тот самый «рев дракона», который Джута слышала в пустыне. Он хоть и был тише, но его источник находился совсем близко. Стена задрожала и начала сдвигаться вбок. Наконец звук стих. Дверь остановилась, и Лей открыл глаза. За дверью был тоннель, уходящий в темноту.

— Я уже слышала это звук в пустыне.

— Не удивительно, — сказал Лей. — Все каменные двери издают такой звук.

«Значит, у них просто двери так работают, — подумала Джута. — Получается, той ночью они просто закрывали двери. Должно быть, готовились к обороне».

Лей и Джута пошли дальше.

Дверь, скрывшись в темноте, закрылась с тихим шорохом. Тоннель, по которому они шли сейчас, не выглядел как естественное образование. Он имел гладкие своды и был полуовальной формы — определенно, проход был выкопан людьми.

Коридор вывел Лея и Джуту в небольшую пещеру заполненную кристально чистой водой. Тропа заканчивалась пристанью с привязанной деревянной лодкой. Два кристалла, закрепленные на столбиках по углам пристани, наполняли пещеру тусклым изумрудным светом, который, отражаясь от воды, украшал темный каменный потолок переливающимися узорами. В пещере было прохладно. Из ее глубины дул легкий, едва заметный, ветерок, приносивший необычный запах. Это был сложный аромат то ли цветов, то ли смолы, а может быть и того и другого.

Лей прошел по причалу и вежливым жестом пригласил Джуту сесть в лодку.

«Странная лодка, — думала Джута. — Ни весел, ни мотора... Как мы на ней поплывем?.. — Однако, приглядевшись, Джута поняла, что лодка была на самом деле сложнее, чем казалась на первый взгляд. В ее задней части располагался маленький, едва заметный пульт».

Отвязав конец, Лей забрался на борт и установил светящийся посох в центр, затем нажал какую-то кнопку на пульте, и лодка медленно поплыла к выходу из пещеры. Ею никто не управлял — она двигалась сама, притормаживая перед препятствиями и аккуратно огибая торчавшие из воды сталагмиты. Джуту не покидало ощущение того, что лодка живая — настолько «разумно» та себя вела.

Лей сидел на корме, задумчиво глядя в сторону, а Джута с детским любопытством разглядывала все вокруг. Лодка выплыла из узкой пещеры и попала в густые заросли какой-то высокой травы, которая росла прямо в воде. Каменный потолок скрылся из виду, и его место заняла темнота, которую наполняли тысячи светящихся точек, делая ее похожей на звездное небо, с той лишь разницей, что точки эти сияли гораздо ярче звезд и, время от времени, срываясь с мест, кружили, вырисовывая замысловатые переплетенные узоры. Живя на Галеоне, Джута никогда не видела ничего подобного.

По воде стелилась серебристая дымка, излучавшая тусклый белый свет. Дымка лежала тонким равномерным слоем, и по ее поверхности медленно перекачивались длинные невысокие волны округлой формы. Как будто эта субстанция была чем-то жидким, но очень вязким и тягучим. Перед лодкой дымка расступалась, и снова смыкалась позади, как если бы лодка была окружена неви-

димым коконом, через который только дымка не могла пройти. В некоторых местах серебристая пелена поднималась над водой, образуя нечто похожее на каплю свисавшую не сверху вниз, а снизу вверх. Лодка обходила эти капли как препятствия. Они были разного размера, но в центре каждой из них сияло свечение. Оно было тем ярче, чем больше была капля. Вокруг свечения дымка переставала быть однородной; ее движение начинало напоминать движение плазмы в солнечной короне. Где-то струи двигались к центру миниатюрного солнца; в других местах оно извергало тонкие протуберанцы золотистого дыма, который быстро растворялся в белой пелене.

— Это микроорганизмы, — сказал Лей, заметив восторг в глазах Джуты. — Из них состоит этот туман. А в этих коконах они размножаются. Здесь, в подземном мире, совсем нет света, но многие существа его производят, перерабатывая минералы, углекислый газ, ну и друг друга, конечно же.

Преодолев озеро, лодка попала в необычный лес. Благодаря серебристой дымке и стайкам переливающихся разными цветами существ, в его нижних ярусах было светло как днем. Из небольших, густо покрытых вьюнами и кустарниками островков росли огромные деревья. Их толстые, увитые лианами, стволы уходили куда-то вверх — в темноту — так, что кроны не было видно.

— Здорово! — с восхищением воскликнула Джута. — Это и есть Земля обетованная?

— Это лишь ее малая часть, — ответил Лей. — Земля обетованная огромна. Она гораздо больше Змеиного каньона. Это место называется Райский лес. Именно отсюда началось освоение пришельцами подземного мира Фокоса.

— Расскажите о пришельцах. Я мало что о них знаю. Только то, что рассказывали в школе и по телевизору. На Галеоне все думают, что пришельцы хотят захватить власть, но кто-то говорит, что это — чушь, что пришельцы, как они говорят: «идут впереди и тянут за собой все человечество». Я не знаю, кому верить.

— О! Если ты смотрела телевизор на Галеоне, представляю, какими ты себе мыслишь пришельцев. Скажи мне, что тебе известно об истории Титана непосредственно предшествовавшей Великому цунами?

— Я плохо помню детали. Помню только, что тогда Катония была самой могущественной страной и почти все другие страны

ей подчинялись. Аллария противостояла ей. Между ними тогда едва не началась война.

— Да. То были времена, когда на Титане существовало как бы два мира — каждый со своей моралью, со своим главным языком, со своим летоисчислением и со своей историей. Одни и те же события назывались по-разному в двух этих мирах, и отличить ложь от правды было невозможно.

— Катония ведь когда-то была империей? Я видела фильм про то, что Катония никак не могла отделаться от имперских амбиций. Ей хотелось отобрать у Алларии независимость.

— Это часть алларийской версии истории, — сказал Лей с грустью в голосе. — На самом деле, Катония, даже будучи империей, господством над миром в алларийском смысле не обладала.

— Как это? Я не совсем понимаю.

— Есть существенная разница в том, что понимали под словом «власть» алларийцы, и что понимали под этим словом в Катонии. Катония действительно когда-то была могущественной империей. Ей принадлежала вся Ютара: от Катонийских островов на западе до окраин Алларии на востоке. Но империя эта никогда не была единым, однородным государством. Каждая страна империи имела свою самобытную культуру, свои традиции... Катонийский язык был международным, и почти все знали его, но между собой говорили на родном языке, и писали все так, как было принято в их стране. Катония никогда никому ничего не навязывала. Единственное, что объединяло все страны империи — это Закон. Катония строго контролировала соблюдение Закона и жестоко карала его нарушения. Закон сам по себе никого не угнетал. Он запрещал странам воевать между собой, запрещал людям убивать друг друга, красть, подкупать чиновников и прочее.

— Интересно... Нам об этом совсем не говорили в школе. Нам говорили просто, что все подчинялись Катонии. Но если все было так хорошо, почему Аллария начала войну за независимость?

— Это как раз то, в чем алларийская история сильно отличается от катонийской. По версии Алларии, война за независимость была актом народной воли — следствием неудержимого стремления алларийского народа к свободе.

— А разве не так?

— Об этом не принято говорить в Алларии, да и в школе вас,

наверное, другому учили, но было все не совсем так. Катония никогда ничего не производила, а жила главным образом с торговых пошлин. Любая торговля или просто перевоз грузов между странами в империи облагался налогом. Никто не противился этому, потому что катонийцы не просто собирали пошлину — они защищали свои торговые пути от бандитов. Любой торговец получал для защиты своего каравана отряд катонийских солдат, размер которого был тем больше, чем ценнее был груз. Главной ценностью Алларии всегда были плодородные земли и пастбища. Аллария кормила всю империю и зарабатывала на этом огромные деньги, но только до тех пор, пока не было восстановлено сельское хозяйство в Нигории и других странах западной Ютары. После Небесного плача произошедшего восемь веков назад, вся западная Ютара превратилась в степь и пустыню. Потребовались века, чтобы восстановить орошение и навезти плодородной почвы из соседних регионов. Нигорцы сделали великое дело, о котором, кстати, в алларийской истории ничего не упоминается. У Алларии появилась конкуренция, и ее товары начали дешеветь. Тогдашние алларийцы не понимали экономики. Они беднели, и думали, что это происходит потому, что катонийцы своими пошлинами их обирают. Так появилось движение за освобождение Алларии от катонийцев. Движение это было радикально коммунистического толка. Оно пришло к власти и развязало войну за независимость, и Катония даже не стала бы удерживать Алларию силой, если бы алларийцы не попытались захватить соседние страны. В захваченных землях они навязывали свою идеологию и язык. Они отрицали границы и национальности. Фактически, они хотели сделать всех алларийцами. Они называли это освобождением от Катонийского ига. На самом деле им нужен был доступ к полезным ископаемым, которых на территории Алларии не было. Катония просто защищала страны, просившие у нее помощи. Никто не хотел становиться алларийцем. Никто не хотел делить свои доходы поровну с ними, как требовала их идеология.

— Значит, все было просто из-за денег?

— Да, именно так. Очень часто бывает, что за пылкими речами и лозунгами стоит простая человеческая корысть.

— Но почему я должна вам верить, и не верить тому, чему меня учили в школе?

— Ты не должна мне верить, но то, что я говорю — это ис-

торические факты, которые даже алларийские ученые сейчас не смогут отрицать. Просто они предпочитают не упоминать об этом без необходимости. Ты можешь сама проверить, что все было действительно так.

— А как появились пришельцы? Я слышала, что это была какая-то секта.

— Вроде того, — сказал Лей и улыбнулся. — Переселенцев действительно в те времена считали фанатиками, да они и были фанатиками. Они появились в позапрошлом веке в Катонии, где система ценностей тогда была построена на деньгах, чем сильно отличалась от современной пришельской. Деньги в Катонии были мерилем всего. Успешными считались те, кто имел множество не обязательно полезных, но обязательно дорогих вещей. Деньги тогда, как и всегда, не гарантировали людям ни счастья, ни здоровья, ни благополучия, — скорее они были предметом некоего культа — культа, в основе которого лежала вера в совершенство неуправляемой рыночной экономики. Те, кто не стремился к богатству, считались чужаками, неудачниками.

«Прямо как на Галеоне, — подумала Джута».

— Так вот именно такими чужаками были переселенцы. Первые переселенцы были людьми очень богатыми — достигшими всего, что могла им предложить катонийская система ценностей. Казалось бы, они должны были быть самыми счастливыми людьми в мире, но это было не так. Переселенцы, как ни кто понимали, что их счастье никогда не зависело от их богатства, а зависело скорее от тех вещей, которые были никак не связаны с деньгами. Некоторые ощущали, что увеличась их богатство вдвое, или уменьшись на половину, они не почувствовали бы этого — это никак не изменило бы их жизнь, а значит, что-то в катонийской системе ценностей было не так, да и к богатству эти люди не стремились — они просто занимались любимым делом, и деньги сами пришли к ним. И переселенцы много размышляли об истинной цене вещей, но дальше несвязных размышлений дело не уходило.

— И как им пришлось в голову улететь на Фокос? Они так спасались от Великого цунами?

— И да, и нет. Их повел за собой Гай Сйриус.

— Это правда, что он был коммунистом?

— Да. Он, пожалуй, был последним настоящим коммунистом. Он верил в то, что люди способны добиться гораздо большего, не

конкурируя друг с другом, а действуя сообща. Он доказывал, что конкуренция между людьми протiwоестественно, и на ней невозможно построить стабильное общество. Он также утверждал, что обе существовавшие тогда экономические модели — что катонийская, что алларийская — упрощали человеческую природу и не учитывали внешние факторы, а значит, не обладали достаточно хорошей предсказательной силой. Более того, он считал все тогдашние учения о человеческой психологии догматичными и ненаучными. Для того, чтобы объяснить существовавшее положение вещей, учитель Сириус пытался выделить то, что разделяет людей и то, что их объединяет. Так, например, твердые убеждения — догмы — он считал одним из главных разделяющих факторов. Люди часто бьются за свои убеждения лишь потому, что как дети стыдятся признать свою неправоту, даже если она очевидна. «Но не ошибок нужно бояться, а неспособности их признать», — говорил учитель Сириус, и так теперь учат во всех пришельских школах.

— Я всегда думала, что твердые убеждения, наоборот, объединяют, если конечно они общие.

— «Если конечно!» Именно, если они общие, но не бывает одинаковых людей, и потому не может быть одинаковых убеждений. Каждый человек заблуждается по-своему.

— Хорошо, но если убеждения разделяют, то что тогда объединяет?

— Две вещи: во-первых, объективные истины — те, что доказаны научно, то есть те, чья истинность не зависит от нашего к ним отношения. Они неподвластны нам и никогда не будут, и в этом все люди равны.

— А как определить объективна ли истина?

— Объективная истина всегда опровержима. Если кто-то что-то утверждает, спроси его: «Что нужно сделать, чтобы опровергнуть это?» Если не существует ни одного гипотетического эксперимента, в котором утверждение может быть опровергнуто, значит, мы имеем дело с догмой. Любая научная теория имеет способы опровержения самой себя, в противном случае она ненаучна.

— Не понимаю. Если любое научное знание может быть опровергнуто, то, как мы можем быть уверены в нем?

— Надежность научного знания в том и заключается, что пройдя множество проверок, способных его опровергнуть оно

остается истинным, а если какой-то эксперимент его опровергает — не беда — одной ложной теорий становится меньше.

— Ну хорошо, — согласилась Джута, так до конца и не поняв мысли Лея. — А что второе?

— Второе — наши животные инстинкты, которые одинаковы у нас хотя бы потому, что мы все относимся к одному биологическому виду.

— Животные инстинкты? — переспросила Джута, скривив лицо так, как будто говорит о чем-то мерзком.

— Да-да. Давно доказано, что невозможно построить этическую систему, руководствуясь одними лишь рациональными доводами.

— Что это значит?

— Это значит, что ты никогда не объяснишь рационально, почему один человек не должен убивать другого. Мораль не может быть объективной, потому что объективной морали не существует. Объективно не важно как люди живут, и если вдруг они исчезнут, исчезнет и мораль, а все объективные истины сохранятся. Совесть — это то, что нам подсказывает инстинкт, то, что определяется нашей принадлежностью к биологическому виду.

— Получается, поддаваться инстинкту — это хорошо?

— Не всегда, — улыбнувшись, ответил Лей. — Но, действуя по инстинкту, ты поступаешь так, как поступали твои предки тысячи лет, и это позволило им выжить.

— Так почему же все-таки пришельцы решили лететь на Фокос?

— Все началось с романтической, но грустной истории. Когда Гаю Сириусу было двадцать два года, его отобрали в отряд космонавтов, который должен был отправиться на Фокос. Между коммунистической Алларией и Катонией шла тогда космическая гонка. Освоение космоса только начиналось, и все бредили межпланетными путешествиями, мечтали даже о полетах к другим звездам, — тогда еще верили в безграничные возможности человека. Задачей той экспедиции была высадка на поверхность планеты. Космонавты даже не должны были проводить каких-либо сложных исследований — просто высадиться и установить знак с флагом и гербом Алларии. Кроме того, они должны были испытать недавно изобретенные термоядерные ускорители. Эти ускорители были установлены на посадочном модуле, и при помощи

них модуль должен был вернуться на орбиту. Корабль добрался до Фокоса благополучно. Из пяти членов экипажа двое, во главе с командиром, высадились на поверхность, а остальные ожидали их на орбите. Космонавты выполнили задачу, и пришло время возвращаться, но в новых ускорителях обнаружилась неисправность. В посадочном модуле не было средств для ее устранения, и те, кто оставался на орбите ничем не могли помочь. Спасение экипажа в такой ситуации не было запланировано, а героическая гибель, напротив, была ожидаема. Пока на орбите думали, как помочь отряду, командир экипажа решил разведать местность. Он спустился в пещеру и пропал почти на сутки. Вернувшись, он передал на корабль фотографии Райского леса. Он сказал, что нашел еду и воду, и что он и его напарник смогут прожить здесь сколь угодно долго. После этого он приказал оставшимся на орбите возвращаться на Титан, чтобы сообщить о его находках и доложить, что задание выполнено.

На глаза Джуты навернулись слезы.

— И что с ними было дальше? — с надеждой спросила она.

— В Аллarii никто и не собирался их спасать. Второй экспедиции даже не планировалось. Их признали погибшими и присвоили звания героев посмертно, а информацию об их находках засекретили. Гая Сириуса это разозлило. Он ушел из отряда космонавтов и занялся научной деятельностью. С тех пор, за ним, как за неблагонадежным, присматривала служба государственной безопасности. Его философские изыскания противоречили тогдашней алларийской идеологии. СГБА даже пыталась его устранить, но каким-то чудом ему удалось сбежать в Катонию. Там он зарабатывал неплохие деньги и мог считаться успешным гражданином, но меркантильность катонийцев его раздражала не меньше чем лживая алларийская идейность. И если в Аллarii его считали опасным врагом, то в Катонии над ним просто посмеивались как над сумасшедшим. Однако, постепенно, вокруг него стали собираться люди, также как и он недовольные катонийской системой ценностей. Это были ученые, чьи фундаментальные исследования закрывали, в силу их экономической нецелесообразности, это были те, кто занимался искусством, не элитарным и не массовым, а настоящим — тем, которое никогда не приносит прибыли. Среди тех, кто разделял идеи Сириуса, были и успешные бизнесмены, о которых я упоминал. Все они

называли Сириуса учителем. Он часто рассказывал своим друзьям об экспедиции на Фокос. Многие мечтали отправиться туда и найти тех первопроходцев, которые, как они верили, были еще живы. Потом возникло движение переселенцев, целью которого было создание нового государства на Фокосе, а точнее в его недрах, которые стали называться ими «Землей обетованной». Когда стало известно о надвигающейся катастрофе, у переселенцев не осталось иного выбора, кроме как спешно осуществить свои планы. Они понимали, что их движение исчезнет вместе с Катонией. Они могли бы уехать в другие страны, ассимилироваться там и жить спокойной цивилизованной жизнью, но переселенцы не сделали этого. Они выкупили у государства все то, что осталось от катонийской космической программы, закрытой в силу все той же экономической нецелесообразности. Ракетопосылатели, пусковые установки запасы топлива и даже замороженная орбитальная станция, — все это продали им за бесценок. Катонии нужны были деньги. Воспитанные ее меркантильной политикой так называемые союзники Катонии не спешили принимать беженцев бесплатно. Они растащили Катонию по кусочкам, а ее гражданам предоставили выстроенные на скорую руку лагеря беженцев. А переселенцы отправились искать Землю обетованную, в условия еще более суровые. Через шесть месяцев после того, как Титан покинула последняя ракета, переселенцы высадились на Фокосе. Там они нашли и посадочный модуль, и алларийский монумент, а через несколько лет обнаружили и могилу командира экипажа первопроходцев. Он прожил на Земле обетованной шестнадцать лет. Его напарника, правда, так и не нашли. Сейчас на месте той могилы воздвигнут памятник первопроходцам.

— Удивительная история... — сквозь слезы, проговорила Джута. Ей больше нечего было добавить. То, что рассказал Лей, сильно отличалось от того, что она знала прежде. Джута была уверена, что этой ночью мысли долго не дадут ей заснуть.

Дальше Лей и Джута плыли молча.

В глубоком раздумье Джута и не заметила как лодка причалила у пристани, на которой стоял Зэн. Увидев его, Джута не смогла сдержать эмоций, которые по отношению к едва знакомому ей человеку, возможно, были и неуместны. Она выпрыгнула из лодки и счастливая повисла у Зэна на шее.

— Как я рада тебя видеть! — прошептала Джута ему на ухо, прижавшись щекой к его щеке.

— Вот мы и снова встретились, — сказал Зэн, плохо скрывая грусть. Он попытался улыбнуться, но это была уже не та улыбка, что покорила сердце Джуты. Скорее он улыбнулся из вежливости, чтобы показать, что его грусть не связана с ее появлением.

— Что с тобой? Ты не рад меня видеть?

— Нет, что ты, очень рад. — Зэн снова попытался улыбнуться, но у него опять не получилось.

— Зэн, как ты смотришь на то, чтобы Джута побыла твоей гостьей? — спросил Лей, хитро прищурив глаз.

— Я не против, — ответил Зэн.

— Тогда я зайду завтра. Проводи девушку в дом.

— Пойдем, — сказал Зэн, вежливым жестом пригласив Джуту следовать за ним.

Поселение пришельцев представляло собой множество деревянных домиков расположенных как на земле, так и на деревьях. Разделенные ручьями островки были соединены бамбуковыми мостиками. Если бы Джута была на каблуках, ей пришлось бы разуться из-за того, что каблуки постоянно застревали бы между жердей. Похоже, местные женщины не носили обувь на шпильках. Верхний ярус города полностью состоял из подвесных мостиков и прикрепленных к деревьям площадок. Дома как верхнего, так и нижнего ярусов как бы опоясывали деревья, и, судя по размеру выступающих частей, половина их внутренних помещений находилась в стволе. Улицы города были освещены теми самыми зеленоватыми кристаллами, укрепленными в уличных фонарях.

Город вроде бы ни чем не отличался от первобытных поселений жителей титанианской Океании, но, как и лодка, на которой Джута приплыла сюда, это место было гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд. Кое-где на деревьях располагались небольшие устройства со множеством лампочек — это, определенно, были беспроводные маршрутизаторы. Не каждая галеонская компания могла позволить себе оборудовать офис полностью беспроводной сетью, но здесь, похоже, ей пользовался каждый житель. В ручьях, у самой поверхности, плавали какие-то странные существа. Вначале Джуте показалось, что это речные жуки или черепахи, но приглядевшись, она поняла, что это роботы, назначение которых ей было неизвестно. На соседнем мостике робот

менял изношенные жерди. Он аккуратно брал жердь тонкими щупальцами, разрезал веревки, которыми она была примотана, затем распиливал ее на три части и клал в контейнер, после чего на ее место не менее аккуратно клал новую жердь и приматывал ее к остову. Он делал это монотонно, точно и бесшумно, как никогда не смог бы делать человек. Первобытный на вид город, при детальном рассмотрении, оказался полон таких высокотехнологичных устройств, которые и на Галеоне были диковинкой.

Судя по количеству домов, здесь должно было быть много жителей, но улицы были пусты.

— А где все? — спросила Джута. — Здесь всегда так безлюдно?

— Ночь на дворе. Все спят. Начало белых суток. Когда на поверхности день — здесь ночь.

Зэну явно не хотелось разговаривать, и Джута больше не стала тревожить его вопросами. Дальше они шли молча.

Зэн привел Джуту к дому на окраине нижнего яруса квартала. Это был дом, построенный в старом катонийском сельском стиле. Перед его фасадом был пруд, в котором, поблескивая золотыми спинами, плавали окуни. Изогнутый мостик через пруд вел ко входной двери. Окон в доме не было. Бумажные стены на бамбуковом каркасе хорошо пропускали внутрь уличный свет, но снаружи, тем не менее, было не видно, что происходит внутри. Когда Зэн подходил к двери, камера над ней распознала его лицо и открыла замок.

— Чувствуй себя как дома, — сказал Зэн, пропустив Джуту вперед. — Если пойдешь по коридору направо, найдешь душ. Полотенца прямо там. Я пока приготовлю ужин.

— Спасибо. Я была бы тебе очень признательна. Последние сутки я только сухими пайками питалась.

Джута медленно прошла по коридору, разглядывая комнаты. Похоже, Зэн жил здесь один. Судя по обстановке, дом вообще долгое время пустовал. В комнатах царил идеальный порядок. На тумбочке в одной из комнат Джута заметила фотографию, на которой были изображены Зэн с какой-то женщиной и юная девушка. Джута подошла поближе и обнаружила, что девочкой на фотографии была Люка. В это мгновение все встало на свои места — рассказы Люки и Зэна слились воедино. Джута поняла причину его грусти — он знал, что его дочь, обвиняемая в убийстве,

теперь в галеонском плену. И еще Джута поняла, что женщины изображенной на фотографии, нет в живых.

Тихо, чтобы не услышал Зэн, Джута покинула комнату и пошла искать душевую, которая располагалась в глубине дома. Интерьер комнаты поразил Джуту. Одной из стен душевой была естественная скала, в углублении которой была оборудована своеобразная душевая кабинка. Над каменной чашей покрытой не скользящим материалом выступал гладкий, как будто отшлифованный водой, каменный навес, и было непонятно, образовались ли эта чаша и навес естественно или были созданы людьми. Пульт управления крепился к самой стене и, должно быть, соединялся с душем по беспроводному каналу. Джута разделась, встала под навес и повернула ручку на пульте. Из отверстий в потолке на выступ полилась вода, и Джута оказалась в приятном теплом водопаде. Струи воды падали ей на лицо и, пробегая по всему телу, смывали пустынную пыль, а вместе с ней, казалось, и все неприятности преследовавшие Джуту эти дни.

«Откуда он все знает? — думала она. — Откуда этот старец Лей знал, что я появилась именно в том месте?... Кто они вообще такие?... Люка... Зэн... Лей... Странные они какие-то... Ну, да и ладно... Как же здесь хорошо...»

Выйдя из душа, Джута направилась на кухню. Без макияжа, с мокрыми волосами, в полотенце, ширины которого едва хватало, чтобы прикрыть интимные места, Джута выглядела невыносимо сексуально, но при этом беззащитно и трогательно, что придавало ее сексуальности еще большую силу. Она вошла на кухню, стыдливо придерживая полотенце, и поспешила сесть за стол. Зэн молчал, а Джута, не зная, что делать, лишь отводила глаза и от волнения прикусывала нижнюю губу. От ее неловкого движения полотенце спало, обнажив на мгновение ее левую грудь. Джута быстро прикрылась, нервно улынувшись Зэну, а тот сделал вид, что ничего не заметил. Все его мысли сейчас были только о дочери.

— Я знаю, почему ты грустишь, — начала разговор Джута.
— Люка ведь твоя дочь. Прости, это все началось из-за меня.

— Не говори глупостей. Если бы не ты, меня не было бы в живых.

— Если они не убили ее сразу, я думаю, они ничего ей не сделают.

— Знаешь, я боюсь, чтобы она еще чего-нибудь не натворила.
— Да, она может. У меня от нее мурашки по коже. Она так хладнокровно убивает людей...

— Убивает людей? — удивленно переспросил Зэн.

— Ну да, — растерянно ответила Джута.

— При каких обстоятельствах? Ты сама видела?

— Ну да, в ангаре, когда мы угоняли бомбардировщик. Когда мы туда вошли, там все были мертвы.

— Может быть это был спецназ?

— Там было еще два призрака, но они были на другом конце аэродрома. Они не могли.

— Понятно... — сказал Зэн и задумался.

— У вас с Люкой сложные отношения, да?

— С тех пор, как пропала ее мать, Люка стала агрессивной и замкнутой. А ко мне она уже давно относится как к чужому. Я уже привык.

— Ты сказал — ее мать пропала? Это как?

— Она пропала без вести в Поясе черны два года назад. Ее исследовательский корабль исчез бесследно в ядре. Среди спасенных ее не было.

Они доели ужин, и Зэн проводил Джуту в дальнюю комнату дома, в которой, по всей видимости, никто не жил. Из мебели в комнате не было ничего, кроме пустого раздвижного шкафа и традиционной катонийской кровати на коротких ножках, застеленной бельем из странного материала похожего на бумагу. Джуту заинтересовал лежавший на кровати тонкий черный планшет. Судя по отпечатку, который он оставил на белье, он лежал здесь достаточно долго. Джута никогда еще не видела таких тонких и легких портативных компьютеров. Она покрутила его в руках и нашла кнопку включения. К ее удивлению устройство оказалось заряженным. Джута не знала, что в пришельских домах на Фокосе часто можно было встретить роботов-горничных, которые регулярно объезжали помещения, протирая пыль и раскладывая предметы по своим местам. Еще, они находили мобильные устройства, требующие подзарядки, и дозаряжали, возвращая с точностью до миллиметра туда, где их оставил человек. Планшет мог лежать на этой кровати годами, и каждый месяц, когда заряд батареи подходил к концу, робот-горничная подзаряжал его и возвращал на место.

В комнату вошел Зэн, держа в руках вещи Джуты принесенные из душевой.

— Ты, наверное, не хочешь спать, — сказал он.

— Да, я выспалась по дороге сюда. Мне нужно будет привыкнуть к вашему времени.

— Да, оно здесь необычное. Фокосский час на пятнадцать минут длиннее титанианского, поэтому интервалы сна и бодрствования у нас длиннее. Мы больше спим и дольше бодрствуем. Но к этому проще привыкнуть, чем отвыкнуть.

— Это твой компьютер?

— Да нет, он здесь, скорее, как часть интерьера. Это обычный универсальный планшет — они очень популярны у жителей Земли обетованной. Их используют в основном для выхода в местную сеть. Можешь покопаться в ней, но только там все на катонийском.

— Спасибо за гостеприимство.

— Не за что, — сказал Зэн и неестественно улыбнулся. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

На планшете тем временем уже появился пользовательский интерфейс. Вместо обычного неподвижного изображения на заднем плане плавали трехмерные разноцветные рыбки с замысловатыми узорами на спинах — как будто экран был гладью неглубокого пруда. Джута аккуратно коснулась пальцем планшета, и от ее прикосновения во все стороны разбежались волны. «Забавно», — подумала Джута и провела пальцем по экрану, от чего на воде остался след, а рыбки резко расступились. Волны, отразившись от краев, несколько раз прокатились по экрану, прежде чем виртуальная вода снова успокоилась. С детским азартом, Джута начала гонять рыбок по пруду, описывая пальцем замысловатые фигуры, как вдруг на экране появилось какое-то окно. В его правом верхнем углу располагалась кнопка с крестиком, которая, по всей видимости, закрывала окно, и Джута нажала бы ее, но необычный вид окна привлек ее внимание. Заголовок и меню в нем располагались не сверху, а справа и читались не слева направо, а сверху вниз. Меню представляло собой похожую на ветвь вьющегося растения нить с крючками, петлями и точками, шедшими то по левой, то по правой стороне. Смена «левого» письма на «правое» и обратно в катонийской вязи означало границу сло-

ва, а разрыв линии — границу предложения. Джута коснулась пальцем одного из пунктов меню, и в левую сторону от главной линии как бы отросла новая — горизонтальная. На ней висели похожие на ягоды разноцветные круглые пиктограммы, от каждой из которых вниз уходила нить слова. Еще через пару секунд Джута обнаружила, что окно можно перетаскивать, прижав заголовок, а потянув за две грани или углы — можно раздвигать и сжимать. Но больше всего поразило Джуту то, что элементы экрана были различимы на ощупь. По воде палец скользил легко, а попадая на край окна как будто прилипал. Активное окно было едва заметно теплее фона, а гладь воды чуть мягче поверхности окна. Изменяя текстуру, мягкость и температуру, экран мог имитировать кожу, стекло, дерево и другие материалы. Джута была в восторге от такого осязаемого интерфейса, вот только надписи на катонийском были ей не понятны.

Хотя первые компьютеры и появились в Катонии, встретить планшет с вертикальным чтением через сто пятьдесят лет после Великого цунами можно было только на Земле обетованной. Противостояние Алларии и Катонии было не только борьбой идеологий, но и борьбой языков. Аллария всегда навязывала свою систему письма подчиненным народам, поэтому после исчезновения Катонии переход всего Титана на алларийский алфавит стал исторической неизбежностью. Лишь нигорцам удалось сохранить свою иероглифическую письменность, но использовали они ее не как основную систему письма, а скорее в декоративных целях.

Алларийцы всегда писали горизонтально. Их алфавит возник из очень древней, исчезнувшей, иероглифической письменности, символы в которой представляли собой изображения людей, домов, растений, птиц и прочего. Текст, как правило, выдавливался на стенах или выдавливался на глиняных табличках, и строки в нем шли горизонтально — так же, как изображенные предметы находились один относительно другого в природе. Позже, в Алларии появилась скоропись, в которой упрощенные иероглифы обозначали уже не слова, а отдельные звуки, однако направление письма сохранилось. Из этой скорописи и возник современный алларийский алфавит.

Катонийцы первую свою письменность позаимствовали у нигорцев, которые к тому времени уже писали на тканях, а позже

и на бумажных свитках. Их иероглифы были более абстрактны, и не важно было в каком направлении их писать. В практических целях нигорцы писали их сверху вниз, справа на лево, поскольку написанный таким образом свиток было проще читать. Свиток держали обеими руками за рулоны горизонтально и читали, подкручивая правой рукой. Со временем, сложная нигорская система письма была вытеснена более простой катонийской вязью, которой изначально пользовались лесные ведьмы. «Ведьмина вязь», однако, отличалась тем, что никогда не писалась в каком-то конкретном направлении. Текст мог спиралью овивать сосуд или колонну, мог так же быть написан змейкой или еще более сложным узором. Неподготовленному человеку было сложно читать подобные тексты. Однако, когда вязь стала популярной, она унаследовала направление от нигорской письменности.

Спустя века катонийцы от свитков так и не отказались. Периодические издания по-прежнему печатались в виде свитков, а первые компьютеры в Катонии выводили текст на рулоны бумаги, которые будучи свернутыми, тоже превращались в свитки. Алларийские компьютеры, однако, выводили текст и на бумагу и на экран горизонтально. Так появилось два мира информационных технологий: катонийский — с горизонтальным скроллингом и алларийский — с вертикальным.

После исчезновения Катонии, носители ее языка рассеялись по всему Титану. Спустя два поколения на катонийском уже никто не говорил, а вместе с языком ушли в историю и свитки, и компьютеры с вертикальным чтением. Алларийский постепенно стал международным, и все члены Титанианской конфедерации приняли алларийскую систему письма как основную. Лишь на Земле обетованной по-прежнему пользовались катонийской вязью, и тот компьютер, который Джута держала в руках, стилем пользовательского интерфейса мало чем отличался от катонийских устройств полутора вековой давности.

Наигравшись с интерфейсом, Джута хотела было выключить планшет, как вдруг заметила в правом нижнем углу экрана два расположенных друг над другом значка. Это были флаги — голубой с золотым гербом флаг Титанианской конфедерации, и черный с белым треугольником, вписанным в желтый круг посередине флаг Страны пришельцев. Джута нажала на флаг Конфедерации.

рации, и интерфейс тут же превратился в более привычный горизонтальный на алларийском языке. Теперь она могла понять почти все, что было написано на экране, и любопытство снова охватило ее. Зайдя в сеть, Джута случайно натолкнулась на статью, название которой ее заинтересовало. Статья называлась «Дневники переселенца». Это были записи одного из первопроходцев Фокоса, сделанные полтора века назад. Джута начала читать, пропуская то, что казалось ей скучным.

«Двести четвертый день путешествия.

Наконец-то мы достигли Фокоса. Люди почти потеряли надежду. Расстояния на картах солнечной системы выглядят такими незначительными, но, только, преодолев их, понимаешь, как все-таки они огромны. Самое страшное, что по дороге сюда нам практически нечем было заняться. Готовясь к экспедиции, мы работали не покладая рук и этим были счастливы. Два года подготовки прошли как один день, а здесь... Многие только тем и занимались, что смотрели в иллюминаторы на золотистый диск Фокоса, который приближался мучительно медленно. Но теперь у нас снова есть работа. Мы уже послали зонды, и они передали много полезной информации. Мы уже готовим шаттлы. Первые поселенцы высадутся, как только ученые выберут подходящее место для развертывания колонии. Все понимают, что жизнь на поверхности Фокоса не будет такой комфортной, как на Арэсао, но всем так надоели эти серые коридоры...

Трехсотый день путешествия.

Поиски идут очень медленно. Здесь действительно очень жарко. Днем температура воздуха достигает ста градусов! Если поставить на песок емкость с водой, то вода закипает. Благо, воздух здесь абсолютно сухой. С титанианской влажностью мы просто погибли бы. Днем мы прячемся в пещерах, закрываем все отверстия, чтобы ночной холод не уходил. Единственное время для поисков — сумерки, утром и вечером. Вот так, от пещеры к пещере, мы постепенно исследуем территорию этого каньона.

Пятьсот двадцать седьмой день.

Сегодня нашли отряд, отправившийся за потерянными продовольственным пакетом. Из четырех человек в живых остался только один. Если бы они не перетащили в пещеру хотя бы часть продовольствия из разбившейся капсулы, весь отряд остался бы без еды надолго. Не известно выжили бы мы. Они не успели до

рассвета, но таскали коробки до тех пор, пока солнце не убило их. Мы нашли их высушенные тела с контейнерами в руках. Лишь один смог доползти до пещеры, где мы нашли его умирающего от обезвоживания. Это был не первый случай, когда пакет с продовольствием падает не в расчетное место. Ученые с Арэшáo говорят, что, похоже, в верхних слоях атмосферы существуют мощные ветра, о которых мы ничего не знаем. Наши парни жизнями заплатили за это открытие.

Тысяча сто второй день.

Змеиный каньон — загадочное место. Рельеф здесь постоянно пляшет, издавая громкий скрип. Сегодня начинается новая программа исследований, целью которой является поиск входа в подземные пространства планеты. Отряды поселенцев должны обложить почти весь каньон сенсорами. Ученые планируют улавливать звуковые волны, создаваемые движениями коры, чтобы по ним построить карту плотности поверхности планеты. Если полости коры имеют выход на поверхность, мы обязательно его найдем.

Тысяча триста двадцатый день.

Четыре года мы рыскаем по этим скалам, но сейчас мы как никогда близки к тому, чтобы найти вход в недра планеты. По движению скал геологи рассчитали конфигурацию подземных пещер. Датчики, которые мы расставляли почти год, очень сильно помогли. По словам ученых, метод «прослушивания» оказался крайне эффективным. Мы еще не были там, но у нас уже есть подробная карта пещер в этом районе, и, похоже, внутрь все-таки можно попасть, не нарушая коры. Завтра мы отправляемся в экспедицию к тому месту, где предположительно может быть вход.

Тысяча четыреста восемнадцатый день.

Это потрясающе! Земля обетованная превзошла все наши ожидания. Максимум, что мы надеялись здесь найти — пригодные для жизни пещеры с водой и более-менее постоянной температурой, но мы обрели нечто большее. Это огромный мир со своим климатом, с огромным количеством уникальных экосистем. По уровню развития жизни, Фокос, возможно, превосходит Титан!

На верхних ярусах здесь располагаются тропические леса, если их можно так назвать. На заболоченных равнинах растут

огромные деревья. В отличие от Титанианских, они имеют две корневые системы — сверху и снизу, а кроны у них расположены посередине. Врастая одним концом в пол, а другим в потолок пещеры, они, похоже, удерживают купол от обрушения.

Удивительно, но здесь, под землей, полно зеленых растений. Все благодаря уникальным микроорганизмам. Они способны излучать ультрафиолет, перерабатывая падаль и мертвые растения. В таком влажном теплом климате мы сможем выращивать рис и бамбук. Они, определенно, будут расти здесь так же хорошо, как когда-то в Катонии.

В ярусах ниже, под тропическими лесами, проходит зона ветров. Воздух там сухой, а по обточенным гладким коридорам гуляет огромной силы ветер. В некоторых трубах он достигает сотен метров в секунду. Пока сложно объяснить, в чем причина этого явления, но, похоже, воздушные потоки имеют постоянный характер. У инженеров-энергетиков загорелись глаза. Они рассматривают эти ветра не иначе как источник огромной энергии. Они намерены придумать способ добывать ее.

Еще ниже в коре Фокоса располагается, как ее называют ученые, термопауза. Это область, в которой температура с увеличением глубины перестает уменьшаться и начинает возрастать. В этой области располагается тонкий слой вечной мерзлоты. Мы никогда не могли представить себе, что на Фокосе такое возможно — замерзшие пещеры, ледники и снег.

Похоже, Земля обетованная — это мир растений. Животные формы жизни здесь слабо развиты. Мы уже насчитали больше разновидностей грибов, чем существует на Титане. Здесь, также, много зеленых растений. Животные же представлены в основном фокосскими рыбами, пресмыкающимися и микроорганизмами. Похоже, люди здесь — самые крупные из животных. Возможно, в других частях планеты есть еще какие-нибудь виды, но, по заверениям ученых, ожидать значительного перевеса в сторону животных не стоит. В вечной мерзлоте мы нашли странных существ. Они покрыты белой шерстью и похожи на кротов. Эти зверьки, хотя и выглядят как млекопитающие, на самом деле, по физиологии больше похожи на рептилий. Из-за жизни в полной темноте, они совершенно слепы. Пока не понятно чем эти существа питаются в ледниках и как ориентируются.

Тысяча четыреста девяносто первый день.

Пришло время поменять календарь. Пользоваться Титанианским стало бессмысленно. Еще в начале путешествия мы заметили, что Титанианские сутки малы для человеческого организма. Люди на Арэсáо, не будучи привязанными к смене дня и ночи, стали дольше спать и дольше бодрствовать. Когда руководство экспедиции предложило увеличить сутки на четыре часа, все согласилось. С тех пор наше время длиннее Титанианского на шестнадцать с половиной процентов. Фокос вращается вокруг своей оси быстрее Титана, и наши сутки укладываются ровно в полтора оборота. Теперь по нечетным числам у нас два дня и одна ночь, а по четным — две ночи и один день.

Сорок четвертый день восьмого года со дня обретения.

Сегодня геологи опубликовали важное открытие. В глубинных пластах коры Фокоса найдены огромные месторождения урана, но самое главное — в Фокосской урановой руде в два раза больше урана-235, чем в Титанианской! Именно этот изотоп применяется для производства ядерного топлива, а значит, нам есть чем заправлять наши реакторы. Теперь нам не придется строить дорогостоящие солнечные батареи и думать, как защитить их от ветров. Геологи и раньше предполагали, что на Фокосе урана должно быть больше, чем на Титане, потому что Фокос ближе к Солнцу. При формировании Солнечной системы тяжелые элементы оседали ближе к ее центру, а легкие улетали на окраины. За миллиарды лет больше половины первоначального урана-235 распалось и сейчас его концентрации относительно малы даже на Фокосе, но, тем не менее, здесь его должно быть больше чем на всех остальных планетах Солнечной системы.

Сто второй день одиннадцатого года со дня обретения.

Сегодня правительство заявило, что единая информационная сеть Земли обетованной полностью работоспособна. Это значит, что очень скоро заработает финансовая система, и в обращение войдут электронные деньги. Времена изменились. На Земле обетованной построены города — Акура, Новый Кáто, Нижний и Верхний Тóго... Они соединены транспортной системой и информационной сетью. Условия проживания на Земле обетованной постепенно стали не хуже, а может даже и лучше чем на Титане. Система персональных квот устарела, и ей на смену должна придти рыночная экономика как более пригодная для спокойного мирного времени. Уже больше года платежная система работает

в пилотном режиме, и, похоже, разработчики за это время решили все проблемы. Однако, как оказалось, существует другая проблема совсем не технической природы.

Со дня начала подготовки экспедиции, еще на Титане, мы работали в военном режиме. Нас было мало, и мы все трудились как единый механизм для достижения общей цели. В таких условиях деньги были просто не нужны. Каким-то естественным образом они исчезли из нашей жизни более десяти лет назад. Каждый делал все, что от него зависит — выкладывался на сто процентов. Каждый осознавал — стоит ему расслабиться, и вся экспедиция может провалиться. Любая свободная финансовая система не оптимальна, а в тех условиях мы не могли позволить себе неоптимальность. Все блага разделялись между членами экспедиции на основании персональных квот. Каждый получал не больше, чем ему необходимо, и никто не противился этому, понимая, что так живут все. За годы нашего пребывания на Фокосе выросло целое поколение людей, которое вообще не знает, что такое деньги. Об их назначении эти молодые люди знают поверхностно, но, изучая историю, интуитивно понимают, что деньги — это скорее что-то плохое, чем хорошее. Старшее же поколение привыкло к сложившемуся положению вещей, и рассматривает введение денег как переход от чего-то простого к запутанному и непонятному. В общем, все с настороженностью относится к этой инициативе, как к еще одной причуде ученых, необходимость которой сами граждане оценить не могут”.

Зэн проснулся по Фокосским меркам достаточно поздно. Проходя мимо комнаты Джуты, он увидел свет ночника и невольно заглянул внутрь. Джута спала на спине поверх одеяла, откинув одну руку в сторону, а вторую держа под грудью, как будто придерживая полотенце. Она была в той позе, в которой художники обычно писали обнаженных женщин, потому что именно в этой позе пышные женские формы не обвисали, принимая наиболее привлекательный вид. Узенькое полотенце уже не имело никакого смысла, потому что Зэн легко мог представить Джуту без него, и лишь тень от бедра скрывала то, что Зэну видеть не следовало. Несколько минут он не мог оторвать взгляда от столь прекрасного зрелища.

— Нравится? — прошептал Лей за его спиной.

От неожиданности Зэн вздрогнул, но не подал виду. Старик Лей перемещался почти бесшумно, что позволяло ему внезапно возникать за спиной собеседника. Он не стремился так делать, скорее это у него получалось непроизвольно, и все уже давно привыкли к таким его появлениям.

— Она так красива... — шепотом произнес Зэн, не отрывая взгляда от Джуты.

— Когда спят, они все красивые, а как просыпаются, так некоторые оказываются стервами, — сказал Лей и улыбнулся, и после некоторой паузы добавил: — Но только некоторые. Пора бы уже тебе подумать о личной жизни. Два года прошло.

— Мне сейчас не до этого, учитель.

— Понимаю. — Лей быстро сменил тон на деловой. — У нас есть информация о твоей дочери. Как я и говорил, пока все под контролем.

— Что с ней?

— Ее везут на Галеон. Галеонцем не удалось установить ее личность, и это хорошо. Расскажи-ка мне вот что: ты говорил, что корабль захватили одержимые. Когда точно они появились?

— Сложно сказать... Охранники засуетились приблизительно за два часа до того, как мы упали. Точнее сказать не могу, потому что был в карцере.

— За два часа говоришь... — повторил Лей и задумался, как будто что-то считая в уме.

— И что вы планируете делать с Люкой?

— Мы освободим ее, когда она будет на Галеоне. Ты, кстати, отправляешься туда.

— Когда?

— Сегодня. Поезжай в штаб. Получи инструкции у полковника Дсуэно.

— Хорошо. А как быть с Джутой?

— Я о ней позабочусь, ступай.

Проснувшись, Джута начала блуждать по дому в поисках Зэна и, не обнаружив его ни где, забрела на кухню. За обеденным столом сидел Лей и улыбался как всегда доброжелательной улыбкой. На столе стоял завтрак приготовленный Эном: тонко нарезанная слабосоленая рыба, графин с соком, кусочки каких-то овощей и фруктов.

— С добрым утром, — сказал Лей. — Как спалось?

— Здравствуйте. Очень хорошо, — улыбнувшись, ответила Джута. — Здесь удивительный воздух. Такой свежий, прохладный. Не такой влажный, как на Галеоне.

— Верно. Здесь самый чистый воздух во всей Солнечной системе.

— А где Зэн?

— Зэн ушел на работу. Давай, завтракай, и пойдем прогуляемся.

— А куда? — с недоверием спросила Джута.

— Я покажу тебе город.

Была середина рабочего дня, и завтрак Джуты приблизительно соответствовал местному обеду. Лей повел ее по деревянным мостикам в противоположную сторону от того места, где причалила их лодка. Днем фонари горели ярче, и в их свете становилось заметно, что крыши домов, листья деревьев, фонари, — все вокруг было покрыто тонким слоем желтоватой пыли.

— Что это? — спросила Джута, проведя пальцем по широкому листу растения.

— Бомбят, — ответил Лей. — Пыль сыдется с потолка.

Улицы были пусты. Все жители находились на своих рабочих местах в деловых и промышленных центрах города. Лишь один пожилой человек встретился Лею и Джуте на пути. Он вышел из своего дома и направился, по всей видимости, туда же, куда шли они — к станции капсул транспортной системы. Лей шел не спеша, и расстояние с пожилым человеком не сокращалось.

Вскоре, водоемы закончились, и бамбуковые мостики сменились дорогой выложенной гладким камнем. Вдоль дороги тянулись густые заросли неизвестных Джуте растений. Достаточно плотно стоявшие друг к другу дома не имели земельных участков, и лишь тонкая полоска зелени отделяла их от узких переулков, сходящихся к одной, относительно широкой, главной улице. Возле одного из домов, женщина, одетая в традиционный катонийский халат, тряпкой стирала желтую пыль с растений. Ей пришлось прижаться к стене, чтобы пропустить шедшего по переулку человека. Пришельцы жили здесь хоть и в отдельных домах, тем не менее, по галеонским меркам в жуткой тесноте.

Чем ближе Лей и Джута подходили к станции, тем чаще из переулков выходили люди. Все они улыбались и здоровались с

пожилым человеком, шедшим впереди, и тот вежливым поклоном отвечал им.

— Кто этот человек? — шепотом спросила Джута у Лея. — Все с ним здороваются. Он какая-то известная личность?

— Да, — ответил Лей. — Это Тай Орэно самый старший из семейства Орэно. Его отец изобрел способ получения вина из побегов некоторых местных растений. Этот напиток за границей называется Фокосское вино, а здесь — Акурское вино. Оно очень популярно на Фокосе. Сейчас семье Орэно принадлежат несколько фабрик по всей Земле обетованной. Все представители этой семьи известные, уважаемые люди.

— Я слышала, это вино очень дорогое. Они, наверное, очень богатые люди?

— Акурское вино дорогое только за границей. Туда его везут мелкими партиями и продают как эксклюзивную экзотику. Здесь оно доступно каждому. А вообще, да, Орэно — люди достаточно богатые.

— И они живут здесь?

— Старший Орэно живет здесь, а остальные где-то еще, но тоже в Акуре.

— Странно. Если они такие богатые, почему они живут в таком тесном районе?

— Так здесь все живут. Знаешь, пришельцы привыкли к тесноте, да и к роскоши равнодушны. Если ты откроешь современный словарь катонийского языка, то увидишь, что слово «роскошь» в нем помечено как устаревшее. На Земле обетованной никогда не определишь по внешнему виду, кто кого богаче.

— А почему?

— Это выработалось за полтора века. Это называется менталитет. Понимаешь, при современном уровне развития промышленности по-настоящему нужные и качественные товары имеют невысокую себестоимость, и доступны каждому, а товары класса люкс, в сущности, ничем от них не отличаются, просто стоят дороже. Пришельцы понимают это, и поэтому статусные эксклюзивные вещи на Земле обетованной не пользуются спросом.

— Неужели все пришельцы такие сознательные?

— Это не сознательность — это прагматизм, выросший в культуру. Ребенок обретает его естественно — так же, как обретает катонийский язык. Ни один пришелец никогда не потратит день-

ги на никчемную безделушку, потому что склонность оценивать вещи по сути — это одна из основ пришельского мировосприятия.

— Но если богатые никак не могут подчеркнуть свой статус, зачем тогда богатеть?

— Незачем. Пришельцы и не стремятся. Некоторые пришельцы хотят выделиться, но количество денег здесь совсем не определяет статус. Большие деньги воспринимаются пришельцами скорее как побочный продукт некоторых видов деятельности. Никто специально не стремится к большим деньгам.

— Да не может быть!

— Дело в том, что на Земле обетованной разница между самыми низкими и самыми высокими доходами не так уж велика. Конечно, существуют очень богатые пришельцы, но их богатство есть стоимость их компаний, а количество денег, которыми они могут свободно распоряжаться не так уж велико. По покупательской способности они не намного превосходят сотрудников собственных компаний. На Земле обетованной деньги — вообще, вещь совершенно нематериальная Ты не найдешь здесь ни бумажных купюр, ни монет, ни даже электронных карточек. Каждый пришелец имеет основной счет в одном из банков Земли обетованной, с которого списываются деньги, когда человек совершает покупку. Для совершения покупки нужно просто подтвердить свою личность. Обычно это делается при помощи сканирования генетического кода. Пришельцы, как правило, вообще не знают, сколько точно у них денег. Просто каждый работающий гражданин имеет их столько, что ему хватает для покупки всего, что ему лично нужно. Даже если деньги на счете кончатся, гражданину автоматически выдается кредит и приходит оповещение о том, что необходимо пополнить основной счет. Поэтому, большинство пришельцев вообще не заботятся о деньгах. Они считают их неким несущественным технологическим нюансом товарообмена.

— Значит, пришельцы не покупают товары класса люкс, а все остальные товары доступны каждому. Тогда у богатых людей, получается, должно скапливаться много денег. На что же они их тратят?

— Пришельцы имеют по многу детей. К тому же, в пришельских семьях, как правило, работает только один человек. Чаще всего — муж. Женщины обычно либо вообще не работают, либо работают дома, либо работают не полный день. Но иногда быва-

ет и наоборот, когда работает женщина, а мужчина воспитывает детей. Пришельцы много путешествуют, много денег тратят на развлечения для детей и для себя. Крупные компании много вкладывают в исследования, финансируют венчурные проекты, занимаются социальными программами за рубежом. В общем, деньги на счетах не залеживаются.

Наконец Лей и Джута дошли до станции. На большой площадке, отличавшейся от парковки лишь отсутствием выездов, стояли капсулы для одного, двух и шести пассажиров. Капсулы были каплеобразной формы и размерами не превосходили легкой автомобиль, но обладали при этом значительно более просторным салоном благодаря отсутствию капота. Багажные отделения располагались под сиденьями, и все остальное пространство предоставлялось пассажирам. Капсулы не различались формой, однако имели разную расцветку, потому что, по всей видимости, принадлежали разным компаниям. Салон напоминал кабину небольшого самолета, однако пассажиры по разным сторонам сидели лицом друг к другу, чтобы иметь возможность разговаривать. Как только Лей и Джута сели в кресла, перед ними опустились пульты. Лей ввел маршрут, оплатил поездку, и пульты задвинулись обратно. Через мгновение механическая рука транспортной системы подхватила капсулу и понесла ее по тоннелям в центр Акуры.

Огни за стеклом мелькали все быстрее и быстрее, как вдруг тоннель остался где-то позади, и капсула оказалась в огромной пещере. Глазам Джуты открылся огромный современный город. Он как будто вырастал из пола и вращался в потолок, заполняя все пространство тонкими небоскребами увитыми паутиной транспортной системы. Вперемешку с густой растительностью стены покрывало множество небольших зданий расположенных террасами. В самом низу, среди садов, стояли каменные постройки старинной архитектуры. Покрытые лепниной и росписью они были неотличимы от титанианских сооружений многовековой давности. Все это вместе выглядело столь иррационально и так сильно сливалось с природой, что было не различить, где заканчивается естественное и начинается построенное людьми.

— Это Акура — столица Земли обетованной, — сказал Лей, довольно улыбаясь — как будто весь этот город был продуктом его трудов.

— Никогда бы не подумала, что на Фокосе есть такие города, — сказала Джута, изумленно глядя в окно. — Я иначе себе их представляла. — Прежде, при словосочетании «подземный город» Джута видела в своем воображении лишь череду тесных, плохо освещенных, коридоров.

Пролетая над одним из парков, капсула притормозила и спустилась так низко, что Джуте удалось разглядеть гулявших по аллеям людей. В основном, это была молодежь. Студенты проводили свой перерыв, бродя по парку шумными компаниями, обедая на лавочках или читая лежа под деревом. Больше всего Джуту поразило разнообразие местной одежды. Лишь единицы носили традиционные пришельские костюмы. Одежда остальных была столь разнообразной, что казалось невозможным найти здесь людей одетых одинаково. Девушки в светлых платьях преимущественно голубых и розовых тонов походили на цветы. Юноши одевались менее пестро, но тоже в светлое. В одежде преобладали все те цвета, которые редко можно было встретить в Фокосских пещерах — голубой, белый, розовый. При этом желтый, красный и коричневый вообще отсутствовали, а в черное одевались лишь военные и полицейские. Многие девушки носили белые платки, способов завязывания которых Джута насчитала несколько десятков.

— Пришельцы так классно одеваются... — подумала Джута вслух.

— Да. Дизайн одежды — любимое развлечение молодежи. Этим сейчас занимаются все кому не лень.

— Правда? А на Галеоне только дизайнерские дома.

— Здесь все по-другому. Обычно, модели одежды проектируют молодые люди, у которых есть свободное время. Они выкладывают свои работы в сеть. Тот, кто хочет обновить гардероб, просто находит модель в сети, выбирает размер и заказывает пошив. Через пару дней заказ доставляют ему на дом. Автор модели имеет некоторый процент с каждой продажи, так что это может быть еще и выгодно.

— И что, все только так покупают одежду?

— Да. Это не дорого и очень удобно. Молодые люди иногда за полгода меняют весь гардероб. Вон, у моей соседки дочь — на каждую вечеринку ходит в новом.

— Класс! А старую одежду куда девают?

— Просто выбрасывают. Вся эта одежда сделана из синтетических тканей. Они перерабатываются, расщепляются на составляющие, и снова превращаются в сырье, из которого шьют новую одежду.

— Здорово! Значит, здесь вообще нет проблемы, что одеть. Вот, почему на Галеоне такого нет?..

— Потому что отсутствует производство и переработка тканей. Вся эта система работает лишь благодаря низкой себестоимости цикла производство-переработка. Если включить в него доставку с Фокоса, одежда уже не будет такой дешевой, да и покупатель не сможет получать заказ через два дня. Нужно чтобы все производство находилось хотя бы на одной планете.

— Так почему никто не создаст такое производство?

— Уже давно бы создали, но и на Титане и на Галеоне лоббирование дизайнерских домов не позволяет это сделать.

— Что значит лоббирование?

— Это значит, что дизайнерские дома, боясь разориться, покупают представителей власти, чтобы те отстаивали их интересы.

— Но ведь это уже коррупция! — возмутилась Джута.

Лей расплылся в улыбке умиления.

— Лоббирование — это просто политически корректный термин для обозначения коррупции, — сказал он.

— А в Стране пришельцев, наверное, вообще нет коррупции. Я слышала, что здесь всем управляет искусственный интеллект и все ему подчиняются. Это правда?

— Почти. У нас есть система Пророк. Она способна предсказывать течение социальных, экономических и даже некоторых природных процессов. Она помогает создавать законы и принимать политические решения.

— А как она работает?

— Это очень сложная система. Огромный штат специалистов занимается ее поддержкой: поставляет ей данные, обучает новым приемам анализа, следит за работоспособностью... Сами же законы разрабатывает парламент. Он состоит из двух палат: законотворческой и утвердительной. Законотворцы — это ученые социологи, психологи и специалисты-консультанты из различных прикладных областей. Их никто не избирает — их просто нанимают на работу, учитывая профессиональные достижения. Эти специалисты создают законопроекты и описывают их на специ-

альном языке, который понимает система Пророк. Система производит моделирование и рассчитывает последствия. Результаты моделирования отдаются депутатам утвердительной палаты для анализа, и если последствия принятия закона устраивают их, закон принимается. Депутатов утвердительной палаты избирают граждане и постоянные гости — двух депутатов от каждой провинции, — всего двадцать восемь человек. После того, как закон принят, результаты моделирования и результаты голосования публикуются. Каждый избиратель может узнать, как проголосовал избранный им депутат за тот или иной закон. При этом каждый осведомлен о вероятных последствиях принятия закона. Так осуществляется общественный контроль. Исполнительная власть так же консультируется с Пророком и публикует результаты по-хожим образом.

— И что, неужели Пророк никогда не ошибается?

— Компьютеры не ошибаются. Ошибаются люди, которые пишут программы и поставляют данные. Для этого и существует утвердительная палата.

— Получается, что коррупция в вашей стране невозможна?.. Искусственный интеллект, ведь, нельзя подкупить, но ведь его можно взломать.

— Взломать Пророка теоретически возможно, но это не проще, чем залезть в мозг человека и поменять местами нейроны так, чтобы тот начал думать по-другому. Пророк — слишком сложная система. Да и ответственность за принятие решения все равно лежит на людях, а их столько, что повлиять на них практически невозможно. Тем более невозможно сделать это незаметно. При современном уровне развития информационных технологий все сложнее становится что-либо утаить. Знаешь, копирование и распространение — это естественное свойство информации — такое же, как свойство воды течь. Чем совершенней компьютеры, тем сложнее с этим ее свойством бороться. Когда-нибудь все будут все обо всех знать, — сказал Лей таким тоном, как будто сожалеет об этом.

Капсула тем временем миновала деловой центр и оказалась недалеко от огромного детского парка развлечений. Джута смотрела на все эти пестрые аттракционы, заметно погрузнев, ведь ничего подобного в ее детстве не было, и Лей, как будто понимая ее тоску, молча смотрел туда же.

— Это правда, что в Стране пришельцев нет детских домов?
— спросила Джута, с трудом сдерживая слезы.

— Правда, — ответил Лей.

— Неужели здесь вообще нет сирот?

— Что бы не случилось, ребенок здесь никогда не остается без родителей, — ответил Лей. — Всегда кто-нибудь берет его в семью.

В эту секунду, Джута твердо решила, что ее дети, во что бы то ни стало, будут пришельцами, чтобы ни они, ни внуки, ни другие ее потомки никогда, ни при каких обстоятельствах, не попали в галеонский детский дом.

Джута провожала взглядом удаляющийся парк, представляя, как гуляет там со своими детьми и Зэном в качестве их отца.

— Здесь так хорошо, что хочется остаться, — с сожалением произнесла она.

— Это можно организовать, — тут же сказал Лей, не раздумывая, как будто только этой фразы и ожидал от Джуты.

— Я же ведь здесь на птичьих правах. У меня нет ни денег, ни документов.

— Это проблема. Тебе нужно незаметно выехать, и снова въехать.

— Выехать незаметно? Разве это возможно?

— Вообще нет, но если очень нужно, то возможно, — сказал Лей и хитро улыбнулся.

«А говорил — ничего нельзя утаить, — подумала Джута. — Значит кое-что все-таки можно. Кто же он такой?..»

— Я слышала, это очень сложно — въехать в Страну пришельцев.

— Да, пожалуй, наша страна имеет самое строгое миграционное законодательство в мире. Для того чтобы въехать, нужно получить приглашение от гражданина или постоянного гостя, а стать гражданином человек может только если окончил пришельскую школу.

— Пришельскую школу?

— Да, обычное среднее учебное заведение на Фокосе.

— Значит я никогда не смогу стать гражданином?

— Ты можешь стать постоянной гостьей. Этот статус отличается от гражданства лишь тем, что при определенных обстоятельствах может быть отозван, а еще он не дает права на участие

в государственной ипотечной программе. Некоторые банки, так же, дают кредиты не гражданам под менее выгодные проценты. Востальном, постоянные гости обладают всеми теми же правами что и граждане.

— А почему у вас такое строгое миграционное законодательство? Вы боитесь иностранного влияния?

— Знаешь, в Катонии была такая поговорка: «Чтобы жить в Катонии, нужно вначале ее построить». Право жить в Катонии считалось почетным. Потомок гражданина получал его по наследству, а иностранец должен был заслужить. Считалось — если ты или твой предок не платили налоги в стране, не защищали ее от врагов, не жили в ней в тяжелые времена, то ты не имеешь права называться гражданином и пользоваться благами, накопленными и сохраняемыми ее гражданами. Многие современные пришельцы разделяют это мнение. Однако, для пришельцев, строгое миграционное законодательство — скорее объективная необходимость, чем прихоть. Земля обетованная для проживания весьма привлекательна, вот только места здесь мало. Даже граждане до сих пор ограничены квотами на недвижимость. Они не могут покупать жилплощади больше, чем разрешено. Сколько не пытались это отменить — все тщетно. Спекуляция на жилье тут же поднимала цены, и квоты снова вводили. Люди есть люди. Страшно даже представить, что будет, если иностранцы начнут скупать жилье в Акуре. Право гражданина Страны пришельцев иметь жилье прописано в нашей конституции, и государство всеми силами старается это право обеспечить.

— Значит здесь тоже проблемы с жильем.

— Пока нет, но стоит разрешить свободный въезд и они появятся. Строить под землей нелегко. Только работая в полную силу, наша строительная промышленность успевает за ростом населения. Продолжительность жизни здесь высокая, да и годовой прирост немаленький, поэтому людей становится все больше и больше.

— Наверное, это единственная ваша проблема, — попыталась пошутить Джута.

— К сожалению, нет, — серьезно ответил Лей. — Ксенофобия — наша главная проблема. Так получилось, что пока Титан боролся с последствиями Великого цунами, а Галеон вел феодальные войны, мы спокойно развивались, и за полтора века так

сильно стали отличаться, что практически перестали быть частью человечества. У нас своя система ценностей, свой мало кому известный язык, ни на что не похожая политическая система и система образования. Мы непонятны, и поэтому нас боятся. Про нас выдумывают легенды, приписывают нам качества, которыми мы не обладаем. Нас почти не считают людьми. В алларийском все чаще слово «пришелец» употребляется как антоним к слову «человек», и в этом заключается главная опасность, но не для нас, а скорее для человечества.

— Опасность? — испуганно переспросила Джута.

— Да, и ксенофобия — это естественная реакция на эту опасность. Такое иногда происходит в природе, вначале вид разделяется на популяции. Они живут в разных условиях. Какие-то погибают, какие-то выживают, и вот одна из популяций становится успешнее других. Она разрастается, начинает захватывать все большие пространства и неминуемо встречается с другими популяциями — менее успешными. Будучи более приспособленными, представители доминирующей ветки вытесняют всех остальных, но те не спешат исчезать. Начинается суровая внутривидовая борьба, которая, впрочем, неминуемо заканчивается победой более успешной популяции. Так происходит эволюция. Так появляются новые виды.

— То есть вы хотите сказать, что пришельцы — это доминирующая ветка.

— Именно! Пришельцы лучше образованы и лучше обучены, чему бы не были обучены, поэтому, где бы не появились пришельцы, они становятся успешнее других. Пришельцы всегда вместе, у них большие семьи, и поэтому кажется, что их много, кажется, что они повсюду, кажется, что они надвигаются, и это движение вызывает у остальных людей страх. Будучи не пришельцами, люди боятся остаться на обочине жизни или вообще исчезнуть. Этот страх может вызывать две противоположные реакции: безграничную любовь, которая проявляется обычно в подражательстве, и лютую ненависть. Две эти реакции недавно столкнулись на Галеонских выборах, и ненависть победила. Потому-то и случилось то, что происходит сейчас на поверхности.

— Интересно получается. Вы отгородились от всех миграционным законодательством, но хотите, чтобы в других странах вас встречали с распростертыми объятьями?..

— Нам просто ни от кого ничего не нужно, а кормить тех, кто паразитирует на чужих странах, мы не намерены. Присутствие же пришельцев в стране всегда взаимовыгодно. К примеру, когда пришельцы создают предприятие на Галеоне, это с одной стороны выгодно Земле обетованной, потому что, где бы не располагалось предприятие, оно платит налоги в ее казну, с другой стороны, граждане Галеона получают рабочие места и, работая на пришельцев, платят налоги в казну Галеона. Кроме этого, пришельцы развивают образование, но не только для того, чтобы снабжать компании специалистами, а еще и для того, чтобы сгладить различия между собой и гражданами другой страны. Если мы добьемся своей конечной цели, ни кому не нужно будет ехать на Землю обетованную за хорошей жизнью. Все смогут жить достойно там, где родились. А фокосское подземелье — не такое уж уютное место, как может показаться. Поживешь здесь какое-то время, и заскучаешь по небу над головой, по горизонту, даже по шуму метро в Цитадели и по пробкам. В конце концов, нет лучшего места для жизни, чем то, в котором родился и рос.

— Боюсь, что я не доживу до этого времени, — с грустью сказала Джута и отвела глаза в окно.

— Но ты можешь поспособствовать его приближению.

— Каким же образом?

— Ты — выдающийся пилот. Нам нужна твоя помощь.

— Вы хотите предложить мне работу?

— Пока скорее маленькое задание. Оно очень простое, и, я думаю, ты с ним легко справишься. Тебе нужно будет доставить Зэна на Галеон.

— Но как? — растерянно произнесла Джута. — Меня же ведь ищут. Я угнала бомбардировщик, да и срок не досидела...

— Никто тебя не ищет. Спасатели не успели доложить о тебе, поэтому ты считаешься погибшей, как впрочем, и Зэн. Галеонцы искали не тебя, а свой бомбардировщик, а в его угоне обвиняют спасателей и Люку. Мы сделаем тебе новые документы, по которым ты въедешь на Галеон. Они конечно будут фальшивыми. Чтобы сделать легальные нужно больше времени, поэтому их ты получишь чуть позже.

Только сейчас Джута поняла, кем был Лей и откуда он все знал.

— Вы меня вербуете? — серьезно спросила Джута.

— Можно сказать и так, но... Ты же ведь любишь Зэна. Разве нужно мне тебя вербовать, чтобы ты помогла ему?

Джута опешила от такой проницательности старика. Она вдруг поняла, что от предложения его действительно не может отказаться, и не только потому, что, не имея документов и денег, находится в его полной власти, но и потому, что не может упустить шанса, отправиться в совместное путешествие с Зэном.

Не зная, что ответить, Джута опустила глаза.

— Ну, не стесняйся, — сказал Лей с улыбкой и нежно взял Джуту за руку. — Я долго живу, и могу по взгляду узнать, любящую женщину. Зэн мне как сын, и, если ты сделаешь его счастливым, я буду безмерно тебе благодарен.

Если в городах Земли обетованной люди и не ощущали нависшей угрозы, то лишь потому, что были уверены в недостигаемости своего подземного мира. Для многих жителей Страны пришельцев, поверхность была местом враждебным и психологически далеким, поэтому все, что творилось там, ощущалось людьми как нечто происходящее не с ними. Лишь глухие, едва слышные, взрывы бомб и постоянно падающая с потолка пыль держали людей в гнетущем волнении. Однако в генеральном штабе Земли обетованной царила по-настоящему напряженная атмосфера. В оборонительной стратегии, тонко продуманной теоретически, на практике обнаружились слабые места.

В первые же часы конфликта пришельцы лишились всех космодромов, которые стали главными целями галеонцев на первом этапе операции. Пришельцы предвидели это и за несколько часов до атаки увели всю авиацию на орбитальную станцию Арэсао. Несмотря на почтенный возраст, претерпев несколько реконструкций, станция до сих пор функционировала и в условиях конфликта стала стратегическим плацдармом номер два после самой Земли обетованной. Благодаря ей пришельцы спасли людей от плена и технику от захвата. Она так же должна была стать перевалочным пунктом для армии титанианской Конфедерации, когда та, по соглашению о взаимной обороне, нанесла бы ответный удар. Однако атакованным демонами титанианцам было не до этого, и пришельцы остались один на один против превосходящих сил противника. Мирные жители об этом не знали. Дабы не создавать паники пресс-служба генштаба умолчала некоторые

факты, и жизнь подземных городов по-прежнему текла своим чередом.

Небо над Змеиным каньоном полностью принадлежало галеонцам, и единственным средством противодействия им было звукорезонансное оружие. Оно уже много лет применялось пришельцами в строительстве для дробления породы и расчистки местности. Другим его применением была воздушная оборона. Спрятанные глубоко под землей установки генерировали низкочастотные звуковые импульсы, которые, приходя в заданное время в одну точку, создавали резонанс, порождавший огромной силы ударную волну. При помощи именно этого оружия пришельцы сбили бомбардировщик Джуты. От столкновения нескольких колебаний за самолетом образовалось две шарообразных волны, которые догнали и раздавили бомбардировщик.

Самым же смертоносным применением звукорезонансного оружия были гео-удары. Вначале, в точке цели создавалось искусственное землетрясение, которое ослабляло породу. Затем следовал атмосферный взрыв, по мощности не уступающий взрыву атомной бомбы. Фазы тектонических и атмосферных волн при этом подбирались так, чтобы большая часть энергии ушла в поверхность. В мирное время гео-удары невысокой мощности применялись для расчистки территории под строительство; во время войны, они становились оружием последней надежды. Это оружие и было тем самым Драконом, что охранял Землю обетованную от не прошенных гостей.

Но и у Дракона были свои недостатки. Разрушения, наносимые им, осложняли или делали невозможным применение спецподразделений на атакованной территории. Скрытые пещеры, межскальные лабиринты, трещины, — все потенциальные укрытия после гео-удара разрушались. К тому же, чтобы накопить энергию для мощного залпа, Дракону требовалось около трех недель, и это только в случае если оружие больше ни как не применялось. Однако постоянные полеты разведчиков и бомбардировщиков вынуждали применять звукорезонансное оружие больше по воздушным целям, но и в этом оно было несовершенно. Хотя точность залпов была почти стопроцентной, их мощность была тем ниже, чем выше летела цель. Разряженный воздух верхних слоев атмосферы вообще не позволял создать волну достаточно мощную для разрушения самолета. Галеонцы вскоре поняли

это и начали летать на недостижимых для Дракона высотах. Пришельцы, однако, имели и обычные ракеты земля-воздух, которые легко наводились на высоко летящие цели, но стоило только расчету пустить ракету, как основное звено бомбардировщиков тут же уходило на форсаже, а легкие штурмовики летели атаковать место, откуда была пущена ракета. Расчетам постоянно приходилось перебазироваться. Благо, что спрятанные глубоко под землей звукорезонансные установки для бомбардировщиков были недостижимы.

Фокосская жара, к которой пришельцы за полтора века сумели приспособиться, для галеонцев была главным врагом. Постоянно ломались неприспособленные к жаре системы климат контроля, от чего внутри бронетехники становилось невозможно находиться. Выходила из строя электроника. Солдаты гибли от тепловых ударов и обезвоживания. Столь неестественные условия ведения войны заставили галеонцев изменить выбранную изначально тактику, и первым изменением были полуденные перерывы. Однако именно в полдень, когда галеонцы прятались в укрытия, пришельцы совершали диверсионные вылазки. Они могли обстрелять базу из минометов, выстрелить из противотанкового оружия по припаркованной бронетехнике или даже заложить взрывчатку под здание. Большого ущерба такие действия не наносили, но техника из-за них постоянно требовала ремонта, однако самое главное — их повсеместность и регулярность вселяли в галеонских солдат страх, потому что каждый день от этих диверсий гибло несколько человек. Ни один галеонский солдат, ни секунды не мог чувствовать себя в безопасности.

Воодушевление первых дней закончилось, и для измученных галеонцев военная авантюра перешла в ту стадию, когда ее первоначальные цели стали казаться несостоящими страданий, и каждый, пусть даже не произнося этого вслух, больше всего хотел завершения войны неважно с каким результатом.

Зэн шел по штабу командования, и мимо него проходили люди с хмурыми уставшими лицами. Все, кто занимался обороной Земли обетованной, последние несколько дней мало спали и не уходили с рабочих мест. Полковник Дсуэно вышел из командного центра, где находился постоянно с начала конфликта. Он подошел к кофе-машине, выбрал двойной кофе максимальной крепо-

сти и вставил палец в сканер ДНК. Мрачный взгляд полковника был устремлен в стену и, как будто проходя ее насквозь, уходил в бесконечность.

— Товарищ полковник, — обратился к нему Зэн. — Командующий Суджио просил меня встретиться с вами.

— Да... — Полковник не сразу оторвался от мыслей. — Здравствуй... Да. Конечно, ты должен лететь на Галеон. Там в скором времени начнутся очень важные события. Ты, скорее всего, будешь в них участвовать. Есть еще одно задание. Ты полетишь не один. Пилот, который тебя повезет — новичок, к тому же, не пришелец. Это конечно рискованно, но другого пилота на данный момент мы не нашли, так что твоя задача — понаблюдать за этим человеком.

— Понятно. А что за пилот? Пленный?

— Нет. Не знаю. Лей нашел его. Я не знаю, где он находит людей. Он как обычно вытащил козырь из рукава.

— Да, это похоже на учителя. Это все?

— Не совсем. Вы полетите на малом грузовом корабле, и на борту будет груз. Вам не положено знать, что за груз. Вы просто передадите его принимающей стороне на Галеоне. В общем, как обычно.

— Кто нас встречает?

— Подполье Цитадели, — в шутку ответил полковник. — Кен лично, скорее всего.

— А как на счет паспортов?

— Об этом не беспокойтесь. Их подготовят к вашему прилету.

— Липовые наверняка.

— Конечно, но паспортный контроль вам проходить не придется, а в полицейскую базу они занесены.

— Ясно.

— Пойдем в ангар, познакомимся с этим пилотом. Я по дороге расскажу еще кое-что.

В это время Лей и Джута уже шли по мостику, под которым в огромном ангаре стояли аппараты поразившие Джуту своей формой. Они имели корпус похожий на приплюснутую юлу или два сложенных вместе блюдца. Их совершенная радиальная симметрия и гладкий, без единой угловатости, корпус говорили о том, что аппараты спроектированы либо для очень быстрого вращения в воздухе, либо для вращения воздуха вокруг себя. Нижняя

часть корпуса в центре плавно сходилось к заостренной ножке, а верхняя — от краев к центру, плавно поднималась, образуя горку, которая была кабиной пилота. Иллюминаторов корабль не имел. Джута никогда не видела ничего подобного, и ее знаний в области авиастроения не хватало для того, чтобы определить, благодаря чему летает этот аппарат и где у него двигатель.

— Интересные аппараты, — подумала Джута вслух. — Никогда таких не видела.

— Только не спрашивай меня, как они летают. Это государственная тайна.

Джута не стала спрашивать, но, увидев, как одно из блюдечек взлетает, сама поняла причину такой формы. Перед тем, как аппарат поднялся вверх, над ним образовался вихрь, который было видно по затянутой в него пыли. Созданная тем самым разница скоростей воздушных потоков, очевидно, давала подъемную силу, которая и поднимала аппарат вверх. Судя по черному цвету, все аппараты были покрыты радиопоглощающим материалом, а их форма и отсутствие выступающих частей делали защиту от обнаружения еще эффективней.

Когда Зэн с полковником добрались до ангара, Джута, уже одетая в черный комбинезон пилота, о чем-то беседуя с Леєм, стояла возле вполне обычного легкого транспортника.

— Познакомьтесь, полковник, это Джута, — сказал Лей на алларийском.

— Здравствуйте, — поприветствовал ее полковник на катонийском, от чего Джута немного растерялась.

— Она не говорит на катонийском, — улыбнувшись, сказал Лей.

Полковник не подал вида, но сказанное Леєм его шокировало.

— Ну что ж, Зэн, Джута, вы уже знакомы, — сказал Лей. — Готовьтесь к взлету, а я пока поговорю с товарищем полковником.

Зэн и Джута направились в корабль, а Лей отвел Дсуэно в сторону и начал говорить на катонийском:

— Я когда-нибудь ошибался в людях? — спросил он со свойственной ему хитрой улыбкой.

— Нет, но она даже не говорит на катонийском!

— И что?.. Девяносто процентов людей в мире не говорят на катонийском. Это не значит, что все они наши враги.

— Вы давно ее знаете? Кто она?

— Недавно, но она уже участвовала в специальных операциях на нашей стороне и показала себя с очень хорошей стороны.

— Как она могла участвовать?

— Случайно, — сказал Лей и снова хитро улыбнулся. — Эта девочка сильно зависит от нас. К тому же... Знаете, полковник, нет человека более преданного, чем влюбленная женщина.

— Влюбленная? В кого?

— В Зэна конечно, не в меня же.

— Неудачное вы нашли время для сводничества, — раздраженно сказал полковник. — Как вы по одному виду человека можете утверждать друг он или враг?

— Я бы не прослужил так долго в разведке, не умей я этого делать, — ответил Лей.

Через пол часа корабль Джуты и Зэна покинул Фокос.

Эпизод 7

Соединенные черной

На заре космонавтики, в эпоху ракет, люди мечтали о межзвездных путешествиях на огромных кораблях с мощными ракетными двигателями, однако развитие технологий постепенно опустило мечтателей с небес на землю. Даже с изобретением термоядерных ускорителей и сверхлегких композитных материалов время перелета даже между ближайшими планетами — Титаном, Фокосом и Галеоном — составляло от суток до недели. Чем более амбициозные задачи ставили перед собой инженеры, тем с большим количеством проблем им приходилось сталкиваться. Термоядерные ускорители, хотя и обладали огромной мощностью, их режимы работы и побочные эффекты не позволяли использовать их для маневров. Они были пригодны лишь для разгона и торможения. Если подобный ускоритель выходил на установленную мощность, изменить ее было невозможно. Ускоритель можно было только погасить. Другим ограничением были перегрузки. Достаточно мощные двигатели, конечно же, могли разогнать и затормозить корабль очень быстро, но это убило бы всех, кто находился в нем, поэтому девяносто процентов пути от планеты до планеты занимали разгон и торможение. Время и стоимость перелета сильно зависели от массы корабля. Чем меньше масса, тем меньшей инерцией обладает корабль, а значит, меньше энергии требуется для вывода его на заданную скорость. Несмотря на то, что сделанный из композитов корпус был относительно легким, другие части судна обладали огромной массой, понизить которую не представлялось возможным. Реактор для выработки электри-

чества, защита от космической радиации, бортовые системы, — все это весило невероятно много. Накладные расходы на перевозку полезного груза несколькими малыми кораблями всегда были значительно выше, чем, если бы тот же груз перевозился одним большим транспортником. Отсюда возникала дилемма: везти быстро и дорого, либо медленно, но дешево. Чаще всего перевозчики выбирали второй вариант.

Однако в отрасли пассажирских перевозок периодически возникали идеи сверхскоростных межпланетных рейсов. Проблема таких рейсов заключалась в том, что, даже если удалось бы сделать космический корабль размером с пассажирский авиалайнер, путь от планеты до планеты все равно составлял бы как минимум трое суток. При этом пассажиры испытывали бы перегрузки до 2G. Естественно, такие условия перелета были неприемлемы. Помимо дискомфорта, это было бы просто опасно для жизни, потому что образование тромбов в крови, которое возможно при длительном нахождении в фиксированной позе, могло бы привести к гибели некоторых пассажиров. Одним из решений было вводить пассажиров в анабиоз на время полета. В этом состоянии человек смог бы находиться в правильном фиксированном положении сколь угодно долго, незаметно перенося перегрузки. Прогресс в этом направлении шел с большим трудом. Одни средства вызывали привыкание, другие — аллергию, третьи были слишком дороги, но, даже решив все медицинские проблемы, перевозчики столкнулись с другой — той, которую решить так и не удалось. Люди просто боялись впасть в анабиоз. Подобное состояние у многих ассоциировалось со смертью, а после того, как у нескольких пассажиров первых таких рейсов по неизвестной причине остановилось сердце, лайнеры, перевозившие спящих пассажиров, начали называть «труповозами». Одна мысль о подобном способе перелета вызывала у людей панический страх. Вскоре, подобные рейсы запретили как небезопасные. Идея сверхскоростных перелетов была оставлена навсегда, а людей между планетами продолжили перевозить медленные, но весьма надежные космические лайнеры.

Одним из таких кораблей был лайнер «Восход». Он курсировал по замкнутой орбите, перевоза пассажиров и грузы между Титаном и Галеоном. Корабль представлял собой огромную многослойную сферу, вращающуюся вокруг стержня, которым был

термоядерный ускоритель с реактором в самом центре. Непосредственно над стержнем располагались крепления для грузовых контейнеров. Помимо своего основного назначения, контейнеры защищали внешнюю, пассажирскую, сферу от радиации машинного отделения. Внешняя сфера состояла из восьми радиальных ребер, называемых меридианами и одного кругового — экватора. В этих ребрах располагались каюты, развлекательные центры, поликлиники, центры управления и другие элементы инфраструктуры. Это был целый город, в который люди прибывали отдыхать и развлекаться неделю, пока корабль летел от планеты до планеты.

В детский парк развлечений вошла молодая женщина с маленьким мальчиком, которого она держала за руку так крепко, как будто боялась, что его у нее отберут. Не похожие на алларийцев, которые традиционно наряжались, выходя в публичные места, и женщина и ребенок были одеты скромно. Водя недовольным взглядом по сторонам, женщина стояла на месте, не решаясь двинуться в какую-либо сторону, потому что видела вокруг себя множество приспособлений для разорения детьми своих родителей.

Измученный взгляд мальчика несколько минут хаотично бегал, перескакивая с аттракциона на аттракцион, пока не остановился на картодроме в самом центре парка. Мальчик пошел вперед, но рука мамы тут же грубо отдернула его.

— Стой! — рявкнула на него женщина. — Стой рядом. Даже и не думай ни о чем меня просить. Твой папа не оставил нам ни гроша. — Женщина еще раз недовольно посмотрела по сторонам и добавила: — Да и ты уже большой, чтобы на каруселях кататься.

От самого входа в парк за женщиной следовала гадалка. В черном платке с катонийской вязью, обвешанная амулетами, она походила на древнюю лесную ведьму, однако полное отсутствие следов отравления магией говорило о том, что колдуньей она на самом деле не была. Гадалка постояла рядом, подслушивая разговор матери и ребенка, после чего подошла ближе.

— Дай погадаю, — сказала она слабым хриплым голосом. — Все о тебе вижу. Всю правду скажу...

— Отстань, — ответила женщина. — Денег нет.

— Нóра тебя зовут, а сына твоего — Даг, — произнесла гадалка, хитро, но доброжелательно улыбнувшись.

От услышанного женщина оторопела, а гадалка продолжила, неумело изображая катонийский акцент и подражая строю катонийского языка:

— Муж тебя бросил. В столицу летишь. За счастьем летишь. Тяжелая жизнь тебя ждет. Опасностей много...

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — испуганно спросила женщина.

— Ветер нашептал, — ответила гадалка. — Будь щедрой — тайну тебе открою.

— На, вот. — Испуганная Нора достала из кармана мелочь и отдала женщине.

— Человека по имени Хáрра бойся, — грозно сказала гадалка, спрятала деньги и отошла ко входу в парк.

Зайдя за будку охранника, чтобы спрятаться от толпы, гадалка сняла платок, и оказалось, что она не так стара, как хотела казаться — ей было всего около пятидесяти лет. Пересчитав деньги, полученные от Норы, гадалка достала сигарету и закурила, с грустью вспоминая свое прошлое. Галеонская продавщица любви, отработав свое, перевоплотилась в гадалку. От богатых и очень суеверных галеонских бизнесменов она получала здесь иногда больше, чем в былые времена в Цитадели, а самое главное — нынешняя работа доставляла ей огромное удовольствие. Особенно ей нравилось, делаясь выручкой с друзьями из обслуживающего персонала, рассказывать о своем очередном «пациенте», как она их называла. Она считала всех галеонских богачей глупыми трусливыми тварями и от раза к разу доказывала себе это. Так она мстила за всю ту грубость, которой натерпелась за свою жизнь. К Норе гадалка подошла не для того, чтобы заработать денег, а чтобы из профессиональной солидарности помочь. Ясно представляя себе ее дальнейшую судьбу, гадалка предупредила Нору об известном в Цитадели сутенере Харре Н-Гомо, который отличался особой жестокостью и промышлял продажей девушек в рабство. Гадалке даже было стыдно за то, что она взяла у Норы деньги, и потому ей приходилось мысленно убеждать свою совесть в том, что за такое предостережение Нора должна ей больше.

Тем временем капитан корабля стоял за спинкой кресла стар-

шего навигатора и нервно катал между пальцами стилус, глядя на огромное белое пятно на мониторе. Наконец, строка прогресса на экране сменилась списком характеристик объекта.

— Всего девять процентов, — сказал навигатор, как бы утешая капитана. — Облако древнее, разряженное, вряд ли там могут быть слезы. Если только оно не соприкасалось с другими облаками.

— Если только... — пробормотал капитан и нервно стукнул стилусом по спинке кресла. — Чертовы метеослужбы! Они видели это облако и дали зеленый коридор, даже не предупредив!

— Это нормально, — спокойно сказал навигатор, — Девять процентов считается безопасной вероятностью. Все, что ниже десяти округляется до нуля.

— Да знаю я, черт возьми, как у них все округляется! Могли хотя бы предупредить. Мы можем его облететь?

Навигатор начал быстро вводить вероятные курсы обхода, чтобы рассчитать расход топлива.

— К сожалению, мы не можем его облететь, — ответил навигатор. — Облако падает на Солнце с большой скоростью. Облететь его по внутреннему радиусу у нас не хватит мощности. С другой стороны, если мы затормозим чтобы пропустить его, то сойдем с орбиты и начнем падать параллельно с ним. Наиболее оптимальным маневром в данной ситуации был бы облет с выходом вверх из плоскости эклиптики, но если мы это сделаем... — Навигатор глубоко вздохнул. — Мы конечно обойдем облако, но, вернувшись на траекторию, мы израсходуем почти все топливо, и нам не хватит, чтобы затормозить.

— Понятно, — тихо сказал капитан. — Какой максимальный маневр мы можем совершить?

— Не очень большой. Мы заправлены в обрез. Мы можем, конечно, попытаться немного сместиться вверх, но мы все равно пройдем через облако в его достаточно плотной части. Это не имеет смысла в данной ситуации.

— Сколько до входа в облако?

— Четыре с половиной часа, если не менять курс.

— Курс сохранять. Скорость увеличить до максимальной. Чем быстрее мы пройдем это облако, тем лучше. — Сказав это, капитан удалился.

Среди космонавтов действовало негласное правило: избегать

облаков черны, какой бы низкой не была вероятность встречи с демонами. «Черные отшельники», как называли древние, отделившиеся от Пояса черны тысячи лет назад облака, были безопасны, однако даже их капитаны космических судов по возможности обходили стороной. Из-за перерасхода топлива транспортные компании теряли на этом суеверии значительные деньги, но негласное правило соблюдали все космонавты и менеджеры уже оставили попытки с этим бороться. У капитана «Восхода» не было выбора. Обход облака неминуемо привел бы к вылету с орбиты. Потребовалась бы сложная операция для спасения корабля, и для капитана это стало бы концом карьеры, потому что обходить облако не было никаких причин, кроме дурного предчувствия суеверного космонавта.

Через некоторое время по громкой связи раздался голос капитана.

«Внимание персоналу. Код один-ноль-три. Повторяю, код один-ноль-три». — Это означало желтую демоническую угрозу. Служба сервиса должна была занять позиции для начала эвакуации, а бортинженеры — проверить готовность аварийных систем и активировать спасательные капсулы.

В парке тем временем все шло своим чередом. Дети с родителями веселились, не обращая внимания на суетящихся, слегка напуганных стюардесс и стюардов. Толпа людей собралась вокруг построенной на скорую руку цирковой арены. Представление было рекламной акцией компании перевозчика, и потому вход был свободный. Труппа цирковых артистов из города Пиньян, летевшая на гастроли в Цитадель, должна была показать небольшое представление с участием фокусников, акробатов и знаменитых нигорских наездников. Маленький Даг с матерью сидели на самом краю трибун, непосредственно у того места, откуда выходили артисты. На арене выступал наездник. При помощи одних лишь ног и длинной тонкой трости он заставлял лошадь приплясывать, перепрыгивая с ноги на ногу, вставать на дыбы, ходить то левым то правым полубоком, но все это мало интересовало Дага. Его взгляд был прикован к маленькой девочке, разминавшейся за кулисами. Ее миниатюрное, обтянутое серебристым комбинезоном, тело поражало Дага своей гибкостью. Девочка легко забрасывала то одну то другую ногу через спину на плечо и, закрыв глаза, с серьезным выражением лица потягивалась. Даг не мог оторвать

взгляда от этого зрелища. Наконец, всадник покинул арену, и маленькая акробатка встала перед кулисами. Девочка закрыла глаза, сделала глубокий вдох и бросила кокетливый взгляд на своих ассистентов, как будто спрашивая: «Ну что, хороша я?» «Хороша», — улыбками ответили они, и девочка выпорхнула на арену, умиляя зрителей своими огромными карими глазами и сияющей улыбкой.

— На арене семья Пикаль! — объявил конференсье. — Сафир, Есин и маленькая Никьян. Встречайте!

Зал разразился аплодисментами. Ассистенты вышли на арену, держа на плечах тонкую упругую доску. Они опустили доску на пол в центре манежа и, когда Никьян встала на нее, подняли обратно на плечи. Акробаты подбрасывали девочку в воздух, сосредоточенно наблюдая за полетом, и маленькая Никьян порхала, так легко и естественно, что, казалось, падение ей совсем не угрожает, и зрители любовались ее прыжками, ни сколько не беспокоясь, как не беспокоились бы, наблюдая за птицей, летящей в небе. Удары сердца маленького Дага отсчитывали колебания доски, а дыхание слилось с прыжками Никьян в единый такт: прыжок — вдох, приземление — выдох. Ему хотелось стоять внизу, чтобы подстраховывать ее, хотелось уйти с ней за кулисы, хотелось приблизиться, прикоснуться... Она стала центром его вселенной и расстоянием до нее измерялась теперь степень его счастья. Дерзкая мысль посетила Дага — сбежать, прибиться к цирку, убирать за лошадьми, делать любую работу лишь бы только быть рядом с ней.

Артисты закончили выступление, и Никьян начала раздавать воздушные поцелуи. Случайно, нарочно ли, но один из них она послала прямо Дагу. Их взгляды на мгновение пересеклись, и Даг смущенно опустил глаза, а Никьян вприпрыжку убежала с арены. За кулисами ее улыбка сменилась серьезным выражением лица. Слегка прихрамывая, Никьян присела на какой-то ящик и показала стопу одному из своих ассистентов, который, по всей видимости, был ее отцом. Он внимательно посмотрел на маленькую ножку, после чего взял девочку на руки и куда-то унес.

— Мам, она ногу подвернула, — сказал Даг, пытаясь привлечь внимание Норы.

— Кто?

— Та девочка.

— Еще бы — так скакать.

Безразличие матери разозлило Дага. Он больше не смотрел представление, а как обычно погрузился в мир фантазий, где теперь рядом с ним была Никьян, и где никогда не было его родителей.

Уже на пути к выходу из парка Даг снова увидел Никьян. Она стояла у картодрома со своими родителями и уже ничем не отличалась от остальных детей, но ее хитрая улыбка, с которой она наблюдала, за картами казалась Дагу ни на чью не похожей и самой прекрасной в мире. Маленькая Никьян любила смотреть на соревнующихся мальчиков. В эти секунды она представляла себя кем-то вроде принцессы, и будто бы они соперничают за ее руку и сердце.

— Я хочу участвовать в гонке, — решительно заявил Даг.

— Глупости не говори! Ты еще маленький.

— Почему глупости! Я умею картом управлять. Я много раз управлял.

— Когда это ты успел? — с усмешкой спросила Нора.

— Когда мы с папой ходили на картодром. Меня папа научил.

— На какой картодром? На летном поле?

— Да.

— И давно вы туда ходили?

— Год... почти... — растерянно проговорил Даг, испугавшись злости, которая нарастала в Норе.

— Ах, он тварь, твой папа! Значит, он год туда ходил к своей Лис, — говорила Нора сама с собой. — А потом устроился туда работать. Вот тварь!

Взбешенная Нора потащила Дага к выходу, мгновенно забыв о его желании участвовать в гонке, и Даг не сопротивлялся, зная, что, когда мать в таком состоянии, с ней лучше не разговаривать. Обернувшись, он успел бросить лишь один взгляд в сторону Никьян до того, как толпа заслонила ее.

Нора нервно выкурила несколько сигарет, перед тем как лечь спать, а когда легла долго ворочалась и не могла заснуть. «Если бы у нее были деньги, она напилась бы, а если не напилась, значит денег у нее и правда нет», — рассуждал Даг, лежа в полной темноте и вспоминая все, чего натерпелся от матери за свою жизнь. «Ты мое дерьмо! Я тебя вы***ла, я тебя и убью», — кричала однажды на него Нора, когда ее мучило похмелье, а Даг,

чтобы вывести мать из запоя, спрятал ее деньги и вылил всю выпивку. Вспоминал он и то, как Нора учила его грамоте. Обладая хорошей памятью, Даг быстро выучил буквы, но испорченные нервы не позволяли ему писать чисто. Плохие оценки сына выводили Нору из себя. В порывах гнева она называла его умственно отсталым, и заставляла переписывать первую попавшуюся книгу. При этом она стояла сзади, следя за тем, как Даг пишет, подгоняла его и отвешивала подзатыльник за каждую пометку, при этом оскорбляя сравнением в глупости с его отцом. Писать чисто Даг не научился, а от уроков Норы у него осталась лишь ненависть к алларийскому языку и алларийской литературе.

Вспоминая все это, Даг не плакал, потому что за плач Нора называла его девчонкой, и он научился заставлять себя не плакать. И еще, он научился не делиться с матерью своими радостями. Не рассказал он ей и никогда не рассказал бы о Никьян, потому что скажи она специально или по глупости о ней что-нибудь дурное, это доставило бы Дагу сильную боль. Даг искренне ненавидел Нору, при этом она считала его плохим ребенком, а себя хорошей матерью, чем оправдывала любое свое поведение.

Даг и не заметил, как его мысли плавно превратились в сон о том, как он победил в гонках, и о том как, стоя на подиуме, он улыбается прекрасной Никьян, а она улыбается ему. Внезапно, его разбудил сигнал громкой связи.

«Внимание пассажирам. Срочная эвакуация. Возьмите документы, деньги и ценные вещи. Следуйте инструкциям стюардов». — Снова и снова это сообщение повторялось отовсюду.

Нора спешно оделась, схватила Дага за руку и выбежала в коридор, где царила не паника, а скорее неразбериха. Разбуженные люди плохо понимали, что происходит и от того сильно суетились. Интуитивно следуя вдоль ярко светившихся на стенах и потолке стрелок, люди медленно шли по коридорам, а стюарды их направляли. На узких лестничных клетках между этажами жилых помещений образовались давки, в одной из которых рука маленькой Никьян выскользнула из руки ее мамы и, в то же мгновение толпа разделила их. Поток людей унес родителей Никьян вперед, а ее вытеснил в сторону. Даг заметил ее совершенно случайно. Она плакала, сидя на клумбе этажом ниже, на противоположной стороне огромного атриума.

— Там девочка потерялась! — крикнул Даг, дернув за штанину одного из стюардов.

— Проходите прямо и налево, — сказал стюард, посмотрев на Дага стеклянными, ничего не понимающими глазами.

Река людей несла Дага с матерью дальше, пока они не оказались в секции, где стюарды равномерно распихивали приходявших пассажиров по тесным спасательным капсулам. Через некоторое время, в толпе показались родители Никьян. Мать умоляла стюардов найти ее дочь, но те лишь равнодушно проталкивали людей вперед, повторяя одни и те же заученные фразы. Даг сидел у самого края спасательной капсулы и пристально наблюдал за входившими людьми, выискивая взглядом Никьян, но ее среди них не было. Поток людей прекратился и, вот уже одна капсула с гулом отошла от корабля, и Даг понял, что Никьян просто забыли, и никто не собирается ее искать. Даг полностью осознавал, что корабль гибнет, и потому понимал, что будет с Никьян, если она останется на корабле. Однако он был в том состоянии, в котором страх за другого человека затмевает любой другой, даже страх собственной смерти. Даг выдернул руку из руки Неры так резко, что порезался о ее длинные ногти. Пулей вылетев из спасательной капсулы, он изо всех сил побежал к тому месту, где видел в последний раз Никьян. В ту же секунду какой-то молодой стюард побежал за ним. Быстро догнав, юноша схватил Дага за кашубон толстовки, но тут же получил от него удар ногой в колено. Даг вывернулся из захвата и побежал дальше, а стюард из-за боли еще некоторое время не мог преследовать его.

По громкой связи раздался голос капитана: «Ребенок на четвертом уровне, у выхода из жилой секции в атриум. Повторяю для тех, кто бегает по второму уровню жилой секции А. Она на четвертом уровне, у выхода в атриум, возле главных лифтов».

Никьян заблудилась. Она бродила по кораблю в поисках людей, но ни стюардов, ни пассажиров нигде уже не было. Лишь капитан все еще оставался в командном центре и наблюдал за тем, как на большом плане корабля две зеленые точки приближались к третьей, а огромное красное пятно медленно поглощало корабль снаружи внутрь. Происходила катастрофа столь невероятная, что предотвратить ее было невозможно, даже соблюдая все правила и предписания. На пути корабля встал объект, принятый за метеорит, но оказавшийся древней слезой. Она была

покрыта толстым слоем пыли и потому ослеплена, и не атаковала бы корабль, пролетев даже в нескольких метрах от него. Однако столкновение было неизбежно, и навстречу объекту были высланы роботы для того, чтобы сдвинуть его с пути. Пытаясь зацепить объект, роботы счистили пыль, и слеза ожила.

Даг обнаружил Никьян плачущей, сидя на лестнице между третьим и четвертым уровнем. Уже порядком выдохшийся стюард догнал его почти сразу.

— Так вот, кого ты искал, — сказал он сквозь одышку. — Ну, побежали обратно.

Втроем с Никьян они побежали назад — к шлюзу, по лестнице на первый уровень. По дороге, Даг думал, как бы незаметно прошмыгнуть в ту капсулу, где были родители Никьян, чтобы затеряться среди спасшихся, попроситься в цирк и никогда больше не увидеть Нору. Мысль о встрече с ней пугала Дага больше всего, а возможность собственной гибели он пока еще плохо осознавал, поэтому, когда увидел, что дверь в шлюз закрыта, то вместо паники он испытал облегчение. Цифровая панель не светилась, и лишь надпись «заперто» горела над ней красным. Стюард несколько раз ткнул пальцем в панель, понимая, однако, бесполезность этого действия, после чего начал нервно смотреть по сторонам. Оставалось еще несколько входов в шлюз, однако то, что одна дверь в него заблокирована, означало, что и все остальные заперты тоже. Капсулы, скорее всего, уже отделились.

— Капсул больше нет, — произнес капитан по громкой связи. — Уходите оттуда как можно скорее обратно к лестницам. Бегом! — говорил капитан спокойным и решительным голосом.

— Откройте! Там мои мама и папа! — закричала Никьян и бросилась колотить крохотными кулачками огромную металлическую дверь, которая от ее ударов не издавала ни единого звука.

За дверью вдруг что-то вспыхнуло. Маленьким Никьян и Дагу не хватило роста, чтобы дотянуться до смотрового окна, и только стюард мог видеть, как яркий огненный смерч заполняет шлюз.

— Бежим отсюда, — заторможено проговорил юноша, и, крепко схватив детей за руки, вначале попятился, а потом быстро пошел к лестницам, постоянно оглядываясь назад.

— С вами говорит капитан корабля, — сказал голос по громкой связи. — Если хотите выжить, слушайте мои указания и под-

чиняйтесь им беспрекословно. Спасательных капсул больше нет. Я проведу вас в убежище на корабле. По ближайшим лестницам поднимайтесь на восьмой уровень.

Капитан отключил все лифты, чтобы не было соблазна ими пользоваться. Стюард с детьми, этаж за этажом, поднимались вверх по лестнице, которую обычно никто никогда не использовал. Где-то далеко верху раздался хлопок, и двойные герметичные створки тут же задраили выходы с лестничной площадки на этажи.

Голос капитана снова прозвучал на восьмом уровне.

— На шестнадцатом уровне разгерметизация, — сказал он. — Нужно надень маски.

Маски с небольшими кислородными баллонами лежали в специальных ящиках, которые повсюду можно было встретить на корабле. Были они и на лестничных площадках каждого уровня. Стюард достал три комплекта и быстро надел маски вначале на себя, а затем на детей.

— Послушай, парень, — сказал капитан. — Ты должен сделать еще кое-что. В соседней комнате находится живой человек. Он возможно без сознания. Ты можешь спасти его. У тебя есть немного времени. Ты можешь хотя бы проверить, что с ним. Подойди к двери, когда будешь готов.

Стюард подошел к двери, и капитан продолжил.

— Ты должен делать все очень быстро. Комната 8-11, вправо по коридору, по левой стороне, — говорил капитан, выдерживая паузы между фразами. — Заходишь в номер, смотришь, можешь помочь — помогаешь, не можешь — уходишь.

Стюард кивнул головой.

— Ждите здесь, — сказал юноша Дагу и Никьян. — Я быстро вернусь.

Герметичная дверь отъехала в сторону, а за ней и обыкновенная, из прозрачного пластика, который уже был совсем непрозрачным из-за покрывавшего его конденсата. В коридоре было холодно и сыро. Вырывавшийся в космос воздух стремительно уносил тепло.

— Мои уши! — вскрикнула Никьян, обхватив голову.

— Не бойся, это давление, — успокоил ее Даг. Он хотел было обнять ее за плечи, но смущение не позволило ему.

До указанного капитаном номера стюард добрался мгновенно.

но. Дверь была приоткрыта, и он вошел внутрь. В комнате, освещенной лишь светом из коридора, на кровати лежала высокая и стройная юная блондинка. Уткнувшись лицом в подушку, она лежала на самом краю так, что ее левая рука свисала вниз. Из одежды на девушке была лишь задранная до самой груди майка и трусики, болтавшиеся на лодыжке. Рядом с кроватью, на полу, валялась надорванная упаковка с торчащим из нее презервативом, а на столе стояла бутылка и три пластиковых одноразовых стаканчика, один из которых был опрокинут. Жидкость, разлитая по столу, воняла алкоголем.

Преодолев секундное смущение, стюард попытался разбудить девушку, но на его попытки она отвечала лишь недовольным сопением и в сознание не приходила. «Бесполезно», — подумал стюард. Он грубо приподнял девушку за бедра, надел трусики как положено, после чего, перевернув на спину, взял ее на руки и вынес из номера. Когда стюард вернулся на лестничную площадку, Даг уже ждал его с кислородным баллоном, и стюард положил девушку рядом с ним. Из ее рта распространялся тот запах, по которому Даг определял, что вечером скорее всего будет скандал. Почувствовав этот запах, Даг непроизвольно потупил взгляд и, отдав баллон стюарду, сразу же отошел к Никьян.

— Теперь слушайте внимательно, — сказал капитан. — Вы должны как можно скорее добраться до технологического коридора на последнем, семнадцатом, этаже. По коридору вы попадете к лифту — это единственный лифт, который работает. Он доставит вас в машинное отделение. Там вы без моей помощи, по указателям, должны будите найти реакторный отсек. Вы должны надеть скафандры и выйти в подреакторное помещение. Место прямо под активной зоной — единственное, куда демоны не доберутся.

— Пойдем! — крикнул Даг, схватил за руку Никьян и побежал вверх по лестнице. Далее он руководил спасением, а заторможенный от страха стюард с пьяной девушкой на руках лишь следовал за ним. Вскоре, однако, Даг выдохся, и уже Никьян тянула его вперед. Ему вдруг стало стыдно и завистно, от того, что девочка оказалась выносливей его, и он изо всех сил пытался выдерживать ее темп.

Герметичные двери лишь удерживали воздух внутри лестничной шахты, но хорошей теплоизоляции не обеспечивали, по-

этому на шестнадцатом этаже, вблизи эпицентра разгерметизации, уже стоял лютый мороз.

— Ай! — вскрикнула Никьян и схватилась за стопу.

— Что с тобой, малышка? — спросил стюард.

— Нога болит, — выговорила Никьян сквозь слезы. — Мне холодно.

Мысленно, Даг схватил ее на руки и понес дальше, но на самом деле он был недостаточно силен для этого. Переполненный ненавистью к себе, он снял толстовку и начал надевать на Никьян.

— Вот, надень, — говорил Даг дрожащим от холода голосом, мысленно клянясь себе, что когда вырастит, станет таким сильным, что сможет поднять Никьян одной рукой.

Опираясь на Дага, Никьян дохромала до лифта, где было уже немного теплее. Когда двери закрылись, она поспешила вернуть толстовку.

— Одень, а то простудишься, — сказала она.

— Да ладно, можешь забрать себе, — ответил Даг.

— Спасибо, мне уже не холодно, — пытаюсь скрыть озноб, проговорила Никьян. — Одень, а то замерзнешь. — С этими словами она сама начала натягивать толстовку на Дага.

Он впервые испытал на себе такую заботу — искреннюю и ненавязчивую — совсем не такую, какую давала ему Нора, для которой репутация заботливой матери была важнее переживаний собственного ребенка. Ее забота была параноидальной, почти всегда неуместной, чрезмерной, и для мальчика иногда даже унижительной, но что более всего злило Дага, так это то, что за свою неумелую заботу Нора заставляла его быть благодарным, и постоянно упрекала в отсутствии должной благодарности, иногда сравнивая с отцом. Поэтому Даг ненавидел заботу, и мечтал о том времени, когда сможет полагаться только на самого себя.

Следуя указателям «Главный реактор», они шли по коридорам машинного отделения. Голос капитана уже не направлял их. Никьян перестала плакать, потому что была хоть и маленькой, но женщиной и присутствие рядом хоть и маленького, но мужчины придавало ей уверенности.

Реакторный отсек находился на самом верхнем этаже машинного отделения. Он представлял собой небольшое цилиндрическое помещение с двумя пультами управления с одной стороны и

выходом к шлюзу с другой. Из-за высокого уровня радиации, находится в реакторном отсеке более получаса, было небезопасно, поэтому за состоянием реактора операторы следили из центрального командного пункта, а сюда заходили только в экстренных случаях. Само же подреакторное помещение находилось за пределами герметичной оболочки корабля. Оттуда, в случае крайней необходимости, можно было вручную устранить любую неисправность. Для проведения работ в открытом космосе использовались скафандры, висевшие в ряд, вдоль стены, у шлюза.

Скафандры были рассчитаны на взрослых, и потому у Никьян и Дага с ними возникли проблемы. К тому же девушка, которую стюард нес на себе, все еще была без сознания, и нести ее дальше одетую в скафандр было практически невозможно. И здесь способность Дага к решению нестандартных задач впервые проявила себя. Он подкатил тележку для инструментов, которую рабочие обычно использовали при проведении работ без отключения искусственной гравитации. Стюард тут же понял замысел Дага и положил скафандр животом на тележку, после чего буквально заправил девушку в него. Когда стюард закрыл скафандр, датчики на руке показали, что все системы жизнеобеспечения в норме, и выход в открытый космос можно осуществлять.

— Ты можешь залезть мне на шею? — спросил Даг у Никьян.

— Зачем? — переспросила она в недоумении.

— Так мы поместимся в скафандр. Ты будешь смотреть, а я ходить.

Никьян кивнула в знак согласия. Не медля ни секунды, Даг забрался в один из скафандров, но его ноги не доставали подошв. Тут же Даг придумал решение. Он снял с тележки два фонаря и вставил по одному в каждую из штанин, после чего снова залез в скафандр и вставил стопы в ручки фонарей. Их длины хватило как раз.

— Залезай! — сказал он Никьян.

Она ловко забралась ему на плечи, и ее голова оказалась ровно в шлеме скафандра; сложенные вместе Никьян и Даг имели рост невысокого взрослого человека. Натянув рукава скафандра насколько это было возможно, Никьян аккуратно уперлась руками в стену, а Даг попытался отойти назад. Сделав это, он почувствовал себя твердо стоящим на ногах в хорошем равновесии, но, куда ему было идти, он не видел.

— Повернись влево, — сказала Никьян, аккуратно тронув левой ногой Дага под бок.

Ходить с фонарями на ногах оказалось ужасно неудобно. К тому же, колени Дага не совпадали с коленями скафандра, от чего приходилось переваливаться с ноги на ногу подобно пингвину.

— Теперь два шага вперед, — сказала Никьян и снова тронула Дага, но уже двумя ногами — Я обопрусь на тележку, чтобы тебе было легче.

Даг сделал два шага вперед. Скафандр был так устроен, что в нем можно было совершать только движения предусмотренные конструкцией. Из-за этого упасть в нем было достаточно сложно.

— Повернись чуть-чуть вправо, — сказала Никьян, тронув Дага ногой теперь в правый бок. — Стоп!

Никьян положила руки на тележку, и давление на плечи Дага немного уменьшилось. Стюард тем временем сам надел скафандр.

— Ну, что, пошли, — сказал он. — Держитесь за тележку, я буду вас тащить.

Почувствовав, что тележка движется, Даг быстро посеменил за ней.

Подреакторное помещение было похоже на строительные леса, прилежавшие вплотную к корпусу корабля. Металлический каркас, образовывавший длинный коридор был обтянут крупной сеткой по бокам и мелкой внизу. Колеса тележки сбивали с нее черну, которая, поблескивая инеем, быстро падала вниз тонкими струями. Сквозь негустой серый туман она падала на истерзаный корпус лайнера, обшивка которого была усеяна большими и малыми отверстиями круглой формы. Кромки некоторых были покрыты белым льдом из замерзшего газа. Кое-где из отверстий еще выходил воздух, унося в открытый космос обломки корпуса, предметы быта, одежду, оборудование корабля... Не было видно ничего, что могло бы стать причиной таких разрушений — как будто корабль, потеряв прочность, распадался на части сам.

На развалинах парка бушевал голлем. Имея собственное тело размера не большего, чем у амебы или огненного шара, голлем, как было свойственно демонам его вида, управляя гравитацией, налепил на себя тонны мусора и все валуны, из которых был выстроен огромный водопад. Из небольшого паукообразного существа демон превратился в каменного гиганта размером с

трехэтажный дом. Метая гранитные глыбы, подбирая и снова метая, он пытался выбить из укрытий цирковых животных, разбежавшихся из своих разбитых клеток. Маленькие собачки и большие хищные кошки в панике метались от одной кучи обломков к другой, уворачиваясь от прицельно летящих в них камней. Однако давление падало, и, постепенно, одно за другим, животные на ходу теряли сознание, отдавая магию демонам. Обесточенные модули внешней оболочки корабля гасли, как будто исчезая бесследно, и, вскоре, огромный, еще недавно переливавшийся огнями шар полностью растворился во мгле. Лишь в самом его центре, под двумя слоями грузовых контейнеров, тусклые прожекторы еще освещали красноватым светом центральный реактор.

Стюард помог детям положить скафандр на спину, чтобы тем было удобней лежать, после чего сам присел рядом. Уставший Даг кое-как протиснулся наверх, чтобы осмотреться. Внизу, за решеткой, виднелась лишь черная пустота, а прямо над скафандром светил красный фонарь. Его свет, хотя и был противно тусклым, распространялся довольно далеко, обрываясь в том месте, где корпус корабля, закругляясь, уходил вверх. Рядом с фонарем назойливо белели цифры 417.

Время как будто остановилось, и минуты были неотличимы от часов. Красный светодиодный фонарь светил не мерцая; стюард сидел неподвижно и, по всей видимости, спал; пьяная девушка так и не приходила в себя. Не было ни звука, ни единого движения, и лишь по биению собственного сердца, отчетливо слышимого в полной тишине, каждый мог ощущать неспешный ход времени.

Даг испытывал неведомое ему прежде удовольствие от того, что чувствовал своей грудью дыхание Никьян, и от того, что имел возможность гладить ее по спине и ощущать уголком губ нежную кожу ее шеи.

«Четыре. Один. Семь... Четыре. Один. Семь...» — считала Никьян, уставившись в белеющую надпись. Сорвавшаяся слеза прокатилась по ее щеке и упала на щеку Дага.

— Не плачь, все будет хорошо, — тихо сказал Даг.

— Я хочу к маме, — всхлинула Никьян.

— Ты обязательно ее увидишь, — сказал Даг неуверенно, потому что понимал, что лжет.

Вскоре, оба заснули. Во сне Никьян прижала голову Дага к себе, как будто это была ее плюшевая игрушка, и Даг старался не шевелиться, чтобы не разбудить Никьян. Уставшие дети крепко спали до тех пор, пока их не разбудил сильный толчок, за которым последовало ощущение, что тело становится все легче и легче. Даг проснулся первым и, приподняв голову, увидел, что на дверь плюза в самом конце коридора откуда-то снизу падает луч света. Раньше его определенно не было. Даг попытался поднять голову еще выше, но источника света так и не мог разглядеть. За решеткой, где до настоящего момента была видна лишь темнота, отчетливо просматривались контуры грузовых контейнеров. Что-то излучавшее свет определенно находилось рядом с кораблем. Прямоугольная тень, появившаяся снизу, начала медленно подкрадываться к коридору метрах в шестидесяти от того места, где сидели дети. В конце концов, она коснулась корпуса, издав звук, который, пройдя по металлическому каркасу, попал в скафандры.

— Что там? — спросила Никьян немного испуганно.

— Все нормально, — ответил Даг. — Что-то светится там, в конце коридора.

— Это демоны?

— Нет, — поспешил успокоить ее Даг.

В том месте, где тень касалась коридора, появился маленький, но очень яркий огонек. Он не спеша двигался из стороны в сторону, после чего потускнел и погас. Вскоре, откуда-то снизу показали два силуэта людей одетых в скафандры. Освещая себе путь прожекторами, они поплыли к сидевшим под реактором людям.

Это были ученые из экипажа пришельского научно-исследовательского судна «Kái Háo 3» (Небесное око 3), изучавшего в этом районе облака черны. Получив сигнал SOS, корабль тут же отправился на помощь, но обнаружил лишь разрушенный лайнер и вереницу вскрытых спасательных капсул по инерции летевших за ним. Не надеясь найти на корабле живых людей, ученые решили высадиться, чтобы изучить последствия катастрофы, но вначале нужно было провести магическое сканирование и убедиться в отсутствии на корабле демонов. Облетая лайнер по спирали, исследовательский корабль распылял вещество, содержащее особый вид бактерий, чьи клетки накапливали небольшое количе-

ство магии. Быстро погибая в космосе, бактерии отдавали магию и по тому, как она себя вела, сканер определял наличие или отсутствие на корабле людей, демонов или любых других носителей магии.

— Это чудо, что вы выжили, — сказал один из космонавтов, доставая пострадавших из скафандров. — Мы думали — тут неко-го спасать. Сканер биомассы показывал чушь. Мы по магии вас нашли. Глазам не поверили, но решили проверить. Оказывается тут четыре человека живых! — Космонавт очень радовался и от волнения говорил с сильным катонийским акцентом.

Подоспевшие медики положили выживших на носилки и быстро понесли в лазарет.

— Как долго вы там находились? — спросил врач.

— С того момента, как напали демоны, — ответил стюард. — Я не знаю, сколько времени прошло.

— Понятно. Значит шесть часов, — сказал врач себе под нос. — Вы превысили допустимое время пребывания в радиоактивной зоне в двенадцать раз. Как себя чувствуете?

— Да нормально.

— Слабость, тошнота, ломота в костях присутствует?

— Слабость — немного да. — Ощущение, как будто я заболе-ваю.

— Это лучевая болезнь. Вам повезло — еще немного и изме-нения могли бы быть необратимыми. Мы проведем диагностику и профилактику, чтобы избежать осложнений. Это конечно гени-ально — спрятаться от демонов в реакторе. Вы создали прецедент, который может перевернуть взгляд на защиту от демонов.

Никьян и Дага осматривали одновременно в одной и той же комнате. Врач положил их на кушетки, попросил не двигаться, после чего запустил сканеры и куда-то удалился. Он вернулся, держа в руках два больших шприца, один вид которых вызвал у Дага панический страх.

— Мне нужно взять на анализ немного вашей крови. Не бой-тесь, это не больно. Ну, кто первый?..

Даг весь трясся от страха, тогда как Никьян смотрела на врача безразлично.

— Я буду первым, — сказал Даг.

— Вот и хорошо, — ответил врач. — Мальчики должны быть смелыми. Почему дрожишь?

— Холодно тут у вас, — проворчал Даг.

Врач взял у детей кровь на анализ, после чего достал из ящика еще два шприца поменьше и сделал обоим по уколу.

— Ну, вот и все, — сказал врач, улыбнувшись. — Полетели в каюты.

Врач завел детей в разные каюты и попросил ждать.

— Почему нас разделили? — спросил Даг возмущенно.

— Не беспокойся. Сейчас к вам придут побеседовать, — ответил врач. — Подожди немного.

Минут через пятнадцать в каюту влетела женщина лет сорока. Она приветливо улыбалась, но улыбка ее показалась Дагу фальшивой.

— Здравствуй, — тихо сказала женщина. — Меня зовут Майя. Можно мне с тобой поговорить?

— Конечно, — ответил Даг.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да.

— Как тебе невесомость?

— Нормально.

— С кем ты летел?

— С матерью.

— Эта девочка, она твоя сестра?

— Нет.

— А кто?

— Просто девочка. Я ее спас.

— А почему вы не с родителями?

— Если бы мы были с родителями, мы бы были уже мертвы, — ответил Даг, и его рассудительность повергла Майю в шок. Даг осознавал, что потерял мать, но это, казалось, ни сколько не волновало его.

— Мы будем искать ваших родителей, пока не найдем. Скоро придут спасатели...

— Не надо мне врать, — перебил ее Даг. — Если их забрали демоны, вы никогда их не найдете. Вы говорили с Никьян?

— Да.

— Как она себя чувствует?

— Она подавлена. Ни с кем не хочет говорить.

— Не говорите ей ничего пока. Она очень сильно любила своих родителей.

— Мы не будем, — ответила Майя...

В соседней каюте стюард присматривал за спасенной им девушкой. Она по-прежнему спала, но вот-вот должна была проснуться. На кровати рядом лежали комбинезон, бутылка воды, пачка одноразовых салфеток и пачка гигиенических пакетов.

Первый раз молодому стюарду представилась возможность рассмотреть девушку в деталях. Он и не заметил в суматохе, какой красивой она была. Ее кошачьи глаза, должно быть, были гораздо красивей, когда открыты. Они наверняка свели с ума не одного мужчину. Ее курносый носик как будто специально был таким курносым, чтобы удобней было целовать ее тонкие юные губы. Молодой человек встал с койки и аккуратно пересел на край той, на которой лежала девушка. Он пристально разглядывал каждый сантиметр ее лица, и наконец, не выдержав соблазна, провел внешней стороной ладони по ее разбросанным по подушке волосам. Они показались ему невероятно мягкими. Один непослушный локон спадал девушке на лицо, так и напрашиваясь быть убраным в сторону. Юноша поднял его на палец и аккуратно положил на подушку, от чего девушка недовольно потрясла головой, как если бы сгоняла муху, но глаза все же не открыла. Убранная прядь волос прикрывала маленький шрамик, разделявший правую бровь девушки на две части. Тонкий и едва заметный, он совсем не портил ее красоты.

Юноша вдруг осознал, что хотя ему и было уже восемнадцать лет, он ни просто никогда не имел близких отношений с девушками — он даже не знал, какие эти прекрасные существа на ощупь. «Что я делаю!» — мысленно сказал себе юноша и нежно прикоснулся двумя пальцами к ее подбородку, затем медленно провел по щеке за ухо, спустился вниз по шее и снова поднялся вверх. Внезапно девушка открыла глаза — так резко, как будто не спала, а только лишь претворялась, ожидая дальнейших действий молодого человека.

— Что ты делаешь? Ты кто?... Ммм, где я?... — прохрипела девушка, взявшись за голову. — Что со мной?

Она попыталась встать, и гигиенические пакеты тут же пригодились. Герметично завязав и спрятав пакет, стюард аккуратно вытер губы девушке салфеткой.

— Спасибо, — простонала девушка.

— Не за что, — улыбнувшись, ответил стюард.
— Ой, как же хреново!
— Пить хочешь? — спросил молодой человек, протянув бутылку с водой.

— Да, — ответила девушка и жадно выхватила бутылку у него из рук.

Она открыла ее и перевернула, но вода не полилась. Она потрясла бутылку, после чего посмотрела на горлышко, проверяя не закрыла ли она.

— Ну, блин! — произнесла девушка ноющим тоном.

— Нужно надавить, — сказал стюард и взялся руками за бутылку, но девушка отдернула ее и с силой сжала руки.

Жадно хлебая воду, она с изумлением заметила, что не попавшие в рот капли вместо того чтобы стекать по щекам разлетались в стороны, зависая в воздухе.

— Мы что, в невесомости? — спросила девушка и начала нервно смотреть по сторонам. — Где я? Что происходит?

— Да, мы в невесомости, — ответил стюард.

— Блин! А я думала — у меня голова кружится! А что происходит?

— Понимаешь... Лайнера, на котором мы летели, больше нет.

— Как нет?

— На нас напали демоны. Корабль погиб.

— Ты что шутишь? Какие демоны? Где я?

— Мы на каком-то исследовательском судне. Оно подобрало нас. Похоже, выжили только мы и еще двое детей.

— Я ничего не помню, — сказала девушка испуганно. — Я вроде и пила не много... или много... Сколько времени прошло?

— Около шести часов, наверное. Я не знаю. Ты все проспала, поэтому не помнишь.

— Так значит, все погибли?... — тихо произнесла девушка, и на ее глазах появились слезы.

— Ты потеряла кого-то близкого?

— Нет, но... Там было столько детей, а ты говоришь — спаслись только двое. Значит, остальные погибли?..

Юноша растерялся.

— Ну, я не знаю... Может быть, они улетели на спасательных капсулах. На корабле оставались только мы и капитан, но он, скорее всего, погиб.

Внезапно выражение лица девушки сильно изменилось — как будто она вспомнила или обнаружила что-то важное.

— Где мои шорты?! — вскрикнула девушка, схватившись за бедра.

Молодой стюард от испуга отшатнулся от нее.

— Я нашел тебя без них, — ответил он растерянно.

Выпучив глаза, девушка запустила руку под одеяло и начала щупать себя где-то в районе таза.

— Мои трусики! Они одеты наизнанку! Ты их снимал?! Признавайся!

— Нет. Я их надел, — краснея, оправдывался стюард. — То есть, они были сняты, когда я тебя нашел.

— Меня изнасиловали, пока я спала! Подожди! Я вспомнила! Я познакомилась с двумя парнями. Мы танцевали в баре, а потом... А потом я не помню... — Девушка обняла свои колени и заплакала. — Нет! Я не могла столько выпить. Они мне точно что-то подсыпали. Отдаться по пьяни. Какой позор!..

— Ну, не расстраивайся, — пытался успокоить ее стюард. — Похоже, они не успели.

— Почему ты так думаешь?

— Они даже не успели распаковать презервативы

— Правда?..

— Ну да.

— А я прямо лежала без трусиков?

— Ну да.

— Признавайся, ты лапал меня, пока я спала? — спросила девушка серьезно, но через мгновение не выдержала и захихикала, пытаясь сохранить серьезное лицо.

— Нет, что ты, — смущенно ответил юноша.

— Да я же видела — лапал.

— Я, правда, не лапал.

— Да ладно, тебе можно. Ты же, в конце концов, спас меня. Я теперь, типа, жизнью тебе обязана.

— Да ну, что ты...

— Ну, раз ты видел меня голой и даже лапал, может быть, познакомимся? Меня зовут Эда.

— Ээн.

— Ээн... — протяжно произнесла девушка. — Можно тебя попросить?

- Да, конечно.
- Принеси еще воды.

Тем временем, капитан корабля собрал членов экипажа на совещание.

— Итак, — начал капитан, — Как прошла спасательная операция?

Первой ответила Майя.

— Я поговорила с детьми. Состояние девочки конечно тяжелое. Я пыталась ее обнадежить, но, похоже, она уже все поняла. Она не хочет ни с кем разговаривать, даже не плачет — просто молчит. Ее нужно показать специалистам. Я, говоря по правде, не знаю, что делать в данной ситуации.

— Понятно, — грустно вздохнув, сказал капитан. — Что со вторым ребенком?

— Мальчик ведет себя, на мой взгляд, крайне странно. Он на удивление спокоен, хотя и осознает, что потерял мать. Он в подробностях рассказал, что произошло. Я записала. Он сказал, что их спас капитан корабля, что он вывел их к реактору, где демоны их не достали.

— Понятно, я почитаю. А мать у него была родная или приемная?

— Не знаю. Я не уточняла.

— А отец его где?

— Он говорит — у него нет отца, говорит — нет, и не было никогда.

— А эта девочка, она его сестра?

— Нет. Он утверждает, что нет, но он сильно о ней заботится. Думаю, это детская любовь с первого взгляда. Так бывает. Их нельзя разлучать.

— А у девочки этой есть какие-нибудь родственники? Она ничего не говорит, но, по рассказу мальчика, девочка эта — нигорская циркачка. С ней на корабле были мать, отец и вся цирковая труппа. Возможно, там были все ее родственники.

— Понятно... Что с остальными двумя?

— У молодого человека характерная эйфория, которая впрочем, сменится депрессией через несколько дней. Он ни кого не потерял на этом корабле, поэтому за его состояние я бы не волновалась. Девушка на момент происшествия была пьяна, поэтому ничего не помнит. Она еще плохо осознает, что произошло, поэто-

му спокойна.

— Ясно. — Капитан перевел взгляд на бортинженера — Мэй, вы закончили осмотр корабля?

— Да. Мы облетели корабль три раза. Ужасное зрелище. Похоже, кроме этих четверых, никто не выжил.

— С чего такой вывод?

— Ни одна спасательная капсула не отстыковалась. Некоторые капсулы отсутствуют. Вначале мы подумали, что они отделились, но при более детальном осмотре мы обнаружили, что передние стенки капсул все еще прикреплены к шлюзу. Это значит, что капсулы разорвало еще до того, как они отстыковались. Судя по характеру разрушений, демоны целенаправленно атаковали капсулы. Похоже, все погибли.

— Понятно, — констатировал капитан. — Теперь нужно решить, что делать со спасенными.

— Какое гражданство у спасенных? — спросил старший помощник капитана.

— У троих алларийское, кроме девочки. Она, скорее всего, гражданка республики Нигория, — ответила Майя.

— Вот нужно и передать их властям Алларии и Нигории.

— Ни за что, — возразила Майя. — Я не позволю отдать детей в детский дом! Тем более одного в алларийский, а другую в нигорский. Вы не подумали о том, что у этих детей кроме друг друга никого больше нет?

— Хорошо, что вы предлагаете?

— Я усыновлю их, — ответила Майя. — По вопросам гражданства я поговорю с мужем. Не думаю, что с этим будут проблемы. Нужно доставить детей на Землю обетованную.

— Я надеюсь, это обдуманное решение? — вмешался капитан.

— Да. Мне сорок два года. У меня нет детей. Все это знают, и, я полагаю, все здесь понимают, что, раз так, значит иметь я их, попросту, не могу.

— Я согласен с Майей в том, что дети не должны расти в детдоме, — поддержал Майю капитан. — Но как мы объясним алларийским властям, почему спасенные дети оказались в Стране пришельцев?

— Объясним это тем, — вмешался врач, — что пострадавшие получили огромную дозу облучения и им необходимо пройти обследование и курс профилактических мер. На Земле обетованной

есть для этого все средства, так что решение отправить пострадавших на Фокос я считаю вполне обоснованным. Если встанет вопрос, я как врач готов взять на себя ответственность.

— Это весомый аргумент, — сказал капитан и задумался на несколько секунд. — Значит так, пересадим спасенных на «Кái Нáo 1». Он идет нам на встречу и как раз возвращается на Землю обещанную. Майя, свяжись с мужем, пусть сразу же начинает решать вопрос об усыновлении. Для начала, пусть установит личности детей.

— А с остальными что делать? — спросил старший помощник.

— Их тоже на Фокос, — ответил капитан. — Они уже взрослые, сами решат, куда им лететь дальше.

Зэн и Эда разговорились. Друг от друга они узнали, что оба были «детьми войны». Зэн вырос в достаточно благоустроенном детском доме в Цитадели, тогда как Эда росла в провинциальном приюте, откуда в возрасте двенадцати лет ее забрала некая госпожа Йльма в свой частный интернат.

— А как ты стал стюардом? — спросила Эда.

— Я учусь на факультете иностранных языков в Космической академии, а на каникулах подрабатываю стюардом. Несколько рейсов туда-обратно, и денег хватает на весь год.

— Что, так много платят?

— Да нет. Просто я мало трачу.

— А я вот не поступила... — сказала Эда с грустью. — А девушка у тебя есть?

— Нет.

— Ну, тогда понятно, почему ты мало тратишь.

— Ты, наверное, в Цитадель возвращалась. Чем собираешься заниматься?

— Вернусь в кофейный дом. Ничего, в следующем году поступлю.

— А что за кофейный дом?

— Ну, ты что, не знаешь что такое кофейные дома?

— Это там где кофейницы?

— Ну да.

— Так ты кофейница?

— Ну да.

— Просто... Ты так испугалась, что тебя изнасиловали. Я подумал — у тебя вообще парня не было никогда.

— Да ну, что ты! Я мужиков столько повидала!.. Ну, ты сравнил вообще! — то клиенты, а это по пьяни, — это совсем другое.

— Ну да... — согласился Зэн и на мгновение задумался, пытаясь понять разницу, но, так и не поняв, продолжил: — А почему вас называют кофейницами?

— Ну как, клиент должен же за что-то платить? Мы же не можем брать деньги за это — ну, ты понимаешь... Это же запрещено. Вот мы и берем за кофе. Чашка кофе — один час. Каждая дополнительная услуга — конфета. Ну и пока клиент как бы пьет кофе, девушка его развлекает там по-всякому.

— Понятно, как она его развлекает...

— Ну, это от девушки зависит. Те, которые ничего не умеют просто ножки раздвигают, глазки закрывают, и делай с ними что хочешь, а вот я, например, делаю массажи. Да и вообще, я знаю столько способов доставить удовольствие мужчине... Самые щедрые клиенты ходят к таким, как я, ну, кроме тех конечно, кто малолетками увлекается.

— А в академии ты на кого хочешь учиться?

— На менеджера, и еще хочу прикладную магию изучать. Госпожа Ильма научила нас некоторым колдовствам.

— Это каким?

— Ну, там, разным. Иногда клиенты неадекватные попадают, приходится защищаться. Госпожа Ильма говорила, что, владея магией, на Галеоне можно многого добиться, а кофейницей всю жизнь не проработаешь.

Всю дорогу Зэн и Эда разговаривали о разном. Он узнал от нее, о том, что быть магом или хотя бы уметь защищаться от магии на Галеоне совершенно необходимо, потому что могущественные маги, могут манипулировать сознанием человека, подчиняя его своей воле. На самом деле это был миф. Все, что мог сделать с человеческим сознанием даже самый могущественный маг — это ввести его в неадекватное состояние подобное наркотическому опьянению — вызвать беспричинную ярость или любовь, усыпить или придать бодрость, ввергнуть в панику или лишить страха. Тем не менее, каждый серьезный топ-менеджер или политик имел при себе доверенного мага, который ходил с ним на переговоры в качестве талисмана, а в остальное время играл роль телохранителя, секретаря или любовницы. Большую часть магов на Галеоне составляли молодые женщины с привлекательной

внешностью (часто бывшие кофейницы), крепко держащиеся за кошельки своих хозяев и ничего кроме колдовства не умеющие. Зэн не знал всего этого и потому слушал Эду с любопытством, восхищаясь ее умом и жизненным опытом. Ее эмоциональность, противоречивость и непоследовательность выражали тот недоступный мужчинам душевный хаос, который в сочетании с внешней красотой составлял женское обаяние, от которого Зэн не мог оторваться до самого Фокоса.

Корабль «Кái Нáo 1» доставил спасенных на Фокос. Шаттл совершил посадку в месте, которое казалось абсолютно безжизненным и безлюдным. В раскаленном мареве на фоне песка белели огромные купола исследовательских центров — как будто гигантские шары, вкопанные в землю. Постоянно засыпаемая мелким песком взлетно-посадочная полоса была видна лишь благодаря резко контрастировавшему с окружающей поверхностью черному резиновому накату. Светло-серые бетонные рулежные дорожки уходили от полосы далеко в сторону, скрываясь где-то в тени невысокой скалы, которая была увенчана причудливым камнем похожим на расправившую крылья птицу. Совершив посадку, самолет медленно покатился к скале, где располагалась вся инфраструктура аэродрома. Дверь ангара открылась лишь на мгновение, когда шаттл непосредственно сблизился с ней, и закрылась, как только он въехал внутрь, чтобы воздух внутри ангара не нагревался.

Ученые были рады возвращению домой — они о чем-то эмоционально говорили, смеялись, и Даг вслушивался в их еще незнакомую ему речь, которая напоминала одновременно и пение птиц, и шипение змей. Глубокие шипящие и короткие согласные в катонийском языке, благодаря открытому слогу, были равномерно перемешаны с гласными, многие из которых произносились с разной интонацией и нараспев, от чего речь становилась плавной и мелодичной.

Четверых спасенных вывели в ангар, где их уже ждал человек в военной форме. Капитан подошел к нему и начал о чем-то говорить. Человек в форме с серьезным выражением лица посмотрел на детей, потом на капитана, после чего что-то коротко прошипел и отвел пострадавших в какую-то комнату, где кроме стола и нескольких стульев ничего не было. Попросив ждать,

он удалился. Примерно через пол часа в комнату вошел человек в длинном плаще песочного цвета. Он откинул капюшон, снял солнцезащитные очки и опустил завязанный маской шарфик, под которым скрывалась доброжелательная улыбка.

— Добро пожаловать на Землю обетованную, — сказал человек на идеальном алларийском. — Простите за задержку. Меня зовут Лей. Моя жена Майя попросила меня встретить вас.

Все представились и обменялись вежливостями, после чего Лей предложил погостить у него.

— Я, конечно, польщена вашим гостеприимством, — ответила Эда, — но мне бы поскорей в Цитадель попасть. Не хочу быть вам обязанной.

— Ну, что ты. Ты ни сколько не будешь мне обязанной, — ответил Лей. — Да и не спеши ты так в свою Цитадель. Ни куда она не денется без тебя, а на Земле обетованной когда еще побываешь? Пойдемте, я отвезу вас в более цивилизованное место.

Легкая улыбка никогда не покидала лица Лея, когда тот говорил с незнакомцами. Благодаря ей, он быстро завоевывал доверие человека. Энергичной походкой Лей повел гостей по коридорам так быстро, что детям приходилось практически бежать. Дежурный на КПП вытянулся перед Леем по стойки смирно и отдал честь, хотя на том не было ни формы, ни каких либо знаков отличия. Лей сказал солдату что-то на катонийском и направился в будку дежурного, откуда вернулся через пару минут, держа в руках сканер ДНК. Первым Лей подозвал Зэна и вставил его палец в сканер. Внутри была странная поверхность, которая казалась гладкой в одном направлении, но становилась липкой, если провести по ней в направлении противоположном. Ее микрочешуйки соскребли с пальца Зэна частички кожи, по которым сканер распознал ДНК. Лей записал вязью на экране имя Зэна, после чего быстро проделал все то же самое с остальными. Только нигорское имя «Никьян», которое невозможно было правильно записать на катонийском, поставило его в тупик. Поразмыслив немного, Лей заменил его на более простое алларийское имя «Ника».

Проведя через КПП, Лей привел гостей в гараж.

— Вы не представляете себе, в какую глушь вас завезли, — сказал он. — Этот исследовательский центр расположен в сорока километрах от ближайшего города. К тому же, он совсем новый. Здесь даже транспортной системы еще нет. Все пока доставляется

вездеходами.

На парковке среди тяжелой гусеничной техники стоял казавшийся крохотным вездеход. Его похожий на жука корпус стоял на четырех больших колесах почти шарообразной формы. Лей положил руку на небольшой гладкий прямоугольник на корпусе вездехода, и массивная боковая дверь медленно открылась, разделившись на две части — верхнюю и нижнюю, которая превратилась в трап. Салон вездехода был слишком комфортабельным для военной техники, но и слишком строгим для обычного автомобиля. Гости расположились сзади, а Лей сел за руль.

— Эта штука герметичная и с кондиционером, — сказал Лей, заводя мотор. — Так что будет не жарко.

— А почему у него колеса такие странные? — поинтересовалась Эда.

— Чтобы в песке не завязнуть, — ответил Лей. — Песок здесь мелкий, — это скорее даже пыль. Чтобы не проваливаться техника должна сжимать его под собой. Для этого вездеходы делают тяжелыми, а колеса — гладкими, и не накачивают сильно, чтобы увеличить площадь соприкосновения с песком.

— А дороги вы не строите? — продолжала спрашивать Эда.

— Дороги в этой местности строить невозможно. Их будет постоянно заносить песком. К тому же, суточный перепад температур здесь составляет около ста градусов. Только очень дорогие материалы смогут выдержать такой режим. Мы здесь строим тоннели и прокладываем по ним рельсы. Вы кстати сможете увидеть один из таких. Мы будем его пересекать.

Вездеход покинул гараж и, проехав по узкому ущелью, оказался на бескрайней песчаной равнине, которая, простираясь во все стороны, исчезала в желтоватом тумане плавно переходившем в голубое небо. Лишь только лучи фокосского солнца упали на стекло, как оно тут же потемнело так сильно, что, казалось, наступил вечер. Машина двигалась не спеша, покачиваясь на мягких рессорах, от чего возникало впечатление, что она плывет по воде.

Вскоре, из-за бархана показалась высокая тонкая башня с двумя антеннами. Лей развернулся возле нее и поехал дальше.

— Это своего рода дорога, — сказал Лей. — Технология старая, но чертовски надежная. От каждого маяка до соседнего путь гарантированно свободен. Если не придерживаться маяков, мож-

но улететь в трещину или упереться в скалу, которую сразу и не заметно.

— Если путь свободен, — сказала Эда, — не могли бы мы ехать чуть побыстрее?

— Зачем? Мы ни куда не спешим, — ответил Лей.

— Просто бесит. Мы тащимся как черепахи.

— Зато черепахи живут по триста лет. Люди передвигаются быстрее, но и живут в три раза меньше, а те, кто быстро ездят по пустыне, и того не проживают.

Вездеход прошел еще несколько маяков и преодолел бархан, под которым проходила серая труба, диаметром около десяти метров. Пронзая барханы, она шла от горизонта, уходя за горизонт с противоположной стороны. Это была магистраль транспортной системы, по которой из города в город по рельсам мчались пассажирские и грузовые капсулы.

— Меня всегда интересовало, что производят пришельцы на Фокосе? — спросил Зэн.

— Практически все, — ответил Лей, — но больше всего — идеи.

— И это приносит много денег?

— Конечно. Идеи — это ценный товар, если уметь его правильно продавать. Каждый день, в различных областях своей деятельности, люди сталкиваются с проблемами. Для того чтобы решать проблемы необходимы интеллектуальный потенциал и знания. Мы занимаемся производством и того, и другого. ВУЗы Земли обетованной ищут умных людей, а знания приходится добывать — отнимать у природы, постоянно исследуя и изобретая. Когда этим занимаются умные люди, в конце концов, рождаются идеи, которые остается просто завернуть в красивые коробки и поставить на витрину. Сейчас в мире большая часть производимых товаров имеет где-то внутри пришельскую идею или изобретение, и с продажи каждого такого товара Страна пришельцев имеет свой процент. Самое главное — идеи как товар никогда не устаревают. Новая идея может сделать устаревшим любой товар, но сами новые идеи всегда будут востребованы, потому что с проблемами люди всегда сталкивались и будут сталкиваться.

Прошло около полутора часов, а еще недавно висевшее высоко над горизонтом солнце уже клонилось к закату. Подходил к концу первый день белых суток. Вездеход приближался к стран-

ным сооружениям, которые представляли собой торчащие из песка, очень пологие пирамиды с усеченными вершинами. Шесть таких бетонных конструкций стояли вряд посреди пустыни недалеко от очередного маяка.

— А вот и город, — сказал Лей.

— Где? — удивленно спросила Эда.

— Да вот же, — ответил Лей, указав на пирамиды. — Это транспортный вход в город.

Вездеход въехал на вершину одной из пирамид, и площадка под ним начала опускаться. Тут же с четырех сторон поднялись красные огни, сигнализовавшие подъезжающим о том, что лифт занят. Вездеход опустился под землю на пару десятков метров, и перед ним открылась дверь в помещение похожее на подземную парковку. Дороги от шести лифтов сразу же сворачивали в сторону и заканчивались стоянкой вездеходов. Лей заплатил за аренду транспортного средства и повел гостей к эскалаторам, которые спускались в город.

Центром города была увенчанная искусственным куполом извилистая трещина длиною в несколько километров. Обе ее стены были плотно облеплены фасадами зданий. Витрины магазинов, кафе, банки и офисные помещения располагались на восьми ярусах пещеры. Переливаясь разноцветными огнями вывесок и реклам, это место выглядело не менее ярко, чем вечерний центр любого развитого города. Однако, было раннее утро, и люди не спеша шли на свои рабочие места по выложенным плиткой улицам и узким мостикам. Без суеты, не заталкивая друг друга на эскалаторы и в общественный транспорт, люди здесь шли медленно, как будто гуляя, хотя большинство из них шли на работу. Не смотря на час-пик, в городе было тихо, и лишь вода подземной реки тысячелетиями пилившая скалу надвое тихо журчала на дне пещеры.

— А почему у вас флаг такой мрачный? — спросила Эда.

— Ну почему же мрачный? — переспросил Лей.

— Черный какой-то.

— Ну, черный цвет — это цвет космоса, желтый круг — это Фокос, а белый треугольник — это символ движения вперед, символ преемственности и развития, то есть символ прищельцев.

Первым делом Лей повез гостей в центральный парк Акуры. Он хотел, чтобы дети влюбились в Землю обетованную с первого

взгляда, и для этого лучшего места, чем центральный парк было не найти. Капсула остановилась в Долине водопадов — в месте, где грунтовые воды, вытекая из скальных трещин, спускались по стенам пещеры узором из тысяч больших и малых водопадов. Многовековые наслоения солей и минералов покрывали стены долины причудливым узором в коричневых, красных и оранжевых тонах с краплением белоснежных жилок. Стекавшая по стенам вода попадала в кристально чистое озеро на дне пещеры, где, расталкивая друг друга, суетились окуни, пытаясь схватить приносимые водой семена покрывавших скалы растений.

Долина водопадов располагалась в самом центре парка и, таким образом, в самом центре города между трех скал, на которых возвышались три огромных небоскреба. Между этими скалами, от станции, в разные стороны расходились три дороги. Одна через сквер вела к выходу из парка, другая — в детский развлекательный комплекс, а третья — в Катонийский сад. Лей повел детей к аттракционам, но Никьян заплакала и наотрез отказалась туда идти. Эда прижала ее к себе и та быстро успокоилась, после чего Лей предложил пойти в сад.

Катонийский сад наполняли экзотические для этих мест титанианские растения — преимущественно те, что когда-то покрывали острова Кáто. Многие из них были полностью уничтожены Великим цунами и сохранились лишь в садах Земли обетованной. Увитые плющом деревья с необъятными стволами и покрытые мхом валуны были хаотично расставлены по идеально ровной поверхности сада усыпанной серым гравием. Каменные тропинки извивались между ними, и за очередным поворотом было не видно, куда ведет та тропинка, по которой идешь. Ориентироваться можно было лишь по указателям стоявшим на перекрестках.

— Странные здесь дорожки, — размышляла вслух Эда. — Как будто вначале набросали камней, а потом начали строить между ними дорожки. Почему не наоборот?

— Потому что так всегда происходит, — ответил Лей. — Вначале природа создает ландшафт, а потом человек на нем что-то строит. Это катонийский стиль. Этот сад — копия тех садов, что издревле строили в Катонии.

— А почему они так строили?

— Потому что есть такая поговорка: «Зло ходит по прямой».

— И поэтому они никогда не ходили по прямой?

— Ходили, конечно, — улыбнувшись, ответил Лей, — но только там, где это было возможно. По старому катонийскому поверью Бог-творец создал Закон, и весь мир подчиняется этому Закону. Закон этот невозможно нарушить, но можно сколько угодно пытаться, совершая грехи. Иногда может даже показаться, что ты нарушил Закон, но это лишь иллюзия. На самом деле ты совершил грех, и за него придется расплачиваться.

— А дорожки тут причем?

— А при том, что, даже передвигая камень, лежавший на своем месте тысячи лет, ты совершаешь маленький, но грех. Поэтому древние катонийцы не передвигали камней и не рубили деревья без необходимости.

— А вы до сих пор верите в Бога и во все эти дела?

— Мы верим в Закон, — ответил Лей. — На вере в постоянство и общезначимость законов природы, в невозможность их нарушить, строится научное знание.

— Разве научное знание строится на вере? — переспросил Зэн.

— Да, именно так, — ответил Лей. — В основе любого знания, даже самого объективного, лежат принципы, которые берутся на веру — это неизбежно.

Любопытство Зэна и Эды нравилось Лейу, и он подробно рассказывал об истории научного метода, неизбежно отвлекаясь на историю Катонии и Страны пришельцев.

Погуляв по парку еще какое-то время, они направились через сквер к выходу. Лей достал коммуникатор и начал что-то на нем набирать.

— Сейчас закажем обед, — сказал он, просматривая меню. — Жена в экспедиции, а самому мне готовить, по правде говоря, лень. Вот и заказываю еду на дом. Когда придем, еда уже будет на столе.

— А как служба доставки попадет в дом? — спросила Эда.

— При помощи одноразового ключа, — ответил Лей.

— А вы не боитесь, что они украдут что-нибудь?

— Это невозможно, — ответил Лей. — Во-первых, их сразу же поймают, во-вторых, у меня в доме нечего красть. Наличные деньги мы не используем, а предметы быта ни какой ценности не представляют.

— Как не представляют?

— Да кому они нужны? Этого барахла полно в магазинах.

Любой может купить его сколько захочет.

— А драгоценности?

— Пришельцы не носят драгоценности.

— А бытовая электроника?

— Понимаешь. Все, что можно взять и украсть, на Земле обещанной невозможно превратить в деньги. Пришельцы покупают только новые товары, в фабричной упаковке. Наша финансовая система вообще так устроена, что продать через нее что-то нелегальное практически невозможно. Если кто-нибудь решил бы продавать краденый товар, то издержки на обход всех систем контроля были бы таковы, что цена этого товара для потребителя возросла бы в разы. Проще говоря, продавать краденый товар было бы крайне невыгодно.

— То есть, у вас вообще нет квартирных краж?

— Нет и не было никогда. Но это, правда, не значит, что у нас совсем нет краж. Просто отсутствие ценностей в материальном мире лишь переносит проблему туда, где они есть — в мир информационный. Он создан людьми, а люди иногда ошибаются, поэтому законы информационного мира, в отличие от законов природы, иногда можно нарушить, и этим занимаются хакеры. Мошенничество, сокрытие доходов, подделка социальных статусов, подмена кредитных историй и прочие распространенные преступления, — все это исполняется хакерами. Именно исполняется, потому что сам хакер, как правило, преступным мотивом не обладает. Я по роду деятельности общался с такими. Как правило, это молодые люди, иногда очень молодые, вопреки распространенному заблуждению, не всегда обладающие выдающимся умом, однако, всегда с огромными психологическими проблемами. Типичный хакер — это человек, чья юность по каким-то причинам не сложилась. Он либо просто слаб, труслив или некрасив, либо чем-то болен. Дети к таким везде относятся одинаково, даже на Земле обещанной. В конце концов, такие люди начинают ненавидеть весь материальный мир и находят ему замену. Раньше они уходили в религию, в науку, сейчас же — уходят в информационный мир. Там они чувствуют себя комфортно. Там никто не видит их недостатков. Именно там они могут доказать свое превосходство над остальными. Хакерам, как правило, не нужны деньги. Я встречал таких, которые работали почти за еду. Они получают удовольствие от самого процесса взлома.

— Тяжело же им в тюрьме приходится, — злорадно заметила Эда.

— На Земле обетованной нет тюрем.

— А что же вы делаете с преступниками?

— Мы направляем их в центры социальной коррекции. Страна пришельцев принципиально отличается от остальных государств тем, что преступное мышление в ней считается болезнью требующей лечения.

— То есть это психушка что ли?

— Ты путаешь заболевания психические и психологические.

В центрах социальной коррекции лечат именно психологические заболевания. Преступное мышление, к примеру, как и любое заболевание, поражает людей с определенной предрасположенностью, имеет легкие и тяжелые формы, но, к счастью, есть способы лечения и профилактики. Преступность гораздо дешевле предотвращать, чем лечить. Возьмем, к примеру, Алларию. Это государство, которое вообще не тратит деньги на профилактику преступности. Вместо этого оно наказывает преступников после совершения преступлений, и, таким образом, во-первых, несет ущерб от самих преступлений, во-вторых, теряет члена своего общества на длительный срок, да еще и берет его на полное содержание. То есть, Аллария трижды несет убытки от преступности. Страна пришельцев, напротив, вкладывает огромные деньги в профилактику, сокращая преступность до минимума. Тех же, кто все-таки преступает закон, лечат, тратя, конечно же, гораздо больше денег, чем Аллария тратит на содержание заключенных, однако сроки коррекции короче, чем сроки заключения и человек быстрее возвращается в общество. В общем, наша система борьбы с преступностью дешевле и эффективней, но это то, в чем, к сожалению, весь мир от нас отстал более чем на век.

Эда и дальше расспрашивала бы о преступности, если бы ее внимание не привлекла группа молодых людей, собравшаяся на лужайке сквера. Некоторые парни были с девушками. Почти у всех за спиной или за поясом висели бамбуковые мечи. В центре круга фехтовали двое юношей. По их отточенным движениям было видно, что они изучали боевое искусство давно. Противники подолгу ходили друг вокруг друга, не сокращая дистанции, после чего сходились, нанося несколько быстрых ударов, и снова расходились в стороны. Оба фехтовали хорошо, и потому удары ни

как не достигали цели, но наконец, один из бойцов попал по ноге противника, и половина компании разразилась аплодисментами.

— Школьники развлекаются, — сказал Лей, заметив любопытство Эды.

— Их что, в школе этому учат?

— Да.

— Правда? — воскликнула Эда. — А зачем?

— Это часть общей физической подготовки — детям нравится. Когда-то в Катонии существовало четыре основных боевых искусства, которым обучался каждый здоровый гражданин мужского пола: искусство рукопашного боя, искусство владения мечом, искусство стрельбы из лука и искусство верховой езды. Мы практикуем только первые три. Основы рукопашного боя преподают всем, плюс, одна дополнительная дисциплина — фехтование или стрельба из лука на выбор. Мальчики, как правило, выбирают фехтование, девочки — стрельбу. По фехтованию и стрельбе проводятся официальные соревнования — чемпионаты школ и турниры между школами. В общем, это два национальных вида спорта.

— И не скучно вам тут жить?.. — подумала вслух Эда, выходя из парка. — Порядок кругом, ни кто ничего не нарушает, даже машины у вас по рельсам ходят... А это правда, что в Стране пришельцев почти нет законов?

— Не совсем, — ответил Лей. — Они есть, но они ничего не запрещают и не разрешают. Они декларируют права и обязанности. Право — есть то, на что гражданин может рассчитывать исполняя обязанности и, не нарушая права других. Государство — есть гарант права. Оно следит за тем, чтобы права всех граждан были соблюдены.

— Ничего не поняла.

— Смотри, к примеру, в законе Страны пришельцев сказано, что каждый гражданин имеет право на неприкосновенность жизни и здоровья. Отсюда вытекает обязанность проходить в школе тренировки по безопасности. При этом государство не может заставить гражданина служить в армии, так как это нарушило бы его право на неприкосновенность жизни. Служба в действующих войсках опасна и поэтому исключительно добровольна. Из права на пенсионное обеспечение и экономическую безопасность вытекает обязанность платить подоходный налог. Все граждане

обязаны платить налоги Страны пришельцев, даже если работают за границей, но зато при этом имеют право пользоваться любыми государственными службами бесплатно. Поэтому пришельские дети учатся в пришельских школах за рубежом бесплатно, а за остальных родители вынуждены платить. Из права на жилплощадь вытекает обязанность соблюдать жилищные квоты и так далее.

— Как сложно. На галеоне все проще. Там что-то либо разрешено, либо запрещено.

— Вот, к примеру, — продолжил Лей, — как ты думаешь, почему в Акуре подростки не рисуют на стенах?

— Ну, наверное, потому что это запрещено? Или как?

— А вот и нет. Дело в том, что у каждой стены на Земле обетованной есть хозяин. В соответствии с законом о недвижимости, владелец здания вправе сам решать, в какой цвет покрасить стены, и если кто-то перекрасил их против его воли, собственник имеет право подать в суд. А уже выявить нарушителя можно при помощи системы уличного наблюдения.

— А разве на Галеоне стены никому не принадлежат?

— Формально — принадлежат, но недвижимость, в той же Цитадели, например, как правило, принадлежит крупным корпорациям, то есть никому конкретно. Корпорация за всеми стенами не уследит, а частный собственник за своими четырьмя запросто. У нас это называется общественной собственностью — когда собственность равномерно распределена между членами общества.

— А у граждан Земли обетованной есть право на неприкосновенность частной жизни?

— Конечно, есть.

— А разве уличное наблюдение его не нарушает?

— Не нарушает. Как ты думаешь, почему?

— Не знаю, — ответила Эда, подумав пару секунд.

— Да потому что камеры наблюдения покрашены в ярко оранжевый цвет и помечены специальными знаками. — Лей указал на одну из таких. — Гражданин всегда знает, наблюдают за ним или нет.

— Понятно. То есть, если человек хочет что-то скрыть, он может убедиться, что вокруг нет камер.

— Именно так. Я понимаю, тебе сложно привыкнуть к такой системе законов. На Галеоне совсем другие представления о

праве.

— А почему?

— Понимаешь, Катония никогда не надзидала за своими гражданами. В каждой провинции жители устанавливали те законы, по которым им было удобней жить. Главное, чтобы эти законы не противоречили Закону империи. Поэтому законы в Катонии выражали волю большинства — фиксировали естественно сформировавшийся порядок вещей, и большинство граждан подчинялось этим законам, даже не замечая этого. Аллария же и до, и после эпохи империи была деспотическим государством, где законы устанавливались единоличной волей правителя, либо небольшой группой людей — правящей элитой. Естественно, эти законы не выражали воли народа, а служили интересам лишь небольшой группы людей, угнетая всех остальных. Галеон всегда был вольницей, то есть местом, где алларийские законы можно было не соблюдать. Туда бежали, чтобы получить свободу, но свободу не в катонийском смысле. Для катонийца, равно как и для пришельца, свобода — есть возможность устанавливать законы, тогда как для галеонца свобода — это возможность никаким законам не подчиняться, в том числе и тем, что установлены тобой самим.

Эда пробыла на Земле обетованной месяц, и ее желание вернуться в Цитадель исчезло. Зэн вскоре отправился на Титан продолжать обучение, а Эда осталась на Фокосе, где готовилась к экзаменам год, после чего поступила на факультет, где учился Зэн.

Ника и Даг пошли в школу для детей, попавших на Землю обетованную по программе усыновления галеонских сирот. Первое время, обучение в этой школе велось на алларийском, а катонийский преподавался как иностранный. Позже, галеонских детей перемешивали с пришельскими, чтобы и те и другие имели возможность общаться на иностранном языке с его носителями. Так пришельцы добивались почти полной двуязычности выпускников школ.

Среди учеников первого класса было много тех, кого переселили с Галеона совсем недавно. Все вокруг было им чуждо и казалось враждебно. Угрюмые и мрачные, похожие на маленьких привидений, эти дети бродили по коридорам школы, недоверчи-

во глядя по сторонам, и не с кем не разговаривая. Их вид пугал Дага, и он старался держаться в стороне от этих детей, поближе к Нике, которая, впрочем, мало чем от них отличалась.

Ника изменилась внезапно, чем испугала и Дага, и своих новых родителей. Она начала называть Лея и Майю — папой и мамой, а Дага — братиком. Она стала почти всегда говорить на катонийском, как будто пытаясь забыть алларийский, и даже на алларийском она стала подписываться «Ника» вместо «Никьян». На Земле обещанной ей было просто забыть прошлую жизнь. Здесь не было ни моря, ни гор с заснеженными вершинами, которые виднелись из окна ее дома на Титане. Здесь не было животных, и потому ни где нельзя было случайно почувствовать запах цирка. Даже небо на Фокосе было другим — совсем не таким, как в Нигории. Лишь спортивная гимнастика, заняться которой Нику уговорили учителя, иногда возвращала ее в прошлое. Ника показывала выдающиеся результаты, постоянно улыбаясь во время выступления, хотя это и не требовалось правилами, а, вернувшись в раздевалку, она плакала, мысленно убеждая себя на катонийском в том, что она — пришелец, что ее родители — Майя и Лей и, что ловкость дана ей от природы.

Алларийскую школу Даг не любил. Нора постоянно повторяла, что он должен учиться хорошо, чтобы быть умным, но он не понимал, как ему помогают в этом те бессмысленные действия, заниматься которыми его заставляли в школе. Даг видел практическую пользу в чтении, чуть меньшую в умении писать; считая сдачу, он быстро научился складывать и вычитать в уме, но на уроках истории и географии Даг погружался в свои фантазии и совершенно не слушал учительские рассказы о древних цивилизациях, до которых ему не было дела, и о местах, ехать в которые он не собирался. Дага больше интересовало, что собой представляет свет, что такое черные дыры, как выглядят живые существа из других звездных систем?.. Первой книгой, которую Даг прочитал, была книга об истории планеты Титан и эволюции жизни на ней. С тех пор, история человеческая перестала интересовать Дага, потому что он осознал, сколь ничтожно короткой она была в сравнении с историей всей планеты.

То, чем занимались дети в пришельской школе, казалось Дагу не менее бессмысленным, но значительно более интересным. Целыми днями они только и делали, что играли в игры, для до-

стижения успеха в которых, требовались, однако, определенные знания и умения. В некоторых играх нужны были командные усилия, и тогда дети объединялись в группы и решали задачу сообща. Школьники часто ходили в походы — вначале, по подземным лесам и пещерам, а позже и на поверхность. Индивидуальное любопытство в пришельских школах поощрялось, и для его удовлетворения существовали специальные тематические занятия. В школу часто приходили люди, добившиеся больших успехов в собственных профессиях. Многие из них на Земле обетованной были достаточно известны. Они проводили специальные семинары, на которых рассказывали о своей деятельности и отвечали на вопросы детей. Ученики старших классов давали уроки ученикам младших классов, получая, таким образом, опыт общения с детьми и укрепляя собственные знания. Экзаменов, или каких либо других явных аттестаций, в пришельских школах не было. Вместо этого применялась сложная система постоянного мониторинга знаний, обладавшая высокой точностью, поскольку для учеников была совершенно незаметна. Школьники не имели возможности приспособиться к ней зубрежкой, и тем более не могли жульничать, списывая или обмениваясь домашними заданиями. В пришельских школах оценивалось не наличие знаний в данный конкретный момент времени, а умение их практически применять регулярно и без всякой подготовки.

Через десять лет Ника и Даг были уже неотличимы от остальной молодежи Земли обетованной. Они говорили и думали на катонийском, поэтому пользовались им даже в разговорах между собой. Даг уже иногда брал паузу, чтобы вспомнить подходящее алларийское слово, а у Ники выработался катонийский акцент.

Каждые черные сутки, в середине дня, во время большой перемены, Ника и Даг любили, прихватив с собой коробку с обедом, посидеть в гроте на поверхности, наблюдая за тем, как голубое небо постепенно темнеет, покрываясь россыпями звезд. Для остальных пришельцев эта их тяга к поверхности казалась странной, потому что вся красота Фокоса скрывалась под землей, но для Ники и Дага было важно хотя бы иногда видеть открытое небо над головой.

— Ты уже решила, чем будешь заниматься после школы? —

спросил Даг. — Наверное, в большой спорт уйдешь?

— Знаешь сколько людей меня уже заколебало этим вопросом? Обычно я отвечаю, что не решила, но тебе скажу. Нет — я не собираюсь идти в большой спорт.

— Почему? — спросил Даг, изо всех сил скрывая радость.

— Я не люблю соревноваться. Из кожи вон лезть только чтобы стать лучшей? В чем? В скакании по бревну?.. Чем старше я становлюсь, тем меньше смысла в этом вижу.

— Да, это точно... А что тогда собираешься делать?

— Не знаю пока, а ты?

— Я буду поступать в Космическую академию — на бортингенера.

— Ах, везет тебе — ты умный. А я, вот, только скакать по бревну и умею.

— Да ладно, не наговаривай на себя. Ты еще и хорошая староста.

— Правда?

— Да. Ты очень обаятельная, поэтому люди тебя слушаются. Поступай на управление большими судами.

— Да ну, это же самая сложная специальность. Там надо знать все.

— Ну и что. Все, но по-чуть-чуть. Ты же ведь не такая глупая, какой хочешь иногда казаться.

— Не такая... К тому же у меня есть братик, который всегда мне поможет, — кокетливо сказала Ника и нежно положила голову Дагу на плечо. — Ты же мне поможешь?

— Тебе — с удовольствием, — ответил Даг.

Вскоре, они поступили на один факультет Космической академии. Даг любил Нику как самую прекрасную девушку в мире, а она его — как лучшего в мире «братика». Даг никогда не напоминал ей о жизни до Земли обетованной, но ее «братик» каждый раз резало ему по сердцу.

Эпизод 8

Люка

Как будто устав от своей прошлой жизни, которую от одногруппников скрывала, Эда спряталась за спиной Зэна от обычных для ее возраста знакомств с молодыми людьми. Она хотя и производила впечатление девушки вполне доступной, тем не менее, верность Зэну соблюдала строго. У Зэна и Эды была во многом похожая судьба. Они понимали друг друга и всегда находили, о чем поговорить, тогда как остальные парни могли предложить Эде лишь то, что ей самой давно уже надоело, потому что занималась она этим с четырнадцати лет. Зэн не испытывал к Эде пылких чувств, никогда не ревновал. Хотя ее вульгарность иногда его и раздражала, сделать замечание, Зэну не позволяла застенчивость. Иногда Зэна выводили из себя глупости, которые Эда говорила, когда ее речь опережала мысли, но он тут же забывал любую обиду, как только оказывался с Эдой в постели. В интимных делах Эда была непревзойденна. Любовные игры с ней походили на мистический ритуал. Своими движениями она вводила Зэна почти в гипнотическое состояние. Эде нравилась покорность Зэна, а ему — ее дикая, необузданная женственность. Интимная близость была тем, что сильнее всего удерживало их вместе.

Выпускникам выдали дипломы, и торжества по этому поводу были уже позади. Бывшие студенты постепенно покидали кампус. Собрав свои сумки, Зэн пришел в комнату Эды, чтобы помочь ей сложить вещи.

— Ну, котенок, я не могу там жить, — говорила Эда.

— Ну, почему?
— Ну, потому что там ночь постоянно, искусственное освещение. Люди там странные, увлечения у них странные. Язык этот непонятный... Мне там скучно.

— А дети? Ты хочешь, чтобы они в Цитадели росли?

— А что дети? Ну живут же там люди, ничего.

— Плохо живут. Там преступность.

— Котенок, ну везде преступность! Ты жил в Цитадели, ты от преступности страдал? Тебя, прям, грабили каждый день?

— Нет, но...

— Если снять квартиру в нормальном районе, если найти нормальную работу, то в Цитадели очень даже неплохо.

— А ты уверена, что найдешь хорошую работу?

— Я! — найду. К тому же, мне Лей кое-что предложил.

— Это что он тебе предложил? — спросил Зэн настороженно.

— Работу.

— А поконкретней?

— Да обычную работу — хорошо оплачиваемую, по моей специальности. Лей сказал, что и тебе что-нибудь подыщет.

— Значит, Лей нас на Галеон отправляет — странно, а мне говорил, что будет рад, если мы вернемся в Акуру.

— Ну, ты же знаешь Лея. Он всегда говорит людям то, что они хотят услышать. Он говорил, что в Цитадели большая пришельская диаспора. Там можно найти людей, которые решают любые проблемы.

— Надо будет поговорить с ним.

Зэн и Эда отправились на Землю обетованную, где произошел разговор между Леем и Эном. Старик деликатно убеждал Зэна в том, что им — коренным жителям Галеона — жить в Цитадели будет гораздо комфортней. Лей предложил Зэну работу в недавно открывшемся университете и пообещал, что до того как их с Эдой дети достигнут школьного возраста, в Цитадели уже откроются пришельские школы. Об уходе за ребенком Лей так же просил не беспокоиться, потому что многие жены представителей пришельской диаспоры подрабатывают нянями и будут рады присмотреть за ребенком-пришельцем. В конце концов, под давлением Эды и при улыбчивом поощрении Лея, Зэн согласился переехать на Галеон.

Обустройство в Цитадели действительно оказалось более чем

простым. Сложнее всего было восстановить паспорт Эды, потерянный ею во время катастрофы лайнера. На Титане она жила как постоянная гостья Земли обетованной, и алларийскими властями считалась гражданкой Страны пришельцев, но при переезде на Галеон гражданство пришлось восстанавливать. Связи Лея в полиции помогли сделать это значительно быстрее, чем в общем порядке. Так у Зэна и Эды появился друг семьи — Кен. Как и было обещано Леем, пришельцы помогли найти квартиру в неплохом районе, хотя и в нижнем городе. Зэн устроился преподавателем в университет, а Эда нашла работу в одной из дочерних компаний корпорации Дарун как специалист по прикладной магии. Прочно обосновавшись в Цитадели, Зэн и Эда поженились. Вскоре, у них родилась дочь — Люка.

Прошло восемь лет, но ни одной пришельской школы в Цитадели так и не открылось, и Люка пошла в обычную галеонскую школу.

Окруженное с двух сторон широкими шоссе и отделенное от индустриальной зоны глубоким бетонным желобом, здание школы располагалось на самой окраине микрорайона. По дну желоба проходила заросшая сорняками ржавая железная дорога, некогда соединявшая военный завод с основной транспортной магистралью. От забора, который раньше отделял территорию школы от обрыва, осталась только истлевшая сетка лежавшая на дне желоба. Время от времени, руководство школы собирало с родителей деньги на восстановление ограждения, но каждый раз денег якобы не хватало, и ремонт откладывался. Со временем, у края желоба появилась тропинка, шедшая от последней секции забора по узкому пространству между ограждением и обрывом к ближайшей лестнице. Тропинку вытоптали дети, постоянно спускавшиеся на дно желоба за мячом.

На первом уроке учительница попросила детей рассказать о себе.

- Как тебя зовут?
- Люка. Люка Гун.
- Ты же ведь с родителями живешь?
- Да.
- А как их зовут?
- Маму — Эда, а папу — Зэн.

— Они коренные галеонцы, наверное?
— Да, — ответила Люка, хотя и не поняла слова «коренные».
— А кем они работают?
— Папа — преподаватель, а мама... — Люка задумалась, не зная, что ответить. Эда никогда не рассказывала о том, чем занималась. — Ведьма, — ответила Люка, вспомнив, как папа в шутку называл маму иногда.

Повисло секундное молчание. Обычный галеонский ребенок представлял себе ведьму, как некую злую женщину, которая появляется внезапно и похищает непослушных детей. У взрослых же это слово обозначало стерву или иногда проститутку. Поэтому ответ Люки напугал и ее одноклассников, и учительницу.

— Шутница, — произнесла учительница, неловко улыбнувшись. — Ты, наверное, хотела сказать колдунья?

— Ну да, колдунья, — подтвердила Люка, как ни в чем не бывало, даже не заметив реакции остальных детей.

Вскоре маленькая Люка вернулась домой в слезах. Зэн был в университете, и дочь встретила Эда, находившаяся в отпуске.

— Что с тобой, зайка? — спросила Эда. — Ты почему по телефону не отвечаешь?

— У меня мальчики отобрали, — проговорила Люка сквозь слезы. — Они меня ведьмой обзывают!

— Так, что они сделали с телефоном? Расскажи все по порядку. Какие мальчики у тебя отобрали телефон?

— Из моего класса мальчики. Они отобрали телефон и начали перебрасывать друг другу. А потом... А потом закинули на шкаф. Сказали, что если я ведьма, то смогу взлететь на шкаф и забрать его сама.

— А с чего они взяли, что ты ведьма?

— Я сказала, что ты работаешь ведьмой, — ответила Люка растерянно, и сразу же, как будто оправдываясь, добавила, — Я слышала! — так папа тебя называл.

Эда рассмеялась и нежно обняла дочь.

— Так ты действительно ведьма? — спросила Люка.

— Ну, конечно! Только не говори это никому.

— Почему? Быть ведьмой — это плохо, да?

— Нет, но люди боятся ведьм, потому что ведьмы обладают силой, перед которой обычные люди беззащитны.

— А ведьмы злые?

— Ведьмы — они свободные. Они захотят — будут злыми, захотят — добрыми.

— И что, от их колдовства никак никак нельзя защититься?

— Можно, но только если сама станешь ведьмой.

— А почему тогда все не станут ведьмами?

— Потому что это тяжело. Люди думают, что ведьмам все легко дается, но, на самом деле, это не так. Овладеть магией очень тяжело.

Эда взяла дочь за руку и посадила в центре зала.

— Жди здесь. Я сейчас вернусь, — сказала Эда и убежала на кухню. Вскоре она вернулась с двумя стаканами воды. Она села на колени напротив дочери и поставила стаканы перед собой. Люка тут же потянулась за одним из них, но Эда нежно шлепнула дочь по ручке и та ее отдернула.

— Не трогай, — сказала Эда. — Сейчас мы попробуем с тобой научиться самому главному из колдовских умений — чувству магии. Управлять магией невозможно без этого чувства. Сядь ровно, закрой глаза и слушай.

Люка села на колени и выпрямила спину так же как Эда. Мать закрыла глаза и Люка сделала то же самое вместе с ней.

— Магия окружает нас, — говорила Эда. — Она внутри и вокруг нас. Она, как океан — каждое слово, каждая мысль или эмоция подобно камню, брошенному в воду, рождает всплеск, который как тихий шепот, как легкий аромат, как прохладный ветерок... Он так слаб, что ты его не замечаешь, но стоит лишь один раз его ощутить, и ты различишь его среди тысячи других ощущений.

Эда подняла руку и начала совершать плавные движения кистью вперед и назад, как будто качая невидимую колыбель.

— Что ты чувствуешь? — спросила Эда.

— Я как будто качаюсь на волнах, — проговорила Люка. Она действительно чувствовала, как что-то ее качает, но, на самом деле, тело ее было неподвижно.

— Это твой дух. Он как струна натянутая внутри тебя. Попробуй сопротивляться этому движению.

Люка начала слегка раскачиваться.

— Не так, — сказала Эда. — Просто представь, что ты неподвижна.

Люка замерла, и Эда постепенно почувствовала, как магиче-

ская струна в теле дочери становится уже не так податлива.

— Умница, — тихо сказала Эда. — Теперь представь, что ты увеличиваешься в размерах. Почувствуй, как твое тело надувается и становится шаром... Оно обволакивает все вокруг... Ты чувствуешь преграды, но твое тело проходит сквозь них... Молодец. Ты чувствуешь под собой пол, чувствуешь меня, и еще два предмета между нами. Сконцентрируйся на них. Они одинаковые, но что-то в них различается. Почувствуй это отличие... Попробуй сгладить его. Представь, что один предмет точно такой же, как другой.

Люка по-прежнему сидела с закрытыми глазами неподвижно. Ее дыхание постепенно становилось тяжелым, левая бровь немного подрагивала, а на лбу проступали капельки пота.

— Молодец! — с восхищением произнесла Эда. — Теперь открой глаза.

Люка устала и выдохлась, как будто долго бежала, а ее маленькое сердечко билось так сильно, что она чувствовала его в груди.

— Я устала, — произнесла она. — Я не могу больше.

Радостная Эда подсела к дочери и обняла ее за плечи.

— Ты — умница. Ты сделала даже больше, чем я ожидала. Потрогай воду в стаканах.

Люка опустила палец вначале в один стакан, а затем в другой.

— Чувствуешь? — спросила Эда. — В обоих стаканах вода теплая.

— Да.

— В одном стакане она была холодной! У тебя получилось с первого раза. Когда я училась, мне удалось это только через неделю.

— Я устала. А разве от колдовства устают?

— Конечно, устают. Я же говорила, что овладеть магией нелегко. К тому же, ты еще неопытна, поэтому потратила больше сил, чем нужно, но все равно ты — молодец.

Эда крепко прижала Люку к себе.

— У тебя талант, — говорила Эда. — Ты обязательно должна овладеть магией. Мы — женщины — слабые и беззащитные. Для нас есть два способа быть в безопасности: быть рядом с мужчиной, либо владеть магией. Но мужчины ненадежны, а магия

никогда тебя не подведет.

— А ты научишь меня еще чему-нибудь?

— Обязательно, но, для начала, повторяй то, что мы делали сегодня. Попробуй, как бы ощупывать предметы магией. Запоминай свои ощущения. Потом попробуй узнавать предметы, не глядя. Так ты разовьешь чувство магии — это самое главное в колдовстве, а потом я научу тебя еще кое-чему.

Однажды у Люки возник вопрос, который она задала бы маме, если бы та не была в командировке, но дома был только папа.

— А чем отличается светлая и темная магия? — спросила Люка.

— Не бывает светлой и темной магии, бывает светлое и темное колдовство, — ответил Зэн. — Магия — это всего лишь особая субстанция. Она подчиняется законам природы, а светлыми или темными могут быть только мысли и поступки.

— Правда? А чем отличается темное и светлое колдовство?

— Ну, понимаешь, когда магия утекает из тела человека, человек чувствует слабость и даже боль, а когда притекает — человек чувствует удовольствие. Когда маг отбирает у человека магию, это называется темным колдовством, а когда отдает свою другому человеку, это называется светлым колдовством. Поэтому светлые учатся, преодолевая собственную боль, помогать другим, а темные — учатся не чувствовать боль чужую.

— Значит, темные маги используют только темное колдовство, а светлые только светлое? Так?

— Не совсем. Люди — сложные существа. Один и тот же человек может безмерно любить одного и люто ненавидеть другого. Для одного он будет светлым, а для другого — темным. Маг никогда не сможет применить темное колдовство против того, кого любит, и никогда не сможет применить колдовство светлое против того, кого ненавидит.

— Значит, темные маги всех ненавидят?

— Нет, конечно. Кого-то они все же любят, но скрывают это, потому что считают любовь слабостью.

— Значит они не настоящие темные?

— Конечно. Не бывает настоящих темных, как впрочем, и настоящих светлых. Те, кто называет себя темными, просто хотят казаться темными, хотят, чтобы все считали их такими.

- Но почему?
- Потому что тьма правит этим городом, и темные здесь добиваются большего успеха. Поэтому здесь темным быть — модно.
- А мы темные или светлые?
- Мы?.. Скорее светлые.
- И мама?
- И мама...

Возможности магии поражали воображение девочки. Каждый день, когда Люка ложилась в кровать, перед тем как заснуть, она впадала в транс, пытаясь распространить свой дух как можно шире. Поначалу она с трудом различала границы предметов — все выглядело расплывчато и постоянно двигалось, как будто было покрыто беспокойной, но совершенно прозрачной водой. Постепенно, картина становилась все четче, все больше походя на изображение реального мира.

Квартира семьи Гун находилась на последнем этаже, и Люка часто наблюдала сквозь потолок за движением странного тепло-го сгустка на крыше. Поначалу было невозможно понять, что это такое. Сгусток постоянно шевелился, то выпуская струи, то сливаясь с другим, таким же сгустком, только поменьше. По мере того, как очертания становились все четче, маленькая колдунья поняла, что это птицы. Постепенно Люка научилась не только различать отдельных птиц, но даже чувствовать их сердцебиение. Однажды, Люка заметила на чердаке новое — незнакомое ей существо. Оно было немного крупнее и холоднее птиц. Существо медленно и плавно приближалось к шевелящемуся сгустку, на мгновение замирая и снова продолжая движение. Стремительным броском существо вонзилось в стаю. Все птицы разлетелись, но одна не успела. Два существа слились воедино, и Люка еще различала их границы, но слышала уже только одно сердцебиение. Подхватив добычу, существо куда-то убежало.

В соседней квартире, тоже было за чем наблюдать. Каждый вечер двое ложились в постель, которая располагалась в двадцати сантиметрах от постели Люки, и, хотя ее от них отделяла стена, маленькая колдунья могла в деталях разглядеть происходившее там. Обычно люди просто засыпали, но каждые три-четыре дня, перед сном, они занимались чем-то пока еще Люке непонятным. Переплетаясь конечностями и соприкасаясь головами, их

тела сливались так плотно, что граница между ними становилась едва различимой. Они совершали странные монотонные движения какое-то время, после чего замирали и лежали неподвижно несколько минут. Потом оба куда-то уходили, а, вернувшись, ложились и засыпали как обычно. Так продолжалось полгода, и однажды внимание Люки привлек необычный звук. Она вдруг услышала, как в животе одного из людей бьется второе — маленькое сердце. Это впечатлило Люку так сильно, что она рассказала об этом маме, и той пришлось все ей объяснять.

Через два года после начала тренировок Эда научила Люку тому колдовству, которое сама изучила первым. Оно называлось «ведьмин сглаз» и заключалось в том, что колдун быстро «вырывал» значительную часть магии из человека, от чего тот чувствовал слабость, тошноту и мог даже потерять сознание. Колдовство было бесполезно против опытных магов, но на обычных людей действовало безотказно. Оно было простым в применении и не требовало большого расхода магии, поэтому колдовством этим владела половина кофейниц Цитадели.

Первое время, Люка, как и многие люди, только что получившие оружие, испытывала острое желание его применить, но подходящего случая никак не представлялось. Люку по-прежнему дразнили ведьмой, но это ни сколько не раздражало ее. Скорее наоборот, ей это даже нравилось. На тех уроках, где учительница часами рассказывала о совершенно неинтересных восьмилетней девочке вещах, Люка впадала в транс и «ощупывала» духи соседей по парте. Их духи были так податливы, что казалось, вырвать их не составляет никакого труда, но нужен был какой-то повод, и скоро такой повод появился.

Однажды на большой перемене мальчики принесли в класс большого мохнатого галеонского паука, и начали пугать им девочек. Они долго гоняли их по классу, после чего забросили паука в сумку самой, как им показалось, пугливой из них. Не решаясь подойти к своей сумке, девочка села за чужую парту и заплакала. Среди всех девчонок в классе, только Люка не боялась насекомых, к тому же, от папы знала, что галеонские пауки, хотя и выглядят страшно, для людей совсем не опасны. Занимаясь своими делами, Люка не обращала никакого внимания на беготню в классе до тех пор, пока не услышала плач. Маленькая ведьма

встала из-за парты, молча подошла к сумке и засунула туда руку, чтобы достать паука.

— Эй! Не трогай! — прокричал один из мальчиков и грубо оттолкнул Люку от сумки. — Ее сумка пусть сама и достает.

Злость охватила Люку, но не от того, что мальчик был с ней груб и не от того, что за спиной плакала девочка, а от того, что, попытавшись сопротивляться, Люка не смогла справиться с мальчиком, потому что была слабее. В ту же секунду она вспомнила, чему и для чего ее учила Эда. Люка встала, молча посмотрела на мальчика мертвецки холодным взглядом, и в следующее мгновение тот, пошатнувшись, упал без сознания. Люка сама испугалась такого эффекта. Она совсем не этого ожидала. Все, и даже плакавшая секунду назад девочка, испуганно смотрели на Люку, а та в растерянности стояла перед лежащим на полу мальчиком, не зная, что делать дальше. Внезапно, за спиной она услышала крик: «Бей ведьму!» — и в следующую секунду кто-то, прыгнув ей на шею сзади. Оказавшись на полу, Люка не успела опомниться, как удары ногами посыпались ей на голову, живот и ребра. Крепкий мальчишка невысокого роста с бешеным взглядом избивал ее, а дети все так же испуганно смотрели на происходящее, и никто не осмеливался подойти.

Драку остановила учительница, которую позвала та девочка, из-за чьей сумки шла драка. Когда она вошла, мальчик лежавший на полу уже встал и отряхивался.

— Эри! Отойди от нее! — прокричала учительница, оттаскивая от Люки избивавшего ее мальчика. — Так! Кто первый начал? Признавайтесь.

— Это ведьма первая начала, — говорил один из мальчиков.

— Не правда, — сказала девочка, позвавшая учительницу. — Они мне паука в сумку положили.

— Какого еще паука? — спросила учительница, осматривая раны Люки.

— Там, посмотрите, — ответила девочка, указывая на сумку.

Тем временем, паук сам вылез из сумки, не дожидаясь, пока его вытащат.

— Ой! — вскрикнула учительница. — Уберите немедленно!

Мальчики схватили паука и выбежали из класса.

— Пойдем, — сказала учительница, взяв Люку за руку. — Тебе нужно к врачу.

Слезы наворачивались на глаза Люки, но она изо всех сил старалась не плакать, убедив себя в том, что ведьмы не плачут. Она опустила голову, чтобы волосы закрыли лицо, а когда из глаз скатывались слезинки, она быстро смахивала их рукой, пока никто не видел.

Эри, избивший Люку, при необычной для восьмилетнего ребенка силе отличался тупостью и жестокостью, из-за чего уважением среди детей не пользовался. Его избегали, называя за глаза дебилом, но открыто конфликтовать с ним никто не осмеливался. Эри болезненно реагировал на любую критику в свой адрес и за нее огрызался даже на учителей, которые его побаивались, но не нынешнего, а того, каким он станет, когда вырастит.

У выхода из медицинского кабинета, Люку ждала та, девочка, за которую она заступилась.

— Привет, — робко произнесла девочка.

— Привет, — ответила Люка равнодушно.

— Меня зовут Нана.

— А меня Люка.

— Ты такая смелая! — с восхищением сказала девочка. — Пауков не боишься.

— Да чего их бояться.

— Я бы хотела быть такой же как ты.

Люка не знала, что на это ответить.

— Давай дружить, — сказала Нана.

— Давай, — ответила Люка.

Окончательно убедившись после этого случая в том, что Люка — ведьма, ее стали избегать все одноклассники кроме Наны, которая в классе тоже была изгоем. Нана была слишком доброй и ранимой, чтобы быть своей среди других детей, и Люка испытывала к ней привязанность подобную той, которую испытывают девочки ее возраста к беззащитному котенку или щенку. С тех пор как познакомились, Люка и Нана были неразлучны.

К девяти годам Люка уже довольно хорошо читала. Как-то раз, разглядывая папину книжную полку, она заметила необычную книгу. Черный переплет выделял книгу среди остальных, а маленькая надпись напечатанная золотыми буквами заинтриговала юную колдунью. Люка залезла на стол и сняла книгу с полки. Из правого верхнего угла черной обложки, подражая ка-

тонийскому способу письма, вниз шла надпись на алларийском: «Книга ведьм». Это была современная редакция сборника древних катонийских манускриптов о магии, демонах и других магических существах, которых, если верить приданиям, в древние времена на Титане было предостаточно.

Более тысячи лет назад, до Небесного плача, на Титане водилось огромное количество магических существ. Огненные, земляные и снежные змеи, драконы, черти, гаргулии и кирины — все они исчезли через пару столетий после избавления Титана от демонов, став персонажами мифов и приданий. Долгое время ученые считали этих существ, а вместе с ними и рассказы о могуществе магии, лишь художественным вымыслом древних. К тому моменту, когда магия была обнаружена учеными экспериментально, уровень ее на планете снизился настолько, что о ее практическом применении нельзя было и помыслить. Однако, очень скоро, останки почти всех магических существ были найдены археологами. К тому же, было доказано и то, что некоторых из этих существ люди использовали так, как описано в легендах: кирины иногда заменяли лошадей, а гаргулии тренировались для переноски грузов и похищения людей. Чем больше историки узнавали о прошлом, тем больше они находили косвенных свидетельств того, что существа с развитыми магическими способностями действительно существовали в древности, и все менее реалистичной казалось утверждение, что все это — лишь вымысел.

Исследования ближайших планет породили новые загадки. Оказалось, что уровень магии на Галеоне превышает титанианский на несколько порядков. Обнаружили это, изучая странную болезнь, которой страдали все колонисты, возвращавшиеся на Титан после долгого пребывания на Галеоне. Ее симптомами были слабость, ломота во всем теле, иногда судороги и резкое снижение иммунитета. Вначале это приняли за лучевую болезнь, полученную вследствие длительного пребывания в космосе, однако предположение быстро отвергли, поскольку корабли того времени уже были достаточно хорошо защищены от радиации, и со взрывами на Солнце появление болезни никак не было связано. К тому же, заболели только те, кто был именно на поверхности Галеона, но еще более странным было то, что болезнь возникала только по возвращению на Титан и исчезала сама собой

через несколько недель, не оставляя в организме никаких следов. Заболевание называли «Галеонской лихорадкой». Оказалось, что болезнь возникает от потери магии накопленной организмом за время пребывания на Галеоне. Обнаружение на Галеоне магии сделало его местом паломничества приверженцев различных мистических культов. В рядах организованных ими сект и тайных обществ появились первые маги нового времени.

Вскоре, магия была обнаружена и на Фокосе. К удивлению ученых ее уровень был еще выше, чем на Галеоне, что стало одним из косвенных доказательств существования на Фокосе развитой биосферы.

После Великого цунами магия вернулась и на Титан. По одной из гипотез, ее исчезновение было следствием роста населения планеты. Чем больше становилось людей, тем меньше магии доставалось каждому отдельному человеку, и тем меньшее ее получали другие магические существа, что и стало причиной их вымирания. Однако массовая гибель людей на Титане во время и после Великого цунами привела к повышению уровня магии до трети от галеонского.

Люка листала потрепанные страницы старой зачитанной книги, где почти на каждом развороте было какое-нибудь изображение, символ или опутанная катонийской вязью схема. На черно-белых картинках могущественные маги останавливали армии стенами огня; вооруженные пиками воины сражались со снежным змеем, а похожие на крылатых обезьян гаргулии выхватывали из строя солдат и уносили прочь. Люка долистала до того места, где были изображены еще более странные существа, а на колонтитуле страницы было написано: «Посланцы и магии». Юная колдунья слезла со стола, села в кресло и, отстав книгу обратно к началу главы, стала читать.

Из этой главы Люка узнала о ведьмином делении магии по цветам, которое из всех древних было наиболее близко к научной классификации. Это деление очевидно было создано по наблюдениям за демонами, в природе которых оно проявлялось наиболее явно. В научной классификации каждому цвету, кроме черного, соответствовала магическая частица и демон, то есть посланец.

«Красная магия — есть магия огня, — читала Люка. — Все, на что посмотрел красный маг, окутывает пламя. Где он прошел, там лишь пепел и зола. Но против того, что не горит, они бессильны.

Дождь — от них спасение... Если видите огненного посланца — бегите к воде. Прыгайте в реку, в море. Пусть вода унесет вас от него...

Синяя магия — есть магия тепла и холода, жидкого и твердого... Если вода вдруг превращается в масло, а масло в камень, если холодное становится теплым без огня — это есть действие синей магии... От водяных глаз бегите в гору. Как вода не течет в гору, так и водяные стремиться к долинам и оврагам... Не ступайте в воду сокрытую травой. Синие посланцы часто прячутся в болотах от солнечного света...

Коричневая магия — есть магия земли. Кто повелевает ею, тот повелевает камнями, песком и водой. Волны, поднятые не ветром, шевелящиеся камни и оживающий песок есть действие коричневой магии... От каменных посланцев прячьтесь в пещерах и ущельях. Что не прикреплено к земле, то может стать частью его тела. Не спускайте глаз с каменного посланца. Бойтесь летящих камней...

Голубая магия — есть магия ветра... Если в ясную, сухую погоду вы видите смерч — то есть голубой посланец. Бегите в лес, где кроны деревьев будут вам спасением..."

Те, кого ведьмы называли «голубыми посланцами» из всех демонов были самыми загадочными. Их тело представляло собой тонкий диск похожий на сложенные дном наружу блюдца. Оно позволяло им удерживаться внутри создаваемого ими же смерча, однако для передвижения в космосе было совершенно не приспособлено. Лишь составляя тело голлема, демоны-смерчи могли передвигаться вне атмосферы. Если предполагать, что демоны-смерчи появились в результате эволюции, то становится необходимым признать, что космос не являлся для них естественной средой обитания. Это расшатывало самую популярную теорию происхождения демонов, но при этом косвенно подтверждало предположения тех, кто считал, что в ядре Пояса черны находится газовый гигант.

«Белая магия — есть магия грома, — продолжала читать Люка. — Белые маги повелевают молниями и молниями не уязвимы. Легкая жертва для белого мага — тот, кто облачен в металлические доспехи и вооружен мечем или пикой... Если в нескольких шагах сверкнула молния, но грома не последовало — бегите! Ибо, то есть белый посланец. Они длинные и тонкие как черви. Све-

тятся белым как раскаленный металл. Они как змеи ползают по земле, но могут и превращаться в молнию... С грозowymi червями бойтесь воды и всего металлического. Прячьтесь в деревянных домах, даже в горящих. Огонь не так опасен, как бросок белого посланца.

Зеленая магия — есть магия жизни. Она течет во всем, что живо. То, чего она касается, становится теплым, мягким и подвижным, а то, что лишилось ее, останавливается, холодеет, становится твердым и умирает”.

На счет зеленой магии древнее учение ошибалось. Сама по себе она обладала не большим целительным действием, чем любая другая. Зеленая магия лишь управляла всей остальной магией, делая возможными такие колдовства как «исцеление», «вампиризм», «ведьмин сглаз» и «прослушивание». Однако демонов-нянек к «зеленым посланцам» ведьмы относили совершенно правильно. Именно они среди остальных демонов владели зеленой магией лучше всего, и потому обладали самым острым чувством магии, ощущая ее на космических расстояниях.

«Фиолетовая магия — есть магия разума. Она рождает в людях страх, любовь, злость и другие чувства. Она может вызвать у человека сон, видения и даже безумие. Фиолетовый маг может подчинить человека своей воле, и только маг равный ему по силе способен сопротивляться этому... Бесы — есть фиолетовые посланцы. Они делают людей одержимыми... Убегайте от одержимых через болота, через бурные реки, ройте ямы, заманивайте одержимых и закапывайте заживо. Помните! Они уже мертвы, хотя и двигаются как живые...

Черная магия есть магия пустоты. Из пустоты сотворен был мир, и в пустоту сгинет, когда придет его срок. Лишь черной магии подвластна пустота, и лишь Богу-творцу подвластна черная магия...”

Глава заканчивалась такими словами: «Когда станут люди слышать слова, а не мысли; когда не смогут отличить грешника от праведника, тогда придет Черный посланец, и будет он из рода человеческого и облика человеческого; и грешники пойдут за ним, ибо речи его будут сладки и лживы. Он назовет ложь правдой, а правду ложью; порок добродетелью, а добродетель пороком; пообещает людям бессмертие и в их муках обвинит не уверовавших в него. И свершится битва, и только праведники уцелеют в ней,

а если не останется в мире достаточно праведников, тогда черна поглотит Солнце, и наступит конец времен».

Забыв обо всем, Люка жадно поглощала страницу за страницей, пока щелчок замка входной двери ее не прервал. С работы вернулся папа. Девочка пулей вскочила на стол и, поставив книгу на место, аккуратно прыгнула на пол, после чего тихо, на цыпочках, шмыгнула в свою комнату. Внезапно вспомнив, что должна была уже сделать уроки, Люка быстро разложила по столу учебники с тетрадями и с серьезным видом начала что-то писать.

— Еще уроки делаешь?.. — спросил Зэн, заглянув в комнату дочери.

— Да, сегодня много задали, — ответила Люка.

— Ну хорошо, занимайся, — сказал отец и закрыл дверь.

Люка пыталась решать линейные уравнения, но перед ее глазами стояли маги, кирины и демоны... Еще долго они преследовали ее в снах. Каждый день юная колдунья снимала с папиной полки Книгу ведьм и читала главу за главой, перечитывая некоторые места по нескольку раз, заглядывая при этом в анатомическую энциклопедию, чтобы получить ответы на некоторые вопросы. Эти знания, в отличие от школьных, удивительным образом запоминались Люкой почти наизусть уже после нескольких прочтений.

В двенадцать лет Люка впервые ощутила то, что называлось ведьминым чутьем. В тот день она немного опаздывала в школу и, не увидев на крыльце Нану, подумала, вначале, что та не дождалась ее и пошла в класс одна, но едва Люка вошла в школу, странное чувство остановило ее — как будто внутри нее каркнула ворона или резко скрипнула старая дверь. Люка вдруг ясно поняла, что в классе Наны нет. Люка и раньше опаздывала, и Нана ждала ее на крыльце, звонила, спрашивала, будет ли та сегодня в школе, и ждала непременно на крыльце. Если Люка с Наной опаздывали, то опаздывали всегда вместе. Люка пошла дальше, но, дойдя до лестницы на второй этаж, остановилась. «Почему я вошла в школу? — подумала Люка. — Почему не осталась ждать на крыльце?» Люка тут же нашла ответ. Она была твердо уверена в том, что Нана уже в школе, хотя и не могла дать рационального объяснения своей уверенности. Думая об этом, Люка развернулась и спустилась на первый этаж. Пытаясь разобрать-

ся в своих ощущениях, она брела в сторону спортзала, и только дойдя до него, поняла зачем. Ей почему-то казалось, что именно здесь источник ее странного чувства. «Не надо!» — промелькнуло в ее голове так четко, что Люка схватилась за виски, но это был не звук, а то, что годами чувствовала она, заглядывая на чердак и в соседнюю квартиру. Люка встала у двери в спортзал и прислонилась спиной к стене. Она применила то, чему училась все эти годы и довела почти до совершенства. Ее дух вначале проник в мужскую раздевалку, где никого не было. Лишь в трубах отопления журчала вода. Еще одна стена, и за ней оказался склад спортивного инвентаря, где в дальнем углу шевелились четыре слившихся воедино тела.

Люка ворвалась в помещение, когда Эри, держа Нану одной рукой за сомкнутые сзади локти, лапал свободной рукой ее грудь. Двое других парней пытались снять с нее колготки, но Нана, выворачиваясь, сопротивлялась этому. Люка пулей пролетела через комнату, и, встав на бедро одного парня, ударила второго ногой в челюсть, от чего тот рухнул без сознания. Юноша, на которого она встала тоже упал. Эри отшвырнул Нану в сторону и с бешеным взглядом бросился на Люку, но та, сделав два шага назад, остановила его ударом колена в солнечное сплетение. Нана спряталась за спиной Люки, а юноша, пострадавший менее всего, отполз в угол и даже не вставал с пола, чтобы Люка не начала его бить.

— Пойдем отсюда, — проговорила Нана, дергая Люку за пояс.

У двери спортзала Нана расплакалась, и Люка прижала ее к себе.

— Как они затащили тебя туда? — спросила Люка.

— Они... Они сказали, что кому-то нужна помощь.

— И ты им поверила?

— Ну как я могла не поверить. А если бы и правда?..

— Никому нельзя верить — особенно мужикам. Расскажи родителям. Это ведь изнасилование!

— Нет! Папа меня убьет, если узнает.

— Почему?

— После того, как его мама бросила, он всех женщин шлюхами называет. Говорит, что я тоже шлюхой стану, как моя мама. Я говорила ему, что ко мне мальчики пристают, а он говорит, что если пристают, значит, сама даю повод. Он и так запрещает

мне красиво одеваться. Говорит, что сейчас такую одежду шьют, что с детства приучают девочку шлюхой быть. Если он обо всем узнает, он меня убьет!

— Так они тебя изнасилуют, в конце концов!

— Ну и пусть! Все равно ему ничего не скажу.

После этого случая, Люка начала еще больше времени проводить с Наной, которая с каждым годом становилась для парней все более привлекательной. Имея лицо двенадцатилетнего ребенка, Нана обладала фигурой вполне сформировавшейся девушки. Одноклассники встречали и провожали ее похотливыми взглядами, которые Люка ощущала своим ведьминым чутьем, но Нана не просто стеснялась, а скорее панически боялась парней. Люка стала встречать Нану у дома и провожать до дома, ни на секунду не оставляя одну, как будто ожидая, что вот-вот что-то страшное произойдет с ней.

Драться Люка научилась в пришельской школе магии, которую посещала с восьми лет. В этой школе дети развивали свои магические способности, учились медитировать и обучались простому светлостному и нейтральному колдовству. Помимо этого, дети изучали традиционные катонийские единоборства, катонийский язык, пришельскую философию и другие — самые главные вещи из школьной программы Страны пришельцев.

Первое занятие открывал лично Лей. Он вошел в зал и поприветствовал учеников поклоном, после чего сел перед ними.

— Меня зовут Лей Суджю. Я основатель этой школы. И хотя я, к сожалению, не смогу преподавать здесь, я буду встречаться с вами иногда. В этой школе вы будите постигать путь магии. Это путь вверх, поэтому идти по нему тяжело, и как любой путь он уводит вас от чего-то и приводит к чему-то новому, поэтому, чтобы идти по нему, вы должны искренне желать того, к чему ведет вас этот путь, и должны быть готовы расстаться с тем, что неизбежно останется позади. Невозможно взлететь, не оторвавшись от земли. Освоение любого мастерства заключается в преодолении препятствий и отказе от всего, что мешает достижению цели. Путь магии — это путь подчинения собственных эмоций собственной воле. В большинстве своем, люди — рабы своих эмоций. Люди подчиняются эмоциям, иногда даже не замечая этого, но вам придется научиться подчинять эмоции себе. Магия служит толь-

ко искренним желаниям. Магия — самый точный детектор лжи. Магия слушает мысли, а не слова, и потому повелевать магией означает — повелевать не только телом, но и мыслями. Вы все это очень скоро почувствуете на себе...

Дети мало что поняли из слов Лея, и никто из учеников пока не придавал большого значения этим словам, кроме Люки, которая узнала в них уже известный ей по Книге ведьм принцип: «Владеющий духом — владеет магией. Владеющий магией — владеет миром».

Тренировки в школе магии чередовались с интересными рассказами учителей об истории, об обществе и о человеческой психологии. Прямо в спортивном зале дети садились полукругом перед учителем и внимательно слушали, задавая вопросы, иногда даже споря. Каждый из пяти учителей был превосходно физически развит и разносторонне образован. Каждый мог подробно и понятно ответить на любой детский вопрос, и потому каждый имел среди учеников большой авторитет. Любое их слово было для детей законом, а непослушание самими учениками считалось постыдным. Лей иногда прилетал в Цитадель, чтобы встретиться с учениками. С каждым годом он посещал школу все чаще, и наконец, сняв квартиру в Цитадели, стал преподавать в школе сам.

Однажды, после занятий Лей остановил Люку и шепнул ей на ухо, что хотел бы видеть ее в одном из залов для некоего разговора. Приняв душ и переодевшись, Люка не без волнения направилась в указанное место.

«Черт! Если он узнал, что я изучаю темное колдовство, он выгонит меня из школы, — думала Люка. — Хотя как он мог узнать?...»

Робко приоткрыв дверь, Люка заглянула внутрь. В зале сидел Лей с тремя учениками.

— Не стесняйся, заходи, — улыбнувшись, произнес он.

Был поздний зимний вечер. На улице уже стемнело. В зале из всех ламп горела только одна. Свет уличных фонарей проникал в помещение через высокие окна, и, отражаясь от белого потолка, равномерно разливался по залу. За окном, поблескивая, медленно падал снег. Люка прошла через зал и села в свете единственной горящей лампы рядом с учениками. Люка знала каждого из них. Белокурая девушка по имени Ильга тренировалась с ней в одной

группе, где была, как и Люка, одной из лучших; лысый парень с перебитым носом учился с Люкой в одной школе и был на год ее старше, а высокого худощавого красавчика с зачесанными назад волосами и тонкими, как бы вечно прищуренными глазами, Люка часто видела на соревнованиях. Вскоре к ним присоединились еще двое: невысокого роста парень, известный как лучший в школе фехтовальщик, и девушка с длинными рыжими волосами завязанными в тугую косу.

— Итак, все в сборе, — произнес Лей. — Вы уже взрослые ребята, и для вас, наверное, не секрет, что обучение темному колдовству на Галеоне запрещено. Вы, наверное, так же понимаете, что без него любые единоборства бесполезны против современного оружия.

— Чтобы справиться с отморозками хватает, — заметил длинноволосый красавчик.

— Для этого не нужно особой подготовки, — возразил Лей. — Я вас вот для чего собрал. Заканчивается пятый год вашего обучения. Вы уже достигли больших высот в единоборствах и колдовстве. Теперь перед вами открываются три пути. Вы можете уйти из школы и заняться чем-нибудь другим. Дисциплина, навыки, и знания, полученные здесь, помогут вам добиться успеха в любом деле, каким бы вы не занимались. Вы можете продолжить обучение единоборствам, чтобы участвовать в соревнованиях, но лично я считаю это бессмысленным.

— Почему? — удивленно спросила рыжеволосая девушка.

— Потому что, — ответил Лей, — боевые искусства — это оружие, и единственно правильное их применение — это применение в бою. В спорте боевое искусство деградирует, потому что приспособляется к условиям соревнования, с правилами и судьями. Из него исчезает то, что на ринге совсем не нужно, но в бою помогает выжить.

— А какой третий путь? — спросила Люка.

— Третий путь — встать на службу Земли обетованной.

— Но ведь мы — граждане Аллarii, — заметил длинноволосый парень.

— Это не имеет значения. Будучи гражданами Аллarii, вы можете быть постоянными гостями Страны пришельцев. К тому же, вы нужны нам именно как граждане Аллarii.

— Но ведь это, получается, государственная измена?

Лей усмехнулся.

— Вы еще не присягнули на верность Алларии, ведь так?

— Но все равно, мы родились и выросли здесь, на Галеоне. Значит мы должны служить Галеону, — неуверенно проговорила рыжеволосая девушка.

— Должны ли?.. — спросил Лей и сделал паузу, как будто ожидая ответа, после чего продолжил. — Вы не выбирали место, где родиться, а значит не обязаны служить стране только потому что в ней родились. Помните, я вам рассказывал? Одним из принципов катонийской государственности и трудовой этики был принцип взаимной верности — верность гражданина государству и государства гражданину, верность сотрудника компании и компании сотруднику. В Алларии многих наказали за измену родине, а был ли кто-нибудь наказан за измену родины? Посмотрите, как живут ветераны войны корпораций. Что дали им корпорации, за которые они воевали?.. Комнаты в грязных общежитиях? Или им дали бесплатное медицинское обслуживание? Аллария спрашивает больше, чем дает — это и есть предательство государства, но за него некого наказывать, потому что все как бы виноваты и никто конкретно. Подумайте, что дало вам государство такого, за что вы были бы обязаны быть ему верны. Никчемное школьное образование? Или что-то еще?.. Подумайте, что даст вам государство тогда, когда вы посвятите ему всю жизнь... Если вы будете служить Земле обетованной, то в старости получите жилье на территории Страны пришельцев, бесплатное медицинское обслуживание и пенсионное обеспечение на равных с гражданами. Ваши дети будут учиться в настоящих пришельских школах на территории Страны пришельцев и станут полноправными гражданами. Самое главное, помните, вы можете стать пришельцами, потому что «пришелец» — это не национальность, а воспитание. Вы воспитаны как пришельцы. Подумайте об этом. Чего больше в вас — пришельского или галеонского?.. Я не просто предлагаю службу именно вам.

Повисло молчание. Ученики переглядывались, и никто не осмеливался что-либо произнести.

— Мы должны ответить прямо сейчас? — спросила Люка.

— Конечно же нет, — ответил Лей. — Это серьезное решение, и вы не должны принимать его в спешке.

Вскоре начались зимние каникулы, и Лей снова собрал уче-

ников, теперь, чтобы предложить им слетать с ним на Землю обетованную. Две недели ученики провели в Акуре. Когда их пребывание подходило к концу, они собрались в одном из номеров гостиницы, чтобы обсудить предложение Лея. Они делали это так, как их учили в пришельской школе — спорили, взвешивали противоположные аргументы, говоря по очереди и не перебивая друг друга. Каждый для себя, однако, уже принял решение. На следующий день ученики сообщили Лею, что согласны служить Земле обетованной.

После возвращения на Галеон характер обучения молодых людей резко изменился. Каждый день, после школы, а в выходные дни — с самого утра, Лей заезжал за каждым из них и вез двадцать километров от Цитадели в лес, где располагался лагерь специальной подготовки. Построенный неизвестно кем и когда, этот лагерь находился в глубине соснового бора и представлял собой несколько бревенчатых избушек, рядом с которыми располагались полоса препятствий, стрельбище, а также система окопов и коридоров, имитировавших сложные закрытые помещения. В подвале одного из домиков находился склад оружия, где на стенах аккуратно были развешаны штурмовые и снайперские винтовки, арбалеты, мечи различной длины, дробовики и даже гранатомет. У стен стояли ящики с боеприпасами и снаряжением. В радиусе двенадцати километров вокруг не было ни поселений, ни военных баз, ни дорог, а плотные кустарники и высокие стволы деревьев надежно поглощали звуки выстрелов. Лучшего места для организации секретного лагеря военной подготовки было не найти. Лагерь всегда был пуст, когда приезжали ученики. За все обучение в нем ни разу кроме них никто не появился, но в их отсутствие пустые ящики с боеприпасами заменялись полными, а рассыпанные по земле гильзы кто-то тщательно собирал.

Поначалу ученики много времени тратили на одно необычное упражнение. Они делились на две группы по трое и расходились на несколько метров. Затем, в каждой группе один становился в центр, второй спереди, лицом к нему, а третий сзади. Стоящий в центре приседал на корточки и резко подпрыгивал вверх, а двое других страховали его приземление. Совершив один прыжок, ученик занимал место спереди или сзади, а другой становился в центр. Так, сменяя друг друга, по несколько часов ученики совершали казавшиеся бессмысленными движения. Вначале, эти

прыжки были не выше тех, что может совершать любой человек, но, со временем, они становились все выше и выше, постепенно уходя за пределы обычных человеческих возможностей. Следующим этапом было научиться не просто прыгать далеко, но еще и рассчитывать дальность прыжка. Для этого в лагере было специальное сооружение. На стволах деревьев, на высоте двух метров, были закреплены панели из прочной фанеры с прибитыми горизонтально рейками толщиной в два сантиметра. При достаточной силе пальцев на таких рейках можно было висеть какое-то время. Ученик запрыгивал на первую панель, перепрыгивал на противоположную, затем перелезал на вторую — висевшую на том же дереве, но под другим углом — и снова прыгал. Панели висели на разном расстоянии одна от другой, поэтому силу прыжка постоянно приходилось менять. Эту полосу ученики ежедневно проходили на время в одну и в другую сторону.

После очередной пробежки со снаряжением, ученики сели отдохнуть на поляне.

— Молодцы, — сказал Лей, глядя на секундомер. — Сегодня хорошо пробежали.

— Да мы быстрее бы бежали, если б не девчонки, — сказал юноша с длинными волосами.

— Ну, что поделаешь. Девчонки хоть и слабее парней в беге, зато сильнее в магии, — ответил Лей. — Отдыхайте, и на тренировку по фехтованию.

— Учитель, можно спросить? — обратился к Лею юноша с перебитым носом.

— Спрашивай.

— Зачем нас так сильно тренируют владеть мечом?

— Хороший вопрос, — ответил Лей. — Меч — это основа вашего вооружения. В некоторых ситуациях вы будете вооружены только мечом.

— Но почему?

— Вот почему... — Лей достал из кобуры пистолет и вынул из него обойму. Вытолкнув несколько патронов, он отошел недалеко и поставил патроны в землю на половину гильзы, после чего вернулся к ученикам. Через секунду патроны взорвались. — Огнестрельное оружие — это кусок взрывчатки у вас в руке. Специально обученному магу ничего не стоит взорвать ее. А теперь представьте, что вы обвешаны гранатами. И еще, Маму́, попробуй

достать свой пистолет.

— Черт! — выкрикнул юноша, коснувшись рукоятки. — Он горячий!

— Это еще один недостаток огнестрельного оружия, особенно галеонского. Его рукоятки часто сделаны из металла, который легко нагреть. Единственное оружие, с которым безопасно выйти против опытного мага — это меч. К тому же, маги очень живучи. Одинокое пулевое ранение затягивается на теле мага за несколько минут, поэтому издревле самым надежным способом убить мага было — отделить его голову от тела. Для этого тоже нужен меч.

В лесном лагере Люка забывала обо всем и полностью отдавалась тренировкам. С любыми магическими упражнениями она справлялась играючи, и потому не испытывала к ним особого интереса, тем более что некоторые колдовства она уже практиковала прежде и ей скорее приходилось скрывать от учителя свое умение, чем тренироваться. Больше всего Люка любила тренировки с мечом и рукопашный бой, завидуя юношам, чьи тела были физически сильнее. Часто, когда какое-то физическое упражнения у нее не получалось, она недовольно фыркала, Лей замечал это и, со своей хитрой улыбкой, говорил ей, что девушка не должна ровняться на мужчин в физической подготовке, а должна компенсировать свою слабость магическими умениями. Люка не спорила, но в глубине души была с этим не согласна.

С тех пор, как Люка решила служить Земле обетованной, мир для нее разделился надвое. В одном, она была частью отряда избранных, обучаемых для какой-то не вполне для нее понятной, но определенно важной цели; в другом, была школа, в которой Люка была изгоем и которую тянула как повинность.

Галеонцы редко болели. Из всех галеонских паразитирующих микробов, человека могли поражать лишь грибковые инфекции. Только в Цитадели, где рядом с людьми обитали завезенные крысы, птицы и домашние животные, иногда вспыхивали эпидемии.

В те дни, в городе бушевал грипп, и Люка стала одной из его жертв. Прожив всю жизнь на Галеоне, она впервые так сильно болела, и потому ощущения человека зараженного гриппом для нее были непривычными и пугающими. Никогда еще Люка не чувствовала себя такой беспомощной. Болезнь обострила ма-

гический слух, от чего и днем, и по ночам Люку преследовали странные звуки и голоса. За окном, который день лил дождь, и темные низкие облака создавали в комнате Люки полумрак. Нана не звонила уже несколько дней. Люка пыталась связаться с ней сама, но телефон Наны был отключен, и на сообщения она не отвечала. «Наверное, у нее телефон украли», — успокаивала себя Люка, но тревога не покидала ее. Она не включала телевизор, только лежала на диване и ходила по комнате взад-вперед. Вдруг что-то белое и яркое вспыхнуло в комнате. Забыв про усталость, Люка вскочила с дивана и схватила телефон еще до того, как заиграла мелодия. Пришло сообщение от Наны.

«Мой отец все знает. Он увезет меня, и мы никогда больше не увидимся. Но все равно, спасибо тебе. Те секунды были самыми прекрасными в моей жизни. Я никогда их не забуду. Прощай».

Люка сорвалась с места, быстро оделась и выбежала на улицу.

Дул сильный порывистый ветер. Надвигался шторм. Колотаясь от жара, преодолевая слабость и боль, Люка спешила в школу. На крыльце и вокруг школы никого не было. Шли занятия. Чутье подсказывало Люке, что идти нужно к месту, где произошло то, о чем писала в сообщении Нана. Не доходя до школы, Люка свернула, чтобы срезать путь. Она дошла до того места, где прут забора был отогнут, и увидела вдалеке силуэт девушки, стоявшей на самом краю обрыва на фоне мрачных грозовых облаков. Люка быстро протиснулась между прутьев, но упала, а когда поднялась, девушки уже не было. Люка попыталась бежать, но головная боль и одышка остановили ее. Пошатываясь, она шла вдоль школы в полубессознательном состоянии, и ее атаковали назойливые звуки: дурацкие смешки, разговоры на задних партах, скрипы старых дверей, шуршания и писк подвальных крыс, шум водосточных труб, — все это звучало в голове Люки одинаково громко, перемешиваясь в бессмысленный, бесформенный гул. Люка добрела до края пропасти, и резкий порыв ветра ударил ее в спину, едва не сбросив вниз. Она схватилась за остатки ограждения и, держась за них, добралась до лестницы.

Раскинув руки и ноги, Нана лежала на спине, и была похожа на выброшенную кем-то красивую куклу. На ее газа, смотревшие в небо равнодушным, отрешенным взглядом, падали и скатывались подобно слезам капли дождя. Увидев этот взгляд, Люка по-

няла, что помочь Нане уже невозможно. Поняв это, Люка ничего не почувствовала, как будто лишь убедившись в том, чего сама давно ожидала. Дождь усиливался и она, уже едва в сознании начала искать укрытие. Она забилась в угол заброшенного вагона, проглотила взятую из дома таблетку и незаметно провалилась в болезненный полусон.

Толпа зевак собралась минут через десять. Перепуганные учителя и старшеклассники стояли внизу, а край обрыва облепили дети помладше. К телу подбежал отец Наны, и, бросив на землю ее документы, которые только что забрал из школы, обнял мертвую дочь и завыл, а она как будто смотрела мимо него куда-то в сторону, будто бы говоря: «Делайте теперь со мной что хотите — теперь мне до вас дела нет». Он сунул ей под голову руку, но тут же высунул, испачкавшись в кровавом месиве. Мужчина испуганно смотрел на свою руку, желая вытереть, но, не зная обо что. Тут же к нему подбежала учительница и предложила платок. Обтерев руку, мужчина вернул платок, и теперь учительница, испачкавшись, искала — обо что вытереться.

Магия перешептывала Люке каждый шорох. Сквозь неразборчивый гул, Люка четко слышала, о чем говорили в толпе.

— Так чего ее отец из школы хотел забрать-то? — спрашивала одна девушка у другой. — Говорят, они с ведьмой — эти...

— Ну да! — шепотом отвечала девушка. — Ты разве не знаешь?.. Все только об этом и говорят.

— Не знаю.

— Ну ты даешь! Кто-то заснял, как они сосутся, и выложил в сеть. Ты разве не видела?.. Все уже скачали — друг другу показывают.

— Да я ж болела.

— Ну так вот, они — эти, а батя ее из школы хотел забрать, и вообще из города увезти. Мне Эльга сказала. Она их соседка. Говорит — он так орал, что весь дом слышал. Он ее дома запер, а сегодня в школу привел, чтобы документы забрать. А она куда-то убежала. Мы ее сейчас, только что, по всей школе искали...

— Вот дура. Она всегда какой-то странной была.

— Ну да. С таким припадочным отцом, какая она еще может быть?..

— Да отец тут причем?.. Если бы мой отец узнал, что я с девочками сосусь, он бы то же самое сделал. Я считаю, что нор-

мальный человек с собой не покончит. Если она сумасшедшая, мало ли, что ей в голову взбредет... Так а снял то их кто?

— Не знаю. Мне парень говорил, что Эри ходит и хвастается всем, что это он снял.

Вскоре приехала полиция. Двое полицейских накрыли тело тряпкой, но ветер постоянно срывал ее. Пытаясь одновременно разгонять зевак и придерживать тряпку, двое полицейских метались от тела к толпе и обратно до тех пор, пока не прибыли санитары. Они положили тело в черный мешок и унесли. Толпа разошлась, а дождь продолжал усердно смывать пятна крови, как будто, из стыда за людей, пытаясь скрыть следы произошедшего.

Через неделю Люка вернулась в школу, поразив всех своим видом. Она была одета в черные обтягивающие штаны и черную водолазку. Ее светлые волосы были выкрашены в угольно черный цвет, на фоне которого стала заметна уже начавшая появляться бледность кожи. Однако более всего пугающим стал ее взгляд — мертвецки холодный, сквозь полуприкрытые глаза — этот взгляд был описан в древней литературе как тот, с которым воин должен выходить на бой. Только теперь Люка по-настоящему стала похожей на темную ведьму. Все приняли это за траур, но для Люки черный не был цветом скорби. Для нее, воспитанной «Книгой ведьм», это был цвет пустоты, цвет духа и того места, откуда души приходят и куда уходят после смерти. В черный цвет облачались древние катонийские воины, и знающий это понял бы, что кому-то в школе Люка объявила войну.

Был конец осени, и, хотя занятия заканчивались не очень поздно, на улице к тому времени уже темнело. Однажды, после уроков, Люка пошла не в раздевалку вместе со всеми, а направилась куда-то вглубь школы. Она вела себя очень подозрительно, чем привлекла внимание Эри. Люка в точности повторяла тот день, когда Нана потащила ее к пожарному выходу, чтобы рассказать что-то важное. Тогда Нана призналась Люке в любви. Люка начала рациональными доводами убеждать Нану в том, что это неправильно, и делала она это так упорно, как будто убеждала в этом себя. Нана не спорила. Она лишь нежно обняла Люку, и та не смогла сопротивляться. Они страстно поцеловались.

Эри следовал за Люкой по темным безлюдным коридорам школы. Он вышел на лестницу и начал медленно спускаться вниз.

Наконец, добравшись до первого этажа, он аккуратно высунулся за перила, чтобы посмотреть, что происходит у выхода.

— Значит отсюда ты нас снимал, — раздался за его спиной голос Люки.

Эри обернулся и увидел направленный в свою сторону пистолет с глушителем.

— Пошел вниз, — скомандовала Люка.

— Эй, ты чего?..

— Я до этого момента еще сомневалась, но теперь вспомнила. Я видела тебя тогда. Ты почему-то ошивался в коридоре. Я не предала этому значения.

— Ну... Ну, я же не знал, что она так отреагирует...

— Не знал? А ты, когда делал это, ты не осознавал, что совершаешь зло?

— А что я сделал?.. Я же... Я же просто заснял, что было. Вы же делали это. А я тут причем...

— Значит ты у нас — борец за правду?.. — Эри прижался к стене, а Люка села на ступени и, жестикулируя пистолетом, продолжила. — Один философ сказал: «Глупое добро может быть опасней разумного зла, поэтому глупость и невежество есть самые страшные из грехов». Какой бы ни была твоя мотивация, ты глуп, и от твоей глупости погиб человек. За это тебе придется заплатить. Ты веришь в божественное вмешательство? Я знаю, галеонцы верят, особенно с твоим интеллектом, особенно, когда на них направлен ствол. Так вот, говорят, божественное вмешательство проявляется в случайностях. Когда погибает праведник, говорят: «Бог забрал его к себе», если погибает грешник, говорят: «Бог покарал его», а если Бог спасает человека от неминуемой гибели, говорят: «Он дал человеку шанс раскаяться». Ну, то, что ты — праведник — это вряд ли, а вот будет ли у тебя шанс раскаяться — это мы сейчас выясним. Открой дверь.

— Эй. Что ты задумала?

— Открой дверь, — повторила Люка, прицелившись в Эри. Тот открыл дверь, не спуская глаз с пистолета.

— Теперь посмотри вперед, — сказала Люка. — В шестидесяти метрах отсюда — обрыв. Там погибла Нана. Ты можешь начать убегать, но предупреждаю — это смертельный номер. С такого расстояния я легко попаду в тебя. У тебя сейчас есть только один способ выжить. Если ты спрыгнешь, ты можешь призем-

литься на ноги, на гравий. Ты покалечишься, но выживешь, и если будешь громко кричать, кто-нибудь придет тебе на помощь, может быть. Я не буду добивать тебя. — Люка встала. — Пошел! — скомандовала она.

Эри вышел на улицу и осмотрелся. Как назло, вокруг никого не было. Он медленно шел, проклиная и Люку, и Нану, и себя за глупый поступок. Чем ближе он подходил к желобу, тем шире перед ним открывалась черная, казавшаяся бездонной, пропасть, и тем сильнее становилось чувство того, что из этой переделки он не выберется. Он остановился у края, и в ту же секунду рядом с ним по камням чиркнула пуля. Прыгнуть вниз казалось для Эри верной смертью. Он осмотрелся и увидел, что метрах в двадцати от него лежит толстая бетонная свая. Она была невысокой, и расстояние между ней и обрывом было всего сантиметров сорок, но упасть за нее казалось для Эри единственным спасением. Он резко метнулся в сторону и побежал по самому краю пропасти. Рядом просвистела пуля, еще одна... Эри пробежал мимо лестницы вниз и попал на то место, где не была вытоптана тропинка. Наступив на грибы, он поскользнулся и упал в пропасть спиной вниз.

Его нашли утром. Эри лежал на дне желоба с торчащей из живота арматурой. Происшествие посчитали несчастным случаем, после чего обрыв был отгорожен от территории школы высоким забором.

Отношения Зэна и Эды, тем временем, все больше холодели. Прежних любовных игр супруги не устраивали с тех пор, как родилась Люка, а через четырнадцать лет их интимная близость окончательно выродилась в однообразную рутину. С возрастом Эда подурнела. Лишь днем, в макияже и одежде, которую Эда всегда умела подбирать, она выглядела привлекательно, но Зэн редко видел ее такой. Чаще она представляла перед ним в домашнем халате или вообще без одежды, и ее формы уже не могли заставить Зэна мириться со всеми ее недостатками. Зэн перестал испытывать к Эде то похотливое влечение, кроме которого ничего больше к ней никогда не испытывал.

Уже несколько месяцев Зэн писал свою первую книгу, которая давалась ему с большим трудом. Он писал вечером, но лишь до того времени, как шелкал замок, и в квартиру входила Эда.

Она тут же начинала быстро и безостановочно говорить, задавая вопросы и ожидая ответов. Наговорившись, Эда включала телевизор потому, что не могла ни секунды находиться в тишине, а Зэн шел писать на кухню, но и там жена не давала ему покоя, заходя во время каждого рекламного блока и обязательно отвлекая его разговором. Зэн был очень сдержан, но, тем не менее, иногда раздражался, и Эда отвечала на раздражение раздражением, а иногда и насмешкой, что более всего выводило Зэна из себя. В ссорах Эда часто унижала Зэна, ударяя в его самые больные места, которых знала предостаточно. Зэн не мог ответить ей тем же, и потому из любой ссоры Эда всегда выходила победительницей. Бросить Эду у Зэна не хватало духа, и он предпочитал подчиняться, сдерживая обиду, сколько возможно, лишь бы не начался новый скандал.

Эда должна была вернуться из экспедиции к Поясу черны уже неделю назад. Поздним вечером, когда и Зэн, и Люка были дома, в квартиру семьи Гун позвонили. Дверь открыл Зэн. На пороге стояли двое молодых мужчин с неприметными лицами и одинаковыми прическами.

— Это вам, — сказал один из них лишенным эмоций голосом и протянул Зэну конверт.

— Что это? — спросил Зэн.

— Это касается вашей жены.

— Что с ней?

— Она погибла, — ответил мужчина так, как будто для него это было обычным делом.

Зэн остолбенел, а гости ушли, не сказав больше ни слова. В конверте лежали свидетельство о смерти и чек на довольную крупную сумму, которая, по всей видимости, была страховой выплатой. Зэну не пришлось ничего объяснять Люке. Увидев в его руках конверт с эмблемой компании, в которой работала мать, чек и еще какую-то бумагу Люка все поняла.

Через два дня, вечером, к Зэну и Люке пришел Лей с супругой. Они вспоминали Эду, и Лей рассказал Зэну кое-что о ее работе.

Отдел, в котором работала Эда, занимался изучением демонов и Пояса черны. Цель экспедиции была строжайше засекречена. Известно было только то, что корабль направлялся к самому ядру. В установленную дату корабль на связь не вышел, и

начались поиски. Через несколько дней был обнаружен шаттл с того корабля, на котором даже были выжившие — всего один или несколько человек. Они и подтвердили, что экспедиция погибла в результате нападения демонов. Сам корабль так и не нашли.

После известия о смерти матери Люка пыталась заглушить боль, изнуряя себя тренировками. Она бегала, прыгала, отрабатывала удары и колдовала до тех пор, пока не оставалось сил лишь на то, чтобы покинуть зал и дойти до дома. Однажды, Люка пришла в школу магии поздним вечером, когда ученики уже ушли, и учителя собирались домой.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Лей. — Послушай, если ты будешь тренироваться без перерыва, ты испортишь свой организм. Магический голод на фоне постоянной усталости может вызвать необратимые последствия.

— Учитель, мне нужно, чтобы вы помогли мне в одном деле.

— В каком деле?

— Помните, вы говорили, что в древности считалось, что в совершенстве овладел магией тот, кто может заставить при помощи магии свое тело умереть?

— Говорил, и что?.. Даже и не думай!

— Ну почему?

— Если ты хочешь мне доказать, что владеешь магией, то мне это не нужно. Я и так знаю, чем и насколько хорошо ты владеешь.

— Это... Это нужно мне самой.

— Зачем? Что за блажь?

Люка не знала, что ответить.

— Но ведь в древних школах учили останавливать собственное сердце. Это был обычный тест на высший уровень мастерства.

— Ты просто так ненавидишь себя, что готова убить. Ведь так?

— Но ведь запустить сердце не сложно. Вы же учили нас...

— Послушай, не нужно сильной воли для того, чтобы убить себя, когда не хочешь жить, но она нужна для того, чтобы жить дальше.

— Да, вы правы, — ответила Люка. — Простите, — сказала она, опустив глаза, и направилась к выходу.

— Стой, — остановил ее Лей. — Я хорошо знаю тебя, чтобы поверить, что ты так быстро сдалась. Ты думаешь проделать это

с кем-то из своих друзей. Ведь так? Подойди сюда.

Лей задумался на мгновение.

— Если в тебе есть это желание, то едва ли с ним можно что-то поделать. Пойдем.

Лей отвел Люку в один из залов и закрыл дверь изнутри. Люка села на колени и закрыла глаза, а учитель сел перед ней.

Люка сидела неподвижно несколько минут. За это время ее пульс замедлился, температура тела понизилась, а дыхание стало едва заметным. Лей чувствовал, как невидимыми струями из нее утекает магия. Из головы и спины Люки исходили тонкие магические нити, медленно тянувшиеся к Лею, к мухе, сидевшей на стене, к мышам в подвале, к старому дереву за окном, к двум птицам на его ветвях и к червям под его корой. Вскоре, дыхание Люки совсем прекратилось, а сердце потеряло ритм. Его сокращения стали хаотичными. Кровь остановилась. Тело Люки обмякло, она сторбилась, ноги разъехались, а сомкнутые на животе руки сползли на колени. До последней секунды Лей ожидал, что у Люки ничего не получится, и тогда она вспомнит о тех вещах, которые еще держат ее на этом свете, но у нее все получилось, и это по-настоящему испугало Лея. Положив Люку на спину, он сел перед ней на колени и положил руки ей на грудь. Собранная Леем магия сама стекала в опустошенное, но еще живое тело Люки. Несколько раз Лей сжал и отпустил ее сердце, и оно забилось в прежнем ритме. Вскоре вернулось и дыхание.

Люка открыла глаза, лежа на коленях учителя. Он держал ее одной рукой под голову как новорожденного ребенка, а второй растирал ее похолодевшие руки.

— Такая молодая, а так себя ненавидишь, — говорил Лей.

Люка заплакала и обняла его.

— Почему все, кого я люблю, умирают? — сквозь слезы проговорила она.

— Потому что люди иногда умирают, — ответил Лей.

— Но почему! Почему нельзя чтобы было иначе?

— Потому что все умирает, даже звезды. Мы все состоим из вещества погибших когда-то звезд. Старое, умирая, дает жизнь новому, и любое новое когда-нибудь становится старым и умирает. Любая жизнь есть чья-то смерть, а потому не было бы смерти, не было бы и жизни. Ты, Люка, молода, поэтому должна жить.

Оставались считанные месяцы до того дня, когда Галеон должен был получить полную независимость. Это слово звучало в те дни отовсюду. Пропагандой создавался образ независимости как некой грани, за которой лежали решения всех проблем, возрождение былого могущества и счастливая жизнь на все времена. Однако страдавшее от инфляции, безработицы и рабского трудового законодательства население не спешило верить обещаниям власти. Даже ничего не понимавшие в политике и экономике люди ощущали необходимость радикальных перемен. Казалось неправдоподобным, что политики, которые годами вели страну к упадку, вдруг изменятся и спасут ее от экономической катастрофы, но еще менее правдоподобным казалось то, что они позволят отобрать у себя власть. Тотальная монополизация и коррупция, без которой на Галеоне невозможны были никакие отношения с властью, были результатом многолетнего правления правых консерваторов. Неспособные бороться с настоящими врагами Галеона, то есть с самими собой, они искали иных врагов — внешних. К тому же, страдая тяжелейшим комплексом государственной неполноценности, консерваторы искали все новые и новые символы национальной идентичности, одним из которых стал так называемый галеонский язык. Собрав воедино распространенные на галеоне ошибки в ударениях, словоупотреблении, орфографии и грамматике, группа лингвистов по заказу правительства создала особую версию алларийского языка. Некоторые галеонские политики, дабы подчеркнуть свою лояльность, даже начали говорить и писать на нем, раздражая алларийских дипломатов, не ожидавших услышать из уст своих коллег жаргон каторжников.

В тот день университетские аудитории и школьные классы опустели. Рано утром небольшие группы молодых людей, состоявшие в основном из старшеклассников и студентов, начали собираться в различных частях Цитадели, чтобы организовать несанкционированную акцию протеста против результатов второго тура президентских выборов, на котором весьма спорно победил кандидат от консервативной партии — Юли Зэус. Образованным молодым людям были омерзительны инициативы и законопроекты, с которыми он шел на выборы. Президент Зэус намеривался запретить иностранцам преподавать в ВУЗах, обещал отменить в школах изучение иностранных языков и запретить

демонстрацию в общественных местах символов чужой государственности, к которым, в частности, относил пришельские белые шарфики. Кроме этого, Зэус предлагал брать специальный дополнительный налог с граждан Галеона, работающих за рубежом, а на территории Галеона ввести жесткие ограничения на количество иностранной рабочей силы. Самой большой проблемой Зэус называл засилье пришельцев и собирался бороться с ними и со всем пришельским — то есть с тем, что образованная молодежь считала самым прогрессивным, с тем, чему она подражала и в чем видела надежду на спасение Галеона. Договорившись по сети, молодые люди, чтобы не привлекать внимания и не дать возможности полиции остановить всех разом, вначале собирались группами по десять-пятнадцать человек у метро, а уже затем направлялись в центр. Они планировали объединиться у торгового центра «Космос» и пройти несколько сотен метров до площади перед Башней Империи. Эта акция вошла в историю под названием «Восстание белых шарфиков».

Проснувшись тем утром на четыре часа раньше обычного, Люка сделала зарядку и разминку, какую делала перед тренировкой по рукопашному бою. Выбрав в гардеробе самые удобные эластичные штаны и слишком легкую для поздней осени куртку, Люка полностью оделась и начала совершать странные движения. Она подняла ногу вертикально вверх, затем опустила и совершила несколько ударов руками, потом вытянула руки вверх и развела в стороны, села в позу лягушки, затем на шпагат, после чего встала и попрыгала на месте. Убедившись, что ей ничего не мешает в этих движениях, Люка обула мягкие полуспортивные сапожки, одела перчатки из тонкой эластичной кожи и, туго завязав белый шарфик, вышла из дома.

В вагонах метро и на станциях уже было много молодых людей. Их количество в столь ранний час настораживало полицейских, но пока что не было повода останавливать их. На одной из станций Люку ждала подруга Илья.

— Привет, — поздоровалась Люка. — Принесла?

— Привет. Держи, — ответила Илья, доставая из внутреннего кармана мини-камеру. — Я все проверила. Зарядки на шесть часов хватит, памяти — на восемь.

— Круто!

— Есть куда спрятать-то потом?

— Все есть. Пошли.

— Да, пошли. Уже пора.

За пятнадцать минут до начала акции вагоны веток метро шедших через центр ломились от молодежи в белых шарфиках. Тысячи человек почти одновременно высыпали на перекресток перед торговым центром «Космос», мгновенно перекрыв движение транспорта. Через несколько минут две толпы, собравшиеся у разных станций метро, слились в одну и направились к Башне Империи. Ильга и Люка пробежали с краю, где было меньше всего людей, к самым первым рядам, откуда было видно, что перед зданием правительства уже собралась другая толпа. Однородно черной массой она заполняла Имперскую площадь. Это был митинг националистских молодежных движений организованный в поддержку нового президента. В отличие от акции «белых шарфиков», их митинг был санкционирован и потому охранялся полицией. По галеонскому закону любая манифестация могла быть проведена только с разрешения властей, поэтому достаточно масштабная акция оппозиции в Цитадели не могла быть разрешенной. Лишь у лояльных консерваторам националистов никогда не было проблем с разрешениями на манифестации.

Шествие противников Зэуса остановилось в нескольких десятках метров от площади. Ильга и Люка натянули шарфики на лицо, сделав из них маски. Из задних рядов вперед подтягивались самые молодые и агрессивно настроенные из числа «белых шарфиков». Парни из первых рядов, заметив движение в рядах националистов, говорили и показывали жестами девушкам, чтобы те отходили назад, к метро. Все это Ильга снимала на камеру, забравшись на метровой высоты мусорный бак. Люка стояла рядом и, следя за движением на площади, тоже снимала. Лидер националистов истошно кричал с трибуны что-то невнятное, указывая на приближающуюся толпу, но вскоре телохранители увели его, а молодые люди, разгоряченные его речами, начали собираться у края площади. Полиция, однако, не препятствовала ни одним, ни другим, а лишь стягивалась к флангам, как будто намереваясь вместе с националистами взять «белых шарфиков» в полукольцо, если те подойдут ближе.

Лишь четырехполосное шоссе разделяло белую и черную толпу. Из черной толпы то и дело выбегали особенно дерзкие молодые люди, и, подбегая так близко, как только позволяла им сме-

лость, бросали камни в белую толпу, сопровождали их ругательствами и тут же убегали обратно, трусливо оглядываясь назад. «Белые шарфики» уворачивались, и стояли молча, не отступая, однако, ни на шаг. Люка крупным планом снимала черную толпу и вдруг заметила, что среди подростков школьного возраста суетятся люди значительно старше. Распределившись равномерно по фронту толпы, они одновременно, как по команде, закричали и рванули вперед. Несколько подростков побежали за ними, каждый увлек за собой еще нескольких, и так почти вся черная толпа сорвалась с места. Люка даже не успела спрятать камеру, как подросток в черной куртке, армейских камуфляжных штанах и волосами, заплетенными в тугую косичку, оказался в нескольких метрах от нее. Лицо юноши блестело от пота, щеки были красными, а в глазах была не ярость, но смятение и пустота. Люка метнулась ему навстречу и срубила одним ударом ноги. Подросток упал без сознания, возможно, так и не поняв, что с ним произошло, что происходило вокруг, и что делал он за секунду до этого.

— Снимай! Снимай! Я тебя прикрою, — кричала Люка Ильге, которая выключила камеру, и уже было хотела прыгнуть с мусорного бака. — Ты полицейских сняла?

— Нет.

— Ну так, снимай, а я прикрою. Сейчас самое интересное начнется.

Ильга продолжила снимать, а Люка держалась рядом с ней и старалась не вступать в драку лишний раз, но ярость переполняла ее от того, что она видела вокруг. Националисты нападали группами на одного, валили на землю и начинали избивать ногами. Туда же, где «белые шарфики» превосходили их числом, подростки в черных куртках не лезли. Люка не выдержала и ворвалась в кучу из четырех бугаев избивавших одного шестнадцатилетнего подростка. Опешив от такой молниеносной атаки, они даже не успели начать сопротивляться, как у одного из них оказались сломаны пальцы на руке, а у другого выбито колено. Тут же подбежали еще двое в белых шарфиках и националисты отступили. Полиция, тем временем, отцепила площадь и начала приближаться к драке. Полицейские свободно пропускали сквозь свои ряды отступавших националистов, но, как только на расстоянии удара оказывался человек в белом шарфике, они начинали

жестоко избивать его дубинками и ногами, не взирая на возраст и пол.

Белая толпа начала отступать. Обернувшись, Люка уже не увидела на мусорном баке Ильгу. Она начала искать подругу взглядом среди толпы — в той стороне, куда отступали «белые шарфики», но обнаружила ее у себя за спиной. Двое полицейских отбирали у нее камеру.

— Лови! — крикнула Ильга и бросила камеру Люке.

Камера упала на тротуар и разбилась. Вынув карту памяти, Люка посмотрела на Ильгу.

— Беги! — крикнула та, отбиваясь от полицейских. Люка еще секунду смотрела на подругу, после чего начала убегать, и один из полицейских, отпустив Ильгу, побежал за ней.

Люка вильнула в переулок. Полицейский бежал быстрее, поэтому уйти от него она не надеялась. Люка спряталась за углом и напала, когда тот меньше всего ожидал. Она ударила его несколько раз и снова начала убегать. Свернув за очередной угол, Люка обнаружила, что оказалась в тупике. Высокий забор преграждал ей путь, но труба вдоль стены рядом и широкий карниз под вторым этажом могли помочь преодолеть препятствие. Люка вскочила на трубу, как вдруг за спиной раздался выстрел.

— Добегалась сучка, — проговорил сквозь одышку полицейский.

Люка замерла, висая на трубе. Пуля попала в стену в нескольких метрах от нее. Люка закрыла глаза и почувствовала полицейского, который медленно приближался, целясь в нее из пистолета.

— Маленькая прищельская сучка... Теперь ты просто так не отделаешься, — говорил он.

Он был уже слишком близко, чтобы его пистолет можно было просто взорвать. Ягодицы Люки находились на уровне головы полицейского. Он пялился на них, и Люка чувствовала в нем то, что чувствовала в одноклассниках, когда те видели Нану. Люка вспомнила Эри, вспомнила его мерзкие хихиканья, и ей показалось, что она слышит их у себя за спиной. Дуло пистолета коснулось Люки между ног. Она слегка опустила, отведя дуло вниз, и в ту же секунду что-то, сверкнув, вылетело у нее из сапога, оказавшись в руке. Тело Люки, внезапно став твердым как камень, взметнулось вверх подобно отпущенной пружине. Раздался выстрел... Через мгновение Люка приземлилась на ноги за спиной

полицейского, а тот, с ножом в голове, упал замертво.

Убийство полицейского в Цитадели было преступлением почти всегда раскрываемым. Каждый полицейский имел на теле датчик сердцбиения, который в случае остановки сердца включал маяк, по которому находили тело. Как правило, убийцу арестовывали через несколько минут после совершения преступления, но Люку никто не видел. На ее руках были перчатки, и когда обнаружили тело, она уже по соседней улице спешила к метро. Люка сделала из серой пятнистой куртки черную, вывернув ее наизнанку, спрятала белый шарф и стала неотличима от националистов, собравшихся на площади в тот день.

Начинался час-пик, и от того, что часть проездов были перекрыты из-за беспорядков, на улицах образовались пробки. Люке нужно было на противоположную сторону, но до перехода было около ста метров, и она решила протиснуться между машинами. Преодолев улицу, она перелезла через ограждение и направилась к метро.

— Стойте, — произнес неожиданно возникший перед ней полицейский.

Люка остановилась.

«Спокойно, — мысленно скомандовала Люка самой себе. — Они не могли меня так быстро вычислить. Меня никто не видел».

— Ваши документы, — произнес полицейский спокойным голосом.

«Так, засветилась, — подумала Люка, отдавая идентификационную карту».

— Зачем нарушаешь? А если бы мотоциклист между рядов ехал?

— Я в школу опаздываю, — жалобно произнесла Люка.

— Так ты уже опоздала. Что ты здесь-то делаешь в такую рань?

— Я?.. У нас митинг был, на площади.

— Митинг на площади?.. Это тот, что националисты проводят?

— Ну, да...

— Не ходила бы ты на эти митинги, — сказал полицейский возмущенно. — Училась бы лучше. На... — Он протянул Люке паспорт. — Не буду тебя пока штрафовать.

— Спасибо.

— Иди, иди в школу. Будь осторожней.

Почти бегом Люка поспешила к метро.

«Ничего, что засветилась, — думала Люка по дороге домой. — Они же ведь ищут девушку в серой куртке и в белом шарфике. Видеть меня никто не видел. Только Ильга... Если ее взяли, она может меня сдать, но она не сдаст. Бедная Ильга...»

Люка вбежала домой, не раздеваясь, села в коридоре на пол и уставилась в стену. Она все еще обдумывала, правильно ли то, что она вернулась домой, и сколько времени у нее есть до того, как полиция придет искать ее по этому адресу.

— Что с тобой? — спросил Зэн.

— Я убила полицейского, — резко ответила Люка, глядя в одну точку.

— То есть как?

— Вот так! Мне нужно скрыться.

— Где и когда ты это сделала?

— В центре, у площади Империи, приблизительно час назад.

— Как? Зачем? При каких обстоятельствах?

— В переулке ножом. Самооборона. Разве это важно?

— Неважно. Тебе не надо было приходить домой. Тебя видели?

— Нет.

— Точно?

— Не знаю. Они не должны меня быстро найти, но у меня мало времени. Ты же знаешь, что делать в таких случаях.

— Понятно. Не раздевайся. Жди здесь.

Зэн вышел из коридора. Через несколько минут он вернулся с листком бумаги, на котором был написан адрес дома неподалеку, номер подъезда и еще какие-то цифры.

— Это адрес, подъезд, код подъезда и код подвала. Спрячешься там, и вечером или ночью тебя заберут.

— Поздно, — сказала Люка. — Они уже здесь.

— Кто?

— Полицейские. Я чувствую.

Через несколько секунд в дверь позвонили.

— Откройте, полиция! — раздалось за дверью

— Все. Не успели, — произнес Зэн.

Полицейский начал колотить в дверь.

— Откройте! — кричал он. — Иначе будем ломать дверь!

— Прячься в антресоль, — сказал Зэн шепотом.

Антресоль располагалась над вмонтированным в стену шкафом в прихожей и была такого размера, что лишь такая миниатюрная девушка как Люка могла в ней поместиться.

Зэн открыл дверь и увидел направленное в лицо дуло пистолета. Полицейский развернул Зэна к стене и начал обыскивать.

— Ты — в кухню, ты — в зал, — раздавал приказы офицер. Полицейские были специально экипированы и действовали так, как будто штурмовали квартиру полную вооруженных преступников.

— Где она? — спросил офицер у Зэна.

— Кто — «она»?

— Люка Гун.

— Она в школе, — невозмутимо ответил Зэн.

— А у нас есть информация, что она час назад была в центре.

— Это какая-то ошибка. Она в школе, в двух кварталах отсюда.

— Все чисто, — раздалось с кухни.

— У меня тоже, — сказал полицейский из зала.

— Балкон проверил? — спросил офицер.

— Так точно.

— Могу я узнать, по какому поводу вы разыскиваете мою дочь?

— По тому поводу, что она убила полицейского!

— Вы считаете, что полицейского способна убить пятнадцатилетняя девочка?

— У нас есть запись, — кричал офицер, — на которой эта пятнадцатилетняя девочка избивает четырех бугаев! И на теле убитого были следы избиения! И ножи она метает лучше любого наемника! Вы плохо знаете свою дочь. В машину его!

Зэна увели.

— Вурс! — позвал офицер одного из полицейских. — Значит так. Похоже, ее действительно нет, но она может здесь появиться. Поэтому, остаешься здесь до вечера. Вечером я пришлю смену.

— Так точно, — ответил Вурс.

Люка осталась с полицейским один на один. Тут же в ее голове родилось с десяток планов того, как можно обезвредить полицейского, но все они оборачивались для него либо смертью, либо телесными повреждениями, и потому все они были недо-

пустимы. То, что Люка находилась в квартире и скрывалась от полиции, будет означать виновность ее отца в укрывательстве. Ей, во что бы то ни стало, нужно было покинуть квартиру незаметно — так, чтобы не было доказательств ее присутствия. Ей на ум пришел лишь один способ сделать это. Люка владела колдовством усыпления, при помощи которого могла погрузить человека в глубокий сон. Проблема была лишь в том, что колдовство это было светлым. Чтобы оно удалось, Люке надо было проникнуться любовью к этому полицейскому, как если бы он был ей близким человеком, но помня то, что происходило на площади, и то, что произошло с ней в том переулке, она не могла испытывать к нему ничего кроме ненависти. Злоба разгоралась в Люке от одного лишь осознания того, что живое существо, находившееся сейчас в поле ее магии, было галеонским полицейским мужского пола. Люку хотя и учили подчинять свои эмоции, учили заставлять себя любить и ненавидеть, однако не всегда это было возможно, и ни один маг не волен был выбирать какое колдовство — темное или светлое — способен он использовать против того или иного человека.

Погруженная в глубокую медитацию, Люка сидела неподвижно в полной тишине, и два голоса спорили в ней.

— Не морочь себе голову, — говорил голос ее матери. — Убей его аккуратно, но обставь все так, как будто ты вошла в квартиру, вы внезапно столкнулись, и тебе пришлось убить его. Тогда Зэна не смогут обвинить в укрывательстве. Тебе — одним трупом больше, одним меньше, а отца все равно наши отмажут.

— Ты не должна убивать его, — говорил голос отца. — Не ради меня, но ради всех пришельцев, подумай, кем будут считать нас галеонцы?

— Теми же, кем и сейчас считают.

— Если ты убьешь его, как мы убедим их в том, что мы не враги? Как мы дальше с ними будем жить на одной планете?

— Так же, как живут другие народы, веками убивавшие друг друга. Мы здесь делаем важное дело, и не всегда получается чисто. Лес рубят — щепки летят.

— Галеонцы ненавидят нас потому, что боятся. Значит, правильно они нас боятся?

— Пусть боятся. Когда мы придем, они исчезнут!

— Но они такие же люди, как и мы. Они ничем от нас не

отличаются, кроме того, что воспитаны другой культурой. Они заблудшие, и мы здесь для того, чтобы научить их тому, что знаем сами.

— Но они не будут учиться.

— Не будут потому, что видят в нас врагов. Галеонское государство всегда строилось на лжи, насилии и корысти. Родившиеся здесь не имели другого выбора, кроме как приспособиться к законам установленным их предками, они не виноваты в том, что выживая здесь, перестали доверять людям. Прости их, как я прощал тебя, когда ты мне грубила, как прощал тебя Лей, так и ты их прости, потому что не виноваты они в том, что творят.

Вскоре полицейский заснул. Люка тихо выбралась из антресоли, вытерла слезы белым шарфиком и покинула квартиру. Добравшись до указанного подъезда, она спряталась в подвале и начала ждать.

Поздним вечером в подвал спустился человек с фонариком. Он провел лучом по кругу и остановился, заметив Люку, сидевшую на бочке поджав ноги.

— Привет, — сказал человек знакомым Люке голосом.

— Привет, — грустно ответила она.

Человек подошел ближе, и Люка узнала его — это был Кен.

— Пойдем, — сказал он.

Кен вывел Люку из подвала, посадил в машину и повез по уже полупустым улицам города на юго-восток, к выезду из Цитадели. Люка всю дорогу молчала. Ей было ужасно стыдно за то, что она совершила. Она понимала, что скомпрометировала всех пришельцев Галеона.

— Поешь, — сказал Кен, передавая Люке пакет с едой. — Наверное, целый день не ела.

По радио начался ночной выпуск новостей. Главной новостью естественно было убийство полицейского во время беспорядков в центре города.

«Интересно, если бы он убил меня, — думала Люка, — в новостях, наверное, и не упомянули бы об этом».

— Странно, — сказал Кен, — почему-то не говорят, что, когда его нашли, его левая рука была засунута в штаны и держала член... Я знаю, что ты сделала. Я просмотрел материалы дела и приблизительно представляю себе ситуацию. У тебя не было выбора. Ты все сделала правильно.

— План был другой.

— Так бывает. Происходит какая-нибудь хрень, и все идет не по плану. Это от нас не зависит.

— Как меня нашли?

— Случайно. Тебя сняла камера уличного наблюдения. Эту запись разослали постовым, и один из них узнал тебя. Хотя он даже не узнал, ему показалось, что узнал. Он не мог тебя узнать, потому что ты была в маске. Просто ему показалось, что ты странно себя вела. Это просто полицейское чутье. Так они узнали твой адрес.

— Что теперь будет с папой и с Ильгой?

— Ильга убежала. Это видно на той записи. Ты просто не видела, потому что была к ней спиной. А с папой твоим ничего не будет. У них нет ни одного прямого доказательства. Кроме интуиции одного постового, у них ничего против тебя нет. А если тебя беспокоит репутация пришельцев, то я раскрою тебе секрет. Война грядет, и многие погибнут. Соберутся разные люди — и плохие, и хорошие и начнут убивать друг друга только потому, что одни родились в одной стране, а другие в другой. Этот полицейский лишь первая жертва, и по окончании войны никто и не вспомнит о нем.

Кен благополучно вывез Люку из Цитадели. Через пол часа он свернул с трассы на проселочную дорогу, и проехал еще минут пятнадцать по замерзшей грязи вглубь пустоши. Вокруг стояла непроглядная мгла. Звездное небо было скрыто плотными облаками. Лишь то, что попадало в свет фар, можно было разглядеть. Наконец машина свернула в какое-то очень узкое ущелье по дну, которого тянулась колея, оставленная тяжелой техникой. Вскоре колея свернула в подземный бункер, а Кен проехал дальше — туда, где на ровной площадке стоял космический корабль, освещенный тусклым зеленоватым светом. Несколько человек у трапа и двое перекладывавших какие-то ящики из корабля на погрузчик обратили внимание на подъехавшую машину.

— Этот корабль доставит тебя в Акуру, — сказал Кен. — Назови им свое имя, и они возьмут тебя на борт.

— Спасибо, — сказала Люка и обняла Кена.

— Не за что. Ни о чем не беспокойся. Мы вытащим твоего папу. Скоро вы с ним встретитесь. Ступай.

Через несколько дней, кадры снятые Ильгой и Люкой тран-

слировались всеми мировыми телеканалами. Международная общественность осудила действия полиции Цитадели. Журналистам, утверждавшим, что беспорядки были спровоцированы «пришельскими экстремистами», пришлось оправдываться, а доверие к галеонским СМИ было окончательно подорвано.

Эпизод 9

Свидетель

Если бы галеонские наемники сотрудничали с полицией, судьба Люки могла бы сложиться по-другому. У галеонской полиции была единая биометрическая база данных преступников, должников, пропавших без вести и прочих находившихся в розыске лиц, поэтому узнать обо всех конфликтах человека с законом для полицейских не составляло особого труда. Однако, поскольку многие из наемников сами находились в этой базе, лишних контактов с полицией они предпочитали избегать. Почти за каждым из них числилась в лучшем случае стопка неоплаченных штрафов, а в худшем — несколько трупов. К тому же, полицейские ненавидели наемников по социальным причинам. Полиция была структурой государственной, и поэтому платили в ней значительно меньше, чем корпорации платили наемниками. Работали в полиции, как правило, те, кто искал спокойного места, боялся участвовать в боевых действиях и, возможно, хотел бы, но боялся приступить ради денег закон. Наемники же нарушали закон постоянно, получали огромные деньги, имели связи и благодаря этому иногда становились бизнесменами или уходили в политику, когда возраст уже не позволял им заниматься военным ремеслом. Полицейских же, как правило, ждали скромная пенсия и тихая старость в нижнем городе. Завидуя и чувствуя несправедливость, полицейские ненавидели наемников, и когда какой-нибудь из них попадался, полицейские вытягивали из него столько денег, сколько могли, понимая что, доведи они дело до суда, арестованный ими наемник все равно избежит наказания, а деньги за это полу-

чат другие люди.

Нику, Дага и Люку доставили на космическую станцию «Порт Галеон 4». Из всех арестованных наемники смогли идентифицировать только Нику и Дага. Поскольку они были гражданами Страны пришельцев, это было не сложно. Личность любого пришельца можно было установить по ДНК при помощи пришельского сканера, какие были в любой зоне таможенного контроля. С гражданами Галеона дела обстояли сложнее. В качестве удостоверений личности на Галеоне использовались магнитные карточки, которые граждане должны были иметь при себе. Биометрическую идентификацию использовала только полиция. Поскольку паспорта у Люки при себе не было, ее личность установить не удалось.

Ника пыталась скандалить — угрожала проблемами с правительством Аллари и правительством Страны пришельцев, требовала соблюдения ее прав, требовала отвезти их в посольство, но солдаты с каменными лицами вели себя так, как будто вообще не понимали, что она говорит. Даг несколько раз одергивал ее, предостерегая от оскорблений наемников. Он успокаивал ее, говоря, что все это временно, и галеонцы ничего не смогут им сделать, но Ника не сдавалась. Ника вела себя смело, но только Даг, зная ее хорошо, видел как ей на самом деле страшно. Ника понимала, что арестована по обвинению в терроризме в дикой стране, где суд на расправу скор, а народ жаждет крови пришельцев.

Люка, однако, была на удивление спокойна. Выражение ее лица было одинаковым и когда она встретила Джуту, и когда она вела ее через пустыню, таким же оно было и когда Люка вышла из ангара, где перестреляла с десяток человек. То же выражение лица у нее было и сейчас. По внешнему виду Люки совершенно невозможно было определить, что она чувствует в данный момент.

В транзитную зону станции вбежал офицер. Он командовал солдатам построиться и построить, как он выразился, «этих». Внезапно, Люка почувствовала, что ее как будто обдало ветром, но это был не обычный ветер. Он как бы пронизывал ее тело насквозь, и от него не спасала никакая одежда. Это было то ощущение, которое испытывали маги, когда приближались друг к другу. Офицер сильно нервничал — как будто сам президент должен был явиться с минуты на минуту. Магический «ветер» нарастал

и уже достиг такой силы, что Люке казалось, будто приближается целый отряд колдунов, но вошла всего одна женщина. Это была та самая колдунья, что помогала Зэусу стать президентом. Ее глаза как обычно были закрыты черными очками, а через все лицо свисал тонкий светлый локон. Цокая каблуками в полной тишине, женщина подошла к офицеру, и тот вытянулся перед ней по стойке смирно так, что, казалось, сейчас разорвется напополам.

— Как дела? — улыбувшись, спросила колдунья у офицера, как будто заигрывая, но в то же время издеваясь.

— Мы доставили арестованных, как вы приказали. — Военный сглотнул слюну, и по его лбу скатилась капля пота. — Девушка — офицер титанианской службы... Службы титанианского... То есть... Титанианской Космической Службы Спасения. Мужчина также — офицер той же службы. Вот...

— Хорошо, — прервала его колдунья. — Я и так все вижу — на них форма и нашивки с именами и званиями. Это все, кто был на борту?

— Так точно!

— Что же вы мне лжете? Куда же делся самолет? Сам улетел?

— Мы не знаем, — испуганно и растерянно произнес офицер.

Колдунья злорадно усмехнулась и медленно направилась к Люке, которую разглядывала полминуты. Потом, не обратив никакого внимания на Дага, она подошла к Нике. Посмотрев в ее испуганные глаза, загадочная женщина довольно улыбулась и скомандовала офицеру: «Спасателей — в пришельское посольство, а с девчонкой делайте, что хотите». После этих слов колдунья спешно удалилась.

Тем временем, корабль Джуты и Зэна приближался к Галеону. В иллюминаторы уже были видны заснеженные равнины, массивные ледяные шапки, серые горы и черный бескрайний океан. Джута смотрела в иллюминатор, и чем ближе становился Галеон, тем более усиливалось ее беспокойство. На борту корабля, посреди бескрайнего космоса, Джута чувствовала себя в безопасности, но на Галеоне ее ждала неизвестность. Джута осознавала, что выполняет поручение незнакомых людей, чьи намерения ей не ясны. Эти люди определенно были сотрудниками спецслужб государства, с которым Галеон вел войну, и поэтому официально Джута была предательницей. У нее не было другого выбора, кро-

ме как продолжать работать на пришельцев, доверять которым полностью она не могла. Зэн производил впечатление честного, порядочного человека, но Лей казался Джуте более чем подозрительным.

Зэн влетел в кабину и сел на место второго пилота.

— Мы как раз вовремя, — сказал он. — В Цитадели сейчас вечер, значит, когда прилетим, будет ночь. Пока подлетаем, я расскажу о правилах секретных полетов. Иногда пришельцам приходится высаживаться на Галеоне незаметно. Особенно это касается секретных миссий. Кстати, именно такую миссию мы сейчас выполняем. Все секретные полеты выполняются в режиме маскировки. Она дает практически полную защиту от всех локационных средств. К тому же, мы будем лететь ночью, поэтому нас и визуально никто не обнаружит.

— Скажи, почему Лей мне так доверяет? — спросила Джута нервным голосом. — Я имею в виду... ну... Все-таки я всего только три дня как пришелец, а мне уже доверили секретное задание.

— Лей — опытный разведчик. Если он что-то делает, значит, знает что делает. Посуди сама, куда ты от нас денешься?... Да и наверняка, еще до того как ты вернулась на Фокос у него уже было полное досье на тебя, со всей твоей биографией.

— Ну а если я шпионка? Откуда вам знать? Я ведь появилась непосредственно перед началом войны.

Зэн рассмеялся.

— Ты не можешь быть шпионкой.

— Почему?

— Потому что шпионов так не засылают, да и у Галеона нет разведки — нет и быть не может.

— Ну как же, а промышленный шпионаж?

Зэн снова рассмеялся.

— Это все детские игры по сравнению с тем, чем занимается настоящая разведка. Промышленные шпионы — это обычные преступники, которые подкупом или воровством добывают нужную информацию и получают за это деньги. Разведчик может годами находиться среди врагов, делать омерзительные ему вещи, терпеть ненависть тех, за чьи интересы борется. Разведчик готов на веке остаться в памяти своих как предатель лишь бы выполнить задачу, и если родина потребует разведчик расстанется с жизнью, не усомнившись ни секунды. Подумай, ради каких таких ценно-

стей галеонец может пожертвовать жизнью? Ради каких идей? Ради чего вообще? Галеон, по сути, даже не государство — это планета, на которой живут люди, которых кроме гравитации на ней удерживают лишь товарно-денежные отношения. Но человек никогда, ни за какие деньги не будет терпеть то, что приходится терпеть разведчикам, и никогда за деньги человек сознательно не пойдет на смерть. Потому, кстати, галеонская армия, которая вся полностью наемная, слаба, как бы грозно она не выглядела. Люди приходят в нее зарабатывать деньги, а не умирать, и поэтому грош ей цена.

— Обними меня, — неожиданно произнесла Джута.

Зэн робко обнял Джуту, и ее нежное тепло как будто омолодило его. Он вдруг вспомнил, что не обнимал женщину уже несколько лет.

Через полчаса их корабль уже летел в небе Галеона. Несмотря на то, что он находился в зоне особого воздушного контроля вокруг Цитадели, его входа в атмосферу никто не заметил. Полеты в этой зоне были запрещены, и воздушное судно уже должны были бы преследовать истребители, однако все было спокойно. Спрятанный глубоко в корпусе двигатель ни сколько не нагревал обшивку, которая быстро отдавала тепло холодному воздуху; защитное покрытие частично поглощало волны радаров, а специальной формы фюзеляж рассеивал остатки; система контроля воздушных потоков гасила турбулентный след. В ночном небе на высоте двадцать тысяч метров корабль был почти незаметен.

— Я буду твоим вторым пилотом, — сказал Зэн. — Сейчас я переключусь на частоту местной вышки. На этой частоте ведут связь патрули перехватчиков. Можем услышать много забавного.

— Что там забавного? — угрюмо спросила Джута.

— Сейчас узнаешь. Спускайся до полутора тысяч спиралью, не выходя из квадрата три на три мили. Я уточню курс.

По радио раздался голос диспетчера.

— Хога один-два-один, вышка. Вижу неопознанный объект на ноль-два-ноль от вас, удаление сорок четыре мили, высота семнадцать тысяч.

— Вышка, Хога один-два-один. Вас понял. У меня ничего.

— Хога один-два-один, вышка. Объект пропал с радара. Будьте осторожны, возможно столкновение.

Наступила пауза. Описывая круги, корабль спускался все ниже и ниже.

— Хога один-два-один, вышка. Снова объект на ноль-семь-четыре, удаление тридцать шесть миль, высота пятнадцать тысяч.

— Вышка, Хога один-два-один. Ничего не вижу.

— Конечно, не видишь, — усмехнувшись, сказал Зэн. — Радарчик-то примитивный.

— Ничего, что нас заметили? — спросила Джута встревожено.

— Нас не заметили. Они видят не нас, а наш след.

— Хога один-два-один, вышка. Объект то появляется, то исчезает. Доложите в случае визуального.

— Вышка, Хога один-два-один. Понял вас. Здесь такое часто бывает, это аномалия какая-то.

— Будьте осторожней, Хога один-два-один.

— Конечно часто — здесь постоянно корабли садятся, — проормотал Зэн глядя на приборы.

Постепенно корабль спустился до полутора тысяч метров.

— Хорошо, — произнес Зэн, не отрываясь от приборов. — Теперь бери курс один-семь-три. Наша точка посадки у тебя на карте.

— Куда там садиться? Там же горы!

— Площадка расположена в ущелье. Иди по проложенному курсу, и ты выйдешь прямо на нее.

— Понятно.

— Рассчитывай так, чтобы прийти на нее в режиме вертикального полета.

Джута совершала посадочные маневры, абсолютно не понимая куда же, в конце концов, ей садиться. Корабль тормозил, постепенно подгибая крылья и двигатели так, чтобы направить реактивную струю вниз и встать на нее. Джута совершила резкий разворот и вышла на посадочный курс.

— Вот и площадка, — сказал Зэн.

— Где? — нервно спросила Джута. На дисплее шлема посадочная зона была обозначена, но ни вокруг, ни на самой площадке не было видно огней.

— Садись, где нарисовано, — ответил Зэн.

— А огни?

— Огней не будет. Это секретная база. Садись по приборам.

— Страшно, блин! Какой курс?

— Один-семь-ноль.

— Ты уверен, что нас ждут? Мы же не запрашивали никакой посадки.

— Это же не международный аэропорт. Здесь и так знают, кто когда садится. Именно поэтому мы должны были прилететь в строго назначенное время.

Мониторы обзора нижней полусферы работали в инфракрасном режиме, освещая кабину тусклым зеленоватым светом. На дисплее шлема в виде сетки отображался весьма сложный рельеф. Потрескавшиеся от небольших землетрясений пласты осадочных пород где-то сильно расходились, образуя трещины, где то напользали один на другой. Кое-где над припорошенной снегом равниной, отображавшейся светло-зеленым, возвышались более темные отшлифованные ветром каменные глыбы, между которыми, изображенный как тонкая светлая линия, тек горный ручеек. Наконец, в долине, между двумя невысокими горными хребтами, показались несколько движущихся ярко зеленых точек. Это определенно были люди. Они располагались вокруг того места, где на карте было обозначено место посадки.

— Это люди? — спросила Джута.

— Да, — ответил Зэн. — А ты говорила — не ждут. Включаю посадочные огни.

Три ярких огня вспыхнули в ночном небе, осветив присыпанную мелким снегом бетонную плиту, вокруг которой, на безопасном расстоянии, возле буксира, стояли рабочие. Подняв в воздух клубы снега и пыли, корабль мягко опустился на площадку.

— Куда теперь? — спросила Джута.

— Никуда, — ответил Зэн, откинувшись в кресле. — Выключай двигатели. Сейчас нас возьмут на буксир и отвезут, куда им надо.

Переключив тумблер, Джута расслабилась и закрыла глаза.

— Я хочу домой, — сказала она. — Я так устала... Я хочу спать.

— Потерпи, сейчас приедем в Цитадель, там и отдохнешь. Нужно только получить паспорта.

— Паспорта?

— Да. Алларийские дипломатические паспорта.

— Что я делаю?.. Чем я занимаюсь?.. — пробормотала Джута

шепотом.

— Так бывает, — сказал Зэн, обняв Джуту за плечо. — Живет человек, живет, а потом какое-то событие меняет его судьбу навсегда.

Тягач повез прибывшее судно в секретный ангар, располагавшийся в пещерах, оставшихся от старых шахт. По широкому тоннелю, через который когда-то огромные грузовики вывозили руду, буксир вкатил корабль в просторное помещение. В иллюминаторы ударил свет, который Джуте показался ослепительно ярким. Вдоль стен стояли различные космические корабли среднего размера. У одного из пустых парковочных мест стоял Кен.

— Добро пожаловать! — раскинув руки, радостно воскликнул он. — Как дела?

— Плохи дела, — ответил Зэн.

— Ну, сейчас у всех дела не важно, а что, что-то личное? С Люкой что-то опять? Ты кстати успел с ней повидаться?

— Нет, не успел.

— А что так?

— Не добрался я еще до Земли обетованной, как Люка опять нашла приключений на свою голову. Короче, она в плену у наемников где-то на Галеоне. Точнее координат пока нет.

— Это хреновая история. Люка не должна быть на Галеоне. Как это произошло?

— Я и сам толком не знаю. Это все Лей — старый лис... В общем, потом расскажу. Я не представил тебе девушку. Познакомься, это Джута.

— Кен.

— Очень приятно, — ответила Джута, устало улыбнувшись.

— Джута очень устала после долгого перелета, — сказал Зэн.

— К тому же, она недавно пережила несколько потрясений. В общем, ей хорошо бы отдохнуть. Поэтому поехали скорее куда-нибудь.

— Да, конечно. А что случилось? Я слышал, возле Земли обетованной идут бои. Досюда информация доходит с трудом. Что там действительно происходит?

— Война идет. Но к Джуте это не относится. Пойдем, по дороге расскажу.

Кен повел Зэна и Джуту по коридорам подземной базы. Широкие тоннели с низкими потолками были ярко освещены лю-

минесцентными лампами. Вдоль стен тянулись силовые кабели. На стыках плит кое-где виднелись подтеки и разводы, некоторые из которых были покрыты многолетними наслоениями извести. Запахом помещение напоминало метро Цитадели. Мимо прошли три человека, одетых в такие же черные комбинезоны, что были на Джуте и Зэне. Мужчина шедший впереди, спешил и на ходу доедал бутерброд, а девушка с какой-то папкой в руках говорила с шедшим рядом коллегой на катонийском. Свернув в сторону, Кен, Зэн и Джута попали в административное помещение. Отделенное от бетонных коридоров стеной из гипсокартона оно отличалось от обычного офиса разве что отсутствием окон. Все надписи здесь были на алларийском, люди, ходившие по коридорам, так же говорили друг с другом на алларийском, и у стен кое-где стояли флаги Алларии. Однако здесь же шестеро космонавтов в черных комбинезонах пришельских ВВС стояли в очереди в какую-то дверь. Зэн встал за ними, и Джута встала рядом. За дверью оказался обычный кабинет, в котором за столом, перед компьютером, сидела молодая девушка.

— Первый раз на Галеоне? — с доброжелательной улыбкой на чистом алларийском спросила она Джуту.

— Да, — ответила Джута, посчитав такой ответ наиболее соответствующим своему испуганному виду.

Попросив вставить палец в сканер ДНК, девушка что-то ввела в компьютер, после чего достала из сейфа алларийский дипломатический паспорт и отдала Джуте.

После регистрации Кен отвел Зэна и Джуту в маленькую комнату, где лежала одежда: два строгих деловых костюма — мужской и женский, куртки, обувь и аксессуары. Переодевшись, Зэн и Джута вместе с Кеном отправились к его машине, которая была припаркована за пределами базы, так что Кену даже пришлось включить фонарь, чтобы найти ее в полной темноте. Кен сел за руль, Зэн расположился на переднем сидении, а Джута — на заднем. Не спеша они поехали по извилистой проселочной дороге к южному шоссе Цитадели.

— Черный цвет тебе очень идет, — сказал Кен на катонийском, обращаясь к Джуте.

— Она не говорит на катонийском, — ответил за нее Зэн.

— Вот как! — воскликнул Кен.

— К тому же, она устала. Не думаю, что ей сейчас охота с

тобой болтать.

Был вечер рабочего дня, и миллионы машин двигались из центра Цитадели в спальные районы. Выпавший накануне снег почти парализовал движение в городе. Похожий на раскаленную магму сияющий желтым и оранжевым светом поток машин медленно тек по улицам, то останавливаясь, то продолжая плавное движение. Сотни тонких ручейков, вытекая из улочек и переулков делового центра, сливались на главных шоссе в широкую реку. Кен ехал по левому ряду в центр, с сочувствием поглядывая на безнадежно стоявшую встречную полосу.

— В Цитадели за деньги можно купить сколь угодно быструю тачку, — говорил Кен, — но ни за какие деньги не купишь отсутствие пробок.

— Да, — согласился Зэн. — Пробка — это практически коммунизм — в ней все равны. Расскажи мне лучше, как у вас тут — в тылу врага.

— Ооо! После убийства Зэуса и заявления правительства, все как будто с ума посходили. В первые же дни начались аресты социалистов. Всем, кого не арестовали, пришлось уйти в подполье. Это конечно беспредел, но мы этого ожидали и были готовы. Хуже то, что началась истерия. Ты ведь не слышал заявление галеонского правительства?

— Нет.

— Так вот они буквально сказали: «Мы арестуем по обвинению в убийстве президента всех пришельцев, всех кто связан с пришельцами, всех кто помогает пришельцам, всех кто сочувствует пришельцам, всех кто думает как пришелец»... Конечно, дальше громких арестов членов партии дело не пошло, к тому же Титан вовремя вмешался и поубавил их пыл, но люди стали бояться пришельцев как огня. А это новое правительство! Ты его видел?.. Это ж гребанный совет директоров Дарун. Этот премьер-министр Кронг, он же фашист и мясник. И все это знают, и все боятся. Вчера, ты представляешь, видел в мусорном баке целую грудку белых шарфиков, перчаток, — вообще белой одежды. Причем не из пришельской ткани, а просто — обычной одежды. Люди настолько напуганы, что избавляются от всего, что может сделать их похожими на пришельцев. Хотя я понимаю их. Молодежные нацистские организации почувствовали волю. Эти отморозки нападают на всех, на ком есть хоть что-то белое, а тем

более платок, завязанный на пришельский манер. Уроды! Полиция боится их трогать. Спрашивается, зачем ты защищаешь пришельцев? Значит ты сам пришелец?.. Вчера к нам домой пришла подруга моей жены, с ребенком. Ее уволили с работы, потому что она пришелец. Ей начальник в открытую это сказал, мол, ты пришелец, а нам не нужны проблемы. Она жила в квартире, которую для нее снимала фирма, поэтому ей теперь негде жить. Мы приютили их. Хорошо, что она пришла ночью — ее никто не видел. Если кто-нибудь узнает, что мы с женой помогаем пришельцам, вся наша легенда рухнет в одночасье... Преподавателей ВУЗов тоже многих поувольняли. Про тебя в новостях говорили. Говорили про то, что твоя дочь убила полицейского. Чему, мол, они могут научить наших студентов.

— А где, кстати, Арчиус?

— Лучше и не спрашивай. Он прячется в разных местах, перемещается с места на место постоянно. Ни кто не знает, где он. Правительство фактически объявило награду за его убийство.

— И как Титан к этому отнесся?

— Осудил.

— Понятно.

— Увезти Арчиуса с Галеона пока, вроде, нет возможности, да и, говорят, он сам не хочет. Титан нам сейчас ни чем не может помочь. У них же там своя беда.

— Да, небесный плач.

— Ты представляешь, что там происходит? Там паника. Демонов видели даже в столице!

— Что происходит с миром?.. Все рушится к чертям...

— Просто очередной массовый приступ близорукости. Мир сегодня напоминает мне большой корабль. Каждый занят своим делом: штурман прокладывает маршрут, в машинном отделении рабочие следят за реактором, капитан всем руководит, а на палубе пассажиры веселятся и вообще не задумываются о том, где и как плывет их корабль. Все делают то, что должны: пассажиры отдыхают, команда — работает, и никто не видит, что впереди скалы. Вспомни, как начиналась мировая война. Каждый преследовал свои краткосрочные интересы и даже добивался цели, но неминуемо все оканчивалось катастрофой. Сейчас — то же самое. Получив новые технологии, Титан избавился от балласта в виде Галеона и не вмешивается в его дела, потому что это теперь не

его проблемы. Галеонские корпорации мечтают остановить исследования пришельцев, чтобы Титан не снижал закупок топлива и материалов. Лучший способ добиться этого — обвинить пришельцев в терроризме и развязать войну на Фокосе. К тому же, это еще и в интересах Галеонских оружейных компаний, которым во что бы то ни стало нужна еще одна война, чтобы куда-нибудь продавать оружие. Для наемников война на Фокосе — это просто еще один повод неплохо заработать. Темные маги спекулируют проблемой с пришельцами, чтобы войти во власть. Короче, все делают, что им нужно, но никто не видит скал. Потому-то пришельцы и более успешны в бизнесе, чем галеонцы. Просто они видят чуточку дальше.

— Зло ходит по прямой.

— Ага, у галеонского дракона разболелась голова и, вместо того чтобы лечить, он решил ее оторвать.

Миновав залитый тусклым светом фонарей мрачный нижний город, машина попала в пестрящий яркими рекламами и вывесками Южный центр, где уже кипела ночная жизнь. По полупустым дорогам, на скоростях до двух раз превышавших допустимые, мимо проносились спортивные автомобили. Возле ночных клубов толпилась дорога, но при этом почти одинаково, одетая молодежь. В разных вариациях на всех были одни и те же шапочки, обувь, аксессуары, курточки одного и того же фасона. Мода равняла молодых людей Цитадели, делая неотличимыми друг от друга. Освободившись от толп офисных рабочих, центр остался в полном распоряжении богатых и успешных, чье благополучие, казалось незыблемым. Однако стоило только взглянуть в эмблемы на машинах, в лейблы на одежде и в рекламные вывески, как сразу же становилось понятно, что все, чем был наполнен безмерно роскошный верхний город, было произведено не на Галеоне. Все это было куплено за деньги, некогда произведенные фабриками и заводами, на месте которых теперь стояли ржавые и прогнившие руины, постепенно засыпаемые песком пустоши. Подобно аристократу, чей кошелек уже давно опустел, Цитадель до последнего продолжала беззаботно веселиться и демонстрировать свое благополучие, чтобы не потерять доверие тех, кто еще мог дать ей в долг.

Машина Кена приближалась к самому центру, и вскоре из-за поворота показались флаги площади Империи.

— Вот и приехали, — сказал Кен, рыская по стоянке взглядом в поисках свободного парковочного места.

— Не хочешь ли ты сказать, что мы остановимся в Первом? — спросил Зэн.

— Именно в нем. Это сейчас наш штаб — единственное место в Цитадели, куда полиция не доберется.

— Это с чего вдруг?

— Дипломатическое прикрытие. Официально, в Первом сейчас только алларийские дипломаты, поэтому сунуться в него без международного скандала не получится. Так что, добро пожаловать в Первый.

К машине подбежал суетливый парковщик и жестами начал указывать путь к свободному месту. Стоянка перед отелем была до отказа забита машинами с правительственными номерами и дипломатическими допусками на стеклах. Периметр отеля на отдалении патрулировали отряды полиции, по пять человек в каждом, а возле самого здания дежурили алларийские солдаты. Джута не видела ничего этого, потому что спала, лежа на заднем сидении.

— Просыпайся, красавица. Приехали, — тихо и с улыбкой произнес Кен, покачивая Джуту за плечо. Она подняла голову, и сон мгновенно улетучился.

— А почему мы в центре? — спросила Джута, беспокойно глядя по сторонам.

— Не бойся, — увидев испуг в ее глазах, сказал Кен. — Вы же у нас — алларийские дипломаты, а все дипломаты останавливаются в Первом.

Зэн вышел из машины и открыл дверь Джуте.

— Расслабься, — сказал ей Зэн на ухо. — Сделай нейтральное лицо.

— Легко тебе сказать.

— И не пялся на солдат.

Зэн взял Джуту под руку и повел к отелю. Только внутри Джута почувствовала себя спокойней. Несмотря на большое количество постояльцев, в холле было безлюдно и тихо. Увидев гостей, скушавший администратор резко оживился, и на его лице появилась искусственная профессиональная улыбка.

— Добро пожаловать в Первый! — поприветствовал он Зэна и Джуту.

— Здравствуйте, — сказал Зэн. — Для нас забронирована комната.

— Можно ваши паспорта?

— Да, конечно.

Администратор внимательно посмотрел на паспорта гостей, что-то поискал в компьютере, после чего сказал: «А! Супруги Цирус! Зэн и Джута Цирус. Ваш номер восемьсот четыре».

С того времени, как Джута узнала, что летит на Галеон в качестве супруги Зэна, она много думала о том, как будут они проводить ночи в комнате с одной постелью. Она воображала разные сценарии, но в первую ночь все произошло совсем не так, как она себе представляла. Не спавшая почти сутки Джута, быстро приняв душ, рухнула на кровать и быстро заснула, испытав удовольствие, какого никогда не испытывала просто ложась в постель, а Зэн осторожно лег на край с противоположной стороны и тоже быстро уснул.

Утром в дверь номера постучали. Зэн аккуратно отложил одеяло и поспешил открыть дверь, чтобы стук не разбудил Джуту раньше времени. За дверью стоял Кен.

— С добрым утром. Как спалось? — спросил Кен с хитрой ухмылкой.

— Замечательно, — вяло ответил Зэн, расправляя помятые волосы.

— Вот и хорошо. Одевайся и выходи. Есть информация о твоей дочери.

— Какого рода информация?

— Неплохого.

Зэн начал быстро одеваться, чем привлек внимание Джуты, которая уже не спала.

— Ты уходишь? — спросила она.

— Да.

— Ты вернешься?

— Конечно. Позавтракаем вместе. Поспи еще.

— Я уже выспалась.

— Тогда подожди меня. Я скоро.

Зэн вышел из номера и направился вместе с Кеном на верхний этаж отеля, где располагались номера для очень важных персон. В одном из таких номеров их ждал солидного вида мужчина

возраста около сорока пяти лет. Хотя он был одет в обычный костюм, Зэну почему-то сразу показалось, что это военный.

— Разрешите представиться, генерал Сурэй Мáко, — произнес мужчина, встав и поприветствовав Зэна прищельским поклоном.

Зэн поприветствовал его в ответ.

— Зэн Гун. Званий не имею.

— Однако я наслышан о вас от господина Суджío. Он характеризовал вас как человека, которому можно доверять. Вы же ведь не раз содействовали разведке?

— Да, это так.

— Вот и хорошо.

Генерал сделал едва заметный знак Кену и тот вышел из номера.

«Интересно, — думал Зэн, — если здесь присутствует прищельский генерал, означает ли это присутствие прищельской армии?...»

— По ряду причин, — говорил генерал, — поиски вашей дочери являются делом государственной важности. Если бы господин Суджío был здесь, он бы лично этим занимался, но поскольку он еще не прибыл, этим делом поручено заниматься мне.

— Простите, что перебиваю, но... Могу ли я знать, почему моя дочь так важна для Земли обетованной?

— Нет.

— Понятно.

— Мы знаем, где находится ваша дочь, но так сложились обстоятельства, что кроме вас и вашей спутницы у нас нет людей для выполнения задания по ее спасению.

— Где она находится?

— Есть информация, что вчера ее привезли на военную базу Хан-Гул в трехстах километрах от Цитадели.

— У вас есть план?

— Да, и я его подробно расскажу, когда придет ваша спутница — Джута.

— Но Джута, она ведь не...

— Я в курсе — я знаю, кто она и на что способна. Задание не сложное, и вы с ним справитесь.

Вскоре, Кен привел Джуту. Кен остался за дверью, а она вошла в номер и робко поздоровалась, стоя у двери.

— Проходите, присаживайтесь, — сказал генерал, доброжелательно улыбаясь. — Меня зовут Сурэй Мáко.

— Джута Лейнец, очень приятно, — ответила Джута и, пройдя в комнату, села пред генералом.

— Дочь Зэна находится в галеонском плену, — сказал генерал, обращаясь к Джуте, — и для ее освобождения нам нужна ваша помощь.

— Да, я готова, — ответила Джута, не задумавшись ни на секунду. Она ожидала, что доставкой Зэна на Галеон все не закончится, и решила про себя выполнять любые поручения пришельцев, потому что только пришельцы теперь могли вернуть ее в нормальную жизнь.

— Вы смелая девушка. Я уверен, что лучше вас это задание никто не выполнит.

— Так в чем все-таки заключается задание? — спросил Зэн.

— Как я уже сказал, Люка находится на военной базе Хан-Гул. Эта база довольно старая и длительное время использовалась как тюрьма. Сейчас это нечто вроде маленького города, который выживает как может. Там и пристанище для наемников, и временные склады товаров, и еще черт знает что. Есть так же информация, что база предоставляет услуги частной тюрьмы.

— Это как? — переспросила Джута.

— А так. Кто угодно может сдать человека в эту тюрьму, и того будут держать пока за него будут платить. Так на Галеоне часто выбивают долги. Берут кого-нибудь из родственников, сажают в тюрьму и держат, пока задолжавший не вернет деньги, и плату за содержание тоже записывают в долг. Я, правда, сомневалась, что за Люку кто-то платит. Скорее всего, владелец тюрьмы ее держит, чтобы продать в какой-нибудь бордель на побережье. Здесь-то и должны появиться вы. Вы прилетите на вертолете, скажете, что, мол, купили вертолет только что, и продавец обманул вас — залил мало топлива. Топлива на базе полно, поэтому вам предложат дозаправиться. Зэн, твоя задача — как бы между делом, обмолвиться, что ваш босс — господин Дэн Тау — очень интересуется юными девушками примерно возраста Люки. Скажешь, что якобы вы обычно тем и занимаетесь, что ищите таких вот никому не нужных девочек. Наверняка вам предложат посмотреть Люку. Посмотрите ее, поторгуетесь и купите. Деньги мы вам дадим. Потом просто улетите и дело сделано.

— Кто такой Дэн Тау? — спросил Зэн.

— Это владелец сети борделей на побережье. В преступном мире он в большом авторитете, так что, скорее всего к вам отнесутся с уважением. Никто на юге не хочет ссориться с Дэном Тау.

— А что, если другие люди этого Дэна Тау будут на базе?

— Вряд ли. Это не его территория.

— А враги?

— У Дэна Тау нет врагов. Все его враги мертвы.

— Понятно. Когда мы вылетаем?

— Да как позавтракаете, так и вылетайте. Кен проводит вас к вертолету.

Зэн и Джута позавтракали в ресторане на первом этаже отеля, после чего Кен, раздав гостевые пропуска, повел их в соседнее здание, которое было международным бизнес-центром, где располагались офисы трех галеонских корпораций, представительства титанианских компаний и десятки мелких фирм. Рабочий день уже начался, и улицы вокруг бизнес центра уже были плотно заставлены недорогими автомобилями менеджеров среднего звена, в то время как подземные парковки, где оставляли свои машины представители высшего руководства были полупусты. Большие боссы в Цитадели никогда не приходили в офис рано, потому что, на утро, как правило, назначались деловые встречи, а отсутствие деловых встреч могло свидетельствовать о плохих делах компании, и этого никто не хотел показывать. Иногда, некоторые начальники даже делали крюк, чтобы подъехать к офису со стороны центра, создавая впечатление, что едут от Башни Империи с правительственной встречи, которые в Цитадели были очень важны.

В коридорах бизнес-центра уже была обычная офисная суета. Какая-то девушка, читая на ходу документы, чуть не врезалась в Кена. Двое менеджеров что-то бурно обсуждали, стоя у кофе-машины, а кто-то уже сидел за компьютером и перебирал пришедшую за ночь электронную почту. Джута смотрела на них и вспоминала, как всего месяц назад сама жила такой же суетливой, но безопасной жизнью, как ее окружал маленький мирок ее коллег и бытовых забот, как у нее когда-то, так же как у этих людей, было мало времени и не было никакого желания задумываться о том, что происходит в стране, чем занимается власть, и

ради чего где-то далеко, на другой планете, идет война.

На крыше, Зэна и Джуту ждал старый военный грузопассажирский вертолет.

— Переодевайтесь, — сказал Кен, — а вашу одежду отдайте мне. У вас не должно быть ничего подозрительного. Вертолет могут обыскать.

В салоне лежало оружие, некоторое снаряжение и чемоданчик-сейф с довольно крупной суммой денег.

— Так, как-то все неправильно лежит, — сказал Зэн и начал перекладывать снаряжение, чтобы создать беспорядок.

Джута и Зэн переоделись в камуфляжную форму и отдали свою одежду Кену, после чего Зэн еще раз осмотрел все, чтобы убедиться, что при них нет ничего компрометирующего.

— Давай, я тебе заплету косичку, а потом ты мне, — сказал он Джуте.

— Давай. А зачем?

— Среди наемников так модно.

— А откуда эта мода на косички?

— Ну, как ты, наверное, знаешь, косички часто носят космонавтки, чтобы волосы не мешали в невесомости. Первыми поселенцами на Галеоне были в основном космонавты, и косички среди них были весьма популярны. Потом началась война корпораций, и появились наемники. Так вот, многие наемники носили косички, чтобы волосы им не мешали в бою. Потом молодежь стала им подражать, оттуда и пошло.

— А теперь это национальный символ?

— Да, как у пришельцев белый платок.

— А почему наемники просто не стригли волосы?

— Хороший вопрос. Наемники переставали стричь волосы, когда попадали на Галеон, поэтому по длине косички можно было определить, как долго ее владелец выживает здесь, а значит и определить насколько он хороший воин. Если неуверенный в себе противник видел длинную косу, только это могло решить исход боя.

— Понятно. Как бы способ устрашения?

— Да, но наемники вскоре отказались от длинных косичек.

— Почему?

— Понимаешь, у тех, кто носил косички, было много проблем.

Им постоянно приходилось доказывать, что они действительно

лучшие воины. Убить воина с длинной косичкой считалось большим подвигом. Некоторые даже срезали у врагов скальпы, чтобы забрать в качестве трофея. Таких называли «Охотниками за косичками». В общем, носить косички стало опасно и многие стали просто брить волосы.

Вскоре Джута и Зэн уже были неотличимы от обычных наемников.

— Не боишься? — спросил Зэн.

— С тобой — не боюсь, — ответила Джута и кокетливо улыбнулась.

— Тогда полетели, — улыбнувшись в ответ, сказал Зэн.

Джута завела двигатель и, подняв машину в воздух, повела ее на юг — к побережью, где располагалась база Хан-Гул.

За сутки до этого на базе Хан-Гул приземлился новейшей модели вертолет с изображением трехглавого дракона на борту. Те, кто находились на базе, видели такую технику лишь по телевизору, и потому, проходя мимо, бросали на вертолет удивленные взгляды. Начальник базы лично вышел встречать гостей. Первым из вертолета вышел темный маг, одетый в черные брюки и пиджак поверх черной рубахи с капюшоном, частично прикрывавшим лицо. На шее мага блестела толстая золотая цепь с мистическими узорами на звеньях, а на обоих запястьях были широкие серебряные браслеты также с узорами. Вслед за магом из вертолета вышли двое солдат и вывели Люку с мешком на голове и наручниками на руках.

— Кто такие? Что надо? — спросил начальник базы, глядя на необычных гостей с недоверием.

Маг улыбнулся грубости так, как будто она исходила от ребенка или от другого человека, над которым тот имел превосходство.

— Постояльца привезли, — ответил маг.

— Это что ли? — кивнув на Люку, спросил начальник базы.
— Снимите мешок.

Солдаты сняли мешок.

Освободившись от мешка, Люка поправила волосы, встряхнув головой, и, щурясь от яркого света, внимательным, но казавшимся со стороны лениво-безразличным взглядом, осмотрела место, как будто совершенно не обращая внимания на окружа-

ших ее людей.

— Молодая совсем... А что это она у вас так одета? Вы ее что, прямо со слета неформалов привезли? Или в Цитадели сейчас так модно?

— Она — песчаный призрак, — усмехнувшись, ответил маг.

— Кто? Она? — переспросил начальник базы и громко рассмеялся. Маг посмеялся вместе с ним пару секунд, после чего развернулся и направился к вертолету. Заметив это его движение, солдаты оставили Люку и тоже направились к вертолету.

— Э! А деньги? — попытался остановить их начальник базы.

— Деньги?.. — с улыбкой переспросил маг. — Эта девочка убила несколько десятков бойцов экспедиционной армии, угнала стратегический бомбардировщик и улетела на Титан, где мы ее и взяли. Она владеет магией и всеми видами оружия. Мы оставляем ее у вас, и если вы хотите выжить, вы будете держать ее взаперти. Теперь это ваши проблемы. — С этими словами маг закрыл дверь вертолета, и в ту же секунду машина взмыла в воздух, а Люка осталась стоять на вертолетной площадке, разглядывая человека, стоявшего перед ней, тем пристальным взглядом, которым тигры из клетки рассматривают людей. Начальник базы сразу не обратил внимания, но, посмотрев на Люку внимательно, заметил тонкую полоску темных пятен на ее одежде. Как бывший наемник он сразу же узнал след, какой оставляет струя крови. Он поднял глаза, и когда его взгляд столкнулся со взглядом Люки, слова мага перестали казаться ему такими уж неправдоподобными.

— Эй! Бойцы! — крикнул начальник базы, не отрывая взгляда от Люки. К нему тут же подбежали трое наемников. — Наденьте ей мешок, и отведите в бункер, на самый нижний этаж.

Блок, в который посадили Люку, по всей видимости, уже давно пустовал. Пол и решетки были покрыты равномерным слоем пыли. От холода и сырости стены камер поросли черной плесенью, запах которой распространялся по всему блоку до коридора. Стекавшая по вентиляции вода смывала ржавчину с решеток, рисуя на стенах тонкие рыжие линии до самого пола. Заперев в камере, конвоиры оставили Люку в полном одиночестве и тишине, которых только та и ждала. Люка села на колени и, погрузившись в глубокую медитацию, начала слушать. Каждое колебание воздуха рождало колебание магии, которое распространилось

дальше, чем звук, и даже многометровый слой земли не был ему преградой. Люка слышала сердцебиение каждого солдата, их бессмысленную болтовню и каждый шорох, который издавали они при движении.

Внимание Люки привлек звук подъехавшего к шлагбауму автомобиля.

— Ваши документы, — произнес часовой.

— Вот... Мне нужно срочно видеть начальника базы, — говорил незнакомец очень нервно.

— Зачем? Кто вы?

— Я его друг. Он примет меня. Сообщите, что его хочет видеть Юли Сайрис.

— Сейчас... Командир, тут на КПП какой-то человек говорит, что он ваш друг, и что он хочет вас видеть.

— Назовите имя — Юли Сайрис, — произнес человек по буквам.

— Говорит, что его зовут Юли Сайрис... — Рация что-то прошипела в ответ. — Да... Так точно... Командир разрешил вас пустить. Проезжайте.

Шлагбаум заскрипел, и машина проехала внутрь. Через некоторое время она остановилась, открылась дверь, и человек прыгнул на землю. Какое-то время он нервно переминался с ноги на ногу на скрипучем снегу. Послышался приближающийся звук шагов. Скрип снега исчез.

— Юли! — воскликнул начальник базы. — Черт меня побери! Сколько лет сколько зим!

— Привет, Рики, — тихо произнес Юли невеселым уставшим голосом.

— Какими судьбами?

— У меня большие проблемы.

— Да ладно! Что за проблемы?

— Меня разыскивает Дарун, — тихо ответил Юли.

— Да ну! — Начальник базы тоже перешел на шепот. — За чем?

— Вернее будет спросить «за что». Послушай, я влез в большое дерьмо — в дерьмо государственного масштаба. Мне нужно спрятаться! Исчезнуть!

— Это что же ты сделал такое?

— Давай не здесь.

— Да, пошли в кабинет.

Юли и Рики направились в командный центр, где располагался кабинет начальника базы. Люка внимательно слушала их шаги, чтобы проследить их путь. Они вошли в здание, поднялись по скрипучей деревянной лестнице на третий этаж и, наконец, вошли в какую-то дверь, которую начальник базы тут же запер на замок.

— Ну, рассказывай. Что произошло? — начал Рики, достав из ящика стола две рюмки и налив в них что-то.

— Я в очень большом дерьме, Рики.

— Это я уже слышал. Давай поподробней.

— Я работал в Даруне, — начал Юли, замолчал, сглотнул, после чего, поставив рюмку на стол, продолжил. — Я был заместителем начальника службы безопасности. Поскольку я имел связи со всеми нелегальными наемниками, убийцами, ворами мне поручали самую грязную работу — ту, о которую не хотел пачкаться мой начальник. Я добывал сведения, внедрял агентов, ну и, скажем так, делал то, что корпорация не желала делать напрямую. Мы связывались тайно, платили через подставные фирмы, и если что, нашу связь с криминалом отследить было практически невозможно. Однажды, мне поручили организовать убийство одного высокопоставленного чиновника — обычное дело. Я нашел исполнителей. Все шло нормально, пока я не узнал, кого собираются убить. Жертвой оказался Юли Зэус.

— Да ты что! — почти выкрикнул Рики. — Это же бред! Ты хочешь сказать, что президента убил Дарун?

— Тише! Да, черт возьми, его заказал Дари Кронг, и это дерьмо организовал я.

— Да зачем им было его убивать? Он же их ставленник.

— Неужели ты ничего не понимаешь? Никакого заговора пришельцев не существует — это миф. Это миф, который придумала пропаганда. Но есть другой заговор — темный заговор, заговор темных магов. Они уже везде: в Даруне, в полиции, среди наемников. Они контролируют все, им подчиняются все крупнейшие корпорации. Они создали Зэуса — они и убили Зэуса. Им это нужно было, чтобы санкционировать вторжение на Фокос, но Фокос — это всего лишь первый шаг. Их цель — титанианская Аллария, то есть весь мир. Ты понимаешь?

— Подожди. Так зачем они тебя разыскивают?

— Чтобы придать публичному суду! Сегодня я пришел домой в середине рабочего дня — забыл одну вещь, — я начал перекапывать свой шкаф и нашел там стопки пришельской литературы, которой там сроду не было. В моем почтовом ящике оказалась куча писем на катонийском, которого я даже не знаю. Я даже не стал разбираться дальше. Я просто собрал вещи и приехал к тебе. Ты понимаешь? Сегодня же вечером ко мне пришла бы полиция и арестовала бы как организатора убийства президента. С тем, что я сегодня нашел у себя дома, они бы легко доказали мою связь с пришельской разведкой, а дальше — показательный суд и смертная казнь. Понимаешь?

— Ты плохо выглядишь. Ты точно во всем этом уверен?

— В чем? В том, что я организовал убийство президента? Или в том, что я сегодня видел у себя дома? Или в том, что я не пришелец? Ты считаешь меня сумасшедшим?

— Прости, но это все действительно похоже на бред.

— Не веришь, значит? Во что же ты веришь? Наверное в то, что у нас демократия, честные выборы, тому, что из телевизора говорят, веришь... Наверное, веришь, что пришельцы во всем виноваты — сейчас перебьем всех пришельцев, и будет нам счастье... А я же ведь сам сделал все, чтобы ты в это поверил... — и Юли начал свой долгий рассказ о том, как работал в Даруне, о том, как строилась галеонская «демократия» и о том, что он делал с журналистами, которые не желали замолчать, а Рики молча слушал, выпивая с ним рюмку за рюмкой.

Медитацию Люки прервал звук брошенной на пол тарелки с едой из галеонских морепродуктов, которые были омерзительны на запах и вкус. Люка была очень голодна и поэтому съела все. К тому же, силы нужны были ей для того, чтобы не потерять способности колдовать.

В полдень следующего дня вертолет Зэна и Джуты приблизился к базе Хан-Гул.

— Просто сделай угрюмое лицо и молчи, — говорил Зэн. — Голову чуть опусти, взгляд из подлобья — как будто ты чем-то недовольна.

Джуте сразу вспомнилось выражение лица Люки, и она решила повторить его насколько была способна.

— Да, сойдет, — сказал Зэн, посмотрев на Джуту.

— База Хан-Гул. Назовите себя, — прозвучало по рации.

— Частный рейс. Посадка нужна, — ответил Зэн развязным тоном.

— Причина посадки?

— Горючка кончается. Дозаправиться надо.

— Понятно. Садитесь на площадку номер два.

На посадочной площадке, которая располагалась на крыше невысокого бункера, вертолет уже ожидало кольцо из шести вооруженных наемников.

— Это так надо? — испуганно спросила Джута.

— Да, успокойся — это понты. Пока все идет хорошо.

Джута заглушила двигатель, а Зэн направился к выходу, чтобы осмотреться. Начальник базы вышел из штаба и шел по направлению к вертолетной площадке.

— А ну-ка, смени выражение лица, — сказал Зэн, выходявшей из кабины Джуте. — Что это за испуганные глаза?

— Мне страшно, — ответила Джута. — У меня плохое предчувствие.

— Ни каких предчувствий, — сказал Зэн, обняв ее за плечо. — Сделай угрюмое лицо и молчи.

После этих слов Зэн открыл дверь и первым вышел из вертолета.

— Кто здесь главный-то? С кем говорить? — спросил Зэн у наемников.

— Сейчас подойдет главный, — ответил один из бойцов.

Начальник базы поднялся на площадку через несколько секунд.

— Вы чьи? Зачем прилетели? — спросил он, с недоверием глядя на Зэна и Джуту.

— Чьи... — повторил Зэн, хихикнув. — Вообще-то мы — люди Дэна Тау, но это сейчас не важно. Нам горючка нужна.

— А здесь, что, написано — запраочная станция?

— Да ты погоди наезжать. Мы купили вертолет, а продавец нас немного прокинул с топливом. Вот мы и не долетели.

— Пятьдесят ги за литр.

— По рукам.

— Ждите здесь. Сейчас вас заправят, — сказал начальник базы и развернулся, чтобы уходить.

— Эй, постой, командир, — остановил его Зэн, подойдя чуть ближе и перейдя на шепот. — Дело есть. Побазарить надо.

— Какие у нас с вами могут быть дела?

— Да мы не доить вас прилетели. Наш босс этим не занимается. Наоборот, можешь подзаработать, если все срастется, командир, нехило подзаработать. Только бойцов своих убери.

Начальник базы задумался.

— Ну, пошли побазарим, — ответил он и повел Зэна с Джутой в свой кабинет, приказав наемникам продолжать сторожить вертолет.

— Эта база, это же ведь частная тюрьма? — начал Зэн еще по пути к штабу.

— Ну да. А вас это интересует?

— То есть к вам привозят людей, и вы их держите, пока за них платят. Ведь так?

— Ну да.

— А когда перестают платить, что делаете?

— Отвозим в ближайший город и отпускаем на все четыре стороны.

— Гуманно, — сказал Зэн, злобно усмехнувшись.

— Ну, а что с ними делать? Не убивать же. Мы ж не звери.

— О! Люди это слишком ценный товар, чтобы их убивать или просто отпускать.

— Товар. Легко сказать — товар. Кому он нужен-то этот товар?

— Так я же не просто говорю, я бы и купил, если б было кого.

Начальник базы остановился и задумался.

— Да как-то это... — произнес он, почесав затылок и посмотрев по сторонам.

— За сильного здорового мужика могу дать до ста тысяч, но дороже всего стоят молодые девушки — за смазливую девчонку можно получить поляма.

— Вообще, есть у меня тут бесхозные... Деньги с собой?

— Деньги есть.

— Пойдем, — сказал начальник базы и направился к тому бункеру, где сидела Люка.

Когда Зэн увидел Люку, комок подступил к его горлу, и на вернулась предательская слеза. Четыре месяца он не видел дочь. Зэн отступил в тень и смахнул слезу незаметно, когда начальник базы был к нему спиной. Джута стояла в стороне и со вполне естественным выражением омерзения на лице разглядывала плесень

на стенах. Когда к камере подошли люди, Люка открыла глаза и, продолжая сидеть на коленях, угрюмым взглядом посмотрела вначале на Зэна, потом на начальника базы и снова закрыла глаза — как будто происходящее нисколько ее не интересовало.

— А ну, встань, — произнес начальник базы.

Люка открыла глаза и лениво встала. Она определенно узнала отца, но, понимая, что происходит, никоим образом не выдавала этого. Начальник базы командовал ей повернуться, и она покорно повернулась.

— Ну как?

— Триста тысячч, — ответил Зэн.

— Боец, надень на нее наручники, — приказал начальник базы наемнику сторожившему Люку.

— У меня нет наручников, — растерянно ответил тот.

— Черт! А где они?

— Не знаю.

— Значит, поднимись наверх, найди, где хочешь, наручники, и чтобы через десять минут она была на вертолетной площадке номер два.

— Есть!

Зэн и Джута вернулись к вертолету, когда тот еще заправляли. Джута быстро прыгнула внутрь и направилась в кабину, где чувствовала себя в большей безопасности.

«Вот, сейчас приведут Люку, и мы отправимся в „Первый“ пить глинтвейн за ее освобождение, — думала Джута, сидя в кресле пилота. — Не так уж это было и сложно».

За стеклом, слегка поблескивая в лучах тусклого солнца, падал мелкий и легкий снег. Зэн с начальником базы о чем-то «базарили», стоя у двери вертолета. Прошло уже двадцать минут, а Люку никак не вели.

— Что они там тупят, — пробубнил полковник. — Боец!

Молодой солдат подбежал к командире базы.

— Сбегай-ка в третий бункер, на нижний этаж. Там сидит девчонка. Ее должны были привести десять минут назад. Проверь, что у них там.

— Есть!

— Наручники найти не могут... — пробурчал начальник базы себе по нос.

Молодой солдат подошел ко входу в бункер и нажал на кноп-

ку вызова дежурного, чтобы тот открыл дверь. Ответа не последовало. Он нажал еще раз, но безуспешно. Когда же солдат потянул ручку на себя, он с удивлением обнаружил, что дверь была не заперта. За тяжелой металлической дверью бункера следовала двойная решетка, открыть которую мог только дежурный. Солдат заглянул в окошко. В комнате горел свет, но за столом никого не было. Солдат постучал вначале в окошко, но, посчитав звук недостаточно громким, постучал в металлическую дверь. Ответа не последовало. Солдат постучал еще несколько раз, попробовал вначале открыть решетку, которая оказалась заперта, после чего попытался открыть дверь в кабинет дежурного, и та оказалась открытой.

Дежурный лежал лицом вниз на залитом кровью столе, а содержимое его головы покрывало стену перед ним. За его спиной на полу лежала решетка вентиляционного отверстия. Впившись взглядом в разорванную голову дежурного, солдат снял с плеча винтовку и, запутавшись в ремешке, кое-как привел оружие в боеготовность. Молодой солдат был из тех наемников, что, прослужив несколько лет, ни разу не участвовали в боевых действиях, и потому с подобными зрелищами никогда не сталкивались. Прижавшись спиной к стене, он смотрел на убитого дежурного несколько секунд, после чего схватил ключи и рванул внутрь. Солдат осторожно спустился по лестнице на самый нижний уровень. За открытой настежь решеткой лестничной клетки была непроглядная тьма. Только сейчас солдат вспомнил, что еще в кабинете дежурного ему следовало бы поднять тревогу, но посчитав, что возвращаться наверх будет долго, солдат решил дернуть ручку sireны в тюремном блоке. Включив фонарик на винтовке, он осторожно вошел внутрь. В конце коридора гудел вентилятор; под ним на ящике лежала полная окурков консервная банка, в которой еще дымились две не потушенные сигареты; рядом лежал армейский шлем. Солдат провел лучом света вдоль стены до того места, где к трубе был примотан туго натянутый шнур. Солдат провел фонариком вдоль него. Шнур уходил к потолку, где был перекинут через балку, шел вниз и завершался петлей, в которой висел удушенный охранник. За спиной солдата что-то зашуршало. Он резко обернулся, и в луч его фонаря попал другой охранник, который сидел у стены, раскинув ноги и опустив голову. Из раны от ножа во лбу по его лицу тонкой извилистой

струйкой стекала кровь. Обнюхивавшая тело крыса, испугавшись света, шмыгнула куда-то в угол. Солдат поспешил в тюремный блок чтобы, наконец, дернуть рычаг sireны. Решетка в камере Люки была открыта настежь, и рядом с ней лежал третий охранник. Его голова была неестественно вывернута, а разбитое лицо прижималось к пруту решетки, который был испачкан кровью от высоты человеческого роста до пола. Нож и пистолет, висевшие у охранника на поясе, отсутствовали. Наконец, солдат добрался до рычага, но дернув его, обнаружил, что шедший от него провод был обрезан, и был, по всей видимости, тем проводом, на котором висел охранник в коридоре. Обезумев от страха, солдат побежал к выходу, но, споткнувшись о порог, упал и выронил винтовку. Свет погас. Подняв оружие, солдат встал и побежал к тому месту, где с лестничной клетки в коридор падал свет. Столкнувшись с висевшим охранником, солдат снова упал. Из бункера он выбежал уже безоружным. Через несколько секунд завывла сирена.

— Твою мать! — крикнул начальник базы. — Глуши мотор! Пока тревога вы не можете лететь.

— Хреново, — сказал Зэн, поняв, что произошло. — Пойду, скажу пилоту.

— Глуши двигатель, — сказал он Джуте на ухо. — Похоже, мы остаемся еще ненадолго.

— Что случилось?

— Видимо, Люка что-то опять натворила.

— А он не мог что-то заподозрить?

— Нет, он как раз уверен, что мы — бандиты.

— Пойдемте! — крикнул начальник базы в дверь вертолета. — Я отведу вас в свой кабинет. Похоже, кто-то сбежал. В штабе будет безопаснее всего.

Дрожащими руками Джута выключила двигатель и мысленно приказала ослабевшим от страха ногам поднять ее тело, чтобы проследовать за Зэном. Начальник базы подошел к краю вертолетной площадки и окинул взглядом территорию, на которой уже суетились десятки наемников — как будто тараканы испуганные внезапно зажженным светом. Нервно оглядываясь по сторонам, начальник базы повел Зэна и Джуту к штабу, мысленно убеждая себя, что возможно не Люка является причиной тревоги, понимая, однако, что вряд ли это мог быть кто-то кроме нее.

— Стой! — крикнул он, пробежавшему мимо солдату. — Куда

побежал!

— Слушаю, командир, — произнес тот, остановившись и вытянувшись по стойке смирно.

— Что случилось?

— Там, в третьем бункере, все мертвы, — ответил солдат.

— Так, понятно... Все, свободен, — скомандовал начальник базы солдату. — Был у нас там один урод... — оправдывался он перед Зэном. — Вы извините, что так получилось. Пойдемте... Его быстро поймают.

«Внимание! — раздалось по громкой связи. — Из третьего бункера сбежала девушка, на вид лет пятнадцати, одета в песчаную камуфляжную форму, может быть вооружена. При контакте стрелять на поражение».

— Пойдемте! Пойдемте! — заметно нервничая, торопил Зэна и Джуту начальник базы. Обнаружив дверь кабинета не запертой, он насторожился и приоткрыл ее аккуратно, но, увидев там своего друга, расслабился и смело вошел внутрь. Юли стоял за его письменным столом и выглядел немного испуганным.

— Здорово. А ты что здесь делаешь? — спросил Рики.

— Сработала сирена и я попытался найти тебя. Дверь была не заперта, и я вошел.

— Не может быть. Я запираю дверь.

— Я открыла ее, — сказала Люка, вставая из-за стола. В руках она держала пистолет, направленный в Юли.

В ту же секунду Рики выхватил оружие и направил в Люку, но одновременно с этим Зэн направил свой пистолет в него.

— Опусть ствол, — тихо сказал Зэн.

— Твою мать! — выругался Рики. — Что здесь происходит?

— Опусть ствол, — повторил Зэн. — Джута, запри дверь.

— Кто вы, мать вашу, такие? Что здесь, мать вашу, происходит? Хотя погоди... Вы же с самого начала за этой девчонкой прилетели, ведь так? А это, с топливом, — это все, так, для прикрытия. Вы кто такие?

— Она — моя дочь, — ответил Зэн.

— Это ни хрена не объясняет!

— Мы — агенты пришельской разведки, — сказала Люка, — и нам нужен ваш друг — Юли.

— Зачем он нам нужен? — спросил Зэн.

— Пап, этот человек организовал убийство президента Зэуса.

— Ах вот оно что... — начал говорить Рики.

— Рики, — перебил его Юли, — успокойся и опусти пистолет. Они нам не враги.

— Конечно, они перебили моих людей, убили нашего президента, и они тебе не враги...

— Я убил президента!

— По их заказу, так ведь? А плел мне тут про какой-то темный заговор... А все проще оказалось. За деньги ты продался, вот и все. Все у вас там в Цитадели за деньги. Как вы баб за деньги покупаете, так и родину за деньги продаете. Хрен вы уйдете отсюда! Все!

— Не говори глупости, Рики. Почему тогда эта девчонка целится в меня?

— А чтобы я поверил. Шоу тут передо мной разыгрываете.

— И что ты сделаешь, Рики. Отдашь своего единственного друга людям, из-за которых живешь вот в этом дерьме?

— Ты мне больше не друг, — произнес Рики почти шепотом, как будто через силу. — У меня нет друзей пришельцев.

— А кто твой друг? Те, кто говорят из телевизора, какие мы великие? Дари Кронг? Или может быть Зэус был твоим другом? Из твоих друзей, остался ли кто-нибудь в живых кроме меня?

Рики молчал, а Юли продолжил.

— А помнишь, сколько нас было? Пол класса мальчишек — пятнадцать человек. А помнишь, у нас была училка истории — молодая такая, страшненькая? Мы не воспринимали ее всерьез — подшучивали над ней. А помнишь, что она говорила?.. Не помнишь, скорее всего, и я не помнил до недавнего времени. Она много чего говорила, например: «Никому не верьте. Читайте разные книги. Сопоставляйте и анализируйте прочитанное. Знайте много, чтобы никто не мог вас обмануть». Каково же было мое удивление, когда то же самое я услышал из уст Дэмми Арчиуса. А ведь она не была пришельцем. Не было еще тогда пришельцев. А мы не слушали ее. Мы были молодые, гордые и самоуверенные. А потом пришли рекрутеры и начали звать нас в армию. Они говорили нам — вы лучшие, вы все уже знаете, вы все уже можете, мы дадим вам оружие, укажем на врага, и, если вы победите его, мы дадим вам денег. Как все красиво называлось: «Имперская армия», «Имперские легионы», «усмирение мятежных провинций». Они говорили, что лучшие воины будут жить в

Цитадели, в роскоши и богатстве до самой старости, и кто сейчас живет в Цитадели? Те, кто говорил нам это, а нас — тех, кто им верил, почти не осталось. Ты знаешь, и те, кто верил той училке, тоже живут в Цитадели. Их довольно много, они трудятся в своих офисах, живут тихо, скромно и не богато. И голосуют они за Арчиуса, потому что он говорит то, что говорила им та училка. У пришельцев принято спорить с учителями, а мы своих даже не слушали. Я убивал зажавшихся галеонских ублюдков по заказу других зажавшихся галеонских ублюдков и хочу, чтобы меня судили за это по алларийским законам, потому что для меня теперь — это единственный способ выжить. А пришельцы здесь не при чем.

Рики опустил пистолет и сел на стул в углу кабинета.

— Ну и как вы представляете себе выбираться отсюда? — спросил он. — Вся база ищет эту девчонку. Она убила чьих-то друзей. Теперь я не могу ее просто так отпустить — бойцы не поймут.

— Нужно придумать способ, — сказал Зэн, опуская пистолет.

— Нужно по-человечески все делать, — буркнул Рики, — а не мочить людей сразу... Так, ложись на пол, — сказал он Люке. — Будешь изображать мертвую.

— Что ты задумал? — спросил Юли.

Ничего не ответив, Рики всунул дуло пистолета между шкафов и выстрелил в стену.

— Отбой! — прокричал он по радиации. — Сбежавшая ликвидирована. Мешок ко мне в кабинет принесите.

Спрятав оружие, Люка легла на пол, и через пару минут в кабинет вбежали двое солдат с черным полиэтиленовым мешком в руках.

— Вот мешок, командир, — произнес один из солдат, поглядывая на лежащую Люку. — А это вы ее, того?

— Я, — ответил Рики. — А что ты удивляешься?

— Да нет, ничего. А как она здесь оказалась?

— Сама пришла. Наверное, хотела взять меня в заложники. Сколько она убила то?

— Четверых, командир. Одному голову свернула, второго ножом, третьего проводом удавила, а четвертого застрелила.

— Нихрена себе. А по виду и не скажешь.

— Нам ее упаковать? — спросил солдат.

- Мы сами. Эти вот господа ее заберут.
- А зачем она вам? — удивленно спросил солдат.
- Не твое дело, — произнес начальник базы. — Свободны.
- Есть! — хором ответили оба.

Солдаты удалились. Зэн и Юли подняли мешок и понесли к вертолетной площадке. Юли шел впереди, и Джута показывала ему дорогу. Зэн и Рики шли сзади. Оказавшись в мешке, Люка первым делом аккуратно достала из-под корсета пистолет и при помощи магии притянула в руку из сапога нож. Лежа лицом вверх, она держала руку с ножом где-то в районе живота, чтобы в любую секунду разрезать мешок. Вторая рука с пистолетом лежала у нее на груди.

Открылась дверь, и холодный воздух обнял мешок снаружи. Люку уже несли по скрипучему снегу, и до вертолетной площадки оставалось пара десятков метров, как вдруг Зэн и Юли почему-то остановились.

— День добрый, — произнес незнакомый голос в паре метров от мешка.

— Добрый, коли не шутишь, — ответил начальник базы. — Вы — кто такие? И, самое главное, кто вас сюда пустил?

— Мы разыскиваем особо опасного государственного преступника.

«Черт! Это не может быть полиция! — думала Люка. — Это же гребанная база наемников. Они бы сюда не сунулись».

— Ваши документы, — произнес голос.

Зэн и Юли опустили мешок на снег, а Люка начала изучать обстановку. Чуть впереди стояли два человека атлетического телосложения — один — чуть выше, другой — чуть ниже, — а на расстоянии около сорока метров, ближе к воротам базы, находился сгусток магии высокой яркости. Определенно, это был колдун. Перед ним был горячий неживой предмет — скорее всего двигатель какого-то мощного транспортного средства. Остальное из-за большого расстояния виделось Люке смутно.

— Наши документы в вертолете, — сказал Зэн.

— Сейчас проверим и вертолет, — ответил голос. — Мы здесь все проверим. Что в мешке?

— Тело, — ответил Зэн. — Что еще может быть в таком мешке?

— Как интересно. А что за тело? — продолжал расспраши-

вать голос.

— Тело заключенной, — раздраженно ответил Рики. — Она пыталась сбежать. Ее ликвидировали.

— А вы всех убитых беглецов лично провожаете в последний путь? — спросил голос, обращаясь, по всей видимости, к начальнику базы.

— Это не ваше дело, — ответил Рики. — Либо вы объясните какого, к черту, преступника вы ищите, либо я расцениваю это как нападение на частный охраняемый объект и буду вынужден применить все меры для его защиты.

Двое незнакомцев подошли ближе и встали непосредственно возле мешка сбоку, оказавшись между Люкой и неизвестным колдуном.

— Откройте мешок, — произнес голос.

Люка положила палец на курок.

В следующую секунду вдалеке кто-то спрыгнул на снег, и послышался звук захлопнувшейся двери автомобиля. Пару секунд ничего не происходило, после чего раздался крик: «Это он!» Юли сделал шаг назад. Люка выстрелила два раза, и струи крови взметнулись на несколько метров вверх. Наемники, стоявшие рядом, рухнули на землю. Люка освободилась от мешка, разрезав его ножом, и, отстреливаясь не глядя, укрылась за бетонной плитой, преодолев расстояние до нее одним семиметровым прыжком. Рики выхватил пистолет, но в ту же секунду две пули попали ему в грудь. Закрывшись его телом, Зэн последовал за Люкой, а Юли, прикрывая Джуту своим одетым в бронежилет телом, поспешил к вертолету. Точными выстрелами из подствольных гранатометов нападавшие уничтожили две дозорные вышки, из которых хорошо простреливалось место, где они находились. Завязалась перестрелка. Защищающие базу стреляли по укрывшимся за машиной наемникам, а те, периодически отстреливаясь, фокусировали огонь на Зэне и Люке.

— Гаси ее первой! Это колдунья! — кричал кто-то из-за машины, и град пуль прижимал Люку и Зэна к земле, так что те даже на пол секунды не могли приподняться над плитой, чтобы выстрелить в ответ. Воспользовавшись этим, Юли и Джута смогли добраться до вертолета и подняться в воздух.

— Куда ты летишь! — кричал Юли. — Уходи за гору!

— Мы не улетим без Зэна!

— Им уже не поможешь. Улетаем!

Держа штурвал одной рукой, Джута достала пистолет и через сиденье направила его на Юли.

— Бери пулемет и отстреливайся, трус! — крикнула она. — Либо мы уходим вместе, либо погибаем вместе. Бери пулемет, я сказала!

Взгляд Джуты испугал Юли. Он хорошо помнил этот взгляд — тот, с которым люди, вооруженные лишь ножом, перебегали линию фронта и, падая во вражеский окоп, устраивали там резню — взгляд, с которым люди, обвешанные взрывчаткой, падали под танки, — это был взгляд человека, который не видел для себя возможности отступить, и одной из вещей, которых Юли больше всего боялся на войне, был этот взгляд, направленный на него.

— Отмороженная! — крикнул Юли и начал быстро шарить по ящикам в поисках пулеметных лент.

В пяти метрах от Люки лежала снайперская винтовка, которой был вооружен часовой на вышке. Взрывом ее отнесло почти в руки юной ведьме, но колдун, войдя в транс, подавлял магию Люки, а место, где лежала винтовка, хорошо простреливалось.

— Пап, помоги мне, — сказала Люка. — Меня подавляет тот урод из машины. Ты же вроде тоже немного маг. Ты можешь войти в транс и прикрыть меня? А то я не могу колдовать.

— Я постараюсь, — ответил Зэн.

Зэн был слабым магом, но и его усилий хватило. Винтовка медленно подползла к Люке, и та, растянувшись по земле в полный рост, поддержнула ее к себе ногой. Не смотря на взрыв, оружие было исправно, и даже прицел не пострадал.

Джута тем временем завела вертолет на цель так, что Юли смог открыть огонь. Атака с воздуха привела нападавших в замешательство, чем и воспользовалась Люка. Поднявшись над укрытием всего на несколько секунд, одним точным выстрелом она попала в мага.

— Есть! — крикнула она, упав обратно за укрытие.

— Попала? — спросил Зэн.

— Да, но это не надолго. Я в грудь попала, а он мощный колдун — может восстать. Ты должен мне еще раз помочь. Видишь бочки с горючем?

— Да.

Возле вертолетной площадки стояли бочки с авиационным

топливом. Стоя одна на другой, они были неустойчивы, и Люке не составило труда повалить их, потянув за верхнюю.

— Кати вон ту бочку к машине, — сказала Люка и закрыла глаза.

Джута тем временем сделала второй заход.

— Не зависай, — говорил Юли. — Постоянно двигайся. Так по нам сложнее попасть... Что за хрень, бочка сама катится. А эти, наши, что? Колдуны?

— Да. Стреляй, чего ждешь! — крикнула Джута.

— погоди, есть идея. Сделай еще круг. Похоже, твои друзья кое-что задумали. Сейчас мы им поможем.

Юли бросился к ящикам с боеприпасами и начал перебирать пулеметные ленты.

— Вот они! — радостно воскликнул он, доставая из ящика ленту с трассирующими пулями.

Люка и Зэн тем временем докатили бочку до вражеской машины.

— Ну и что теперь? — спросил Зэн.

— Не знаю, — ответила Люка. — У меня сил нет, да и сто литров топлива я не подожгу даже в лучшей форме.

— Я тем более. Нужно бочку пробить.

— Подожди. Я устала. Дай передохнуть.

— Давай я выстрелю, — сказал Зэн, потянувшись за винтовкой.

— Нет. — Люка отдернула оружие. — Ты не попадешь. Не высовывайся. Сейчас наша подруга на цель еще раз зайдет, тогда я выстрелю.

Из-за горы тем временем снова появился вертолет Джуты. Хорошо прицелившись, Юли сделал две короткие очереди трассирующими. Горящие пули пробили бочку и воспламенили топливо. Вспыхнуло яркое белое пламя, от которого Люку и Зэна обдало горячим ветром. Вокруг пожара начал быстро таять снег, а у самого эпицентра воздух раскалился почти до тысячи градусов. Нападавшие наемники, дымясь, разбегались в разные стороны, но, не пробегая и десяти метров, падали. Выстрелы прекратились, и Зэн с Люкой смогли добраться до посадочной площадки, где их тут же подобрал вертолет.

Вертолет летел прочь от столба черного дыма поднимавшего-

ся над базой Хан-Гул. Зэн смотрел на Люку, желая крепко прижать ее к себе, но что-то не позволяло ему это сделать — как будто чужой, незнакомый человек сидел перед ним.

— Ты ранена? — спросил Зэн, заметив кровь на руке дочери.

— Да фигня, это все убогие галеонские пистолеты. От их затворов постоянно ссадины на руках.

— Постоянно?.. Я никогда не замечал у тебя ссадин.

— Ты много чего не замечал.

— Да, наверное ты права. Значит, ты умеешь слушать магию?

Люка утвердительно кивнула.

— А говорить?

Люка кивнула так же еще раз.

— Поговорим?

Отец и дочь закрыли глаза и начали разговаривать так, как это делают маги, когда хотят, чтобы их не могли подслушать посторонние. Тем временем, тепло из рук Зэна плавно перетекало в раненую кисть Люки, исцеляя ее.

— Кто тебя научил магии? Мама? — спросил Зэн.

— Не совсем, — ответила Люка.

— Кто же тогда?

— Я не могу тебе сказать.

— Почему?

— Это секрет. Ты же сам разведчик, должен понимать, что такое секрет.

— Значит, ты связана с разведкой. Но ведь ты же еще ребенок!

— Мне уже шестнадцать, и значит, по законам Страны пришельцев, я могу устроиться на работу.

— Но ведь лицам, не достигшим двадцати двух, запрещено служить в действующих войсках, по международной конвенции.

— Поэтому это секрет.

— А спецподготовка?

— Она у меня есть.

— Но откуда? Когда ты успела? Хотя подожди... Спортивная школа? Ведь это была не просто спортивная школа?

— Да, но... Я не могу тебе ничего говорить. Это секрет.

— Но я — твой отец. Нас никто не услышит. Это будет наш секрет.

— Не могу. Может быть позже, когда придет время.

- Как хочешь. Береги себя. Ты самый близкий мне человек.
 - Я постараюсь. Мы летим в Цитадель?
 - Да.
 - Но меня же там разыскивают?
 - Мы тебя спрячем.
 - Где?
 - В отеле Первый.
- От удивления Люка выпучила глаза.
- Что правда? — переспросила она голосом.
 - Правда, — также вслух ответил ей Зэн.
 - Круто! — воскликнула Люка.

Эпизод 10

Операция «Королевский прием»

Шаттл представительского класса приземлился на космодроме близ Цитадели в полдень того же дня, когда Зэн и Джута отправились на спасение Люки. По нерасчищенной дорожке шаттл подрулил к стоянке заставленной небольшими бизнес-джетами. Присыпанные снегом, с прикрытыми брезентом турбинами и обутыми в сугробы шасси, самолеты стояли в ряд, дожидаясь своих хозяев. В одном ряду с ними стоял длинный черный бронированный лимузин похожий на вытянутый армейский внедорожник. Возле него стояли пятеро молодых людей: спортивного телосложения рыжеволосая девушка, невысокая блондинка, бритоголовый парень с перебитым носом, коренастый блондин с прической «ежик» и высокий худощавый парень с тонкими глазами. Они все были одеты одинаково — так, как обычно в Цитадели одевалась личная охрана — в похожие на деловые, но при этом не стесняющие движений костюмы с открытой грудью, чтобы удобней было доставать оружие. Под темно серыми костюмами у всех были одеты черной цвета водолазки.

Опустился трап, и из шаттла вышел маг, облаченный в длинный черный плащ, закрывавший лицо. поприветствовав охрану вежливым поклоном, он направился к лимузину.

— А вот и автобус, — тихо произнес он, и белокурая девушка, стоявшая рядом, сдержанно улыбнулась.

Лимузин выехал на трассу и направился в сторону Цитадели, чтобы ближайшие два часа прорываться сквозь пробки в ее центр. Загадочный колдун сидел на заднем сидении, рядом с

блондинкой, а остальная охрана расположилась на боковых местах. Видимо заскучав от серых, безликих пейзажей столичных пригородов, маг включил телевизор.

По местному центральному каналу вот уже несколько дней подряд шло новое реалити-шоу — «Война на Фокосе». Журналист на фоне белых куполов исследовательских центров, постоянно озираясь, нервным голосом рассказывал в дрожащую камеру о продвижении галеонских войск по Змеинному каньону. Глядя на это колдун усмехнулся. Крутившиеся в определенном порядке одни и те же кадры из зоны боевых действий сопровождались эмоциональными, но при этом тщательно политически выверенными комментариями дикторов. В течение получаса три раза показали развороченные полосы космодрома, один раз — ангар, откуда угнали бомбардировщик, два раза — аккуратно сложенные трупы галеонских солдат и около четырех раз — одни и те же, но в разных ракурсах, два трупа песчаных призраков.

Тем временем, лимузин въехал через полупустой нижний город в кипящий верхний. Маг отвлекся от телевизора и посмотрел в окно. Стекла первых этажей, за которыми раньше были витрины маленьких частных магазинчиков, почти все были заклеены телефонными номерами и надписями «сдается». Кое-где, на стенах были видны следы снятых недавно эмблем банков. Стало меньше наружной рекламы, и даже огромное табло на южном въезде в верхний город показывало какой-то социальный ролик.

Маг переключил на другой канал, где шел выпуск новостей, сотканный по обычному Галеонскому шаблону. Первым всегда был сюжет о деятельности власти — о том, какие законы принималась и о том, как руководители страны лично контролировали их соблюдение. Далее следовал сюжет о положительных тенденциях в стране, а за ним сюжет об отрицательных тенденциях за рубежом. Особенно много внимания уделялось проблемам титанианской Аллarii. Заканчивался выпуск, как правило, малозначительной новостью из области далекой от политики. Главной новостью выпуска в тот день было то, как люди, еще недавно работавшие в корпорациях, в банках и в небольших частных компаниях, шли служить в армию. Судя по тому, сколько на улицах Цитадели было людей с вещами в коробках из-под офисной бумаги, очень скоро кроме армии на Галеоне не должно было остаться ничего.

Маг выключил телевизор. За окном уже был центр города. Лимузин остановился у парадного входа в отель Первый, и услужливый швейцар открыл дверь. Выйдя из машины, маг направился в отель, и его охрана, достав из багажника вещи, проследовала за ним. Лишь перед администратором он опустил капюшон плаща. Загадочным гостем оказался шеф отдела специальных операций внешней разведки Страны пришельцев — генерал Лей Суджйо.

— Хану! — радостно закричала Ильга, увидев спускавшуюся по лестнице Люку.

Люка уже успела принять душ и сменить костюм песчаного призрака на вполне обычные для молодежи Цитадели штаны из искусственной кожи и майку. Увидев своих друзей, впервые за долгое время Люка улыбнулась. Ильга подбежала к ней и, зажмурив глаза, чмокнула ее в щеку, что в Цитадели было модным приветствием у девочек ее возраста.

— Здравствуй, дорогая моя, — немного уставшим голосом произнесла Люка. — Как ты?

— Я-то хорошо, а ты как? — Ильга перешла на шепот. — Говорят, ты в плену была.

— Ну да, — скромно ответила Люка. — Была чуть-чуть.

— А чего это у тебя волосы мокрые? — спросила Ильга, причесывая пальцами волосы подруги.

— Да я душ приняла. Я сейчас из такого ужасного места!.. От меня не пахнет?

— Да нет, — сказала Ильга, обнюхав шею Люки. — Ты пахнешь шампунем.

— Да? Ну хорошо.

— Знаешь что, подруга, — сказала Ильга, строго посмотрев на голову Люки. — А корни тебе надо прокрашивать, а то, вон, видны уже. Совсем себя запустила.

Через мгновение остальные друзья обступили Люку. Они обнимали и целовали ее в щеки, после чего все шестеро встали кругом и, положив руки друг другу на плечи, наклонились к центру.

— Ну вот, наш отряд снова в сборе, — произнесла Люка.

Люка и ее пятеро друзей — те, кого она назвала отрядом, те кто проходили спецподготовку в школе Лея, — уже год как были действующим сверхсекретным подразделением особого назначения на службе Земли обетованной. Отрядом руководил лично

шеф отдела спецопераций, что само по себе говорило об особом статусе отряда. Подразделение относилось к совершенно новому типу пехоты, который в секретной переписке проходил под именем «ликвидаторы». Когда-то в Катонии так назывались маги-убийцы использовавшие церковью для устранения неугодных или нелояльных колдунов. Дело в том, что в древности, до того как магия стала таинственным образом исчезать с Титана, существовали в мире столь могущественные маги, что убить их простому воину или даже отряду воинов было невозможно. Достаточно сильный громовержец мог одной или несколькими молниями умертвить целый батальон солдат облаченных в металлические доспехи, а один маг огня был способен спалить целый город, уходя от преследователей. «Мага может убить только маг», — говорили тогда, и по распоряжению самого императора были созданы секретные отряды фанатично преданных магов, которые должны были устранять колдунов-бунтарей по всей Империи Кáто. Колдуны-убийцы действовали осторожно — магией, подкупам, ловкостью и беспринципным коварством подбираясь все ближе и ближе к своей цели. Но шли годы, и вместе с магией исчезли и колдуны, и ликвидаторы. Остались только легенды об их невероятной ловкости, об их мастерстве владения холодным оружием, о том, как они бегали по воде, проходили сквозь стены, проникали в закрытые помещения и о многом другом. С тех пор, как магия вернулась на Титан, люди заселили Галеон, и стали появляться все более и более сильные маги, вернулась и потребность в ликвидаторах. Первой об этом задумалась разведка Страны пришельцев. Так появился отряд Чу (по первому слогу катонийского слова «чува́ри» — ликвидатор, от «чува́ти» — устранять последствия).

Члены отряда имели каждый свой позывной, с которыми так свыклись, что в разговорах частенько называли друг друга по позывным. Люку звали Хану́, что по катонийски означало «волчонок» — так часто называл ее Лей за природное чутье и осторожность; лучшего фехтовальщика отряда прозвали Дзубо́, то есть «жук-мечник» или богомол; Илью, поскольку она была магом-лекарем отряда, называли Шши́ла, то есть «змея»; рыжеволосую девушку Эйли́н звали Ханорб — «красный волк» или «лиса»; парня с перебитым носом, за талант в магии воды, прозвали Кюли́н, то есть Ки́рин, а высокого красавчика за ловкость нарекли Маму́

по названию разновидности мелких лесных обезьян.

— Ну, рассказывай. Ты уже поселилась? — живо расспрашивал Люку Маму́. — Как тут?

— Тут охренительно! — ответила Люка. — Номера огромные. Кровати такие широкие, что я, если раскину руки, не могу дотянуться до обоих краев. У меня в номере телевизор во всю стену. В ванной джакузи.

— Круто! — воскликнула Ильга. — Интересно, нас в отдельные номера поселят?.. Жаль, что этим не похвастаешься.

— Да, — грустно вздохнув, сказал Маму́. — Секретность.

— Да и не поверит ни кто. Мой парень наверно уже завалил меня сообщениями, — говорила Ильга.

— А что ты ему сказала? — спросила Люка.

— Как по легенде, что улетела на Титан к родственникам. — Ильга мечтательно отвела взгляд вверх. — Я по нему так соскучилась! Он так в меня влюблен!

— А сколько ему лет?

— Восемнадцать. Он уже студент.

— Он пришелец?

— Ну, идеологически — да. Да ты же его знаешь! Я потом тебе расскажу. Он такой классный...

Подошел Лей и положил на столик шесть электронных ключей.

— Разбирайте, — сказал он. — Отбой в десять, подъем в семь. И если я услышу хоть один посторонний звук из ваших номеров после десяти, особенно это вас касается, — Лей посмотрел на Ильгу и Люку, — то кара будет особенно суровой. Для тебя, Ильга, я придумал особенное наказание. Я объявлю тебя и Викки мужем и женой, и в следующем походе вы будите спать в одном спальном мешке.

— Нет! — жалобно промычала Ильга. — Только не это! Я не буду спать с Викки!

— Будешь, если нарушишь режим, — продолжил Лей. — И еще, территорию отеля покидать запрещено. Вопросы есть?

— Сколько мы здесь пробудем? — спросила Ханорó.

— Неизвестно, — ответил Лей. — Еще вопросы?.. Если нет, значит, все свободны.

Услышав это, юные ликвидаторы похватили со стола ключи и радостные побежали смотреть номера.

Вечером того же дня в отеле Первый состоялось секретное совещание. За столом собрались представитель правительства Алларии, командующий силами Страны пришельцев на Галеоне генерал Ма́ко, руководитель галеонского сопротивления, скрывавшийся от властей бывший кандидат в президенты Дэмми Арчиус и генерал Лей Суджио как представитель разведки Страны пришельцев.

— Я считаю, что ответный удар необходим, — говорил генерал Ма́ко. — Он является частью генеральной стратегией защиты Земли обетованной, и наши силы в данный момент сгруппированы для его осуществления. Получается, мы не можем сконцентрировать усилие на обороне с одной стороны, и не переходим в контрнаступление с другой — это недопустимо. Каждый день войны в Змеином каньоне стоит нам нескольких жизней, и даже если в результате ответного удара мы потеряем в один день больше чем за всю войну, в долгосрочной перспективе мы сэкономим больше.

— Да как вы не понимаете, — возражал Дэмми Арчиус, — атака на Цитадель — это резня, каких Галеон не видел со времен войны корпораций! Но самое главное, даже если в этой резне победят пришельцы, устроив ее, они распишутся во всем том, в чем их обвиняет националистское правительство. Поймите, галеонцы не доверяют пришельцам. Даже те, кто им сочувствовал, после убийства Зэуса засомневались. Вначале галеонцы должны узнать, кто убил Зэуса. Им каждый день с экрана твердят, что пришельцами готовится вооруженный переворот. Если пришельцы захватят Цитадель, ни о каком доверии между нашими народами не будет идти и речи. Остановить войну может только третья сила, и это может быть только Аллария.

— Боюсь вас огорчить, — сказал представитель Алларии, — но Титан вряд ли вам в этом поможет. Поймите, для Титана сейчас задачей первостепенной важности является ликвидация последствий Небесного плача. В парламенте Алларии война между Галеоном и Страной пришельцев обсуждается сейчас только в одном контексте: и пришельцы, и галеонцы имеют богатую практику борьбы с демонами; и те, и другие предлагают свои решения: пришельцы — песчаных призраков с их магией и искусством меча, галеонцы — магическое оружие. Оба решения, как показала практика, работают, и вопрос только в том, кто предоставит

нам помощь. Ведя войну, галеонцы могут оказать нам содействие (они уже это делают), а вот пришельцы — нет. Так что симпатии парламента пока что на стороне Галеона.

— Это возмутительно! — почти крикнул Арчиус. — Разве они не видят, что происходит геноцид?

— С точки зрения Титана это не очевидно, — ответил представитель Алларии. — Аллария не имеет понятия, кто из вас прав, а кто виноват, и будет в этом конфликте поддерживать ту сторону, которую ей поддерживать выгоднее всего. Пока что, это Галеон.

В разговор вступил Лей.

— А в курсе ли ваши парламентарии, что в исследовательские проекты Страны пришельцев вложены деньги Титанианских инвесторов? Если эта война продлится хотя бы месяц, ваша экономика это почувствует.

— Это сейчас никого не волнует, — ответил дипломат. — Вначале выживание, потом экономика. К тому же, вы сами понимаете, Небесный плач — это аргумент, которым можно обосновать любые непопулярные меры.

— Тогда у нас просто нет выбора, — сказал генерал Мако.

— Я не представляю, как это возможно, — поникшим голосом произнес Арчиус и опустил взгляд.

— Мы представляем, — ответил генерал. — Предоставьте это военным.

— В таком случае, если Аллария не собирается нам помогать... — Лей недвусмысленно посмотрел на алларийского дипломата.

— Я могу быть свободен? — спросил тот, прочитав намек.

— Если вам больше нечего нам сказать, то да, — ответил Лей.

— В принципе, вы можете делать все что угодно, — сказал дипломат. — Аллария не будет вам ни мешать, ни помогать, но помните одну вещь. Алларийцы и галеонцы — это один народ. У нас общие культурные корни и язык, а пришельцы — это пришельцы. Алларийцы всегда будут больше доверять галеонцам, чем пришельцам, поэтому советую вам действовать как можно более аккуратно.

С этими словами представитель Алларии удалился.

— Ну вот, — произнес Лей. — Теперь все свои, можно и поговорить. Прежде всего, хотел бы довести до вашего сведения

некоторую информацию. Сегодня в руки сотрудников разведки попал организатор убийства президента Зэуса. Он готов в суде подтвердить, что сделал это по заказу высокопоставленных лиц корпорации Дарун.

— Потрясающе! У меня нет слов, — произнес генерал Мако, выпучив глаза от удивления. — Надеюсь, вы его хорошо охраняете.

Лей продолжил:

— Еще у нас есть информация о том, что завтра в Башне Империи собираются руководители крупнейших корпораций, включая Дарун. Среди них почти все фигуранты по делу о заговоре. Они пробудут там трое суток. Более удобный момент для их ареста сложно себе вообразить.

— Но как вы себе это представляете? — спросил Арчиус. — Башня Империи — это крепость внутри крепости. Даже если начать атаку прямо сейчас, взять Цитадель за трое суток нереально! Да и те, кого вы собираетесь арестовывать, скроются.

— Из присутствующих только вы не знаете, — сказал генерал, — но уже достаточно давно существует план захвата Цитадели за двадцать четыре часа.

— За двадцать четыре часа? «Давно существует план»? Так вы все-таки готовились к войне с Галеоном?

— Понимаете, — ответил Лей, — система Пророк на протяжении десяти лет прогнозировала войну с Галеоном с пугающе высокой вероятностью. Десять лет эта вероятность увеличивалась. Последние два года она превышала восемьдесят процентов. Когда победил Зэус, угроза возросла до девяноста пяти процентов. Естественно, мы готовились к войне. План захвата Цитадели был разработан семь лет назад. Правда в основном плане подразумевается помощь Алларию, но и без нее захват осуществим.

— Год назад, — продолжил генерал, — когда мы получили в распоряжение новое оружие, план был обновлен. Раньше Башня Империи составлял проблему, но теперь мы можем захватить и ее. Генерал Суджйю, когда мы готовы начать?

— Мое подразделение в сборе и в полной боевой готовности, — ответил Лей. — Если войска готовы, то можно начать через тридцать часов.

Генерал Мако задумался на пару секунд, после чего ответил: «Думаю этого достаточно для подготовки. А ваши люди гото-

вы?», — спросил генерал у представителя сопротивления.

— Так точно, готовы.

— Значит, час ночи, послезавтра, — подытожил Лей. — Следующее совещание?..

— Как запланировано, — ответил генерал. — Завтра в десять утра в этой же комнате. Полевой штаб организуем здесь. Завтра будет трудный день.

Выйдя из зала, Арчиус совершенно поникший побрел к себе в номер. Лей поравнялся с ним и дружески похлопал по плечу.

— Я думал, времена изменились, — сказал Арчиус. — Я наивно полагал, что мир сейчас настолько сильно связан экономически и культурно, что война подобная этой уже невозможна. Даже когда Галеон все-таки напал на Страну пришельцев, я думал, что это недоразумение, что это закончится очень быстро, и все проблемы решатся дипломатическими методами. Оказалось, однако, что были правы алларийские стратеги, которые сто двадцать лет назад утверждали, что единственной гарантией мира между сверхдержавами может быть только принцип неотвратимого взаимного уничтожения. Между Страной пришельцев и Галеоном нет никаких сдерживающих сил, и поэтому началась эта война.

— Люди не меняются, — с сочувствием, произнес Лей. — Так бывает, друг мой, — когда заболевание запущено, и таблетки уже не помогают, приходится браться за скальпель, так бывает.

Лей еще раз похлопал Арчиуса по плечу и направился в свою комнату.

Ник и Дага буквально выбросили на обдуваемую ледяным ветром вертолетную площадку Башни Империи. Вертолет, едва коснувшись поверхности, улетел прочь, и они остались одни. Двери в здание были закрыты. Холодный воздух, завывая, гулял между конструкциями, шелестел антеннами, поднимал вверх и укладывал узорами на черную крышу мелкий и легкий снег. Кое-как спрятавшись от ветра в неглубокой нише у двери в здание, Ника и Даг расстегнули комбинезоны и, засунув руки друг другу под верхнюю одежду, прижались как можно ближе, чтобы сохранить тепло. Прodelывая это, Ника как-то, не к месту игриво, хихикнула. Они стояли так до тех пор, пока из двери не выглянул местный охранник. «Заходите», — буркнул он, и Даг с Никой

забежали внутрь.

Башня Империи была не простым административным зданием. Это был целый город — полностью автономный, с собственной инфраструктурой, почти независимой от Цитадели. Это сооружение проектировалось как неприступный штаб способный выдерживать осаду в случае, если враг прорвет обе линии обороны города. Однако многие технические решения строивших Цитадель происходили не столько из реальных угроз, сколько из желания создать самое неприступное сооружение из всех, что были построены людьми. Башня Империи была разделена на шесть секторов сверхпрочными несущими стенами, на которых держались блоки по восемь этажей каждый. Сами блоки были устроены таким образом, что каскадное обрушение могло охватить не более восьми этажей одного сектора. Таким образом, чтобы уничтожить Башню Империи полностью, нужно было разрушить каждый блок каждого сектора по отдельности, а для этого необходимо было обступить здание с шести сторон. Блоки были соединены между собой через центр здания, что было обусловлено как требованиями прочности несущего каркаса, так и требованиями безопасности. С одной стороны, находясь в самом центре, переходы были хорошо защищены от обрушения. К тому же, люди могли оказаться заблокированными в одном блоке только если все блоки того же уровня и двух соседних окажутся разрушенными, что было крайне маловероятно. С другой стороны, для того чтобы изолировать блок, нужно было запереть всего восемь дверей. Здание охранялось интегрированной системой безопасности, чей искусственный интеллект ежесекундно получал информацию от миллионов датчиков расставленных по всему зданию, и был способен самостоятельно блокировать нарушителей в помещениях, активировать боевых роботов и даже отдавать приказы охране. Башня Империи была спроектирована таким образом, чтобы дипломаты и правительство могли находиться в ней почти неограниченное время без необходимости выходить в город. В гостевых блоках, расположенных на самых верхних этажах, находились посольства. Там было все: гостиницы с обслуживанием самого высокого уровня, рестораны с блюдами всех кухонь мира, магазины беспошлинной торговли, где любили проводить время жены дипломатов, был даже небольшой оперный театр.

Несмотря на всю внешнюю грозность, внутри Башня Импе-

рии была относительно уютна и сдержано роскошна. Лифт, на котором ехали вместе с охранником Ника и Даг, был отделан дорогим красным деревом со сложной, извилистой текстурой. Пол почти во всех помещениях, был покрыт плиткой из уникального, добываемого только на Галеоне, черного камня. Отшлифованная до зеркального блеска она была устелена темно-бордовым ковром. Стены длинных прямых коридоров были выкрашены в белый цвет, а висевшие на стенах светильники походили на огромные кристаллы хрусталя. Яркий голубовато-белый свет, исходящий от них, отражаясь от пола и стен, равномерно заполнял помещения. Вдоль стен, поочередно со светильниками, словно часовые по стойке смирно, стояли одинаково подстриженные стройные карликовые сосны. Их горшки были спрятаны под плиткой, так что, казалось, деревья растут прямо из пола.

Охранник привел Нику и Дага в просторный холл, где у одной стены располагалась приемная отеля, а у противоположной — бар. Центр зала был заставлен низкими столиками и мягкими креслами. Окинув взглядом помещение, Ника увидела в дальнем его конце трех человек, которых даже по затылкам, даже с такого расстояния узнала безошибочно. Это были Ханна, Лис и Марчи. «Стойте!» — прокричал охранник рванувшей через весь холл к друзьям Нике, но та даже не обернулась. Лис только и успела, что выпучить глаза, перед тем как Ника бросилась ей на шею и сжала в крепких объятьях.

— Как я рада вас всех видеть! — задыхаясь от счастья, произнесла Ника. — Как вы?

Отпустив Лис, Ника перекинулась на Ханну, после чего поцеловала Марчи так сильно, что у него на щеке осталось красное пятно. Вскоре подоспели охранник и Даг.

— Опа! Привет всем, — произнес Даг с удивлением. — А что это вы здесь делаете?

— Привет! — радостно воскликнула Лис, кинувшись ему на шею. — Ну вот, опять весь экипаж в сборе!

— Вы должны поселиться в гостинице, — сказал охранник, обращаясь к Нике.

— Я никому ничего не должна! — резко ответила она. — Что это за место? Почему мы должны оставаться здесь?

— Так положено, — ответил охранник. — Это посольство Страны пришельцев.

— Разве Страна припшельцев не закрыла посольство после объявления войны? — поинтересовался Даг.

— Да посол-то ваш сбежал, — ответил охранник. — А здесь сейчас содержатся те, кто связан с террористами.

— Содержаться? — переспросила Ника. — То есть это теперь тюрьма?

— Ну да, типа того, — ответил охранник и мерзко ухмыльнулся. — Скажите спасибо, что вас в настоящую тюрьму не определили.

— А вы уверены, что имеете право удерживать граждан Аллании здесь? — спросил Даг спокойным тоном.

— Ничего не знаю, — отмахнулся охранник. — Нам приказано удерживать, мы удерживаем. Вы поговорите мне еще тут... Вы не у себя там... — Охранник кивнул головой в сторону. — В пределах блока можете передвигаться, сколько хотите, а из него вас никто не выпустит без особого распоряжения. — На словах «без особого распоряжения» охранник многозначительно поднял палец вверх.

— Вот-вот, нам то же самое сказали, — добавила Лис.

Еще раз недовольно посмотрев на Нику и Дага, охранник удалился.

— Так, черт с ними. Ребят, расскажите, что здесь происходит, — обратилась Ника к экипажу.

Ханна начала медленно и обстоятельно рассказывать, что произошло.

— Мы ждали вас на орбите, когда с нами связался крейсер, название которого я забыла. Это был галеонский крейсер. Нас долго расспрашивали о том, кто мы и что делаем в этом месте. Потом, ничего не объясняя, нас взяли на бордаж две ракетные шлюпки. Корабль обыскали, изъяли все магическое оружие. Потом нас долго допрашивали военные — развели в разные комнаты, задавали глупые вопросы, на которые я, честно говоря, не знала, как отвечать.

— А что за вопросы? — поинтересовался Даг.

— Вначале офицер спросил о гражданстве, потом начал спрашивать о моих родственниках, об их гражданстве. Я, было, попыталась послать его с такими вопросами, но он рассвирепел, начал кричать, начал обвинять меня в терроризме. Некоторые вопросы он задавал по несколько раз, видимо пытался поймать меня на лжи.

— И что в результате?

— В конце концов, он, по всей видимости, сам устав, отвел меня в камеру и больше ни о чем не спрашивал. Потом нас привезли на какую-то орбитальную станцию. Там нас выстроили в ряд, а потом появилась странная женщина. Она была одета как темный маг. Она прошла мимо, заглянув каждому в глаза. Потом сказала, что кого-то «его» среди нас нет, приказала вести нас в посольство и ушла.

— И с нами было то же самое! — взволнованно сказала Ника. — И женщина эта была. Она так странно улыбнулась, когда смотрела на меня... Ну, да ладно, а здесь что происходит?

— Да, в общем-то, ничего, — ответила Ханна. — Здесь вообще мало людей. После начала войны все дипломаты уехали, осталось только несколько человек. Помимо этого здесь еще обслуживающий персонал и охрана. Охранники никого не выпускают за пределы блока. Все двери закрыты, кроме одной, на верхнем этаже, но через нее пропускают только обслуживающий персонал.

— То есть это такая тюрьма, — констатировала Ника. — Все понятно. А с едой здесь все в порядке?

— Да, — поспешила ответить Лис, пытаясь уверить Нику в том, что здесь не так уж плохо. — Здесь вообще все работает. Даже магазины на первом этаже.

— А гостиница дорогая? — поинтересовалась Ника.

— Ты знаешь, — ответила Лис, — нас поселили бесплатно, как только мы показали алларийские паспорта.

— Как великодушно с их стороны, — пробурчал под нос Даг. — Ну, раз халява, тогда пойдем, посмотрим, что у них тут за гостиница.

Ника и Даг вернулись в холл минут через сорок, а их друзья сидели все на тех же местах и почти в тех же позах, что и прежде. Лис, лежа на кресле, рассматривала рыбок в аквариуме у бара; Ханна с выражением безразличия на лице разглядывала стол, должно быть, перебирая в уме какие-то мысли, а Марчи поглядывал то на одну, то на другую, то в сторону. Видно было, что он хотел как-то поднять им настроение, но застенчивость и недостаточный срок знакомства не позволяли ему это сделать.

Ника прошла мимо приемной, поправляя свои распущенные волосы, от чего взгляд администратора прилип к ней намертво.

— Ну что, так и будем сидеть? — игриво спросила Ника, по-

дойдя к своим коллегам.

— А что еще делать?.. — грустно переспросила Лис.

— Ты говорила, что магазины здесь есть.

— Ну и что?

— Как что? Пойдем, купим чего-нибудь.

— Как ты можешь в такой момент думать о покупках?

— Знаешь, что бы не случилось дальше, мы должны при этом хорошо выглядеть. А то, что мы как серые мышки в этих комбинезонах, без макияжа. Пошли!

С этими словами Ника подошла и потянула Лис за руку, и та, недовольно помычав, лениво встала.

— Ханна, пойдем с нами. Все, пойдемте что-нибудь купим. Карточки у всех есть?.. Я могу одолжить если нужно.

Магазины беспопытной торговли действительно почти все оказались открыты. В первом же бутике грустная и необычно молчаливая Лис тут же преобразилась. Вместе с Никой они перекапывали полку за полкой, вешалку за вешалкой, примеряя и показывая друг другу почти все, что подходило по размеру. Повеселевшая продавщица еле успевала бегать за ними, давая советы и сама подбирая вещи одну к другой. Весь магазин и все внимание персонала принадлежало им, от чего девушки чувствовали себя какими-то очень важными персонами. Ханна уже давно дожидалась подруг на кассе со стопкой одежды, но Лис и Ника как будто решили перемерить весь магазин. Даг тем временем зашел в мужской бутик напротив. Он снял с вешалки первую попавшуюся куртку, взял вторые в ряду ботинки, пятые от края джинсы, под цвет всего этого нашел свитер попроще и пошел в примерочную. Марчи выбрал одежду почти так же, и через пару минут вместе с Дагом дожидался девушек. Не прошло и двух часов, как подружки уже купили почти все, что хотели, но перед Никой вдруг встал тяжелый выбор. Она нашла сапожки на высоких шпильках, которые идеально ей подходили и по цвету, и по размеру. Это был тот редкий случай, когда вещь была и красивой, и удобной одновременно. Однако интуиция подсказывала Нике, что в данной ситуации, возможно, скоро ей придется убежать, сесть за штурвал вертолета или автомобиля, и тогда обувь на высоких каблуках будет не лучшим выбором.

«Блин, такие классные, — думала Ника. — Если Даг увидит меня в этом, наверняка заворчит, предложит выбрать что-нибудь

поудобней. Черт! Как будто я и сама не понимаю».

Минуты две Ника смотрела на эти сапожки и, наконец, не выдержала. «Это судьба!» — подумала она, взяла их и пошла к кассе.

Был поздний вечер. Все уже легли спать, и только Ника не могла заснуть. Она стояла у окна и наблюдала, как далеко внизу редуют текущие по решетке улиц огни. Она мысленно рассуждала, пытаясь собрать воедино и проанализировать все события последних нескольких дней.

«Они искали именно меня, — пришла к выводу Ника. — То есть не меня, а то, что во мне; то есть не они, а она — именно та женщина. Она даже не взглянула на Дага; ее чем-то заинтересовала Люка, но, увидев меня, она явно обрадовалась. И ее лицо... Странно — как будто ее улыбка мне знакома... Этой женщине определенно нужно то, что мы нашли на этом проклятом корабле».

— Не спится? — тихо спросил Даг, незаметно подкравшись сзади.

— Черт! Ты меня напугал.

— Прости. Это все ковер. По нему волей не волей передвигаешься бесшумно.

— Я боюсь. В меня что-то вселилось, и это что-то нужно галеонским темным магам.

— Ой, да брось ты. Эти отморозки сейчас хватают всех подряд. Наверняка они отчитываются за каждого подозреваемого в терроризме, и за количество арестованных получают вознаграждения. Это же классический алларийский подход — измерять все по количественным показателям. Сейчас информация о нашем аресте дойдет до министерства обороны Алларии, и галеонцам таких отвесят, что мало не покажется.

— А как мы объясним то, что оказались на угнанном бомбардировщике?

— Скажем, что нас взяли в заложники. Какая-то девчонка, до зубов вооруженная, напала на нас и заставила лететь на Титан, вот и все.

— Послушай, но ведь мы — пришельцы. Эта девочка защищала нашу родину, а ты хочешь подставить ее под обвинение в терроризме?

— Ты хочешь стать героем Земли обетованной?.. — Даг сделал паузу. — Девочке, похоже, уже все равно, а нам нужно спасать свои задницы. В такой ситуации нужно включать дурака и выставлять себя потерпевшим.

— Как ты можешь так говорить! — почти выкрикнула Ника и заплакала, понимая, что Даг прав.

— Прости. Я просто констатирую факты, — сказал Даг и нежно прижал Нику к себе.

— Ладно, допустим, но есть еще несколько вещей, которые разрывают мне мозг. — Ника заметно нервничала. — Во-первых, эта женщина. Что ей было нужно? Почему она так ехидно улыбнулась, глядя на меня?

— Это — понты, обычные галеонские понты. Они хотят убедить нас в том, что мы в большом дерьме, и каждым своим действием подчеркивают это. Все это для того, чтобы, когда мы окажемся на свободе, мы стали так счастливы, что о том, чтобы поднять международный скандал и засудить этих ублюдков, у нас и мысли бы не возникло.

— Да нефига! Посмотри вокруг. В этом посольстве, похоже, только мы одни. Если мы и заключенные, то какие-то совсем необычные заключенные. Что вообще между нами общего с точки зрения тупого галеонского военного? Их сняли с орбиты Фокоса, нас арестовали на Титане. У нас даже не спросили документы. Откуда им знать, что мы экипаж одного корабля? А они знали, потому что только это нас и объединяет. Мы все были на том гребанном крейсере, мы все видели ту непонятную штуку, нас всех обнюхала эта колдунья и теперь мы все здесь. Та девочка-призрак, она была с нами, но ее почему-то здесь нет.

— Это похоже на паранойю. Тебе нужно отдохнуть.

— Я не засну пока не пойму, что здесь происходит. Предположим, что этой колдунье нужна та штука, которая вселилась в меня. Вопрос — зачем? В чем ее ценность?

— Очень спорное предположение.

— Так! Если не хочешь помогать, тогда иди отсюда.

— Как хочешь, — сказал Даг и направился в свою комнату.

— Стой! — почти выкрикнула Ника. — Подойди.

Даг послушно подошел и встал перед Никой.

— Обними меня, — попросила она.

— С удовольствием.

— Обними и замолчи. Я буду думать.

Даг нежно прижал к себе Нику, а она, сомкнув руки у него на талии, положила голову ему на грудь.

По коридору, тихо гудя, медленно полз робот-уборщик. Он представлял собой метровой высоты сужающийся к верху цилиндр с отделяющимся модулем для чистки ковров. Робот деловито переползал от окна к окну, моя стекла и одновременно пылесосил пол. Остановившись у окна, уборщик выдвигал тонкую складную руку, увенчанную совмещенными губкой, резиновым скребком и опрыскивателем, и тщательно вылизывал каждый сантиметр огромного окна. В это время от его основания отделялась таблетка и, ползая по полу с тонким жужжанием, вычищала ковер. Закончив с одним окном, робот подзывал к себе таблетку, и ехал к следующему. Монотонные движения и жужжание робота ввели Нику в полугипнотическое состояние. Перед ее глазами мелькали образы, сцены последних дней; в жужжании слышались сказанные фразы. Скатывающаяся по стеклу жидкость вдруг напомнила Нике о странной луже в терминале Хаммэ...

— Я поняла! — воскликнула Ника, широко распахнув глаза.
— Я поняла, зачем нужна им эта штука.

— Ну и зачем?

— Она, похоже, отпугивает демонов.

— Придумала все-таки. С чего ты это взяла?

— Не придумала! Смотри, ты помнишь, как странно вели себя демоны там, в аэропорту Хаммэ?

— Ты знаешь, очень даже нормально они себя там вели. Мы еле свалили от них.

— Тогда почему огненные шары, которых вы за собой привели, не приблизились к самолету? Как ты это объяснишь?

— Возможно, их отпугнуло какое-то излучение. Я, кстати, тогда ускорители сбросил, может от них остаточное излучение шло.

— Да ладно, какое там излучение от ускорителей. Только если бы протечка была. И еще, помнишь, в столовой, там наверняка была амеба, но вместо того, чтобы атаковать, она уползла. Да и вообще, пока мы были все вместе, мы ни одного демона не встретили, хотя в помещениях терминала их наверняка было не меньше, чем в подземных гаражах.

— Это действительно странно. Но ведь когда мы тебя подо-

брали, на нас напала амеба и ничего не испугалась. Да ты сама видела, что осталось от нее.

— Правильно, в этом еще одна странность. Слеза, ты говоришь, появилась почти сразу, как только я потеряла сознание. То, что она достигла нас так быстро, говорит о том, что она была недалеко. Она была рядом и не атаковала, пока эта штука светилась в корабле. Потом, как ты говоришь, она исчезла со сканера, и появилась слеза.

— Да, действительно странно.

— А еще учти то, где мы ее нашли. Ты помнишь траекторию этого корабля?

— Смутно.

— Тогда я напомним. Я потом весь вечер ее разглядывала. Я теперь ее на всю жизнь запомню.

Ника достала из сумочки недавно купленную помаду и воровато посмотрела по сторонам. Убедившись, что вокруг никого нет, она начала рисовать помадой на стекле схему движения заброшенного крейсера. В центре Ника нарисовала окружность, от которой шла спираль. Опоясав окружность два раза, спираль превращалась в параболу и уходила в сторону. Центр композиции эллипсом опоясывала череда точек.

— Что это за круг ты нарисовала в центре? — спросил Даг.

— Это — планета. А это, — Ника показала на линию, — сход с орбиты с выходом на Галеон.

Ника дорисовала к схеме еще несколько линий и чисел, выделив жирно часть траектории.

— Это та часть траектории, которая нам известна, — продолжала Ника. — Твоя отговорка про метеориты не прокатывает. Это — тяжеленный крейсер, это не резиновый мячик, чтобы под такими углами от метеоритов отскакивать. Вот здесь, приблизительно, он потерял управление и дальше дрейфовал два года. Траектория, скорость, — все сходится. Дай мне бортовой журнал, характеристики крейсера и компьютер, и я рассчитаю тебе массу и диаметр этой планеты. Этот крейсер исследовал эту планету, используя это пугало от демонов, но по какой-то причине оно отказало и демоны сожрали их на выходе из Ядра.

Даг окончательно посерьезнел и, разглядывая схему, начал что-то считать в уме. В эту секунду Ника повернула голову в сторону и увидела, что за ней из-за угла наблюдает человек. Стран-

новатый старикашка с густой короткой бородой, одетый в коричневый вельветовый костюм и мятую рубашку в клетку, украдкой подглядывал за Никой и Дагом. Его выпученные от удивления глаза были прикованы к нарисованной схеме. Заметив, что его обнаружили, человек вышел из-за угла и начал приближаться к Нике и Дагу, не отрывая при этом взгляда от окна.

— Вы подслушивали? — спросила Ника немного возмущенно.

— Да. Простите меня, но ведь это... — Старик показал пальцем на схему. — Вы ведь говорили о Поясе черны?

— Да, а вы кто? — поинтересовался Даг.

— Я?.. А! — Человек, наконец, оторвал взгляд от схемы. — Меня зовут Сайдар — Сайдар Италь. Я ученый демонолог, изучаю Пояс черны и магию уже много лет. То, что вы утверждаете — это невероятное открытие. Если у вас действительно есть доказательства, это настоящий прорыв в исследовании Пояса черны!

— Наши доказательства арестованы, — ответила Ника. — Меня зовут Ника Пикали, а это мой коллега — Даг Кодт.

— Коллега? — Ученый разулыбался. — Вы так мило ругались и обнимались — я подумал, вы супруги.

— На самом деле, нет, — смущенно ответила Ника.

— А вы случайно не из Нигории? Ваша фамилия — Пикали — почти Пикаль. Это очень известная фамилия в Нигории. К тому же, вы похожи на нигорку. Нигорские женщины самые красивые.

— Нет, — немного смущенно ответила Ника. — Я — пришелец. Я выросла в Акуре.

— Да? Как странно... А я из Нигории, но уже два года живу на Земле обетованной. Я занимаюсь исследованиями магии в одном из пришельских институтов, заканчиваю свою научную работу.

— А чему посвящена ваша работа, если не секрет? — поинтересовался Даг.

— Гипотетической восьмой частице, — ответил Сайдар. — И еще, связанным состояниям магии.

— Вы как раз тот, кто нам нужен! — Ника заметно обрадовалась. — Вы можете нам рассказать подробнее о вашей работе?

— Конечно, — ответил Сайдар. — С радостью, но только если вы расскажите о том, что видели. Пойдемте в мой номер, там несколько уютней.

В комнате ученого на первый взгляд царил беспорядок, но

при более детальном рассмотрении в расположении вещей виделась некоторая система. На одном из кресел были сложены чистые рубашки и брюки поочередно. На спинке висел ремень. По подлокотникам другого кресла были аккуратно разложены носки, скрепленные попарно в прачечной. В углу стояла сумка, из которой торчали какие-то провода. На столе перед кроватью стоял открытый ноутбук, и рядом с ним чашка с недопитым кофе. По столу были разложены бумаги, небрежно изрисованные какими-то схемами, исписанные числами и какими-то совершенно непонятными закорючками. В мусорном ведре, которое было выдвинуто из-под стола, лежали две смятые бумажки и несколько пакетиков из-под сахара. На фоне всего этого резко выделялась аккуратно застеленная горничной кровать.

Сайдар первым вошел в комнату и, задвинув ногой мусорное ведро под стол, прошел к креслам. Освободив их от одежды, ученый предложил гостям сесть.

— Чайку перед сном не хотите? — предложил Сайдар.

— А давайте, — сказала Ника. — С чаем как-то уютней.

— А вам, молодой человек?

— Давайте, — ответил Даг. — Меня ничего не берет. Я всегда одинаково засыпаю.

— Вот и хорошо. Кофе здесь растворимый, а чай я хороший купил. Ну, так рассказывайте, я вас внимательно слушаю.

Пока Сайдар колдовал с чаем, Ника в подробностях рассказывала о том, что повстречала в том загадочном корабле и о том, что происходило потом, и чем больше фактов открывалось ученому, тем шире становилась его улыбка. Наконец Ника закончила, а Сайдар уже сиял от счастья.

— Вы не представляете, как вы обрадовали меня своим рассказом, — говорил он. — Похоже, я был прав. То направление, в котором я двигался почти всю жизнь, было верным!

— Ну так, расскажите нам о своей работе, — сказала Ника. — Только учтите, я почти ничего не понимаю в теоретической магии.

— Не страшно, — ответил Сайдар. — В магии никто ничего не понимает, даже я.

— Даг рассказывал о теории связного состояния магии. Но, вроде бы, исследования в этом направлении были прекращены?

— Да, это так. Знаете, эта теория уходит в такие области,

куда ученые заходить бояться. И не потому даже, что в этих областях они столкнутся с мистиками и богословами, а потому что можно посвятить всю жизнь этим исследованиям, так ничего и не достигнув, а значит никаких премий, никаких званий... Ну, вы меня понимаете. Ученые — тоже люди, они тоже хотят денег и славы.

— А что это за области такие, куда бояться заходить ученые?

— К примеру, что вы понимаете под словом «душа»?

— Я — ничего, — ответил Даг. — Это настолько мутное понятие... Каждый подразумевает под ним что-то свое.

— Правильно! — эмоционально произнес Сайдар. — Древние катонийцы называли душой магию, наполняющую человека. Богословы Алларии подразумевали под этим нечто совершенно божественное и непостижимое, нечто нематериальное. У меня у самого есть определение понятия души, так сказать научное, расходящееся и с катонийским, и с алларийским, но все эти определения имеют в корне нечто общее. Во всех случаях душа — это вместилище личности — то, что отвечает за сложное поведение, рассудок, память... Таким образом, душой называется то, чему отводится эта роль. Катонийцы полагали, что разум человека заключается в магии; алларийцы верили, что мышление человеку дано от Бога; сейчас нам известно, что за интеллект отвечает мозг. По моему представлению, понятие одушевленности есть нечеткое понятие, то есть можно говорить о более или менее одушевленных предметах, а душой я называю информационную схему, то есть ту информацию, которая необходима для того, чтобы описать сущность абсолютно абстрактно. Чем сложнее схема, тем более одушевленна сущность. Вот к примеру, газ. Любой газ можно описать небольшим набором характеристик: объем, масса, плотность, температура... Эти характеристики связаны достаточно простыми уравнениями. Газ в движении описать сложнее, но и это можно сделать при помощи обычного математического аппарата. Почти любой компьютер сейчас способен рассчитать и смоделировать движение газа — вряд ли эту сущность можно считать одушевленной. Но возьмем для сравнения вирус. Он состоит из молекулы РНК или ДНК и белкового капсида, и его свойства определяются уже не только набором атомов, но и их пространственным расположением. Для того, чтобы описать вирус, нужно гораздо больше информации, чем требуется для описания любо-

го газа, поэтому можно сказать, что вирус одушевленной газа, но тем не менее это пока еще просто очень сложное вещество. Другое дело одноклеточный микроорганизм: его клетка состоит из множества органических веществ и содержит хромосомы, деление которых само по себе — сложнейший процесс. Все части живой клетки, будучи сами по себе сложными системами, образуют еще более сложную систему. Таким образом, живая клетка одушевленной вируса. Но представим себе, что клетка умерла. Будет ли она по-прежнему одушевленной? Нет! Потому что если взять и перемешать все вещества в мертвой клетке, то между этими двумя сущностями качественно не будет никакой разницы. Материя еще имеет форму живой клетки, но в этом уже нет никакого смысла, потому что душа уже отсутствует в этом теле. Вы меня понимаете?

— Кажется понимаю. То есть разумом может обладать любая достаточно сложная система? — уточнила Ника. — Будь то живое существо, демон или компьютерная программа.

— Именно так.

— Очень интересно, и как это связано с магией?

— А вот теперь я задаю главный вопрос демонологии: где у демонов душа? Биологи исследуют живые организмы по их мертвым телам. Способ, в биологии крайне эффективный, в демонологии не принес никаких результатов. Сколько не пытались мы вскрывать тела демонов, ничего похожего на живую материю мы не нашли. Конечно, спасибо огненным шарам за огнеупорный полимер, который мы сейчас промышленно производим, но полимер этот не может мыслить, а кроме как из него огненный шар больше ни из чего не состоит! Да, есть еще железы, но это только одно название. На самом деле это просто хранилища, так сказать, ингредиентов, из которых, как мы полагаем, при помощи магии получается демоническая слюна. Более того, реакция настолько проста, что мы без всякой магии научились эту слюну получать, подобрав нужные катализаторы. При большом желании мы сможем собрать любого демона в лаборатории, но это будет скульптура, а не живой демон. Чем эти твари мыслят для нас остается загадкой.

— Вы хотите сказать, что тело демона на самом деле состоит из магии, а их материальные тела — это что-то вроде ороговевших отростков, как рога?

— Правильно! — радостно вскрикнул ученый.

— Но ведь магия не может образовывать сложных структур, — заметил Даг. — Нам это на теоретической магии вбивали в голову два года подряд.

— Да, я вас умоляю! — Сайдар рассмеялся. — Эти академики-ортодоксы когда-то утверждали, что магия пространственно неделима. Они утверждали, что магия обладает массой и прочую чепуху. Все их утверждения были опровергнуты. Они просто исходят из предположения, что кроме тех типов магии, которые нам известны, других не существует, но чтобы это утверждать, нужно знать закономерность, объединяющую магические частицы, а такой закономерности пока не найдено. Неспособна образовывать сложные структуры не магия, а те сущности, которыми она описывается в современной математической модели, но модель эта не лишена проблем и требует доработок. Я утверждаю, что существует как минимум еще одна частица, способная объединять все остальные в сложную систему. Ее существование не доказано, но косвенно подтверждается многими наблюдениями. Я лично проводил эксперимент с настоящим демоном. Оказалось, что энергия полной инверсии различна для живого и мертвого демона. Мы брали живого демона, воздействовали на него отрицательной магией, и замеряли, сколько энергии потребуется для полного превращения магии демона в отрицательную. Оказалось, что если демона предварительно умертвить рентгеновским излучением, энергия инверсии становится гораздо меньше. Это значит, что за жизнеспособность демона отвечает что-то, что по своей природе схоже с положительной магией, но при этом взаимодействует с электромагнитным излучением. Именно поэтому и магия, и излучение убивает демона.

— А куда девается эта энергия? — спросил Даг. — Не может же она просто исчезать.

— Хороший вопрос. Мы нашли, куда она девается. Оказалось, что выход электромагнитного излучения всегда больше чем вход, и разница приблизительно равна разнице энергии инверсии. Точно мы измерить не можем, потому что не существует в природе двух идентичных демонов, но совпадение порядков уже о чем-то говорит. Эти гипотетические частицы, похоже, превращаются в фотоны.

— Получается инверсия этой восьмой частицы, — констати-

ровал Даг, — есть превращение ее в фотон. Как красиво.

— Я бы не брался утверждать, что существует соответствие одна частица — один фотон, но с точностью до энергий — это именно так. Понимаете, это приближает нас непосредственно к разгадке самого главного — как появляется магия. Я убежден, магия возникает в связанном состоянии благодаря восьмой частице за счет обычной физической энергии. Одни конгломераты на основе восьмой частицы отвечают за генерацию других, как ДНК отвечает за генерацию белка. Каким-то неизвестным для нас образом, отрицательная магия может превращаться демонами в эту восьмую частицу, из которой возникает новая, положительная магия всех остальных стихий. Так замыкается круговорот магии, ее жизненный цикл в природе.

Даг заметно нервничал. Он теребил застежку на свитере и, глубоко задумавшись, смотрел куда-то в стену.

— Так вот почему демоны похищают тела, — размышляла Ника вслух. — Они используют их как контейнеры для магии.

— Вероятно, да, — согласился Сайдар.

— Интересно... То, что в меня вселилось сильно одушевлено?..

— Нужно проверить, — сказал Даг. — Если эта штука действительно внутри тебя, это должно быть заметно. Нам нужен кто-то, кто владеет магией.

— Да ладно, успокойся ты. — Ника подсела к Дагу и обняла его за шею. — Со мной все будет хорошо. Узнать бы побольше об этом крейсере...

— Кстати, — вмешался Сайдар, — я могу в этом помочь. Вы говорите, корабль был галеонским?

— Да, — ответила Ника.

Сайдар перешел на шепот.

— Значит информация о нем должна быть в базе данных Башни Империи.

— И какой нам от этого толк? — спросила Ника так же шепотом.

— Я знаю одного человека, который может организовать доступ к любой базе данных в Башне Империи. Он находится здесь — в этом блоке. Только это секрет. Приходите завтра утром, я вас с ним познакомлю.

— Он хакер? — переспросила Ника.

— Бывший, — сказал Сайдар и хитро улыбнулся. — Прихо-

дите завтра, но, учтите, я сплю до одиннадцати.

Пожелав Сайдару спокойной ночи, Ника и Даг вышли из его комнаты и направились в свои номера. После разговора с ученым уже Даг не мог заснуть.

Четыре стратегических бомбардировщика класса Махаон на большой высоте летели на север над бескрайним Галеонским океаном. Огромные машины, с двумя парами широких крыльев, были похожи на черных бабочек, но не порхающих, а медленно, величественно плывущих в белом ясном небе.

С самого первого дня пребывания на Фокосе пришельцы не питали иллюзий дожить на этой планете благополучно до тех времен, когда все войны прекратятся, поэтому обороне в Стране пришельцев уделялось внимания не меньше, чем всем остальным государственным делам. При полном отсутствии призыва, Земля обетованная могла похвастаться возможностью почти стопроцентной мобилизации. Каждый пришелец имел право выбирать, до какой степени он готов служить родине в качестве военного. Базовую военную подготовку проходили все, и это было частью школьного образования. В пришельской школе, каждый гражданин получал военную специальность, которую, впрочем, никогда не применял, если не решал связать свою жизнь с военным делом, и если не объявлялось военное положение. Чтобы стать профессиональным военным, пришелец должен был поступить в военную академию, куда брали далеко не всех. Абитуриент должен был обладать отличным здоровьем и иметь как минимум одно профессиональное или высшее образование. По закону Земли обетованной военное дело не могло быть единственным способом заработка, а значит и единственной профессией. Получив специальную военную подготовку, гражданин становился военнообязанным. С одной стороны он получал налоговые и некоторые социальные льготы, с другой, ему становилось необходимо извещать военкомат обо всех своих перемещениях и являться на сборный пункт по первому требованию. Все военнообязанные регулярно участвовали в учениях, однако участие в реальных боевых операциях в мирное время было исключительно добровольным. Время сборов оплачивалось в соответствии со званием, боевым опытом и выслугой лет, однако находиться в рядах вооруженных сил гражданин не мог непрерывно дольше года, и все остальное время был вы-

нужден зарабатывать деньги своей гражданской профессией. Существовали также элитные воинские школы, куда брали только военных с боевым опытом. В этих учебных заведениях готовили подразделения для специальных операций. Бойцы этих подразделений были, пожалуй, единственными, кто был связан с военным делом полностью. Их гражданской профессией, как правило, было обучение новобранцев в военных академиях, а собственной военной подготовке они уделяли больше времени, чем кто-либо. Бойцы элитных подразделений умели пользоваться любым как союзническим оружием, так и оружием потенциального противника, умели управлять почти любой техникой, оказывать медицинскую помощь, выживать в любых условиях и многое другое. Репутация этих подразделений была такова, что когда Земля обетованная отозвала свой контингент из беспокойной титанианской Цеттеры, командование сил альянса приняло решение переодеть часть бойцов других стран в форму Страны пришельцев дабы создать впечатление, что контингент региона не покидал. Само присутствие этих солдат гарантировало мир.

Наступал вечер, и с высоты, где летели бомбардировщики, было ясно видно, как ночь сменяет день. Еще белое на западе небо, на востоке было уже почти черным. Бомбардировщики летели ромбом. Самый задний нес тяжелые танки, два боковых — элементы мобильной ПВО: зенитно-пушечные ракетные комплексы с радаром малой дальности и мобильные ракетные установки. В том самолете, что летел впереди, находились восемьсот элитных десантников. Кто-то спал, кто-то с задумчивым видом смотрел в стену, кто-то вертел в руках и разглядывал маску, которая, выполняя функцию противогаза, служила еще и дисплеем для отображения полезной информации. Некоторые бойцы, болтая о чем-то, улыбались, и в эти минуты выглядели милыми и добродушными. Однако в своей черной форме все они смотрелись одинаково устрашающе, и еще более грозными они стали, когда по команде «готовность к высадке» одели маски и шлемы, превратившись в восемьсот одинаково безликих вооруженных до зубов существ.

Штурм Цитадели был рассчитан поминутно. Ровно за шесть часов до начала подготовительной фазы операции с полярной базы были подняты бомбардировщики. Они были над точкой высадки, когда на Цитадель уже опустилась ночь. Летя на сверхмалой

высоте, покрытые радиопоглощающим материалом, Махаоны были невидимы для радаров. Их целью было осуществить выброску десанта ровно в тот момент, когда патрули перехватчиков минуют район высадки, после чего незаметно уйти обратно на базу. Оказавшись на земле, десантники должны были добраться до сброшенной техники и, накрыв ее маскирующей пленкой, дожидаться следующего прохода воздушных патрулей. На это у бойцов было десять минут. Затем, технику необходимо было доставить ко входу в подземку Цитадели.

Когда-то Цитадель была непреступной крепостью. Она имела всего шесть входов, и о том, чтобы соединить метро с объектами за пределами внешнего периметра, не могло быть и речи. Однако бурное послевоенное строительство требовало быстрого подвоза грузов в город, и требования безопасности уступили требованиям экономической эффективности. Так метро было соединено вначале с космодромом, а потом и еще с тремя объектами за пределами города. Днем подземка перевозила пассажиров, а ночью грузовые вагоны доставляли по ее веткам строительные материалы и другие грузы. Время шло, и одно из сооружений, к которому подходило метро, перестало использоваться, но вместо того, чтобы полностью засыпать ветку городские власти уничтожили только вход в нее. Узнав об этом, разведка Страны пришельцев, в рамках подготовки к возможной войне с Галеоном, соединила заброшенную ветку с секретной подземной базой в горах недалеко от Цитадели и стала использовать ее для тайного проникновения в город.

Было раннее морозное утро. Пять часов тридцать минут. Небо над Цитаделью было затянуто, похожим на льдину, белым тонким облаком, четкая граница которого виднелась далеко у самого горизонта. Едва поднявшееся утреннее солнце, слегка подсвечивая облако снизу, сияло оранжевым светом в миллионах окон столичных небоскребов. Ночная жизнь уже закончилась, а дневная еще не началась, и в эти часы Цитадель окутывала непривычная для нее тишина. На дорогах было еще свободно, но довольно плотные вереницы машин уже двигались по радиальным магистралям в сторону центра. По северному шоссе медленно ехали две, судя по осадке, тяжело груженные фуры. Одна шла впереди, в среднем ряду, другая — на два корпуса позади, в крайнем правом. Двигаясь в сторону центра неприлично медлен-

но, они сгущали за собой автомобилепоток, собирая в свой адрес сотни проклятий. Приближалось внутреннее транспортное кольцо. За ним заканчивался отбойник, разделявший полосы, дорога сужалась и через двести метров поднималась в верхний город. Въезжать туда фурам, было запрещено, и водители собравшихся за ними автомобилей уже были готовы вздохнуть с облегчением, как неожиданно для всех грузовики проехали мимо поворота на кольцо и, прибавив скорости, рванули в центр. Миновав тоннель, фура, двигавшаяся в среднем ряду, повернула влево, перекрыв встречную полосу, а та, что ехала справа, перекрыла оставшуюся половину дороги. Водители грузовиков покинули кабины и начали убегать в разные стороны. Через мгновение, небольшими взрывами фурам оторвало все правые колеса, от чего прицепы накренились, а потом и вовсе завалились на бок, перевернув за собой и тягачи. Из разорвавшегося тента одной из машин вывалились мешки с песком. С интервалом в несколько минут то же самое произошло на всех шести радиальных магистралях города.

Пять часов сорок минут. Небольшие отряды десанта уже захватили южное депо метрополитена. Они сделали это так стремительно и тихо, что ни одного сообщения в полицию не поступило. Солдаты перевели стрелки к заброшенной ветке, и тут же по ней в город направились составы с бронетехникой. Тяжелые танки, БМД с десантниками на борту, зенитно-пушечные радарные комплексы (ЗПРК) и ракетные установки ПВО должны были оказаться в центре через двадцать минут.

На поверхности, тем временем, уже воцарился хаос. Безнадежные пробки, растущие со скоростью десять-пятнадцать машин в минуту, сковали движение на всех основных магистралях. Водители, пытавшиеся объехать через дворы, упирались в выезжающих на работу жителей кварталов, иногда сталкивались с ними, создавая заторы уже во дворах. Превращаясь в огромную баррикаду, нижний город постепенно наполнялся сигналами автомобилей, сиренами, запахом выхлопных газов и нецензурной бранью. Дорожная полиция, тщетно пытаясь справиться с ситуацией, создавала еще большую неразбериху. Между тем, перевернутые фуры перекрывали уже не только въезд в верхний город, но и выезд из спальных районов в промышленную зону, а так же внутреннее транспортное кольцо и несколько второстепенных дорог нижнего города.

Шесть часов утра. Сотрудники одной из центральных станций метро как обычно открыли двери подземки и заняли свои места у турникетов, когда на станцию прибыл первый поезд. Вместо обычных вагонов к нему были прицеплены платформы с двумя тяжелыми танками Голлем и пятью легкими БМД Шакал с отрядами десанта на борту. Боевые машины медленно и аккуратно, как будто неуверенно, вывернули на платформу и направились к выходу из метро. Тяжелые, обвешанные листами дополнительной брони, боевые машины, скрипя железом, ломая все, что встает на пути, медленно ползли по лестнице мимо изумленной билтерши и прижавшихся к стенам первых пассажиров.

Пробив деревянный фасад входа в метро, танк выскочил на тротуар и тут же уперся в припаркованный у обочины дорогой спортивный автомобиль.

— Здесь машина, — произнес водитель танка.

— Внутри есть кто? — спросил командир экипажа.

— Похоже, нет, — неуверенно ответил водитель.

— Похоже или нет? — раздраженно переспросил командир.

— Стекла тонированные — я не вижу!

— Да езжай потихоньку. Если бы был кто, выбежал бы уже.

Танк медленно приблизился к машине, после чего резким рывком наскочил на нее, смяв под собой, как будто она была бумажной. Голлем выехал на проспект, но не успел даже развернуться, как на огромной скорости в него врезался непонятно откуда взявшийся мотоциклист. Въехав в лист брони, он взлетел над танком и, ударившись о дуло основного орудия спиной, скатился на асфальт.

— Черт! — крикнул водитель танка. — Под гусеницу упал...

— Май! Юй! Выйдите и оттащите его в сторону! — приказал командир экипажа.

Двое танкистов вышли из боевой машины и, озираясь по сторонам, пробежали вперед. Они оттащили разбившегося мотоциклиста к обочине, как вдруг один из бойцов заметил, что в двадцати метрах от танка остановилась полицейская машина. Боец впился глазами в полицейских, а они ошалевшие смотрели на него. Правая рука танкиста машинально опустила палец на курок, а левая уже было начала поворачивать ствол в сторону полицейской машины, но второй танкист одернул товарища и едва ли не силой затащил в танк. Голлем зафыркал, выдохнул облако

выхлопных газов и, развернувшись, направился мимо полицейской машины в юго-западном направлении. За ним вынырнули из метро пять БМД и второй танк, а оцепеневшие полицейские попрежнему наблюдали за происходящем, не покидая автомобиля.

Одновременно с танками и БМД у Центральной клинической больницы, что находилась на самом краю верхнего города, из подземки выскочили небольшие боевые машины с радарными сзади и восьмиствольными пулеметами спереди. Это были мобильные радарные комплексы — части мобильной системы ПВО быстрого развертывания Щит. Их корпуса были покрыты активной броней представлявшей собой заряды взрывчатки, которые детонировали при подлете ракеты, останавливая осколки и компенсируя взрывную волну. Оказавшись на поверхности, восемь боевых машин помчались по пустому внутреннему кольцу верхнего города и через десять минут равномерно распределились по периметру. К тому времени, ракетные установки уже были развернуты на перекрестках верхнего города, между высокими домами, то есть там, где бомбардировщикам практически невозможно было их достать.

Шесть часов десять минут. Над пустошью к востоку от Цитадели появились шесть небольших летающих блюд. В режиме маскировки, на высоте триста метров, они беспрепятственно перелетели внешний периметр и направились прямо к Башне Империи, куда прошлым днем слетелись главы всех крупнейших корпораций, министры, а так же руководители корпорации Дарун. Блюда промчались над городом и, остановившись у Башни Империи, взяли здание в кольцо, после чего, поднявшись к самой его вершине, начали расстреливать из крупнокалиберных пулеметов вертолеты, стоявшие на крыше.

Шесть часов пятнадцать минут. Все вертолеты на площадках Башни Империи были уничтожены, переброске новых мешала небольшие группы десанта, расположившиеся с ПЗРК на крышах зданий, а у входов в Башню Империи уже стояли танки и БМД. Непреступная крепость была в осаде, а в верхнем городе начались бои. Две машины десанта под прикрытием тяжелого танка штурмовали полицейский участок. Залпом из танкового орудия стена, окружавшая здание, была разрушена и, обстреливая предварительно периметр дымовыми шашками, две БМД ворва-

лись на территорию. Из густого дыма попеременно с криками доносились выстрелы, хлопки шумовых и осколочных гранат; то и дело в окнах сверкали яркие вспышки. Пока длился штурм, разведка, состоявшая в основном из завербованных в Цитадели добровольцев, доложила, что на помощь полицейским Юго-западного Центра из соседнего района движутся несколько БТРов со спецназом. Танк, прикрывавший штурм, тут же выдвинулся на перехват. Стычка произошла в узком переулке. Застав БТРы врасплох, танк первым же выстрелом уничтожил головную машину колонны, и все остальные встали перед ним в ряд подобно мишеням в тире. Выжившие спецназовцы покидали БТРы и под огнем пулемета разбегались врассыпную, падая в лужи крови оставленные их убитыми товарищами. Расстреляв несколько БТРов, танк медленно отступил обратно к полицейскому участку.

В тоже время, в офисе на пятнадцатом этаже одного из небоскребов делового центра у окна стояли двое мужчин одетые в дорогие деловые костюмы. Звуки боя в верхнем городе еле доносились сюда, а толстые стекла здания внутрь их не пропускали вовсе. Неспешно попивая кофе, мужчины смотрели в окно. Один с восхищением наблюдал за летающими блюдцами, а другой в отражение в стекле следил за выражением его лица.

— Замечательные аппараты, — произнес заказчик. — Скажите мне вот что. На вид они абсолютно герметичны...

— Да, это так, — подтвердил продавец.

— Значит ли это, что они могут выходить в космос или спускаться под воду?

— О! Вы требуете слишком многого, — сказал продавец улынувшись. — Грузовые модификации могут покидать атмосферу самостоятельно, эти же слишком малы для того, чтобы разместить на них ускорители.

— Понятно. А как насчет воды?

— Они могут приводняться и взлетать с воды. Их нижняя часть абсолютно герметична, а кабина открывается сверху. Так что, если у аппарата кончится энергия аккумулятора или повредиться двигатель, он сможет сесть на воду и не утонет, если конечно не будет сильного волнения.

— А какое максимальное волнение?

— До трех баллов.

— А как эти аппараты обычно садятся?

— Штурмовая модификация может садиться на любую относительно ровную поверхность. Везде, где сядет вертолет, сядет и блюдце. У них есть обруч. Он выдвигается из корпуса и выполняет функцию подставки. Для грузовых, более тяжелых, моделей нужна специальная подставка, но в полевых условиях достаточно будет неглубокой ямы, чтобы закрепить ножку.

— А грузовые модели могут садиться на воду?

— Да, конечно. Они очень плавучие.

— Замечательно. На Титане, знаете ли, много воды.

— Видите здание в ста метрах отсюда? — Продавец указал пальцем на трехэтажное строение, окруженное со всех сторон небоскребами. — Это полицейский участок. Сейчас вы станете свидетелем того, как блюдца могут быть использованы для поддержки штурма сооружения. Это как раз то, на что вертолеты не способны.

Два блюдца спустились до уровня пятнадцатого этажа и, медленно проплыв вдоль улицы, остановились в ожидании штурмовых сил как будто специально перед тем окном, из которого за ними наблюдали. Заказчик подошел к окну так близко, что едва не коснулся его носом и внимательным взглядом профессионала начал рассматривать вооружение одного из аппаратов. По краям, из бомболюков, торчали два пакета неуправляемых авиационных ракет, по двенадцать штук в каждом. Ножка блюдца была раскрыта подобно цветку, вместо пестика у которого был восьмиствольный авиационный пулемет способный вращаться в горизонтали на триста шестьдесят и в вертикали на сто восемьдесят градусов.

— А это стандартные подвесы? — спросил покупатель.

— Да, конечно, — ответил продавец. — Пусковые системы совместимы со стандартным вооружением стран конфедерации. Вооружение, как видите, тоже стандартное.

— А пулеметы?.. Какие-то они странные, я таких не видел никогда.

— Это высокоточные крупнокалиберные пулеметы, с пониженной отдачей, модифицированные для установки на блюдце. Все вооружение, включая пулеметы, может прятаться в корпусе, что делает аппарат невидимым для радаров. Нам пришлось делать пулемет складным для этих целей.

— Понятно...

— Но стреляют они стандартными боеприпасами, — добавил продавец, предугадав следующий вопрос.

Наконец появилась БМД, и блюдо двинулись в сторону полицейского участка. Среди всех отделений полиции верхнего города центральное было наименее охраняемым, и если подобные объекты в нижнем городе походили на военные базы, в верхнем, как минимум были обнесены забором с колючей проволокой, то в центре, это было простое здание, ничем не приметное. Здесь работали в основном высшие чины, подразделений спецназа не было, и потому штурм был наименее кровопролитным, и походил скорее на показательный захват. Одно из блюд направилось напрямик к вертолетной площадке и продемонстрировало, как способно одной очередью разорвать в клочья полицейский вертолет; второе — подлетело к главному входу и опустилось так низко, что пулемет оказался на уровне входной двери из бронированного стекла, за которой располагалась дежурная часть. БМД остановилась в ожидании, и в следующую секунду блюдо открыло огонь. Сметя входную дверь и разворотив турникет, оно за несколько секунд превратило дежурную часть в груды бесформенных обломков кое-где окропленных мелкими капельками крови. Раздался взрыв, и помещение начало наполняться едким дымом. Резко бросившись вперед, БМД остановилась у главного входа, и десантники вошли внутрь. Зазвучали выстрелы. Длинные очереди шли вперемешку с короткими, отрывистыми. На всем пути блюдо сопровождало десантников, перемещаясь от этажа к этажу, иногда обстреливая окна короткими очередями.

Семь часов десять минут утра. Колонна из пятнадцати гауссовых танков, прикрываемых зенитно-пушечными радарными комплексами, приблизилась к Цитадели, но, не успев пересечь внешний периметр, была остановлена автомобильной пробкой, протянувшейся на сорок километров в оба направления. Пробив ограждение и съехав с дороги, танки все-таки достигли стены, но продвижение дальше было невозможно. Командир колонны отрапортовал об этом в штаб, но в ответ услышал лишь приказ: «Пройти в центр и уничтожить ПВО любой ценой».

Колонна остановилась, и головной танк, подъехав вплотную к шоссе, начал газовать так, как будто намерен въехать на него; поняв это его намерение, водители и пассажиры начали спешно покидать транспорт.

— Вперед! — приказал командир, убедившись, что машины впереди пусты. — Аккуратно только! — Головной танк медленно навалился на ограждение, и, раздавив его, смял первую машину.

Под скрежет металла колонна двигалась со скоростью восемь-десять машин в минуту, объезжая крупную технику и пережевывая гусеницами легковушки. Люди покидали автомобили и бежали прочь по крышам, перелезая ограждения. Те, кто не мог открыть дверь, вылезали через окна, перелезали из окна в окно в чужие машины и так до тех пор, пока не оказывались снаружи. Водители старались двигать свои танки очень аккуратно, но, тем не менее, из-под некоторых раздавленных машин вперемешку с бензином растекалась кровь.

Семь часов пятьдесят минут. Поняв, что танковая атака, по всей видимости, провалилась, галеонское командование приняло решение уничтожить ПВО при помощи противорадарных ракет воздух-земля. Действие это было крайне рискованное, чреватое большими потерями авиации, но уничтожить ПВО было необходимо. Плотная застройка города не позволяла высадить десант. Центральный парк Цитадели был единственным местом, где это можно было сделать, но именно там стояли две зенитные самоходные установки, игравшие также роль радаров ближнего действия для наведения ракет, пусковые установки которых были размещены глубже, в центре города.

Первым звеном в эскадрильи, штурмовавшей Цитадель, летело четыре самолета с противорадарными ракетами на борту. За ними два звена по пять штурмовиков с бомбами и неуправляемыми ракетами для добивания танков.

— Арки первый, вижу цель, — раздалось по связи.

— Плотно засели, — ответил Арки второй.

Штурмовики были невидимы для радаров, но как только они открыли бомболюки, на дисплеях ЗСУ, что стояла в центральном парке, высветились четырнадцать точек. Однако эффективный радиус противорадарных ракет был больше чем у ракет земля-воздух, которыми были вооружены пришельцы, поэтому галеонской эскадрильи пока еще ничего не угрожало.

— Арки первый, открыть огонь, — скомандовал ведущий звена под мерзкий писк системы предупреждения об облучении.

— Арки два, ракета пошла... — раздалось в эфире. — Арки четыре, ракета пошла... Арки три, ракета пошла...

Не успели ракеты проделать и половину пути к цели, как все радары погасли. Это был обычный маневр для ухода от подобных ракет. Однако, запомнив положение цели, ракеты продолжали двигаться в прежнем направлении. Раздались взрывы, и клубы пыли поднялись над центральным парком.

— Это Урду, подтвердите уничтожение цели.

Звено Арки уже приблизилось на расстояние достаточное для того, чтобы ПВО пришельцев нанесло ответный удар. Избавившись от ракет, штурмовики прибавили скорости и продолжили движение в прежнем направлении готовые в любую секунду развернуться. Захваченный полицейский участок уже промелькнул под ними, но радары по-прежнему не включались.

— Арки третий, подтверждаю визуально — цель уничтожна, — произнес пилот, увидев над парком языки пламени, производившие густые клубы черного дыма.

— Урду, выдвигаемся... Ору, выдвигаемся... — раздалось в эфире.

— Арки, возвращаемся на базу.

Головное звено, развернувшись, полетело на базу, а два других разделились и направились атаковать танки, отступавшие от первого внутреннего периметра вглубь верхнего города. Штурмовики уже заходили на цель, как вдруг, снова запищали СПО и на радарх высветились индикаторы наземной угрозы. Ни один радар не оказался уничтоженным, а черный дым, который увидел пилот, поднимался от горевших машин, что были припаркованы у сквера. Одна ракета взорвалась рядом с ЗСУ, но активная защита, компенсировала взрывную волну, и экипаж отделался легким оглушением.

В одну секунду спокойное небо превратилось в ад. На группы Урду и Ору посыпались ракеты из ПЗРК десантников, разместившихся в верхнем городе. Две были выпущены из зенитно-ракетного комплекса в центре города. Прорвавшись дальше всех, Ору четыре нарвался на ЗСУ, и облако пуль тут же разорвало в ключья левое крыло и всю заднюю часть самолета. Пилот катапультировался, а его боевая машина, очертив дымом спираль, упала где-то между домов.

— По мне ракета! — прокричал Урду два.

— Кан, за мной! — крикнул ему в ответ командир звена.

На недопустимо низкой высоте Урду один направился в сто-

рону трех стоявших в ряд высоток, Урду два полетел за ним. Опытный пилот ловко, с переворотом, прошел между домами, используя до предела изменяемый вектор тяги, но его ведомый, то ли по неопытности, то ли от волнения, не рассчитав скорость и плашмя врезался в дом, не успев катапультироваться.

— Кан! — прокричал Урду один, но никто не ответил.

Рассвирепев, Урду один помчался в сторону центра, срывая реактивным выхлопом снег с крыш домов. Заметив, по следу от ракеты расположение пусковых установок он устремился прямо к ним. Промчавшись над улицей, штурмовик взмыл вертикально вверх ровно над тем перекрестком, где располагался расчет ПВО. Глаза пришельских солдат устремились вверх. Для них, находившихся на земле, и для пилота, время в эту секунду замерло. На мгновение самолет оказался в невесомости. Убрав до минимума тягу, рука пилота переключила тумблер режима бомбометания в положение «залп». Перед глазами Урду один было лишь белое небо; показания приборов менялись хаотично с бешеной скоростью, и только по ощущениям можно было понять, в каком положении находится самолет. Появившись сверху, горизонт быстро промелькнул перед глазами, и в следующие мгновение самолет падал отвесно на перекресток, от которого разбегались в стороны маленькие, едва заметные, человечки. Перекрестье улиц, перекрестье опор ракетной установки и перекрестье прицела слились в один многослойный крест, и большой палец пилота нажал кнопку «пуск». Прогремел взрыв, и штурмовик, обдав реактивной струей кроны деревьев, пронесся над центральным парком, где был сбит очередь ЗСУ.

— Урду, Ору, ответьте! — кричал в эфир командир звена Арки. — Похоже, мы потеряли их... Черт! Нас развели как детей!

Тем временем, четыре блюда двигались к окраине города, чтобы остановить танковую колонну. Заметив противника визуально, пилоты столкнулись с неожиданной проблемой. В мессиве из металла система наведения не могла распознать танки, и поэтому управляемые ракеты были неприменимы. Пилоты могли бы использовать неуправляемые, но, ожидая в колонне ПВО прикрытия, приближаться не хотели. Один из аппаратов отправился на разведку. Он спустился в железнодорожный желоб и направился к мосту, к которому в тот момент приближались танки. Зависнув под мостом, пилот по звуку пытался определить, сколько

единиц техники прошло мимо и где середина колонны. Наконец он бесшумно вынырнул, чтобы осмотреть колонну. Увидев в ней три ЗПРК, пилот спустился до уровня шоссе, чтобы не попасть в зону их обстрела и начал боком продвигаться к одному из них, чтобы уничтожить из пулемета самостоятельно. Стрелок одного из танков, замороженный плавностью движений странного, не знакомого ему аппарата, наблюдал за этим, не зная, что делать, но вид противотанковых ракет на подвесах блюдца быстро привел его в чувство. Аппарат пролетел назад, и стрелок уже не мог видеть его, высунувшись из люка танка. Солдат хотел было крикнуть что-то своим, но, поняв, что времени нет, передумал и решил действовать сам. Он неуклюже выбрался из люка, вытянув за собой винтовку и чуть не уронив ее при этом, встал на край танка и начал обстреливать блюдце короткими очередями, целясь в пилота, но пули лишь отскакивали от бронированного стекла. Беспомощно опустив винтовку, стрелок посмотрел вокруг. В воздухе стоял едкий запах автомобильного топлива, которое сотнями литров вытекало из раздавленных машин по всему пути. Раздались выстрелы пулемета, и шоссе начало стремительно превращаться в сплошную реку огня. Вскоре из-под моста вынырнуло еще одно блюдце, и прикрывавшее колонну ПВО было уничтожено. Завершили дело два других аппарата, расстреляв танки неуправляемыми ракетами.

Девять часов утра. Уничтожив или взяв в плен всех полицейских в верхнем городе, десантники передали контроль над захваченными объектами движению сопротивления, а сами направились к Башне Империи. Остались только те, кто разместились с ПЗРК на крышах зданий. Тяжелые танки охраняли въезды в верхний город, а ПВО по-прежнему накрывало его непродолимым невидимым куполом. Никаких попыток отбить Цитадель больше не предпринималось. Город был взят.

Эпизод 11

Черный посланец

Будильник в номере Люки запищал без десяти семь утра. Уставшая в предыдущий день, Хану спала младенческим сном и потому, к этому времени уже проснувшись, в полудреме ожидала сигнала своего мобильного телефона. Услышав будильник, Люка поднялась и, сев посередине огромной двуспальной кровати, увидела себя растрепанную в зеркале, занимавшем половину стены. Преодолев на четвереньках скомканное в гору огромное белое одеяло, Люка подошла к зеркалу и, опершись руками на столик, начала внимательно разглядывать свое тело, одетое лишь в спортивные эластичные трусики и бюстгальтер. Мышцы талии и хорошо заметные кубики на животе Люки играли от того, что она опиралась на стол. Неестественно широкие, мускулистые плечи девушки были похожи скорее на юношеские, от чего бретельки бюстгальтера выглядели на них как-то неестественно. Гораздо более естественно смотрелся длинный тонкий шрам на левом предплечий. Однако тем, что более всего выделялось, и что привлекло внимание Люки, была кожа, бледность которой в контрасте с загоревшими щеками была особенно заметна. Закончив разглядывать себя, Люка подошла к окну и, отодвинув тюль, посмотрела в сторону Башни Империи. Увидев в ста метрах от гостиницы танк с гербом Страны пришельцев, она злорадно улыбнулась — как будто все шло по ее личному коварному плану.

В номере зазвонил телефон. В трубке Люка услышала голос Лея.

— Проснулась? — спросил учитель мягким, доброжелатель-

НЫМ ТОНОМ.

— Да, — зевая, ответила Люка.

— Тогда через пол часа спускайся на второй этаж. Я жду тебя в зале для конференций номер четыре.

Когда Люка вошла в зал, там кроме Лея уже сидели Ханорб и Маму. С ними был еще один, не знакомый Люке, мужчина лет тридцати, атлетического телосложения, но без признаков отравления магией. Он был одет в пеструю футболку, а волосы его, хоть и были коротки, на затылке были выбриты узором, что редко можно было увидеть у военных. Вошедшей Люке незнакомец приветливо улыбнулся.

— Познакомься, — произнес Лей, обращаясь к Люке, — это Лий Моши. Он будет помогать вам в предстоящей операции.

— Люка, очень приятно. А каким образом, если не секрет, вы будете помогать?

— Я — хакер, — сказал Лий, ответив, таким образом, на все возможные вопросы.

Стол, за которым сидели собравшиеся представлял собой огромный сенсорный экран, на котором был изображен план одного из блоков Башни Империи, а перед каждым присутствующим лежала виртуальная копия подробного плана операции с множеством схем и фотографий. Копия Лея крупно отображалась проектором на стене, так что каждый мог видеть открытую им страницу.

Вскоре поднялись все остальные члены отряда Чу, и Лей начал инструктаж.

— Итак, начнем. Я не буду произносить долгих речей на тему, как все это важно, и в каком положении находится страна в данный момент — это все для новобранцев. Вы все понимаете, для чего вы здесь, и какова ваша миссия. Я лишь только объясню вам, как именно вы осуществите то, что запланировано. Для начала, небольшая предыстория. Вчера в соседнее здание слетелись главы всех крупнейших корпораций вместе с министрами и новым премьером лично. Час назад вы могли слышать выстрелы — это уничтожили то, на чем они прилетели. Башня Империи окружена, так что наши гости никуда не денутся. Наша задача — уничтожить тех, кого надо уничтожить и взять живыми тех, кого надо взять живыми — это в целом. Детали, однако, сложнее.

— Проблема первая — проникновение. Башня Империи — это

параноидально защищенное здание. Наши цели находятся в тринадцатом — самом верхнем блоке, в секторе Ору. Добраться туда изнутри здания, не подняв тревоги, невозможно. Единственный способ — вскарабкаться по опорной стене, разделяющей сектора. — Лей выбрал фотографию, на которой была изображена стена, и развернул ее на весь экран. — Как видите, до нее еще нужно добраться. От периметра до стены восемьдесят метров газона. Каждый квадратный сантиметр его просматривается камерами наблюдения.

— Получается не решаемая задача, — заметил Маму́.

— Более того, — продолжил Лей, — когда здание было окружено, охрана выпустила на территорию сторожевых роботов. Периметр и нижние этажи уже находятся в режиме тревоги, поскольку штурм ожидается с минуты на минуту, но мы не пойдем по земле. К счастью, у этого сооружения есть одно слабое место, которое не учли проектировщики. — Лей снова переключил фотографию, и на экране появились стоящие в ряд флагштоки у входа в Башню Империи. — Вот оно. Флагштоки Башни хоть и тонкие, но очень прочные. Они запросто выдержат семерых человек. К тому же, они просматриваются камерами только до середины, а значит до стены уже не восемьдесят, а десять метров. Пространство между стеной и последним флагштоком просматривается всего одной камерой. — Лей снова переключил фотографию. — Это обычная ДК-780. Вы заморозите камеру, спуститесь на землю и просто добежите до стены.

— А роботы? — переспросила Люка.

— О роботах мы позаботимся. Об освещении тоже. Вас будут прикрывать блюдца. Когда доберетесь до стены, треть дела будет сделана. Вам останется только преодолеть около трехсот метров по отесной стене до тринадцатого блока.

— Как мы попадем внутрь? — спросила Ханорб.

— Не спеши, — сказал Лей и снова переключил фотографию. — Внутрь вам еще нельзя, поскольку система безопасности здания еще работает. Посмотрите сюда. — Лей повернулся на стуле лицом к фотографии. — Между секторами блоков есть небольшое пространство. У края, оно в высоту где-то метр, а к центру здания сужается до сорока сантиметров. Угол наклона — двадцать четыре градуса. Сверху и снизу там гладкий бетон, поэтому вам будет за что зацепиться. Вы проникните в пространство между

двенадцатым и тринадцатым блоком, после чего в дело вступит Хэррубб. — Сказав это, Лей посмотрел на хакера, чей позывной на катонийском означал «паук». — Сеть Башни Империи не связана ни с какими другими сетями. Все оборудование, подключенное к ней, находится под охраной системы безопасности, поэтому проникнуть в нее можно только физически проникнув в здание. В теории это невозможно, но на практике... Все электронные коммуникации расположены здесь, — Лей указал место на плане блока, — в технологическом пространстве окружающем стержень здания. От пространства между блоками его отделяет стена толщиной всего двадцать сантиметров. Ширина этой полости — сорок пять сантиметров. К тому же, она набита проводами. Правда между связками проводов есть узкое свободное пространство, где ты можешь поместиться. Маршрутизаторы расположены на каждом этаже блока. Чтобы попасть в сеть ты должен добраться до ближайшего. Он находится недалеко — всего в двух метрах выше того места, через которое ты проникнешь.

— Понятно, — ответил Хэррубб. — Надо понимать, моя задача — отключить систему безопасности?

— Не отключить, а перенастроить.

— Я надеюсь, известно, как это сделать?

— Не волнуйся, все уже сделали за тебя. Тебе нужно только доставить скрипты, написанные нашими умельцами в сеть Башни.

— А на исходный код я могу посмотреть?

— Ты нам не доверяешь? — спросил Лей и улыбнулся в знак того, что это шутка.

— Просто хотелось бы знать, что я запускаю.

— Ты можешь начать смотреть прямо сейчас, только учти, тебе еще нужно будет разобраться с системой безопасности и сетевой архитектурой здания.

— Да с этим-то я быстро разберусь, — ответил Хэррубб, перелистывая детали миссии, которые у него из всех были самые объемные.

— Так, вернемся к вам, — сказал Лей и перевел взгляд на своих учеников. — Когда Паук расчистит вам путь, в здании из врагов для вас останутся только люди, которые, в свою очередь, делятся на две категории: вооруженные охранники и маги. С первыми проблем, я думаю, не возникнет, а вот вторые являются ва-

шей главной целью. Те маги, что находятся сейчас в Башне Империи — это лучшие маги Галеона, поэтому вы будете вооружены только холодным оружием. Немного взрывчатки вам все-таки дадут, но ее вы используете для того чтобы пробить пол и войти в блок. В здании в вашем распоряжении будут только метательное оружие, меч и магия.

— Теперь подробнее о магах. Сатур — личный охранник Дари Кронга — самый сложный для вас тип. Он постоянно одет в усиленную роботизированную броню, и потому достать его мечом невозможно. — Лей переключил фотографию, и на экране появилось изображение двухметрового существа похожего на человекообразного робота. — Без брони его никто никогда не видел; вооружен обычно тяжелым пулеметом, но и меч всегда при нем — сложный случай, — сказал Лей и сделал паузу, не отводя взгляда от фотографии, — хотя, способ одолеть его есть. У вас в деталях мисси он описан.

— Следующий, а точнее следующие — братья Янг. Эти охраняют главу компании Дарун-Фарма. Они близнецы-мутанты — результат генетических экспериментов корпорации — пожалуй, самый успешный результат. Дарун-Фарма, еще будучи в составе Дарун, разрабатывала нового солдата — сверхчеловека. Братья Янг — это то, что получилось. Их рефлексы на тридцать процентов быстрее, чем у обычного человека, сокращения мышц также быстрее и, самое главное, эти парни не чувствуют мышечной усталости. Они маги — так себе, и это — их слабость, но в рукопашную или на мечах с ними вступать самоубийственно. Есть у них правда одна слабость. Их мышцы потребляют больше кислорода, чем у обычных людей, и без него работать не могут. Если вы заставите их драться при недостатке кислорода, они очень быстро обессилят, и, может быть, даже потеряют сознание.

— Далее. Арктури Сарс. — Лей переключил фотографию, и на лице Люки появилась едва заметная злобная ухмылка. На экране был тот самый маг, который арестовал ее на Титане. — Это — мой коллега — руководитель отдела специальных операций корпорации Дарун. Он — маг-громовержец. Очень коварный тип. Он безгранично доверяет своей магии, поэтому плохой фехтовальщик, и в этом его слабость.

— Юлиша Рэм — министр экономики в правительстве Кронга. Во времена войны корпораций она работала менеджером по

снабжению армии. Однажды, после подавления очередного восстания, было арестовано несколько тысяч человек. Вначале их, было, хотели расстрелять, но, подсчитав расходы, госпожа Рэм предложила другой — более экономичный способ. Корпорация тогда постоянно испытывала реактивные двигатели, и вот однажды пленных согнали в газоотводную трубу испытательной установки и запустили двигатель. Несколько тысяч человек мгновенно превратились в пепел. Такой способ казни понравился Кронгу и практиковался долгое время. Госпожа Рэм огненный маг. Учитывайте это.

— Дэмми Борг — вице-премьер Кронга. Этот маг вообще не владеет мечом и даже не носит его с собой. Из всех он, на мой взгляд, самый беспомощный маг, но не стоит его недооценивать. Он крайне хитер и хорошо владеет психической магией.

— И наконец... — На экране появилась фотография загадочной колдуньи, как всегда в черных очках и черном платке. — Мы не знаем ее настоящего имени, поэтому зовем ее «Черный посланец». Она появилась в кругах галеонской элиты пару лет назад. Неизвестно, откуда она взялась и кем была до этого. Вся информация о ней засекречена, причем так тщательно, что даже мы не можем до нее добраться. Об этой женщине ходит много легенд. Говорят, что ее магические способности во много раз превосходят человеческие. Поэтому ее и считают так называемым «Черным посланцем».

— Который будет из рода человеческого и с которым, если не справиться, наступит конец времен? — спросила Люка.

— Именно так, — ответил Лей. — Тот, о котором говорится в Книге ведьм. Среди галеонских магов, которые всегда верили во всякую мистику, царит ощущение приближающегося апокалипсиса. В небесном плаче на Титане они видят знамение, а эту женщину считают Черным посланцем, получеловеком-полудемоном, пришедшем покарать людей за их грехи. Поговаривают, что она боится солнечного света, от того постоянно прячет лицо под платком и выходит на улицу только ночью. Но, это все — мистика, а реальность такова: она — наименее известный и потому наиболее опасный маг. Я советую заняться ею в последнюю очередь и нападать всем вшестером.

— Итак, по завершению операции — эвакуация через крышу. Вас подберет вертолет. Ваша задача до обеда — изучить мате-

риалы, после обеда — я буду принимать экзамен по изученному. Операция начнется в восемь часов вечера, обед — в час. Покидать здание запрещено. Вопросы есть?

Вопросов не было. Лей покинул зал, а ликвидаторы открыли детали миссии и начали молча читать, поглядывая на план здания и фотографии, изредка уточняя друг у друга некоторые вопросы.

Ника проснулась рано, поскольку привыкла к космическому времени, которое сильно отличалось от галеонского. Переспав свой обычный подъем на два часа, она встала в девять по местному времени. Ника повалялась бы еще, однако душевное беспокойство, вызванное тем фактом, что это все было хоть и комфортным, но пленом, быстро согнало сон, и она тут же вспомнила, что должна снова встретиться с Сайдаром. За коммуникатором нужно было идти в коридор, а часов в пределах видимости не было и, чтобы узнать время, Ника включила телевизор, пульт от которого лежал на столике рядом. Ника листала каналы, но везде был только белый шум. Долистав до тридцатого, Ника подумала, что в отеле просто отключили телевиденье, и оставила затею. На самом деле, телевиденье отсутствовало во всем городе.

Приняв утренний душ, Ника села перед зеркалом и начала прихорашиваться. Даже плен для Ники не мог быть уважительной причиной того, чтобы показаться перед людьми с растрепанными волосами и без макияжа. Тем же самым в соседнем номере занималась ее единомышленница Лис. Столкнувшись в коридоре они, уже не отличимые от галеонских столичных девушек, направились в номер к Дагу. Он открыл им дверь, будучи одетым лишь в купленные прошлым днем льняные спортивные штаны.

— Здорово, — вяло произнес Даг и, взяв кружку кофе со стола, направился к окну, приковав взгляд Лис к своему обнаженному торсу, к которому та всегда испытывала слабость.

Стоя к окну почти боком, почти прижавшись щекой к стеклу, Даг рассматривал что-то вдалеке. Когда подошла Ника, он молча уступил ей место, только с которого, по всей видимости, и было видно то, что он рассматривал. Вдалеке, над нижним городом, поднимался густой черный дым.

— В городе что-то происходит, — сказал Даг. — Рано утром я слышал вой реактивных турбин. Я думал, мне показалось, ведь

над Цитаделью зона запрета полетов. К тому же, звучали они так, как будто самолеты кружат в непосредственной близости, и, судя по звуку, это были штурмовики.

Лис включила телевизор, но, как и Ника, увидела лишь шум.

— Телевиденье не работает, — сказал Даг. — Вчера работало. Я проверял. Правда, здесь транслировали только галеонские каналы. Сегодня и они исчезли. Надо этого найти, как его...

— Сайдара ты имеешь в виду? — переспросила Ника.

— Да, ученого. Он говорил, что знает какого-то хакера. Нам нужен доступ в галеонскую сеть. Может быть, там есть какая-нибудь информация.

Ровно в одиннадцать утра у двери в номер ученого выстроилась делегация из Ники, Лис и Дага. Они едва ли не по часам отсчитывали минуты, чтобы постучать в дверь точно в оговоренное время, дабы не разбудить Сайдара.

— Вы меня ждете? — тихо спросил ученый, незаметно подкравшись сзади с чашкой кофе

— Ой! Вы не спите?.. — произнесла Ника. Неожиданный голос из-за спины испугал ее. — А мы боялись вас разбудить.

— Да меня уже до вас разбудили эти штурмовики.

— Так все-таки это были штурмовики? — переспросил Даг.

— Конечно! Разве вы не видели? Один сбили прямо перед окном — там, над нижним городом. Кто-то напал на Цитадель. Как бы это не пришельцы.

— И кто победил? — наивно спросила Лис.

— Непонятно, — ответил Сайдар. — Но явно не те, кто атаковал. Похоже, всех побили.

— Так, нам нужно срочно узнать, что происходит, — сказала Ника взволновано и перешла на шепот. — Вы говорили про какого-то хакера...

— Ах, да. Он, наверное, уже не спит. Пойдемте к нему прямо сейчас.

Кабинет с надписью у двери «Администратор домена» находился в глубине здания недалеко от выхода к центральному лифту. Сайдар первым подошел к двери и постучал. После нескольких попыток, поняв, что ему не откроют, он просто открыл дверь сам. В комнате без окон было совершенно темно, если не считать множества синих, желтых и зеленых лампочек, которые, с разной яркостью, светили и мигали повсюду; было заметно про-

хладней, чем в коридоре, и слышался низкий монотонный гул вентиляторов смешанный с шипением компрессора жидкостного охлаждения. Сайдар вошел в комнату первым и, нащупав рукой выключатель, не особенно церемонясь, включил свет. С первого взгляда девушкам показалось, что в комнате никого нет. На столе, стоявшем к входной двери торцом, перед тремя мониторами и вставленным в крэдл коммуникатором, лежал разорванный пустой пакет из-под чипсов, а рядом с ним стопка, присыпанных крошками, дисков с компьютерными играми. Еще один коммуникатор лежал в чехле на тумбочке под столом. В углу комнаты, под стулом, на котором лежал ноутбук, мигая синими лампочками, стояли два беспроводных внешних диска. Напротив стола располагался трехместный удобный диванчик из черного кожзаменителя, на котором лежало что-то огромное завернутое в белое одеяло. Раздалось недовольное сонное мычание, и из-под одеяла вылез весьма тучный кучерявый молодой человек лет двадцати пяти, с милым, даже немного детским лицом.

— Че надо? — пробурчал молодой человек.

— Хорош спать! Дело есть, — произнес Сайдар.

— Какое дело в такую рань?

— Рань? Одиннадцать часов! Рань! У тебя здесь просто всегда ночь, вот тебе и кажется, что рань. Познакомьтесь, — сказал Сайдар, обращаясь к девушкам, — это администратор домена посольства — Рэй Сёгбй.

Молодой человек протер глаза и рассмотрел гостей. Ника и Лис мило улыбались, а Даг, стоя чуть позади, смотрел угрюмо.

— А кто это? — спросил администратор у Сайдара, поглядывая на Дага с опаской.

— Это наши гости: Ника... — Сайдар неловко запнулся, не вспомнив, как зовут остальных.

— Меня зовут Лис.

— Даг.

Молодой человек тяжело, неуклюже встал и направился к своему рабочему месту, не обращая внимания на гостей — как будто тело его было запрограммировано, по утрам идти к компьютеру. Со стороны это могло показаться даже невежливым.

— Нам нужна твоя помощь, — сказал Сайдар, встав за спиной Рэя. — Помощь по твоей части, но немного специфическая.

Как будто не обращая внимания на Сайдара, Рэй потряс

мышкой, чтобы появилось изображение, после чего ввел пароль, и заставка на мониторах сменилась рабочим столом. На весь экран слева был развернут почтовый клиент, центральный монитор показывал стандартный пустой рабочий стол, а справа отображался странный набор графиков и таблиц. Приглядевшись, можно было понять, что это были биржевые курсы, обновляемые каждый день финансовой службой Башни Империи.

— Помощь говорите... — произнес Рэй отрешенно, глядя на графики. — Странно, данные не обновляли за всю ночь.

Наконец молодой человек оторвался от мониторов и повернулся на стуле лицом к гостям.

— Ну, так и что за помощь?

В разговор вступила Ника.

— Для начала, нам бы хотелось узнать, что произошло сегодня утром. Сайдар говорит, что видел штурмовики над Цитаделью. Телевиденье не работает. Не понятно, что происходит.

— А, ну это не сложно, — сказал Рэй и повернулся обратно к мониторам. — Гребанная безопасность — все, что можно узнать отсюда — только новости. Их обновляет информационная служба каждый час. Иногда не обновляет... Я вообще новостями не сильно интересуюсь, особенно галеонскими. Там одна пропаганда... Ну вот, как я и говорил. В галеонских новостях пусто. Можно залезть в информационную ленту посольства Аллarii. Там публикуют титанианские новости, они более правдивы.

Чтобы попасть в титанианскую ленту новостей, Рэй вначале зашел на центральный портал посольства Аллarii, прямой ссылки на который у него не было. Видно молодой человек действительно не интересовался теми новостями, что публиковали в Башне Империи.

— На самом деле, — говорил Рэй, вводя адрес портала, — чтобы получить правдивую информацию, нужно спуститься в ближайший ресторанчик и выйти в галеонскую сеть. Правда, сейчас никого не выпускают.

— Даже сотрудников посольства? — спросила Ника. — А почему?

— Уроды потому что... — начал было Рэй, но появившаяся на экране надпись прервала разговор на полуслове. Верхним в новостной ленте был заголовок: «Пришельцы нанесли ответный удар. Цитадель в осаде». Дальше следовали сухие фразы о том,

что во столько-то часов десантные войска Страны пришельцев напали на город, отбили удар, закрепились и так далее.

— Есть! — радостно вскрикнул Рэй.

— Наконец-то наши ответили, — произнес Даг таким тоном, как будто произошло то, чего он давно ожидал.

— Значит, война скоро может закончиться, и мы вернемся домой, наконец, — сказала Лис, подхватив радостный настрой Рэя.

— Хорошо бы, — произнесла Ника с неестественной улыбкой.

Сайдар, однако, не разделял общей радости.

— Посмотри, — сказал он, — там есть еще какая-нибудь информация?

— Нет, только это сообщение, — ответил Рэй. — Вряд ли мы найдем что-нибудь большее в этой сети, вы же знаете.

— Нужно выяснить подробности... Ну да ладно, — сказал Сайдар и направился к выходу. — Что-нибудь придумаем. Нужно как-то попасть в галеонскую сеть.

— Попробуйте через коммуникатор, — сказал Рэй. — Только выключите перед этим компьютер из локальной сети, а то, если вас обнаружат, голову оторвут.

Сайдар вышел из комнаты.

— Ну, вы тут без меня справитесь? — спросил Даг, судя по выражению лица, разделявший опасения Сайдара. — Пойду, помогу нашему другу.

— Да, заодно проведай Ханну и Марчи, — сказала Ника, и Даг вышел вслед за ученым, оставив администратора наедине с девушками.

Лис и Ника проводили Дага взглядом, после чего одновременно перевели взгляд на Рэя и хитро улыбнулись, что немного смutilo молодого человека.

— Знаете, когда галеонцы напали на Землю обетованную, — начал Рэй радостно, — До (пришельская валюта) начал падать, и я скупил его в огромном количестве. Скоро война закончится, и он поднимется обратно. Я заработаю на этом кучу денег! Я всегда верил в пришельцев.

Внезапно молодой человек заметил, что он сидит, а девушки перед ним стоят. Вскочив со стула, он метнулся в угол кабинета и, скинув ноутбук на диван, поставил стул рядом со своим столом.

— Присаживайтесь, — сказал он, неловко улыбнувшись. Ника

присела, а Лис нашла и поднесла второй стул сама.

— Тебя не угнетает эта комната? — спросила Лис, глядя по сторонам. — Без окон... Как шкаф какой-то.

— Да нет, нормально. Я же ведь пришелец. Я привык жить под землей.

— Ты жил на Земле обетованной? — спросила Ника.

— Да. Я всего два года работаю на Галеоне.

— А где ты жил?

— В Акуре.

— Здорово! Я тоже там жила до семнадцати лет.

Включив все свое обаяние, Ника говорила медленно и вкрадчиво, как будто специально пытаюсь очаровать Рэя. Впрочем, ей в любом случае это удалось. Рассказав коротко о себе и о том, как попала в посольство, Ника перешла к делу.

— Послушай, ты же ведь — хакер? — спросила она.

— Да. Я — хакер, — не без гордости ответил Рэй.

— Мне очень нужна информация об одном судне, — говорила Ника почти жалобным тоном. — Это галеонское судно принадлежавшее одной корпорации.

— И где она лежит, эта информация?

— У галеонцев, я знаю, есть единый судовой реестр. Там хранятся бортовые журналы всех судов всех корпораций. Мне очень нужен журнал рейсов этого судна и бортовые журналы за несколько последних экспедиций.

— Вообще-то это, наверное, очень секретная информация, да и черт знает, где этот судовой реестр.

— Ну, это, наверное, какая-то база данных?.. — заметила Лис.

— База данных. Понятно, что база данных. Ты знаешь, сколько их в этой сети?.. Тысячи!

— Ну, ты же можешь ее найти? — с надеждой спросила Ника.

— Найти-то могу, а дальше что? Доступа туда естественно нет. То есть вы предлагаете мне взломать правительственную базу данных?

— Ну... Если нет другого способа... — проговорила Ника стеснительно.

— Как у вас у пользователей все просто! Нашел — взломал... Вы же понимаете, что здесь не дураки работают. Попасть в правительственную базу без пароля не так-то просто, еще сложнее сделать это незаметно.

— Но ты же ведь можешь? — спросила Ника и хитро улыбнулась.

— Я — могу.

— Я всегда знала, что наши хакеры самые лучшие!

Рэй на несколько секунд задумался.

— Так, — сказал хакер, разворачиваясь к монитору, — задача сложная, но что-нибудь придумаем. Нам понадобится сканер портов и переборщик хэшей.

Из зашифрованного паролем архива хакер достал набор утилит, само наличие которых на компьютере по галеонским законам считалось преступлением. Первое, что сделал Рэй — запустил сканирование портов в правительственном сегменте сети, но не со своей рабочей станции, а с сервера, к которому был доступ только у него и еще у нескольких человек. По тому, какие порты были открыты, можно было определить, какое программное обеспечение установлено на серверах. Рэй знал, что правительство использует только одну систему управления базами данных, так же он знал, на каком порту система работала, и потому настроил сканер на поиск только этого порта. Система предупреждения о вторжении работавшая в Башне Империи распознавала как сканирование только перебор с короткими интервалами широких диапазонов портов, но сканер Рэя работал медленно, постоянно меняя интервал перебора, благодаря чему действия хакера оставались незамеченными.

— Тебя тоже не выпускают? — спросила Лис, скучая в ожидании завершения сканирования.

— Вообще-то, я живу здесь, — ответил Рэй.

— Живешь на работе?

— Ну, а что такого? Это лучше, чем снимать убитую квартиру в нижнем городе, платить еще за это деньги и добираться каждый день часами до работы.

— А где ты питаешься? Душ принимаешь?.. — спросила Ника с таким любопытством, как будто сама собирается поселиться здесь надолго.

— Питаюсь чаще в посольском ресторане. Иногда выхожу в город. С душем сложнее. Приходится ездить в баню в Южном Центре.

— Ты, наверное, единственный, кто в эти бани мыться ходит, — пошутила Ника.

— Я тоже хожу туда не только мыться, — с довольной улыбкой произнес Рэй. — Я вообще не люблю мыться сам. Люблю, когда меня моют. Особенно мне нравится, когда девушка вначале намыливает себя, а потом собой намыливает меня. Правда для моего тела одной девушки бывает мало, поэтому я чаще беру двух.

— А твоя девушка как к этому относится?.. — спросила Ника, но тут же поняла бессмысленность своего вопроса. — У тебя нет девушки.

— Нет, — резко ответил Рэй. — А зачем?

— Ну, это же ведь так здорово — иметь любимого человека...

— Любимого! — подчеркнул Рэй. — Любимый человек... Посмотри на меня внимательно. Кто мне может ответить взаимностью?.. Только такая же уродина, как и я сам? Зачем она мне? Я люблю красивых. Я вообще — большой знаток женской красоты.

— Но эти банщицы, кофейницы, они же ведь такие вульгарные?

— Да с чего ты взяла? Ты их много повидала? С чего ты взяла, что они чем-то отличаются от других девушек Цитадели? Почти все девушки, которые обитают в центре, так или иначе продают себя, только одни называют цену сразу, а другие позволяют знакомиться как будто бы бесплатно, но потом вытягивают деньги постепенно. Поверь мне, уж я-то в этом разбираюсь. А кофейницы и банщицы — они разные, занимаются своим делом по-разному. Кто-то продает лицо и фигуру, кто-то секс, а кто-то любовь. Жаль, что по виду никогда не определишь. — Последнюю фразу Рэй произнес с досадой. — В верхнем городе я знаю как минимум трех девушек, которых очень уважаю, поэтому плачу им больше, чем они просят. И пускай они со мной за деньги, пускай я с ними только пару часов, но эти пару часов я чувствую себя здоровым человеком.

— Ну а семья?.. Дети?..

— Ой, только не надо мне рассказывать про пришельские семейные ценности. Мне рассказывали об этом одиннадцать лет в школе, и потом год в центре социальной коррекции. Я — не такой, как все и внешне и внутренне. Я — одиночка. У меня никогда не будет семьи. Понимаешь, общество пришельцев — оно для умных и красивых людей. Если ты не умен или некрасив, то ты неполноценен и свою неполноценность будешь ощущать все-

гда. На Земле обетованной так: если, скажем, человек не умен, он никогда ничего не добьется в карьере, а если не красив, не имеет чемпионских титулов по фехтованию, — я не знаю, — не умеет писать стихи или играть на музыкальных инструментах, у этого человека никогда не будет личной жизни. Общество пришельцев настолько совершенно, что обойти это совершенство невозможно — оно как хорошо спроектированная система, которую невозможно взломать, и от этого скучно. На Галеоне все иначе: здесь можно заплатить деньги и все будут считать тебя красивым, можно заплатить и все будут считать тебя умным. Здесь вообще искаженная система ценностей. Здесь не важно, кто ты есть — важно, как ты выглядишь. Я вот, например, по здешним меркам — самый крутой человек в городе, а знаешь почему? Смотри, в Цитадели цены на жилье обратно пропорциональны расстоянию до центра, потому что чем ближе к центру ты живешь, тем круче — это же ведь гребанная крепость. Я живу в самом центре Цитадели. Вот за этой стеной стержень Башни Империи, который и является этим центром. Я работаю в посольстве, поэтому, живя на Галеоне, я получаю пришельскую зарплату и плачу пришельские налоги, которые в два раза ниже. Учитывая, что уровень жизни в Стране пришельцев выше, чем на Галеоне в полтора раза, я оказываюсь самым высокооплачиваемым администратором домена на этой планете. Моей зарплаты хватает, чтобы питаться в ресторанах, посещать баню каждую неделю, да еще и за жилье я не плачу. Мне здесь хорошо! — воскликнул Рэй, раскинув руки.

— Зря ты так о себе, — с интонацией сочувствия произнесла Ника. — Ты не такой уж и уродливый, просто немного тучный. У меня есть знакомый. Он размером с тебя, а его девушка...

— Знаю, знаю, — перебил Рэй. — На каждого уродца найдется свой извращенец, но я не хочу, чтобы меня любили из жалости или как некую диковинку. Я вообще не нуждаюсь в любви.

— Да... Странный ты человек. Я просто хотела сказать, что внешность для мужчины не главное.

Лис неискренне покивала, потому что в глубине души не была согласна с подругой. Лис всегда млела от мужчин с фигурой.

— Ну, как знаешь... — сказала Ника. — А эта штука еще долго будет работать?

— Не знаю, зависит от количества серверов. Час как минимум.

— Тогда мы пойдем, позавтракаем. Присоединяйся к нам, если хочешь.

— Я потом. Вначале надо закончить работу.

Атмосфера в холле перед баром была напряженной. Сайдар и Марчи обсуждали вопрос, будут ли пришельцы штурмовать Башню Империи и, если будут, то когда, а Даг тем временем при помощи рациональных аргументов успокаивал чересчур взволнованную Ханну. На столике перед Сайдаром стоял ноутбук, а на полу у окна лежал коммуникатор. Только в такой конфигурации сигнал был достаточно сильным для того, чтобы установить соединение с галеонской сетью.

В эти часы сеть в Цитадели была единственным работающим средством массовой информации. Ежедневные новостные издания в тот день не достигли прилавков. Все телевизионные каналы не работали с самого утра. Даже титанианское телевиденье не ретранслировалось. Однако в сети разгорелась настоящая информационная война, из-за которой понять толком, что происходит, было невозможно. Городской форум и блоги с огромной скоростью наполнялись противоречивыми сообщениями от людей, которые в реальном времени описывали то, что происходит вокруг и что они видят из окон. Один человек снял с балкона и выложил в сеть видео, на котором штурмовик врывается в соседний дом. Националисты кричали, что пришельцы убивают мирных жителей, приводя в качестве доказательств фотографии раздавленных танками автомобилей и съемки действий мародеров в нижнем городе. Тут же, их противники и члены движения сопротивления, выкладывали видео, на котором мирные жители свободно ходили между вооруженными людьми в черной форме. Кто-то говорил, что в нижнем городе идут ожесточенные бои между пришельцами и полицией, другие утверждали, что пришельцев в нижнем городе вообще нет.

Вся первая половина дня прошла в рассуждениях о происшедшем в Цитадели. К обеду, в холле появился Рэй, своим комичным видом мгновенно приковав к себе внимание и немного подняв настроение присутствующим. В одной его руке был огромный многослойный бутерброд, в другой — полулитровый стакан с каким-то напитком, а на лице была такая довольная улыбка, как будто он был только что из бани. Рэй подошел ко всем и плюхнул свое огромное тело в кресло, так резко, что из бутерброда

вывалился какой-то овощной лист и упал ему на колено.

— Будет вам доступ! — торжественно произнес Рэй.

— Получилось? — радостно переспросила Ника полупшепотом.

— Пока нет, но получится, — так же полупшепотом ответил Рэй. — Короче, базу я нашел. Пароль от нее в процессе. Меры безопасности оказались главной слабостью сети!

— Это как?

— А так. Ну, во-первых, для тех, кто не знает, в Башне Империи повсюду вместо биометрической аутентификации используются старые добрые пароли.

— А почему? — поинтересовался Даг.

— Отпечатки пальцев можно подделать, сетчатку глаза сложнее, но тоже можно. Сканер ДНК обмануть было невозможно до недавнего времени, но и против него придумали взлом. Нужно только похитить генетический материал пригодный для выращивания тканей. С тех пор, как стало возможным вырастить в лаборатории достаточно большую колонию клеток для того, чтобы сканер ДНК ее распознал, эти устройства тоже стали небезопасными. А уж если удастся вырастить клона, то проблем вообще никаких не будет. Лишь очень дорогие сканеры различают клонов по митохондриальным генам. Да и вообще, с биометрикой есть один неприятный момент. Предположим, злоумышленник, каким угодно образом похитил биометрику человека. После этого, для биометрических датчиков злоумышленник и жертва становятся эквивалентными. Можно закрыть доступ только для обоих, но нельзя различить их. Пароли можно менять, а если украли биометрику, к примеру, президента? Нам что, менять президента? Как всегда оказывается, чем защита примитивней, тем она надежней.

— Ну так, в чем тогда слабость?

— А слабость в том, что требования к паролям у нас маниакально строгие. Пароль должен состоять не менее чем из десяти символов, должен содержать цифры, буквы и знаки препинания, к тому же должен отличаться от тридцати предыдущих паролей и меняться должен раз в месяц. Такие правила приводят к тому, что люди начинают записывать пароли и не всегда в безопасных местах, либо делать пароли по шаблону как наш старший администратор, например.

— По шаблону? Это как? — переспросила Лис.

— Это когда у человека есть тридцать десятизначных паролей отличающихся одной или двумя цифрами и ему приходится запоминать не десять символов, а всего один.

— А! Я всегда так делаю.

— Это плохо.

— А почему?

— Потому что если злоумышленник поймет, по какому шаблону ты меняешь пароли, он сможет получить их все и то, что ты их меняешь, станет бесполезно.

— Если честно, чаще всего я их вообще не меняю, — сказала Лис и легкомысленно хихикнула.

— Ну, если ты не имеешь доступа к государственной тайне, то для тебя это некритично. Так вот, наш протокол безопасности устроен так, что сами пароли ни где не хранятся, хранятся их хэши. Поэтому система может проверить совпадает ли пароль с тридцатью предыдущими или нет, но проверить насколько он совпадает, система не может, а потому и не может запретить использование шаблона. Если бы, сравнив хэши, можно было определить, насколько отличаются исходные значения, это облегчило бы подбор пароля, а смысл хэша как раз и заключается в том, чтобы, имея его, исходное значение, то есть пароль, было получить невозможно. Таким образом, становясь защищенной с одной стороны, система становится слабее с другой.

— А ты запоминаешь пароли? — спросила Ника.

— Конечно. Я применяю способ, которому научил меня мой преподаватель криптографии. В качестве пароля я использую фразы из нескольких слов. Фразы должны быть желательно бессмысленными, но такими, чтобы их было легко запомнить. Например: «мячик играет в мячик». Фраза обрамляется ботвой из цифр и знаков препинания, чтобы ее проглотил валидатор и все, пароль готов. Подобрать такой пароль ни чем не легче случайно восьмизначного, а если перебирать в лоб простым восходящим перебором, то даже сложнее.

Рэй отвечал на вопросы с большой охотой и явно испытывал удовольствие от прикованного к себе внимания.

— Однажды, — продолжал Рэй, — я украл пароль нашего старшего, просто так, ради спортивного интереса. Мне сразу показалось, что это шаблон. Тогда я украл еще два пароля и уже точно знал, что это шаблон, причем довольно примитивный. Он

просто увеличивал число в конце пароля на единицу каждый месяц. Прошло уже года два, а он так и продолжает им пользоваться. Старший ходит на сервера в нашей сети регулярно и его пароль постоянно находится в кэше контроллера нашего домена, откуда я могу его спокойно достать и подобрать у себя на рабочей станции или на одном из серверов. В общем, с этим проблем нет. Другое дело с паролем от базы. Хэш я достал, но вот подобрать его будет непросто. Пароль там наверняка хороший, и подбирать его придется по-честному — полным перебором. На рабочей станции это заняло бы дни, но к счастью есть у нас один сервер, на котором можно сделать это быстрее. Там стоит система второстепенного значения. Я проверил, она загружает процессор не больше чем на десять процентов. Если мы используем оставшиеся девяносто для подбора пароля, мы получим его уже к вечеру.

— Спасибо тебе, ты настоящий гений, — восторженно, но полупешепотом произнесла Ника, взяв Рэя за руку.

— Не за что, — ответил он, немного смутившись.

Ника не понимала, как некоторые люди с легкостью делают то, что делают. Так, например, с трудом научившись плавать, Ника никогда не понимала, как люди могут играть в водное поло. Еще для Ники было загадкой, как люди складывают слова в стихи, а все то, что было связано с компьютерами, для нее вообще казалось с родни колдовству. Даже после объяснения Ника не понимала, что именно для нее сделал Рэй, было ли это для него просто или сложно. Единственное, что она понимала — это то, что сама она подобного не сделает никогда, как не сделает Рэй сальто назад на бревне, которое у Ники получалось с легкостью. Ей хотелось как-то отблагодарить Рэя, но она не знала как, да и Рэй похоже был так доволен собой, что благодарности не требовалось. Оставалось только ждать вечера.

В это время года в Цитадели темноло рано. Уже в четыре часа дня, когда солнце опускалось за горизонт, на охраняемой территории вокруг Башни Империи начали раздаваться громкие хлопки. Засевшие неподалеку десантники из подствольных гранатометов забрасывали сквер перед зданием светозумовыми гранатами. Их замысел стал очевиден лишь через час, когда стемнело полностью. Обычно освещенное множеством прожекторов, здание как бы появлялось из темноты, которой было окутано все его

основание. Только на верхних этажах прожекторы работали. Однако, не смотря на то, что пришельцы отключили все освещение прилегающих зданий и самой Башни Империи, темнота не была полной. Свет городских огней, отражаясь от низко нависших облаков, создавал полумрак, в котором очертания предметов были едва заметны, но все же различимы.

Издав тонкий свист, над улицей и парковкой пролетел трос. Достигнув первого флагштока аллеи перед входом в Башню Империи, трос натянулся, и один силуэт медленно и бесшумно начал спускаться по нему из окна соседнего здания. Закрепившись на флагштоке, силуэт выстрелил вторым тросом в соседний шпиль, после чего натянул и закрепил трос рядом с собой. Так, постепенно, все восемь флагштоков были соединены в прочную конструкцию, которая, не шатаясь, могла выдержать на себе шестерых человек. Вскоре, все шестеро уже сидели на последнем шпиле в десяти метрах от здания.

Все ликвидаторы были одеты в специальные костюмы, разработанные изначально для борьбы с демонами в фокосских пустынях, но также не менее полезные в операциях по устранению магов. Эластичные, закрывающие все тело комбинезоны были сделаны из огнеупорного, диэлектрического, герметичного материала матового черного цвета. Изнутри, материал был покрыт теми же бактериями, что и белые шарфики, от чего внутренняя поверхность костюма изменяла собственную температуру, стабилизируя температуру тела. Материал внешнего слоя твердел при резкой деформации, компенсируя, таким образом, удары и защищая кости от переломов при падении с большой высоты. Материал, однако, совершенно не защищал от пуль, уколов и порезов. Лица ликвидаторов были закрыты масками, которые плотно прилегли к костюму и, благодаря своей форме, не сужали обзор, полностью при этом закрывая глаза и дыхательные пути от внешних воздействий. Маски работали как противогаз и солнцезащитные очки одновременно. Ягодицы, внутренняя часть голеней и стоп, а также запястья и ладони были покрыты материалом, который, благодаря микроскопическим чешуйкам, позволял «прилипать» и карабкаться по гладким поверхностям подобно геккону.

Камера на углу парадного входа была той единственной камерой, которая наблюдала за пространством между флагштоками и стеной. При выключенном освещении она автоматически

перешла в инфракрасный режим, чем и воспользовался Кюлин. Войдя в медитацию, он начал замораживать ее изнутри при помощи магии, что, в конце концов, привело к замиранию изображения, и камера уже передавала не реальную картинку, а смазанное наложение последних кадров перед окончательным замерзанием. Увидев взмах руки, пилот подлетевшего незаметно блюдца принялся короткими очередями уничтожать роботов-охранников, патрулировавших территорию неподалеку. Когда все три были уничтожены, ликвидаторы съехали по шпилью и быстро, чтобы успеть до того, как появятся новые роботы, побежали к стене. Их ждало более чем трехсотметровое восхождение.

Распластавшись по стене всем телом, ликвидаторы стройным рядом карабкались к вершине Башни Империи. Из оружия у них были только висевшие за спиной длинные мечи, прикрепленные сзади на пояс короткие мечи-компаньоны, и пневматические пистолеты, стрелявшие дротиками, которые были бесшумны, но обладали значительно меньшей, чем пули пробивной силой. Спереди, на поясах, висели сурикены, а на бедрах дымовые пашки и светодымовые гранаты — по три слева и справа. Свернутые в бухты взрывчатые тросы предназначались для проникновения в здание сквозь стену. Лишь у одного из шестерых вообще не было оружия. На животе у него вместо суриконов висел маленький ноутбук, на бедре какие-то провода, а за спиной — тяжелая алмазная пила для разрезания бетонных плит. Чем выше поднимались ликвидаторы, тем сильнее тишину осажденного города нарушал монотонный вой ледяного ветра. Попадая в промежуток между опорными стенами, ветер устремлялся вверх, увлекая за собой миллионы снежинок, которые как бы падали, но не вниз, а вверх. Двигаясь у самой кромки опорной стены, шедший впереди Маму́ отсчитывал щели между блоками: «Раз — еще восемь этажей; два — еще восемь... Четыре — еще восемь...» С каждым движением этажи казались все выше, и расстояния между щелями все больше.

Только под тринадцатым блоком ликвидаторы смогли как следует отдохнуть. Лишь Паук вместо того, чтобы отдыхать, жужжа пилот и поднимая клубы пыли, проделывал в стене отверстие для того, чтобы добраться до технологической полости, в которой располагались маршрутизаторы. Ему можно было выложиться полностью сразу, ведь всю оставшуюся часть операции

ему предстояло висеть среди силовых кабелей в относительной безопасности. Пила стихла, и мимо отдыхавших бойцов вниз проскользнули два куска бетонной плиты. Отверстие было проделано. Протиснувшись сквозь плотную связку покрытых миллиметровым слоем пыли кабелей, Паук закрепился на одном из них и, недовольно ворча нецензурную брань, пополз вверх к маршрутизатору.

Рэй в это время сидел у себя в коморке и со злорадным выражением лица читал на среднем мониторе последние титанианские новости. В комнату вошла Ника.

— Ну как? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Рэй. — Сейчас посмотрю. — Совершив пару ловких движений курсором, он открыл на левом мониторе удаленный терминал и вернулся к чтению новостей.

— Что читаешь? — спросила Ника.

— Да тут такое происходит... Алларийские инвесторы, как только узнали, что Цитадель захвачена, начали сливать акции галеонских компаний. У этих компаний дела и так-то были плохи, а теперь, если война закончится победой пришельцев, о государственной поддержке им придется забыть. Короче, они все — банкроты. А наши, тем временем, скупают за дешево их собственность на Титане — красавцы! Ты посмотри на индексы!

В нижней части монитора группа разноцветных графиков, плавно снижавшихся последние несколько дней, у правого края резко срывалась вниз, пересекая другую группу, которая, из резкого падения, сегодня перешла в не менее резкий рост. Некоторые графики не двигались ни в какую сторону, а превращались в совершенно ровную горизонтальную линию. Отображаемая на диаграмме сверху алларийская валюта подешевела, в то время как валюта Земли обетованной почти вернулась на довоенные позиции.

Тем временем, Паук, прочно закрепившись на силовых кабелях при помощи альпинистского снаряжения, висел почти горизонтально, держа на коленях компактный ноутбук. Маленький, но яркий фонарик на голове Паука белым светом освещал клавиатуру, отражаясь бликом в мониторе, на котором была развернута на весь экран черная текстовая консоль. Одну за другой Паук ввел в консоль несколько команд, и на экране появился маленький диалог, куда хакер ввел уже свое имя и пароль, после чего

консоль исчезла, и на экране появился замысловатый, состоявшийся из множества таблиц и кнопок, интерфейс системы безопасности. Совершив последовательность загадочных действий, Паук занес палец над кнопкой «Ввод» и на мгновение остановился.

— «Ну, что — мясо!» — мысленно произнес Паук и нажал кнопку.

Уже через пару секунд раздались выстрелы на нижних и верхних этажах, в глубине здания и в холлах за парадным входом. Выстрелы как звуки связанных гроздьё петард сливались в единый непрерывный шум. В здании гудела боевая тревога. Паук подменил маркеры безопасности, позволявшие роботам в случае тревоги отличать вооруженных охранников от нападающих. Теперь нападающими роботы считали самих охранников. Безжалостно уничтожая всех, на ком был маркер, роботы, однако, не трогали никого больше.

— Готово. Система на нашей стороне, — отпартовал Паук.

— Понеслась, — сказала Ханорб, нажимая на кнопку детонатора.

Взрыв прозвучал для ликвидаторов глухим хлопком. Пробив пол в комнате охраны, он заполнил ее бетонной пылью и оглушил всех, кто находился внутри. Уже через несколько минут пыль улеглась, покрыв все тонким светло-серым налетом, и только брызги на стенах, лужи на полу и резаные раны на телах охранников проступали сквозь нее яркими красными пятнами.

Арктури Сарс спешно шел по широкому коридору к центральному лифту, постоянно оглядываясь и заметно нервничая. Глубоко задумавшись о чем-то, он и не заметил, что двери лифта были открыты, а за ними была лишь пустая шахта, и только резкое движение впереди привлекло его внимание. Из шахты лифта в коридор выпрыгнул ликвидатор. Арктури остановился. Люка стояла в полный рост в двенадцати метрах от человека, который с легкостью арестовал ее в аэропорту Хаммэ, и на ее губах под маской была легкая злоецающая улыбка. Оба замерли. Колонны, шедшие вдоль стен коридора были отделаны электростатическим материалом и, благодаря своему размеру, могли накопить заряд достаточный для того, чтобы убить человека. Незамедлительно воспользовавшись паузой, Арктури превратил коридор в гигантский конденсатор, но Люка знала о свойстве колонн из инструктора. Она могла бы не выжидая достать меч и броситься в

бой, но ей хотелось поиграть на нервах — подольше насладиться местью, и она ждала до тех пор, пока Арктури не закончил колдовство. Демонстративно медленно, Люка достала из-за спины меч и, выставив его перед собой перпендикулярно стенам, аккуратно пошла вперед. Одна за другой молнии били от колонны к колонне, но вместо того, чтобы проходить по телу Люки, проходили сквозь металлический меч. Осталась последняя пара колонн и три с половиной метра до противника. Люка на мгновение замерла, и Арктури, осознав неизбежность боя, с криком выхватил меч. Полыхнула молния, и его яростный крик превратился в визг, а меч в отрубленной кисти, упал на ковер. Зайдя сбоку, Люка сделала бесшумный пируэт, и вслед за мечом на полу оказалась голова колдуна.

— Минус громовержец, — отрапортовала Люка и скрылась в коридорах.

Ханорб застала госпожу Рэм сидящей за стойкой бара в сопровождении двух охранников в ресторане президентской резиденции. Ворвавшись в зал, Ханорб спровоцировала охранников выхватить пистолеты, которые тут же взорвались у них в руках. В медитации Ханорб и не заметила, как в нее полетела литровая бутылка с крепким спиртным. Расколовшись на полпути, бутылка превратилась в огненное облако, от которого Ханорб еле увернулась, и тут же серия мощных ударов мечом обрушилась на нее. Госпожа Рэм двигалась неестественно быстро, должно быть от того, что применяла магию. Вряд ли без этого она смогла бы выдержать темп хорошо натренированной двадцатилетней девчонки, который та задавала исключительно благодаря физическим кондициям. В конце концов, силы госпожи Рэм иссякли, и она уже скорее защищалась в поисках передышки. Ханорб тоже устала от чего и пропустила поваливший ее на пол подлый магический толчок сверху вниз. Не растерявшись, Ханорб сделала кувырок по полу назад и снова оказалась на ногах, а ее соперница тем временем уже была у барной стойки с бутылкой в руке. Не успевая вернуться, Ханорб выставила перед собой меч и закрыла лицо рукой. Содержимое разбившейся о клинок бутылки почти все оказалось на Ханорб и тут же полыхнуло, а госпожа Рэм уже приближалась с новым ударом. Увидев, как по лезвию стекает горящая жидкость, Ханорб, махнув мечом, выплеснула ее всю в глаза сопернице. Хватаясь за горящее лицо одной рукой, госпо-

жа Рэм хаотично размахивала мечом, пятясь назад, но уже через секунду ее дымящаяся голова лежала на полу отдельно от тела. Окатив себя из висевшего на стене огнетушителя, Ханорб спешно покинула ресторан, услышав шаги приближавшихся охранников.

— Минус бухгалтерша, — прозвучало в эфире.

Братья Янг стояли по стойке смирно у входа в баню, охраняя своего хозяина пока тот был внутри. Кроме них и хозяина в банях никого не было. В квадратном помещении, где находились братья, по углам располагались четыре круглые ванны. Пространство между ваннами было застелено специальной нескользящей дорожкой соединявшей парные с соседним помещением, из которого и появился ликвидатор. Это был Кюли́н. Он вышел из соседнего зала, держа в руках меч и, не пройдя и двух метров от двери, остановился, как бы вызывая братьев на бой. Братья молча переглянулись, после чего один из них вышел вперед, а второй остался, где стоял. Кюли́н попятился назад и скрылся в двери, от чего Янг с медленного шага перешел на бег и уже через секунду ворвался в соседнее помещение. За дверью оказался пустой просторный зал прямоугольной формы с шестью колоннами вдоль стен. Пол в центре был устелен голубым полиэтиленом, а вдоль стены по всему периметру шла нескользящая дорожка. Увидев противника, Кюли́н перебежал поперек зала на другую сторону и, развернувшись, встал в боевую стойку, но как только на полиэтилен встал Янг, то тут же оказался под водой — помещение оказалось бассейном. Пытаясь вынырнуть, Янг почувствовал вдруг, что вода вокруг него становится вязкой. С трудом высунув голову чтобы вдохнуть, Янг не был способен освободить руки. Тут же из-за колонны появился Дзубб, и как только голова колдуна появилась над водой, ликвидатор отсек ее. Когда звуки, доносившиеся из соседнего зала, стихли, Янг, оставшийся охранять хозяина, убрал меч и расслабился, ожидая, что сейчас из двери появится его брат. Прошла минута, другая, но из двери никто не выходил. Янг начал нервничать. Не сводя настороженного взгляда с двери бассейна, он закрыл при помощи телекинеза дверь в раздевалку и снова достал меч. Вид плававших отдельно головы и туловища брата, как показалось Дзубб, ни сколько не шокировал Янга. По его лицу, на котором была лишь сосредоточенность, вообще можно было мало что определить. Янг понимал, что тот, кто убил его брата, прятался здесь, за колоннами. Вряд ли он от-

ступил, ведь его целью, как полагал Янг, был их хозяин. Колдун шел медленно вдоль стены, не выпуская из виду выход и, прислушиваясь к каждому шороху, пытался понять, за какой из колонн прячется противник. Однако он и не подозревал, что противников было двое. Кюли́н прятался за дальней колонной в углу, а Дзубо́ у самого входа. Издав звук, Кюли́н нарочно привлек на мгновение внимание Янга, чтобы Дзубо́ смог прошмыгнуть к выходу. Поняв, что противников двое, Янг немного замешкался, но принял решение все-таки вернуться к хозяину. В комнате с ваннами никого не было, а дверь в раздевалки по-прежнему была заперта. Забыв про осторожность, Янг бросился в парную, где кроме своего ничего не подозревавшего хозяина ни кого не обнаружил. Дзубо́ толкнул Янга в спину, и тот оказался запертым вместе с хозяином в парной. Вкладывая в удары всю силу, колдун начал неистово колотить дверь, но прочное твердое дерево не поддавалось. Разогретый мышцами организм мутанта стремительно терял влагу, от чего кровь начинала густеть. В сочетании с влажным воздухом это вызвало кислородное голодание фатальное для Янга. Через четыре минуты удары прекратились. Из открытой двери на ликвидаторов вывалилось безжизненное тело колдуна. Дзубо́ добил его, а Кюли́н вывел перепуганного хозяина из парной и, застегнув на его руках наручники, положил на скамейку.

— Минус братья, — произнес в эфире Дзубо́.

В кабинет администратора домена вошел взволнованный Даг.

— Ну, что там? — спросила Ника.

— Похоже, наши штурмуют. Охрана вся куда-то подевалась.

— Так что, получается мы можем идти? — нервно пошутила Ника.

— Я бы не стал. По шахтам лифтов снизу доносятся выстрелы. Судя по плотности, там внизу мясорубка.

— И что нам делать? — спросила Ника как бы у самой себя.

— Не знаю. Ждать.

— Есть! — воскликнул Рэй. — Есть пароль.

— Ну, так залезай скорей! Надеюсь успеем.

Прямо на сервере, на котором подбирался пароль, Рэй запустил приложение, весь интерфейс которого состоял из огромного текстового поля вверху и разделенной надвое нижней полови-

ны окна, левая часть которой была предназначена для вывода таблиц, а правая была текстовой консолью. С тех пор, как сто сорок лет назад впервые появились реляционные базы данных, радикально менялись объемы информации, механизмы поиска, протоколы доступа, длины криптографических ключей и многое другое, но сама их структура и внешний вид инструментов для доступа к ним практически не претерпели изменений. Первым делом Рэй начал просматривать таблицы метаданных, то есть таблицы с информацией о самих таблицах и прочих объектах базы данных. По именам объектов Рэй пытался понять их назначение.

— Ты даже не представляешь себе что мы только что взломали, — сказал Рэй, разглядывая округлившимися глазами имена таблиц. — Это не просто судовой реестр. Это единая государственная база данных. Здесь все!

— Что «все»? — спросила Ника.

— Вообще все! Полицейские досье, кредитные истории, истории болезни, все биографии всех граждан. Если нас поймают, нам пипец.

— Но мы же ведь сделаем все аккуратно?

— Это пипец... Это пипец... — повторял Рэй.

— Ладно, нам все пока не нужно. Нам нужен судовой реестр.

Ника подкатила стул, не отрывая взгляда от монитора, и села рядом с Рэем. Даг сделал то же самое.

— Ты помнишь бортовой номер судна? — спросил Даг.

— Помню, — ответила Ника.

— Вот они, кажется, — суда, а вот их журналы, — разговаривал сам с собой Рэй. — Интересно, что из этого бортовой номер. Ага, вот он. На нем ограничение уникальности. Диктуй номер.

Ника продиктовала номер, и Рэй тут же ввел его в запрос. Запрос вернул одну запись.

— Вот ваш корабль.

— Да, похоже, это он. — В нетерпении, Ника взяла мышку, которой Рэй почти не пользовался, и сама прокрутила таблицу горизонтально. — Смотри, у него статус: «пропал без вести», и класс совпадает. Посмотри журнал его последнего рейса.

Последний рейс состоялся два года назад, и в колонке «цель», была обтекаемая запись: «Исследование Пояса черны». Корабль, похоже, был военным крейсером проданным армией и переоборудованным под ведение исследований. Он прослужил последнему

владельцу меньше года и за это время успел совершить всего две экспедиции к Поясу черны, последняя из которых закончилась гибелью. Цели первой и второй экспедиции совпадали. Более того, когда Рэй запросил все суда того же владельца, оказалось, что компания владела всего четырьмя кораблями, целью всех рейсов которых было всегда одно и то же. Похоже, компания-судовладелец, была какой-то узкоспециализированной исследовательской организацией, и, судя по тому, что компания покупала корабли вместо того, чтобы арендовать, организация, вероятнее всего, была закрытой.

— Хэррубб, как дела? — спросил Лей по связи.

— Все идет по плану: маркеры подменены. Громовержец, братья и бухгалтерша ликвидированы.

— Хорошо. Думал, я дам тебе отдохнуть?.. Ты должен сделать для меня одну вещь. Я дам тебе координаты, имя пользователя и пароль от одной базы данных, а ты достанешь из нее то, что я попрошу.

— Без проблем.

— Для начала, установи соединение с нашей маленькой сетью. Она называется «Тонкая нить». Попробуй, у тебя должно получиться. Если сигнал слишком слабый, скажи, я поправлю маршрутизатор.

Паук попытался установить соединение, но беспроводной интерфейс выдавал лишь десять процентов скорости. Этого было недостаточно для того, чтобы соединение было надежным.

— Учитель, все плохо. Нить действительно очень тонкая.

— Подожди секунду... Вихрь два, ты где висешь?

— Между двенадцатым и тринадцатым блоками, — прозвучало в эфире.

— Подлети ближе.

— Я и так близко.

— Видишь щель между блоками?

— Да.

— Так вот, ты должен в нее практически залететь.

— Подлетел. Пять метров — это край. Ближе, меня трести начинает. Поток отклоняется стеной.

— Понял тебя, спасибо... Хэррубб, как сеть?

— Сейчас лучше, — ответил хакер. — Что сделать-то надо?

Переданный Леем адрес оказался адресом государственной

базы данных Галеона. Лея, так же как и Нику, интересовал один пропавший без вести корабль, а точнее информация о выживших в этом рейсе. В сообщении от Лея помимо имени пользователя и пароля была подробная инструкция, указывавшая, что и откуда доставать. Имея бортовой номер судна, Паук быстро нашел информацию по нему, скопировал в ответное сообщение и нажал кнопку «Отправить».

— Готово. Все отослал, — отпартовал Паук.

— Спасибо, — ответил Лей.

«Интересная штука, — думал хакер. — Запись двухлетней давности, а вычиталась мгновенно, как будто лежит в кэше первого уровня — странно... Список членов экипажа грузился долго, — сразу видно из архива, — а запись о самом судне... Странно... — Любопытство овладело Пауком. — К журналу аудита мы доступ имеем? Имеем... Сейчас посмотрим... Ага...»

За последний час к судовому реестру было всего пара десятков обращений, среди которых некоторые показались Пауку весьма странными. Несколько раз доступ к таблице осуществлялся от имени администратора базы данных. Эта, самая привилегированная учетная запись, была предназначена в основном для работ по техническому обслуживанию базы, но ни как не для обращений к данным. Значившийся в журнальной записи текст запроса поразил Паука еще больше. Кто-то только что искал в реестре корабль по тому же судовому номеру. Быстро заглянув в таблицу сеансов, Паук увидел, что сеанс администратора базы данных еще активен.

— Ты кто? — отобразилось в консоли Рэя.

— Черт, нас попалили! — воскликнул Рэй. — Хотя нет, подожди.

— Что случилось? — спросила Ника.

— Да так, ничего. База данных со мной разговаривает.

В сообщении было имя пользователя, по которому Рэй быстро определил его идентификатор сеанса и отослал ответ тем же способом.

— А ты кто? — отобразилось на мониторе Паука.

«Смышленный малый», — подумал Паук.

— Ты пришелец? — написал Паук на катонийском в алларийской транслитерации.

— Да, — ответил Рэй так же на катонийском.

- Корректировался?
- Да.
- В Акуре?
- Да. А ты?
- Я тоже. Мию Саккаари знаешь?
- Конечно, она там начальник по воспитательной работе.
- Верно. На кого работаешь?
- На посольство. А ты — разведка?
- Не важно. Зачем тебе этот корабль?
- А тебе зачем?
- Мне приказали.
- А меня попросили.
- Кто?
- Ты все равно ее не знаешь. Послушай, здесь, в посольстве, граждане Земли обетованной незаконно удерживаются. Вы в курсе?
- Подожди, не исчезай. Я поговорю с начальством.
- Учитель Лей, вы меня слышите? — произнес Паук в эфир.
- Слышу, что случилось?
- Мы тут не одни тем судном интересуемся. Только что ту же информацию запрашивал какой-то хакер из нашего посольства. Он — пришелец, проходил коррекцию в Акуре.
- А, Рэй Сёгой, знаю такого, — ответил Лей. — А зачем ему судно-то?
- Говорит, его попросила какая-то девушка. Вроде как она — гражданка Страны пришельцев, и ее незаконно удерживают в посольстве.
- Интересно... А как зовут девушку?
- Сейчас поинтересуюсь.
- Паук замолчал на какое-то время, после чего ответил: «Значит так, граждане: Ника Пикали и Даг Кодт».
- «Вот они где! Нашлись!» — мысленно воскликнул Лей. — Теперь все понятно. Это наши. Все нормально. Знаешь что сделай — я не знаю, как вы там связываетесь, но скажи ему, чтобы был на связи. Он нам должен помочь.
- Понял.
- А ты пока вот что сделай. Достань мне из полицейской базы паспортные данные и фотографию того единственного члена экипажа, который не значится пропавшем без вести в том списке,

что ты мне прислал до этого.

— А инструкции дадите?

— А вот инструкций на это у меня нет. Придется самому разобраться.

— Разберемся, — ответил Паук, отсылая сообщение Рэю.

— Все понятно. Пока военные штурмуют здание, наши хакеры тырят нужные разведке данные, пока есть такая возможность, — сказал Рэй, дочитав последнее сообщение от Паука и не без гордости добавил: — Может быть, и меня попросят помочь.

— Тогда, пока они тебя не заняли, — сказала Ника, — удовлетвори мое любопытство еще раз. Найди, пожалуйста, список членов экипажа этого судна.

— Без проблем, — ответил Рэй.

После запроса Паука на те же данные, список членов экипажа отобразился достаточно быстро. На корабле летело двадцать два человека, большинство из которых были учеными. Что-то в этом списке заинтересовало Нику. Она взяла мышку и отсорттировала его по должности.

— Странная должность — «Проводник», — проговорила Ника. — Что это может значить?.. А можешь достать списки членов экипажа всех рейсов, всех судов этой компании?

— Без проблем, — ответил Рэй.

Он понял ход мыслей Ники и сразу сформулировал запрос таким образом, чтобы найти всех «проводников» на рейсах компании. Оказалось, что во всех экспедициях участвовал такой человек, и имя его было Арктури Сарс. Однако вряд ли оно было настоящим. Дело в том, что имя это было сочетанием самых распространенных в Аллории имени и фамилии. Так в анекдотах обычно звали шпионов, а выражение «стать Арктури Сарсом» означало на Галеоне — залечь на дно, затеряться.

— Загадочный тип, — произнесла Ника.

— Хочешь, попробуем найти его по фотографии?

— А это возможно?

— Конечно возможно. Есть такая технология поиска: вначале фотография анализируется специальной программой, потом программа строит модель лица. Сравнивая эти модели при помощи специальной формулы, можно найти коэффициент похожести. Сложнее всего распознать фотографию и построить модель. Собственно фотографии сами лежат в отдельном хранилище, а

таблицы ссылаются на них ключами, которые и есть те самые модели.

— Ну, попробуй. Было бы любопытно.

— Правда это потребует времени. Мне нужно будет разобраться, как лежат данные в полицейской базе.

Тем временем, Паук в схеме полицейской базы уже разобрался, и, достав все необходимые данные о выжившем члене экипажа, привел их в удобочитаемый вид и отослал Лею. Глаза старика округлились, когда он увидел фотографию этого человека.

— Вот черт! — тихо произнес Лей и, схватив ноутбук, спешно покинул штаб, даже не дочитав досье до конца.

Прогремили залпы танковых орудий, и стена периметра Башни Империи, к югу от главного входа, превратилась в грудку камней окутанную облаком бетонной пыли. Под вой сигнализаций, доносившийся со всех сторон, две БМД ворвались на территорию. Одна ехала чуть впереди, расстреливая патрульных роботов, а вторая длинными очередями поливала центральный холл здания. Прогрело еще два танковых залпа, и в это же мгновение в здание влетело несколько дымовых шашек. Вскоре, из второго облака пыли появилась колонна солдат. Попад на территорию, солдаты группами по пять-шесть человек перебежали к стене Башни и вдоль нее аккуратно продвигались к огромным дверям парадного входа. Вереница из сотен бойцов тянулась от Башни Империи через сквер к стене периметра, а от нее через улицу в парк, к ближайшей станции метро. Впереди — штурмовые отряды десанта, чуть позади — медики и члены движения сопротивления с ящиками боеприпасов и гранат. Задачей последних была организация передвижных опорных баз внутри здания. Фыркнув, БМД разогнались и, взмыв по ступенькам перед главным входом, пробили массивные двери здания. Тут же из холла в них полетело несколько осколочных гранат. Медленно отходя, БМД стреляли из пулеметов в дым — туда, откуда прилетели гранаты. Десантники начали входить в здание, послышались выстрелы. Чтобы открыть проезд машинам скорой помощи, которых у входа выстроились десятки, БМД, разогнавшись задним ходом, врезалась в укрепленные стальные ворота, но с первого раза лишь погнула их. Четыре подхода потребовалось для того, чтобы сорвать их с бетонных стен, и тут же появилась первая

жертва штурма. Ею оказался молодой оператор одной из алларийских телекомпаний. Ударом стальных ворот его откинуло на несколько метров, и лишь массивная камера, закрыв голову, спасла ему жизнь.

Поболтав за дверью какое-то время, Ника и Даг вошли в кабинет Рэя.

— Это пипец! Это пипец! — повторял Рэй. — Что мы нашли — это пипец.

— Ну что там? Что там? — с нетерпением спрашивала Ника, подсев к Рэю.

— Короче, существует два паспорта с одной и той же фотографией, но принадлежащие абсолютно разным людям.

— Может это близнецы какие-нибудь? — заметил Даг.

— Да хоть клоны. Здесь фотографии попиксельно идентичные!

— Ну ладно, — сказал Ника. — Давай дальше.

— Первый паспорт принадлежит пилоту Галеон-Логистика осужденному и казненному за убийство. Приговор приведен в исполнение за две недели до первой экспедиции компании Тайновидение, в которой работал владелец второго паспорта. Паспорт гражданину Арктури Сарсу выдан за три дня до экспедиции, в которой он участвовал как этот самый «проводник».

— Ни фиги себе, — произнес Даг. — Лихо ребята работают.

— Я все поняла... — произнесла Ника, отрешенно уставившись в стену. — Я все поняла... Проводник — это тот, кто отпугивает демонов. Предыдущий проводник погиб. Теперь проводник — я. — Ника посмотрела Дагу в глаза. — Тот человек был пилотом. Он нашел ту же штуку, что и мы с тобой. Кто-то об этом узнал и сделал из него амулет — прибор для защиты корабля от демонов. Судя по тому, что его пришлось обвинить в убийстве, сделано это было против его воли. Теперь они ищут меня, чтобы сделать из меня то же самое. Помнишь, по какому обвинению мы здесь? — терроризм, убийство солдат, угон бомбардировщика... Этого достаточно для смертного приговора.

— Не волнуйся. — Даг обнял Нику за плечо. — Не думаю, что захват Цитадели входил в их планы. Сейчас наши войска захватят здание, и мы вернемся домой.

— Куда домой? Ты видел, что сейчас творится на Хаммэ? — Ника крепко обняла Дага и заплакала.

— Ну, вот видишь, там сейчас много работы для спасателей. Ну... Не раскисай. Все будет хорошо.

— Моя новая способность там очень сильно бы пригодилась, — ответила Ника.

Кабинет президента, находившийся в соседнем блоке, не был похож на подобные кабинеты в Аллarii, Нигории, в Стране пришельцев и в других современных республиках — скорее он походил на тронный зал, и как тронный зал состоял из двух частей: приватной — в которой владелец кабинета уединялся, и никто не смел его беспокоить, а также публичной — огромной и помпезно обставленной — той, куда попадали посетители. «Чем ничтожней царь, тем величественней трон», — говорили в Катонии, но галеонцы не знали катонийских поговорок. Пройдя сквозь массивную двустворчатую дверь из резного дерева, посетитель попадал в прямоугольный, не очень длинный, зал. От двери к столу из красного дерева по черному глянцевоу каменному полу тянулась зеленая ковровая дорожка с вышитыми настоящим золотом тиграми по краям. Из того же черного камня были сделаны шесть колонн шедших вдоль дорожки. Колонны были выстроены таким образом, что скрывали от взгляда входящего большую часть кабинета — ту часть, в которой должна была находиться охрана. Стол немного расширялся от президента к посетителю, а кресло посетителя было ниже и немного шире президентского, от чего гость визуальнo казался меньше.

Премьер-министр Кронг сидел в кресле президента и взглядом, от которого, бывало, у собеседника отказывало сердце, смотрел на своего заместителя Борга.

— Видели, что твориться в Цитадели?.. — спросил Кронг спокойным голосом. — Это все ваша вина. Где ваша «молниеносная атака»? Почему я не вижу сообщений о том, что проклятое подземелье наполняется одержимыми?

— Понимаете, бесы не живут долго вне носителя. Обычно их разносят голлемы, но с голлемами сложно... Мы могли бы специально заражать ими людей, — в смысле бесами, — но это сложно сделать незаметно.

— Меня не интересуют ваши проблемы! — резко прервал вице-премьера Кронг. — Мы разве дали вам мало времени на подготовку? Мы за два месяца собрали армию, оснастили ее незаметно

для Титана, а перед вами стояла простейшая задача — доставить кучку бесов в города врага, и вы с этим не справились.

— Ну, вы же понимаете, это же ведь демоны. С ними всегда все идет не так. У нас были постоянные утечки...

— Утечки! Кстати, об утечках. Мне все это время не давал покоя один вопрос. У меня никак не сходилось то, на что вы, судя по отчетам, тратили деньги с теми суммами, которые мы вам выделяли. И вот, недавно я просмотрел вашу бухгалтерию, — я потратил время и сделал это лично, — интересная вещь оказалась, почему-то все продавали вам все по ценам в полтора-два раза выше, чем всем остальным. Как вы, например, умудрились купить списанный крейсер по цене нового танкера?

— Ну, вы же знаете, в какой стране мы живем...

— Это вы мне рассказываете, в какой стране я живу! — расшвыривая, прокричал Кронг. — Это вы, похоже, забыли, где вы живете!

Кронг достал пистолет и направил его в Борга.

— Я все верну, — заикаясь, еле выговорил Борг. — Мы же цивилизованные люди.

— Что ты вернешь? Что ты, падла, вернешь! Наша родина — страна, которую строили наши отцы и деды, под сапогом врага! Ты, падла, деньги наворованные в алларийские банки переводил. Зачем? Потому что ожидал, что так все будет? Свалить собирался?

— Это... Это семье, детям...

— Ты — предатель. Таких как ты в войну штабелями клали и танками давили.

За дверью раздался звук очереди тяжелого пулемета. Кронг поднял дуло пистолета вверх, встал из-за стола и медленно пошел к двери. Огонь открыл охранявший кабинет Сатур по метнувшему в него что-то Маму́. Что именно метнул в него ликвидатор, облаченный в массивную броню Сатур разглядеть не мог. Он попытался стряхнуть то, что попало ему в район живота, но безуспешно. Бронированная дверь в кабинет президента была заперта, и Сатур решил преследовать нападавшего. Ловкий Маму́ с легкостью уворачивался от огня неуклюжего Сатура, двигаясь из центра здания к внешней стене так, что, в конце концов, колдун оказался в длинном коридоре, где вместо одной из стен было сплошное окно. Сатур сделал лишь два шага, как внезапно

осыпалось стекло, и ворвавшиеся в помещение пули пригвоздили колдуна к стене, усыпав ковер яркими искрами. Прицелившись по установленному ликвидатором маяку, Сатура расстреляло висевшее неподалеку блюдо.

Когда в эфире прозвучало: «Минус громила», — Ильга пряталась от стрелявшего в нее Кронга за одной из колонн в кабинете президента. Все произошло очень быстро. Через открытую Кронгом дверь Ильга влетела в кабинет и, выбив пистолет у него из рук, направилась к Боргу, но тот при помощи телекинеза подтолкнул пистолет обратно к Кронгу. Ильге пришлось, уворачиваясь от выстрелов, спрятаться за колонной. Кронг был в перчатках, поэтому нагревание пистолета было бесполезно, а просто взорвать его Ильга не могла, поскольку премьер-министра было приказано взять живым. За колонной с противоположной стороны зала стоял Борг. Он изо всех сил при помощи магии нагнетал в Кронге ярость в надежде, что тот, рассвирепев, бросится на убийцу и сам будет убит. Вдруг что-то звякнуло об пол. Борг выглянул из-за колонны и увидел, что ликвидатор бросил под ноги Кронга свой меч. В затуманенном рассудке премьер выбросил пистолет, схватил меч и бросился на Ильгу, чего та только и ждала. Отведя неумелый удар в сторону, она перебросила Кронга через себя от чего тот, сломав бедренную кость, лишился возможности ходить. Борг выбежал из-за колонны, схватил с пола пистолет и с криком направил его в ликвидатора, но в ту же секунду пистолет взорвался, и через мгновение голова Борга покатилась по полу.

— Минус министр, — сказала в эфир Ильга, надев наручники на Кронга.

— Еще колдунья и по домам, — ответил ей Маму́. — Кто-нибудь знает, где она?

— Дзубб, Кьюли́н, где вы? Мы на последнем этаже.

— Мы поднимаемся к вам.

— Хану́?

— Рядом с вами. На последнем этаже.

— Я тоже поднимаюсь, — ответила Ханорб.

Ильга отвела взгляд от обезглавленного тела Борга и подняла глаза от того, что почувствовала, как подул будто бы легкий ветерок, но не обычный, а тот, который пронизывает тело насквозь, и который способен чувствовать только маги. Ветерок дул по полу, от тела убитого Борга в коридор, где стояла

колдунья. Всем своим видом она отличалась от тех, кто на Галеоне называл себя темными магами. Ее одежда скрывала тело так тщательно, как будто женщина действительно боялась света. Рукава ее черной шелковой накидки, надетой поверх черной теплой водолазки, заканчивались чуть ниже локтя. Руки колдуньи были облачены в кожаные перчатки до локтя. Из-под плотного кожаного корсета до самых щиколоток спускались брюки-юбка, скрывавшие движения ног. Открытой оставалась лишь нижняя часть лица, которая была едва заметна в пышном платке, из-под которого через все лицо свисал белокурый локон. На колдунье не было ни украшений, ни каких либо других символов статуса, и даже меч, висевший у нее на поясе, не имел никаких украшений и узоров. Однако, именно эта простота в сочетании с нечеловеческой силой магии, которая ощущалась в этой женщине, создавали впечатление, от которого Ильге на мгновение показалось, что само воплощение тьмы стоит перед ней.

— Это Шши́ла. Ведьма передо мной. Кабинет президента.

Ильге нужно было принять решение — атаковать или выждать. «Хану́ появится с минуты на минуту, Маму́ тоже недалеко, жаль Дзубб не успеет, — думала Ильга. Она никогда не была хорошей фехтовальщицей, поэтому мысль, начать бой в одиночку, ее пугала. — Приклеюсь к ней. Будет нападать — отступлю, будет убегать — догоню. Только бы Хану́ успела...»

Колдунья, между тем, стояла не предпринимая ни каких действий.

Хану́ и Маму́ подросли почти одновременно. Уже с обнаженным мечом Люка появилась в том коридоре, который шел по прямой непосредственно от кабинета президента, и потому могла видеть за колдуньей оцепеневшую Ильгу. Однако Маму́ оказался в коридоре перпендикулярном и видел лишь женщину в черном, стоящую перед открытой дверью. В замешательстве, Маму́ замер, а не привыкшая раздумывать Люка сразу же бросилась в атаку. Услышав шаги, Маму́ понял, что кто-то из своих атакует, но, не обладая достаточно тонким чувством магии, он не мог рассчитать время одновременной атаки и, чтобы не создать неразберихи, решил атаковать вторым. Ильга, однако, все видела и решила помочь подруге. Когда Люка была уже в нескольких метрах, колдунья резко развернулась, обхватив рукоятку меча. Выхватить его из ножен, чтобы отразить удар колдунья уже не

успевала, но она и не собиралась — она слегка присела, и меч Люки горизонтально пролетел в сантиметре от ее головы, от чего Ильге пришлось блокировать эту неудачную атаку. Мечи ликвидаторов звякнули друг о друга, Ильга покачнулась, выставленный назад меч колдуньи пронзал ее в живот. Все произошло так быстро, что Маму́ даже не успел среагировать. Колдунья выдержала меч и, развернувшись, встала в защитную стойку, а Ильга упала, свернувшись от ужасной боли. Став в стойку, Люка, казалось, не обратила внимания на ранение подруги. Маму́ подоспел через пару секунд, и против колдуньи снова стояло два ликвидатора, но вместо того, чтобы продолжать бой, она спрятала меч и быстро убежала по коридору, повернув в сторону лифтов.

Как только колдунья скрылась, Люка припала к Ильге и начала переворачивать ее на спину.

— Маму́, помоги мне! — кричала Люка. — Колдуй обезболивание! Что стоишь?

— Ага, — буркнул Маму́, сел на колени и обнял руками голову Ильги.

Люка взяла свой меч, оттянула гарду в сторону лезвия, повернула ее на сто восемьдесят градусов и вставила обратно, переключив, тем самым, меч в так называемый «святой» режим. Рукоятка меча в этом режиме концентрировала магию, а лезвие — распыляло, становясь смертоносным для демонов, но кроме этого, меч в «святом» режиме можно было применять для лечения ран.

— Ты колдуешь? — строго спросила Люка.

— Как могу. Не мешай.

Люка села Ильге на ноги и занесла меч над животом.

— Держи ей руки, — сказала она. — Потерпи, девочка моя, сейчас будет немного больно.

Люка медленно вводила меч в рану, крепко сжимая ногами ноги подруги, а Маму́ прижимал руки Ильги к полу, держа коленями голову.

— Не шевелись, а то больше будет, — говорила Люка, вытягивая меч обратно и прижимая живот подруги рукой.

От боли Ильга потеряла сознание. Вытащив меч, Люка проверила пульс.

— Ты колдовал? — спросила Люка.

— Колдовал, — ответил Маму́.

— Хреновый ты колдун. Положи руки ей на живот и колдуй исцеление. Следи за пульсом.

Спрятав меч, Люка направилась к лифтам.

— Ты куда? — спросил Маму́.

— На разведку. А ты колдуй!

С ноутбуком подмышкой, Лей решительной походкой шел к одному из вертолетов, стоявшему на поляне сквера вблизи отеля Первый. Рядом шла Джута, снова одетая в черный комбинезон пилота.

— Ты же понимаешь, — говорил Лей, — пилотов мало, а то, что нужно сделать, не входило в планы.

— А что нужно сделать-то?

— Да сущий пустяк. Подняться и забрать с вертолетной площадки Башни Империи нескольких человек. Ты, кстати, их знаешь. Они тебя подбирали на Фокосе. С ними ты летала на Титан.

— А, так вы их нашли!

— С ними еще несколько человек.

Лей пропустил вперед Джуту, прошел в салон сам и захлопнул за собой дверь, после чего расположился с ноутбуком за столиком в салоне.

— Смотри, вот сюда тебе нужно сесть. — Лей развернул ноутбук к Джуте, указывая пальцем на фотографии со спутника одну из вертолетных площадок Башни Империи.

— Четвертая площадка. Я поняла.

— Подожди. Взлетишь, когда я скажу. — Лей включил передатчик и начал говорить в него на катонийском. — Паук. Паук, ответь.

Джуте вновь стало немного не по себе от осознания того, что она работает на людей, чей язык не понимает, от чего сомнения и страх снова закрадывались к ней в душу.

— Слышу вас, — ответил Паук.

— Ты еще на связи с хакером из посольства?

— В принципе, да. Вопрос — на связи ли он.

— Свяжись с ним. Скажи, что он должен немного послужить родине. Пускай соберет всех пришельцев в посольстве — Нику Пикали и всю ее команду. Пускай выведет их всех на вертолетную площадку прямо над посольством.

— Понял. Сейчас свяжусь.

— Когда ответит, доложи.

Рэй с энтузиазмом воспринял данное ему поручение. Он, хотя и не разделял с пришельцами многих убеждений и ценностей, тем не менее, как и любой пришелец, Рэй в глубине души был патриотом, и ощущение того, что в событиях решающих судьбу Земли обетованной он лично принимает участие, вдохновляло его. В баре Рэй нашел только Лис и Дага. Сообщив им, что нужно делать, Рэй пошел искать Сайдара.

— Где Ника? — спросил Даг у Лис.

— Я знаю, где она. Я за ней сбегая, — ответила Лис и оставила Дага одного.

Началась неразбериха. Суетясь, все искали друг друга, постоянно разделяясь и снова собираясь в группы. Наконец договорились встретиться возле лифта, а вертолет, тем временем, уже заходил на посадку. В конечном итоге так получилось, что последними оставались Ника и Рэй.

Рэй положил в сумку ноутбук и побросал кое-как все необходимые провода, после чего неуклюже натянул на себя зимнюю куртку и с большим трудом переобулся. Он вышел из своей коморки и направился в сторону лифтов, но резко замер, когда прямо перед ним с лестничной площадки в коридор ворвались четверо наемников, одетых в серую пятнистую галеонскую форму. Они были вооружены штурмовыми винтовками, за спинами у всех были парашюты. Они вошли так, как будто штурмовали захваченное врагом помещение.

— Эй, толстый, — крикнул один из них. — Подойди сюда.

Перепуганный Рэй подошел ближе.

— Тут есть кто? — спросил боец, который, должно быть, был среди четверых главным.

— Нет никого, — ответил Рэй.

— А ты кто?

— Я?.. Администратор... Администратор домена.

— А еще кто есть?

— Не... Нет, — ответил Рэй после некоторой паузы. — Не знаю...

Тем временем один из бойцов разглядывал план помещения на своем портативном компьютере.

— Я знаю, где она, пойдете, — сказал он.

— А с этим что делать? — спросил один из бойцов.

— Да хрен с ним! — сказал главный. — Пошли быстрее. Времени нет.

Бойцы скрылись в коридоре гостиницы, а Рэй, по-пингвины переваливаясь с боку набок, побежал к лифтам.

Все уже стояли в кабине лифта, а Даг, прижавшись спиной, держал дверь.

— Там какие-то солдаты, — полушепотом произнес перепуганный Рэй.

— Какие солдаты? — встревожено спросил Даг. — Наши или галеонские?

— Галеонские. Они, похоже, ищут вас.

— Не нас они ищут, а Нику, — сказал Даг и, задумавшись, отвел взгляд от Рэя.

— Я задержу их! — неожиданно воскликнул Марчи и выбежал из лифта.

— Куда ты? — Даг схватил его за руку. — Кого ты задержишь?..

— Сколько их? — спросил Марчи, обращаясь к Рэю.

— Четверо, — ответил Рэй. — Они вооружены.

Марчи выкрутился из захвата и побежал по коридору. Даг хотел было остановить его, но картина из прошлого вдруг ясно и детально предстала перед его глазами. Он вспомнил лайнер Восход, и как побежал за Никой, когда та была в опасности, и как Зэн пытался остановить его.

— Следуйте к вертолету. Ждите нас, — сказал Даг и, нажав на кнопку лифта, остался снаружи.

Открыв второй лифт, Даг начал держать дверь, чтобы иметь возможность уехать всем втроем, как только Марчи приведет Нику.

Марчи застал наемников, когда те уже вели Нику по коридору в сторону лифтов, планируя, должно быть, уйти через крышу. Окруженная четырьмя бойцами, испуганная Ника шла смиренно и не сопротивлялась. Марчи появился в такой близости, что бойцы не успели среагировать. Он ворвался между ними, схватил Нику за воротник куртки и, резко развернув, выбросил ее из их окружения.

— Беги! — крикнул Марчи.

Успев сгруппироваться, Ника почти не пострадала при падении. Вставая, она успела взглянуть в глаза Марчи перед тем,

как он ударил одного из наемников локтем в челюсть, а второго, развернувшись, подбил ногой под колени. Завязалась драка. Ника попятилась, не отводя взгляда от Марчи. Ей с одной стороны не хотелось оставлять его, но с другой — его поступок остался бы бесполезным, если бы она не убежала. Ника развернулась и побежала так быстро, как позволяли ей сапоги на высокой шпильке. Раздался выстрел. Ника вздрогнула, как будто пуля попала в нее, остановилась, и на глазах ее проступили слезы. Ноги ослабли, из-за слез все расплывалось в глазах, но надо было бежать. И Ника бежала до тех пор, пока путь ей не преградил один из наемников; второй — преследовал Нику сзади. В тяжелом снаряжении они не могли бежать быстро, да и не хотели. По их ощущению Нике было некуда деваться. Она была зажата в угол у кабинета администратора. Единственным не перекрытым выходом была отсутствовавшая дверь шахты лифта. Ника подошла к ней и заглянула внутрь. Дверь вела в широкую трубу диаметром в десять метров называемую стержнем. Шесть каркасов, по которым двигались расположенные по кругу лифты, были стянуты через центр стержня тонкой, но прочной арматурой. Увидев, что Ника рассматривает шахту, наемники прибавили шаг, и едва не успели схватить ее, но ловкая Ника без труда перелезла по каркасу и через мгновение оказалась на арматуре, ширины которой едва хватало для того, чтобы уместить шпильки ее сапог. Наемники уже не могли достать Нику. Стоя лицом к двери, она сделала два шага назад и остановилась в самом центре трубы.

Стержень Башни Империи, освещенный тусклым желтоватым светом, к низу уходил как будто в бесконечность, сжимаясь в черную точку, а вверх закачивался отверстием, в котором виднелись освещенные городскими огнями серые облака. Снизу дул легкий теплый ветерок, пахнувший пылью и горячей проводкой. Завывания ветра, спускаясь сверху, сливались воедино со странными звуками, доносившимися снизу, из темноты, словно из преисподней. Звон, урчание, низкий гул, — то были многократно отраженные и смешавшиеся друг с другом звуки выстрелов и взрывов, крики и стоны людей.

Трое из четверых наемников собрались у шахты лифта, не зная, что делать.

— Эй, ты что! Не надо прыгать, — испуганно и растерянно проговорил тот, что был главным.

Ника промолчала. Ей совершенно не хотелось говорить с этими людьми.

— Послушай, мы не собираемся тебя убивать, — добавил тот, который после столкновения с Марчи хромал.

— Подумай сама, — сказал главный. — Сейчас пришельцы поднимутся, тут такой замес начнется!

— Да, а мы тебя выведем.

«Упасть с каната — достойная смерть для циркачки», — думала Ника, и от этого ей хотелось плакать еще сильнее.

В кармане Ники запищал коммуникатор. Она нажала на кнопку гарнитуры, висевшей у нее в ухе, и услышала голос Дага.

— Ты где?

— Я в какой-то трубе. Наверное, в центре здания, — ответила Ника на катонийском, чтобы не поняли наемники.

— Ты плачешь? Что с тобой?

— Марчи убили.

— Марчи ранен. Он со мной. Ты прячешься в стержне? Где именно?

— В самом центре. Уходите без меня. Со мной все будет хорошо. Наши поднимутся и освободят меня. А вы уходите. Найди Лея. Расскажи ему, что произошло.

— Я все понял, — ответил Даг после некоторой паузы. — Оставайся, где сейчас находишься. Помощь скоро будет.

Тусклый свет, высота, круг, нечто тонкое под ногами, — все это были воспоминания Ники о цирке — воспоминания ее далекого детства, которые теперь всплывали в ее памяти одно за другим. Она даже вспомнила лицо своего настоящего отца — как будто он стоял перед ней, и она мысленно благодарила его за то, что он научил ее ходить по канату. Воспоминания о родителях были так далеки, что уже не причиняли боли, а только тепло и радость. Мысли о них неизбежно навевали воспоминания о Даге, который был единственным человеком, связывавшем ее прежнюю и нынешнюю жизнь. Лишь отдельные картины, смутные образы всплывали в памяти Ники, становясь тем четче, чем ближе события подходили к сегодняшнему дню. Ника вспоминала испуганный взгляд Дага в минуты, когда ей грозила опасность, вспоминала его заботу и любовь, которая всегда была с ней так незаметно, что она воспринимала ее как данность. И это была не братская любовь, она появилась еще до того, как Ника и Даг

породнились. Это была детская влюбленность выросшая вместе с Дагом во взрослую любовь мужчины к женщине — любовь всей его жизни. Только сейчас Ника это поняла.

Наемники уже ушли, но Ника по прежнему стояла на арматуре, опасаясь, что их уход — это лишь уловка. Боковым зрением она вдруг увидела тень. Что-то медленно спускалось у нее за спиной.

— Подними руки, — остановившись, сказала тень голосом Дага.

Ника сделала, как он попросил, и его сильные руки, нежно обняв Нику, застегнули на ней карабин. Ника почувствовала себя так уютно, как будто вернулась домой.

— Поднимай, — скомандовал Даг в коммуникатор, и трос медленно потянул его с Никой вверх.

Даг спустился непосредственно с вертолета, посланного для эвакуации посольства. Со стороны, из другого вертолета, за процессом наблюдал Лей. Джута докладывала ему, поэтому он был в курсе происходящего.

— Подлети ближе, — скомандовал Лей пилоту.

— Не могу, — ответил тот. — Странное явление — как будто огромный торнадо спустился на здание. Вся крыша находится в его воронке.

— Но здесь не бывает торнадо, тем более в это время года.

— Вот и я о чем говорю. Оно не двигается, что тоже очень странно.

Почти одновременно о том же самом доложила Джута.

Оно появилось внезапно. Вначале легкий, медленно падающий, снег начал закручиваться у вершины Башни Империи в спираль, которая, стремительно ускоряясь, быстро превратилась в возвышающейся до небес столб. Его вершина была увенчана воронкой, в которую опускались облака, образуя на ровной серой пелене заметную выпуклость. В своем движении, отдельные снежинки слились в сплошной белый туман. Вертолет Джуты оказался заточенным в центре этого урагана, где было относительно спокойно.

Ника и Даг, тем временем, уже показались из стержня.

— Смотри! — сказала Ника, указывая пальцем на одну из вертолетных площадок. — Это та женщина, помнишь, которая разглядывала нас на орбитальной станции.

— Да, похожа. Вроде она.

— Да, точно она!

Колдунья стояла в центре одной из вертолетных площадок лицом к стержню, держа левую руку на мече в районе гарды. Из-за ее больших очков было непонятно, наблюдает ли она за Никой и Дагом или медитирует, закрыв глаза. Тем временем, Люка наблюдала за колдуньей из двери, принимая сложное тактическое решение: «Дождаться остальных или идти самой? Приказ был атаковать всем вместе, но есть ли в этом смысл? Если атаковать в одиночку, то какую тактику применять?..» Люка вспомнила легенду, которую прочитала в одной из древних книг. Одного катонийского командира, отступавшего с небольшим отрядом солдат, застал врасплох отряд противника превосходящей численности. Солдаты бросились убежать, и лишь их офицер не сдвинулся с места. Он обнажил меч и вышел один против целого строя. Окружив командира, враги атаковали со всех сторон, но тот уворачивался от их ударов, так что противники кололи и рубили друг друга, но никак не могли попасть в него. Командир внес неразбериху в ряды противника. Солдаты наталкивались друг на друга, спотыкались, а он порхал между ними, и все больше и больше изрезанных тел и отрубленных кистей падало на землю... В конце концов, они убили командира, но потеряли при этом больше половины бойцов. В схватке с мастером боя против нескольких противников, численное превосходство могло оказаться слабостью. Колдунья была таким мастером, и это все, что было известно Люке о ней.

Люка вышла на площадку с обнаженным мечем, и колдунья, обнажив свой, повернулась к ней лицом как будто только и ждала ее выхода. Люка подошла ближе, но колдунья не сдвинулась с места. Низким воем завывал ветер. Должно быть, колдунья смотрела Люке в глаза, которые не видела за маской, а Люка смотрела в скрытые очками глаза колдуньи. Между ними равнодушно плавно падал снег. Люка ходила кругами, медленно сжимая их вокруг колдуньи, и та постепенно принимала защитную стойку, не спуская глаз с юной ведьмы. Люка уже ясно видела губы колдуньи, которые не выражали не единой эмоции. Столь же безразличное лицо Люки было скрыто маской. Люка меняла стойки, то опускала, то поднимала меч, и хотя колдунья не совершала не единого ответного движения, своим ведьминым чутьем

Люка ощущала, что скорее колдунья контролирует этот бой, чем наоборот. Люка бросилась в атаку, сделала ложное движение, отразила удар, совершила пируэт, еще удар, и, припав на колено, замерла. Колдунья, стоя к ней спиной, опустила меч. В следующее мгновение капли крови упали с клинка Люки, и колдунья, покачнувшись, рухнула в ту же секунду.

Люка встала, обернулась и, выставив меч перед собой, внезапно обнаружила, что его гарда повернута серебристой частью вверх, а золотой вниз, и это означало то, что меч переключен в «святой» режим. Едва ли в этом режиме можно было нанести человеку, а тем более магу, хоть сколько-нибудь серьезную рану, но колдунья, тем не менее, лежала недвижно. При помощи телекинеза, Люка подтащила меч колдуньи к себе и, не спуская с нее взгляда, резко отбросила его пяткой назад. Люка быстро переключила меч, но, подойдя ближе, вдруг почувствовала, что из тела колдуньи стремительно рассеивается магия, как если бы та была мертва. «Не может быть! — думала Люка, — Этого не может быть! Это какой-то фокус...» Ветер постепенно стихал. Смерч, окружавший здание, становился все шире и вскоре вовсе прекратился. Колдунья лежала лицом вниз, а из-под ее развязавшегося платка выдавался в сторону светлый локон. Влекомая любопытством Люка, осторожно подойдя, перевернула колдунью на спину, и в ту же секунду как будто молния пронзила юную ведьму. Только сейчас она смогла рассмотреть лицо колдуньи. Из-под разбитых очков виднелся тонкий, едва заметный, шрам на брови. Дрожащей рукой Люка сняла с колдуньи очки, и увидела лицо своей матери — Эды.

Люка отшатнулась от нее, встряхнула головой, оперлась на меч, попыталась встать, но не смогла, припала на колено, и тут же завалилась на спину. Дальше все было как в тумане: прибежавшие Маму́, Дзубб и Кюли́н, стрекотание вертолета, голос Лея: «Берите ее! Заносите в вертолет!.. Ханорб, быстрее! Где ты ходишь!.. Помогите Хану...» Двое подхватили Люку под руки, говорили что-то на ухо то слева, то справа... Люка не понимала их слов. Все окружавшие ее звуки сливались в бесформенный бессмысленный шум. Каким-то образом она оказалась в вертолете, сидящей в самом углу салона. Кто-то начал снимать с нее маску. В следующее мгновение Люка увидела перед собой Зэна.

— Как ты? Не ранена? — спрашивал он.

«Откуда тут Зэн?.. — думала Люка. — Это какой-то бред. Этого не может быть. Этого всего не может быть... Должно быть, колдунья ранила меня, и я нахожусь в коме... Все это мне снится... Этого не может быть».

Зэна оттеснил в сторону Лей.

— Девочка моя, соберись. — Лей взял Люку за щеки. — Твоя мать жива. Я сам узнал об этом несколько минут назад. Ты должна помочь ей. Вместе мы справимся. Иди сюда.

Лей подвел Люку к лежавшему в центре салона телу Эды, вокруг которого уже сидел весь отряд ликвидаторов. Ханорó держала на руках голову Эды, применяя особое колдовство позволявшее замедлить необратимое разрушение мозговых тканей в случае остановки сердца; Шशीла из последних сил прощупывала при помощи магии рану, чтобы оценить повреждения; Кюли́н останавливал кровотечение; Маму́ сидел за Шशीлой и просто отдавал ей свою магию; Дзубó переключал короткий меч в «святой» режим.

— Люка, стимулируй выработку крови, — сказал Лей, садясь на колени перед Эдой. — Кюли́н, держи артерию. Шशीла, передохни пока. Зэн, колдуй просто исцеление.

Глядя на Эду, Зэн никак не мог отделаться от мыслей об их последнем расставании. Все сразу всплыло в памяти — их скандалы, ее оскорбления... Он закрыл глаза, чтобы начать медитацию, но воспоминания от этого становились только ярче.

— Зэн, ты мешаешь, — произнес Лей. — Отдавай лучше магию Люке. Шशीла, физраствор. Люка, колдуй исцеление.

Вертолет, тем временем, поднялся в воздух и летел в центральную больницу Цитадели, находившуюся в верхнем городе. Вертолет Джуты двигался следом.

— Соединяю артерию... — говорила Шशीла.

— Люка, адреналин... — произнес Лей.

— Готово, — сказала Шशीла и, опустив руки, откинулась назад.

— Теперь отдохни, — сказал Лей. — Ханорó, стимулируй мозг. Сейчас будем запускать сердце...

Около получаса восемь магов, применяя всю свою силу, боролись за жизнь Эды. Вертолет уже сел на крыше больницы, но дверь салона открылась только через несколько минут. Все это время у вертолета простояли двое крайне измотанных санитаров

с носилками.

Первым вышел Зэн. Он вывел и уложил на носилки держащегося за грудь Лея.

— У него сердечный приступ, — встревожено произнес Зэн.

— Значит в кардиологию, — вялым голосом сказал санитар и потянулся к носилкам.

Эду вынес на руках пилот. Люка пошатываясь, вышла сама, а Шшилу под руки вывели Кюлин и Дзубб.

С вертолетом Джуты произошла заминка. Обе вертолетные площадки госпиталя были заняты, и ей пришлось приземляться на проезжую часть. Когда вертолет был еще в метре от земли, из него выпрыгнул Даг и побежал в госпиталь, а когда машина коснулась асфальта, Рэй присоединился к нему. Ника осталась с Марчи. Из-за сквозного ранения в живот он терял кровь. Ника ввела обезболивающее и препарат для остановки кровотечения, но это было единственным, что она могла сделать при помощи аптечки, которую забрала еще из шаттла.

Следуя за Дагом, Рэй вбежал в холл госпиталя через главный вход и ужаснулся увиденному. На полу штабелями лежали раненные: галеонские военные, полицейские, охранники, наемники лежали вперемешку с пришельскими десантниками и сопротивленцами. Между ними одетые в белые халаты поверх песочных ряс ходили маги. В основном это были преподаватели, бизнес-консультанты, врачи и прочие пришельцы, прилетевшие на Галеон работать по контракту. Движение сопротивления собрало их сюда почти со всего города. Применяя свои способности, маги пытались останавливать кровотечения и частично заживлять раны, экономя, однако, силы и потому оставляя часть работы врачам. Хирурги оперировали одного за другим, не выходя из операционной, но раненные все равно скапливались, поскольку каждые несколько минут от Башни Империи подъезжали машины скорой помощи. Штурм еще продолжался.

Даг прошел по холлу, рыская взглядом. Найдя то, что искал, он быстро рванул в конец коридора первого этажа, где у входа на лестничную площадку, накрытые окровавленными простынями, лежали те, кому помощь уже не требовалась. У санитаров не было времени переносить тела в морг, и умерших просто складывали в стороне. Даг подошел к одному из тел и, бесцеремонно столкнув его на пол, достал из-под него носилки.

— Что вы делаете! — крикнул санитар, пытаясь помешать Дагу, но Даг одной рукой отодвинул худенького молодого человека в сторону.

— Так полегит. Ему уже все равно, — буркнул Даг и направился к выходу.

Даг застал Рэя у самого входа, где тот стоял, с ужасом глядя по сторонам и не решаясь пройти дальше.

— Бегом к вертолету! Что стоишь! — крикнул Даг Рэю.

Через несколько минут, на добытых Дагом носилках, они вдвоем занесли в госпиталь Марчи. Рядом шла Ника, держа раненного за холодеющую руку. Лис и Ханна тоже было последовали за ними, но, услышав доносившиеся из госпиталя стоны, Лис побоялась идти туда. Ее тоненькие ручки затряслись, она заплакала, уткнувшись головой в плечо Ханны, и та повела ее обратно в вертолет.

Марчи положили в коридоре довольно далеко от холла, в котором уже не было места. Поняв, что помощь сама к ним не придет, Ника пошла искать врачей, магов, — хотя бы кого-нибудь. По холлу бегали санитары и вооруженные сопротивленцы. Двое молодых людей в белых халатах подошли к раненому; положив носилки рядом, один из них прощупал пульс, после чего накрыл голову бойца простыней. Тут же двое солдат понесли чье-то тело в конец коридора, где трупы уже лежали в два слоя. Все маги были заняты. Один с мертвецки бледным лицом, уже не способный колдовать, прошел мимо Ники к выходу, чтобы подышать свежим воздухом. Таких как Марчи были здесь сотни, и многим было суждено умереть, так и не дождавшись помощи, но Ника не собиралась сдаваться. Она побежала на второй этаж и на лестничной площадке столкнулась с Зэном, который, чувствуя в себе силы, как раз спускался в холл, чтобы помочь раненым.

— Зэн! — крикнула Ника, бросившись обнимать старого друга. — Какая удача, что ты здесь. Как ты себя чувствуешь? Ты можешь колдовать?

— Думаю да, — ответил Зэн. — Откуда ты здесь? Тебе нужна помощь?

— Это долгая история. Мой друг ранен. Нужно остановить кровотечение. — Не дожидаясь ответа Зэна, Ника крепко схватила его за руку и повела к Марчи.

Ликвидаторы в это время находились в процедурном кабинете

те кардиологического отделения на самом верхнем этаже здания. Санитары отнесли Лея в реанимацию, а Эду в операционную, сказав всем остальным ожидать врача. Ильга, стянув до пояса комбинезон, разглядывала свежий шрам на животе и пыталась нащупать такой же на спине.

— Черт! Что я теперь парню своему скажу?.. — ворчала Ильга.

— Шшйла, учитель в реанимации! — сказала Ханорб. — Как ты можешь о такой фигне думать?

— Да все нормально с ним будет, — ответила Ильга. — Это бывает при гипамагическом шоке, отпустит. Вот что мне теперь с этим делать? Он же ведь вопросы ненужные начнет задавать. Маму́, посмотри сзади. Большой шрам?

Маму́ обошел Ильгу сзади и, присев на корточки посмотрел на ее спину.

— Да нормально, почти не видно, — сказал Маму́ и поцеловал Ильгу прямо в шрам.

— Эй! Сейчас как дам по голове!

— Прости, просто в этой позе ты такая сексуальная.

— Да ну тебя! Озабоченный!

В кабинет вошел врач с двумя пакетами порошка и упаковкой одноразовых стаканов. Ильга ойкнула от смущения и, повернувшись к нему спиной, начала надевать комбинезон.

— Так, времени нет, поэтому объяснять буду один раз, — сказал врач. — Наливаете стакан воды, кладете вначале три ложки желтого порошка, размешиваете, потом ложку синего, размешиваете, выпиваете. По стакану на человека. Вопросы есть?

— Да знаем мы, как эту гадость готовить, — ответила Ильга.

— Ну, вот и хорошо. Дистиллированная вода в ящике, вон там.

С этими словами врач удалился.

— Это чертов Эликсир, — сказал Маму́. — Меня тошнит от одной мысли о нем.

Пока остальные шутили по поводу того, как мерзок Эликсир, Люка достала воду, размешала ингредиенты и залпом выпила стакан микстуры до дна, после чего молча вышла из кабинета.

— Что это с ней? — спросил Дзубб у Ильги.

— Не знаю, — ответила она. — Учитель что-то говорил про ее мать, тогда, в вертолете. Я ничего не поняла.

Люка медленно шла по коридору больницы, держась рукой за перила, и ощущала, как подобно прорастающим сквозь стены корням все здание окутывали и пронизывали струи магии. Души умерших истекали медленно, как дым благовоний, вытягиваясь в тонкие струи, скручиваясь в спирали и переплетаясь между собой. Опустошенное тело юной ведьмы жадно впитывало их. Люка спустилась на первый этаж, прошла мимо врачей и магов; ни кто не обращал на нее внимания, как если бы она сама была невидимым бестелесным духом. Она прошла в конец коридора с мертвыми и, сев в углу в позе лотоса, начала медитировать. Тело Люки быстро наполнилось магией, которой здесь было в избытке. Закончив медитацию, юная ведьма вернулась обратно, и, сев в той же позе перед стеной у палаты интенсивной терапии, начала отдавать накопленную магию Эде. Израсходовав ее всю, Люка снова спустилась вниз, и снова вернулась к палате матери. Прodelывая это снова и снова, Люка остановилась только тогда, когда почувствовала, что тело Эды уже наполнено магией и не принимает больше. Это означало, что с организмом теперь все в порядке, и магия не тратится на самовосстановление.

Тихо войдя в палату, Люка закрыла за собой дверь. Женщина, лежавшая перед ней, определенно была Эдой, но была ли это та Эда, что и прежде?... Почему, вернувшись из Пояса черны, она не наша Зэна и даже не связалась с Леем? Помнит ли она еще Люку? Почему «святой» меч нанес ей такие повреждения? Люка смотрела на Эду с недоверием, боясь даже подойти ближе, внимательней взглянуть в ее лицо, взять за руку, — боясь обнаружить, что она хоть и жива, тем не менее, не мать ее больше.

Эда открыла глаза и посмотрела прямо в глаза Люки. Люка испугалась.

— Волчонок... — тихо и нежно произнесла Эда.

Слезы тут же наполнили глаза Люки, и к горлу подступил комок, не позволивший ей ничего сказать. Она просто упала на Эду и начала рыдать, уткнувшись в ее живот.

В холл больницы спустились двое санитаров. Один, сказав что-то другому, показал пальцем на Нику и Дага.

— Здравствуйте, — поздоровался санитар. — Вы Ника и?..

— Даг, — продолжил второй.

— Да, там в кардиологии лежит человек. Он очень просил

вас найти...

— Иначе грозился найти вас сам. Говорит, что это очень важно.

— Это Лей, — сказал Зэн.

— Лей здесь?.. — переспросила Ника. — Но мы не можем оставить Марчи.

— Я могу присмотреть за ним.

— Вообще-то он хотел видеть и вас тоже, — сказал санитар.

— Да, всех троих, — уточнил второй.

Санитары осмотрели ранение Марчи, и успокоили Нику, сказав, что ему вероятнее всего ничего не угрожает. Только услышав это Ника, Даг и Зэн отправились к Лею.

Лей встретил своих детей как всегда с улыбкой и выглядел бодро, как будто чувствовал себя хорошо, и ничего не произошло.

— Здравствуй доченька! Иди ко мне. — Лей протянул руки к Нике.

— Папа... — Ника обняла Лея, и тот крепко прижал ее к себе. — Как ты себя чувствуешь?

— Как ты вошла, так стал чувствовать себя замечательно.

— Я так много должна тебе рассказать...

— Не надо, я и так все знаю. Это я должен многое вам рассказать. Хотя не должен, но расскажу, потому что, во-первых, вас это непосредственно касается, а во-вторых, вы — мои родственники, и я вам безгранично доверяю.

— Вы знали о том, что Эда жива? — спросил Зэн.

— Нет, я узнал об этом только сегодня, буквально час назад. Это была самая дурацкая операция за всю мою карьеру. Случились все неприятности, которые только могли случиться, и то, что все завершилось относительно удачно — это чудо.

— Все началось два года назад, когда в управление поступила информация о том, что у корпорации Дарун есть технология защиты космических кораблей от демонов настолько эффективная, что позволяет безопасно проникать в ядро Пояса черны. Перед разведкой стояла задача выяснить как можно больше об этой технологии. Так получилось, что к этой так называемой технологии ближе всего подобралась Эда. Хотя она даже не была агентом, а просто информатором, ей удалось попасть в компанию Тайновиденье — дочернюю компанию Дарун, занимавшуюся исследованием Пояса черны. Как оказалось, никакой технологии

у галеонцев не было, а был человек, которого они называли — «проводник». Этот бедняга некогда был пилотом Галеон-Логистики. По слухам, он однажды заблудился в Поясе черны и чуть не влетел в ядро. Экипаж чудом уцелел. Демоны не тронули их. После происшествия пилот рассказывал всем подряд о том, как видел в Поясе черны некий светящийся шар, который якобы вывел их. Поползли слухи, и явлением заинтересовались темные маги, которых вообще привлекает всякая мистика. Впоследствии выяснилось, что пилот обладал особой способностью: вблизи него демоны не атаковали живых существ. После этого беднягой заинтересовались люди посерьезней, и жизнь его на этом практически закончилась. Наемники убили его жену, и обвинение пало на него самого. Его приговорили к смертной казни, но вместо того, чтобы казнить, заточили в секретную частную тюрьму. Его брали на борт как прибор, когда летели в Пояс черны, и относились к нему как прибору. Эда участвовала в этих экспедициях. Вместо того, чтобы исследовать Пояс черны, так называемые ученые делали бессмысленную работу, представляли руководству липовые отчеты, а деньги разворовывали. Настоящих ученых среди них не было — только шарлатаны. Только Эда изучала «проводника» как следует, и все, что мы знали о нем, было из ее отчетов. Но однажды, корабль не вернулся из Пояса черны. Эда говорила перед этим, что руководство требует войти в ядро, но руководители экспедиции не хотят рисковать. Однако на них надавили, и было решено все-таки войти в ядро. С тех пор прошло два с лишним года. Корабль искали и мы, и галеонцы, но безуспешно. Эда была единственным нашим информатором в компании Тайновиденье, поэтому, что там происходило после, мы не знаем. Только через некоторое время до нас дошла информация, что среди элиты темных магов появилась загадочная колдунья, которой маги приписывали сверхъестественные способности, считали ее, чуть ли не воплощением тьмы — восьмым посланцем. Вначале разведка игнорировала эту личность, но когда колдунье удалось сконцентрировать вокруг себя силы достаточные для государственного переворота, мы взяли ее под пристальное наблюдение, однако подбраться к ней близко было очень сложно. Я был почти уверен, что колдунья и Тайновиденье как-то связаны, но я и подумать не мог, что она — Эда.

— Как вы думаете, зачем она это делала? — спросил Зэн.

— Я думаю, она была не в себе, а точнее, это вообще была не она?

— Что-то вроде одержимости?

— Вроде того. Давно ходили слухи, что колдунья — на половину демон. Так вот, они косвенно подтвердились.

— Как?

— Люка чуть не убила ее «святым» мечем. Тело Эды, похоже, было наполнено положительной магией.

— Как такое может быть?.. — проговорил Даг себе под нос.

— Не знаю, — ответил Лей. — Все это очень загадочно, но в конечном итоге, похоже, все обошлось. Заходила Люка, сказала, что Эда пришла в себя. Она ничего не помнит ни о катастрофе, ни о том, что делала все эти два года.

— А тот корабль?.. — вступила в разговор Ника, — Тот, что мы нашли, это же ведь корабль, на котором летела Эда?

— Да, это был именно он. Так получилось, что вы нашли его первыми. Если бы вы остались там еще на пару часов, вы бы встретились с нашим разведывательным судном.

— Если бы мы там остались на несколько часов, демоны забрали бы нас, — ответила Ника.

— На самом деле, нет, потому что теперь ты — проводник.

— Откуда ты знаешь?

Лей улыбнулся своей обычной хитрой улыбкой.

— Люка по моей просьбе просканировала вас, когда вы были в пустыне, и доложила, что ты светишься на сканере тридцатью семью единицами, тогда как ты не колдунья. Об этой особенности писала еще Эда в своих отчетах.

— Зэн, так эта Люка, это не твоя ли дочь? — спросила Ника.

— Да, — ответил Зэн, кивнув головой. — Это она.

— Я и не узнала ее. Я видела ее последний раз, когда она была еще совсем маленькой... Пап, но почему тогда демоны все-таки атаковали корабль Эды?

— А я скажу почему, — ответил Лей. — Наш корабль тогда подцепил судно на буксир и вытащил из Пояса черны. Следовательно смогли хорошенько его обыскать. Вначале они не нашли ничего особенного: следы демонов, тела отсутствовали, — как обычно. Но потом в одной каюте, похожей скорее на одиночную камеру, они все-таки нашли одно тело. Человек болтался под потолком в петле из собственного ремня. Похоже, это был тот самый «про-

водник».

— Понятно, — грустно сказала Ника. — А как галеонцы узнали о том, что я — «проводник»? Они же ведь поэтому за мной охотились?

— Там был еще и галеонский корабль, — ответил Лей. — Он наблюдал за нашим кораблем, вероятнее всего, видел и ваш. Так совпало, что на орбите Фокоса уже стоял галеонский флот. Поэтому вас арестовали так оперативно. Галеонцам вообще везло. Они на один шаг опережали нас в погоне за вами, причем по чистой случайности.

— И что мне теперь делать с этой способностью?..

— Ну, как минимум галеонцев можешь не бояться. Те, кто за тобой охотились, либо мертвы, либо арестованы и пройдут по делу о государственном перевороте. Им не до тебя сейчас. А среди пришельцев о твоих способностях знаю только я. Так что, ты вольна поступать, как тебе захочется.

— Еще Сайдар знает...

— Кто такой Сайдар?

— Ученый-демонолог. Он работал на Земле обетованной. Я встретила его в посольстве.

— Если он демонолог, Майя должна его знать. Она знает всех, кто занимался и занимается теоретической магией на Земле обетованной. Знаешь, никто не имеет право заставлять тебя что-либо делать, но если хочешь послужить науке, обратись к ней, она познакомит тебя с нужными людьми.

— Я должна подумать, — ответила Ника. — Можно я покину тебя не надолго? Мне нужно проведать моего друга. Он ранен. Я должна присмотреть за ним.

— Да, конечно, — ответил Лей.

Ника вышла, и Даг последовал за ней, оставив Лея с Зэном наедине.

— Ну, а ты что думаешь делать? — спросил Лей.

— Не знаю.

— Знаешь, у меня в номере, в сейфе, лежат два свидетельства о смерти: твое и Люки. Неплохой повод — начать новую жизнь.

— Значит, ее перестанут преследовать за убийство?

— Да, именно так. Теперь вы с Люкой не граждане Аллари, но поскольку эти свидетельства не имеют силы на территории Земли обетованной, постоянными гостями вы по-прежнему явля-

етесь. Я тут еще изучил дело Джуты. Оно шито белыми нитками. В нормальном суде снять с нее судимость не составит особого труда.

— Я рад за нее...

— Она сейчас, наверное, ждет тебя, скучает... Брал бы ты ее и летел бы на Титан. Она устроится на работу пилотом. Видеться вы будете редко, а значит жить будете счастливо.

— Знаете, учитель, я не уверен, что хочу жениться второй раз.

— Не уверен, что хочешь? Значит, и не уверен, что не хочешь. А раньше ты твердо был уверен, что никогда не женишься. Ведь так?.. А знаешь, чем Джута отличается от Эды?.. Джута любит тебя, а Эда любит себя и хочет, чтобы все ее любили. Я как-то сказал Эде, что ей не мужа нужно завести, а собаку. Она восприняла это как шутку, хотя я был серьезен. Любил бы ты ее, все было бы хорошо, но ты ее не любил. Ты не выбирал ее, не боролся за нее... Ревновал ли ты ее хоть раз, хоть к кому-нибудь?.. Она была для тебя просто удобной девушкой упавшей с неба прямо в руки. Сколько раз я видел, как страдают те, кто женится на случайно подвернувшихся! Ты убеждал себя в том, что должен жениться на ней, потому что у «правильного» прищельца должна быть жена, а второго такого шанса никогда не будет. Вот сейчас у тебя есть такой шанс. К тебе вторая девушка упала с неба прямо в руки, но теперь ты, любя Джуту, убеждаешь себя в том, что не должен на ней жениться. Ты что, хочешь вернуться к Эде? Даже и не думай! Иди, найди Джуту, обними ее, поцелуй, отведи в номер, и займитесь, наконец, чем положено. Ступай! Догони ее, если она еще не улетела, а то я не знаю, как ты будешь до отеля добираться.

— Я не могу улететь сейчас. Здесь много раненых...

— Ладно, улетишь потом, но только запомни то, что я сказал.

— Я запомню, учитель, я запомню...

Выйдя из палаты Лея, Зэн направился к лестничной клетке, но остановился у двери, из которой доносился веселый голос и звонкий смех Люки — смех, которого Зэн не слышал уже два года. С тех пор как Эда исчезла, Люка иногда улыбалась, но никогда не смеялась так весело и раскованно как сейчас. Зэн постоял некоторое время, слушая этот смех, после чего улыбнулся сам и пошел дальше по коридору.

Эпизод 12

Откровение Гаи

Две массивные створки тяжелой металлической двери медленно раскрылись, и вонзившийся в совершенно темное помещение свет узкой полоской лег на пол. В двери появились два силуэта. Свет падал сзади на их ослепительно белые халаты, и спереди, в темноте, лиц вошедших было не различить. Пройдя по дорожке из света, они остановились у лотка, на котором между двумя большими цилиндрами лежала маленькая прозрачная, на вид пустая, колба с двумя серебристыми шайбами по краям.

— Это ваша дочь, — произнес один.

— Она жива? — спросил другой.

— Она спит, и видимо спать будет еще долго. Ее дух пока слаб и способен лишь поддерживать собственную жизнедеятельность, но вся ее личность сохранена в нем.

Вскоре, эта колба оказалась замурованной в камне под крестом с фотографией юной девушки в поле среди тысяч таких же крестов.

Ника проснулась. Она встала с кровати и по привычке подошла к иллюминатору, но сейчас за ним была лишь черная пустота. Странные повторяющиеся сны преследовали Нику с тех пор, как она прибыла на орбитальную станцию у планеты Никьян в ядре Пояса черны.

Феномен, благодаря которому Ника отпугивала демонов, как оказалось, имел в своей основе очень простой механизм. Было давно известно, что демоны для коммуникации используют ра-

диоволны определенных частот. Это называлось «пением демонов». Разгадать его смысл не удавалось, но для эффекта отпугивания этого и не требовалось. Как показали эксперименты, то, что вселилось в Нику, просто повторяло окружающее пение, преобразуя его простым и всегда постоянным способом. Создать прибор, работающий подобным образом, для пришельских инженеров не составило особого труда. Однако природу способностей «проводника» еще предстояло разгадать.

Первая же экспедиция в ядро принесла больше открытий, чем было сделано за всю историю исследований Пояса черны. Главным из них было обнаружение новой планеты названной в честь женщины, любопытство которой позволило эту планету обнаружить. Когда встал вопрос о названии, Сайдар рассказал коллегам о том, как Ника, нарисовав на стекле схему Пояса черны, предположила существование в ней планеты. Не лишённые чувства юмора ученые тут же приписали открытие Нике, оставив себе роль людей лишь подтвердивших ее гипотезу экспериментальным путем.

Планета Никьян, будучи темной, холодной и безжизненной, в магическом смысле представляла собой кипящий котел. Магией была переполнена вся ее поверхность, а возможно и недра, поскольку для магии не существовало материальных преград. На магическом сканере планета выглядела как сине-красный шар, на котором пятна одного и другого цвета хаотично переплетались, образуя то красные узоры на синем фоне, то синие на красном. Положительная и отрицательная магии по необъяснимой причине уживались здесь, не создавая асимметрии в сторону отрицательной. При уменьшении масштаба, разноцветные пятна превращались во множество точек и линий, которые при более детальном рассмотрении, принимали очертания странных существ. Одни имели замкнутую форму, небольшой размер и постоянно передвигались, напоминая одноклеточных или медуз; другие были огромны и неподвижны, скорее походя на растения. Переплетаясь так, что невозможно было отделить, где кончается одна и начинается другая, поверхность планеты покрывали синие паутины увитые красными «лианами». Кое-где, на паутинах виднелись отростки похожие на шляпки грибов. Чем больше была шляпка, тем тоньше ножка. В конце концов, ножка совсем исчезала, а шляпка улеталя жить своей жизнью. Образования, выглядевшие

из космоса как многосоткилометровые полноводные реки, оказывались на самом деле спиральями, вырставшими из-под земли и, вздымаясь на несколько километров вверх, уходящими снова под землю. Каждая такая спираль была скручена из другой спирали меньшего диаметра, которая в свою очередь была скручена из спирали диаметра еще меньшего и так далее до тех пор, пока точности сканера не переставало хватать. На планете Никьян нельзя было ступить и шагу, не пройдя сквозь тело какого-нибудь магического существа. «Они живые!» — воскликнул Сайдар, впервые увидев все это великолепие.

Загоревшись идеей изучения Пояса черны, Ника покинула Космическую Службу Спасения и стала капитаном малого научного судна Страны пришельцев. Вместе с ней в пришельский научно-исследовательский флот перешла и вся ее команда, кроме Марчи, который, будучи военным, не имел возможности выбирать место работы.

В дверь каюты постучали.

— Кто там? — спросила Ника, чтобы принять решение — нужно ли ей одеть комбинезон или можно принять гостя и в нижнем белье.

— Это я, — ответил Даг. — Можно к тебе?

— Заходи, — сказала Ника, обрадовавшись тому, что пока не придется одеваться — с утра ей было лень это делать.

— Привет. Как дела?

— Опять снились эти сны, — вяло произнесла Ника.

— Они снятся только когда ты здесь?

— Да.

— Может быть это из-за того, что ты проводник?

— Может быть. И главное, там такие вещи, которых я никогда не видела. Природа вроде похожа на южную Алларию, но если приглядеться, все там не такое — деревья другие, листья другие. Даже люди какие-то другие — не похожи ни на алларийцев, ни на катонийцев. Если бы умела рисовать, я бы нарисовала. Эти кресты с фотографиями людей... Все это настолько ярко, что не похоже на сон. В снах обычно все как в жизни только по-другацки, а это как будто другой мир.

— Может ученым нашим сказать?

— Не надо! Еще подумают, что сумасшедшая. Все равно они ничего понять не смогут.

— Верно. Скорее всего, пропишут какие-нибудь успокоительные.

— Мне пока что это не доставляет особых проблем, так что пусть это будет еще одной нашей с тобой тайной. — Ника и Даг засмеялись глядя друг другу в глаза. — Вообще, здесь тяжело долго находиться. Ни как не привыкну к тому, что в иллюминаторе не видно звезд. Это какая-то вялотекущая клаустрофобия. Через пару недель отсюда уже хочется улететь.

— Ничего, скоро улетим.

— Да. Давно не была на Хаммэ. Ты придумал, что подарить Марчи и Айрис на свадьбу?

— Я должен думать?

— А кто у нас — мозг?

— Я не по этим делам. У Лис спроси — она все-таки ее сестра.

— Там нечего знать — они с сестрой одинаковые.

— Тем более поговори с Лис. Я вообще чего пришел: помнишь, ты хотела высадиться на поверхность?

— Я и сейчас хочу.

— Так вот, есть такая возможность. Наконец-то мы потеряли первого робота. Он где-то застрял и не может доехать до пусковой площадки. Нужно его руками пощупать. Полетишь со мной?

— Конечно! Прямо сейчас?

— Ну да, как соберешься, так и полетим. Он на другом конце планеты, так что до него еще лететь несколько часов. Мы на это дело весь день потратим.

Прихватив с собой двухдневный запас еды, Ника и Даг отправились на поверхность Никьян на специальном шаттле, предназначенном для высадок на безатмосферных планетах. Осветив двигателями корпус станции, аппарат медленно поплыл в темноту, которая здесь, в ста километрах от Никьян, была не наполнена черной и потому была совершенно прозрачна. Орбитальная станция была единственной звездой в небе темной планеты; лишь бортовые огни и выхлопы двигателей прибывавших и убывавших кораблей изредка составляли ей компанию.

Постепенно снижаясь в полной темноте, шаттл испускал радиоволны, по отражению которых только и можно было обнаружить холодную поверхность Никьян почти невидимую в инфракрасном спектре. Большая часть ландшафта представляла собой идеально гладкую равнину, а рельеф, там где он присут-

ствовал, был плавным и округлым, полностью соответствуя женскому имени планеты.

— Готовность номер один, — произнес Даг. — Тормозить будем короткими, но жесткими пухами.

Несколько раз шаттл как будто упал в какую-то вязкую массу, после чего огромная перегрузка вжала Нику и Дага в кресла на несколько секунд. Они ощутили удар и сразу же еще один. Шаттл остановился.

— Сурово как-то, — выдохнув, проговорила Ника, держась за спину.

— Еще бы. Здесь атмосферы вообще нет. Зацепиться не за что, а гравитация как на Титане.

— Хуже не придумаешь. Ну что, пошли.

Сквозь поднимавшийся от поверхности пар огни шаттла освещали пространство в радиусе нескольких десятков метров.

— Она такая белая! — воскликнула Ника, ступив на поверхность планеты. — Я думала она черная или серая.

Ника спустилась по трапу и оказалась на твердом белоснежном льду, который, однако, был совсем не скользким. Серебристый пар, в который тормозные двигатели превратили снег, вздымался верх метров на семь и, совершая в белом свете огней причудливые движения, замирал мутным узором на поверхности скафандров.

— Это азот, — сказал Даг. — Должно быть, планета остывала медленно и всю черну, что упала на нее, она собрала до того, как замерзла атмосфера. Вода, если она вообще на ней была, замерзла сразу. В сухой атмосфере пыль быстро осела. Потом выпал в конденсат углекислый газ, за ним кислород, а потом и азот замерз.

— Так здесь все-таки нашли кислород?

— Нашли. А ты думаешь чего наш планетолог такой радостный ходил вчера весь день. Он посчитал: получается, если на поверхности есть кислород даже в незначительной концентрации, то под слоем азота его должно быть больше. Короче, он утверждает, что возможно когда-то у Никьян была атмосфера того же размера и состава, что и у живых планет, а это значит, что она когда-то тоже была живой. Если бы не Пояс черны, ее можно было бы поставить в один класс с Титаном, Фокосом и Галеоном.

— Неужели здесь когда-то была жизнь?..

— Если пользоваться определением Сайдара, она и сейчас здесь есть. — С этими словами Даг посмотрел по сторонам, как будто ожидая увидеть эту самую жизнь, но вокруг не было ничего кроме черно-белой пустоты. — Так, где наш робот-то?.. А вот он. Семьдесят метров вон туда, — сказал Даг, и указал пальцем направление.

Даг шел впереди, поглядывая на радар, на котором отображался робот, подававший сигналы SOS. Ника смотрела то вниз, то по сторонам. Метрах в десяти от шаттла под ногами захрустел снег. Равномерно покрывая округлые склоны, он поблескивал и переливался всеми цветами радуги. Совершенно черное небо над головой напоминало Нике пещеру — как будто это место было где-то на Земле обетованной. Казалось, вот-вот из темноты появится уходящая вверх колонна, бескрайняя равнина закончится стеной или свет прожектора достанет потолка.

Застывший робот стоял на склоне небольшого углубления оставленного, должно быть, некогда упавшим на поверхность метеоритом. Отдав буксировочный трос Нике, Даг обошел робота несколько раз, после чего, поставив на опоры, начал поднимать его, чтобы заглянуть снизу. Ника, тем временем, чтобы как-то себя занять, включила встроенный в скафандр магический сканер. Радиощума создаваемого шаттлом, роботом и скафандрами было достаточно для того, чтобы построить на смотровом стекле смутную картину мира духов.

Ника стояла посреди огромного красного купола похожего на гигантский мыльный пузырь, поверхность которого как будто колыхалась на ветру. За пределами пузыря кружили синего цвета создания, формы которых было не разобрать. Внутреннее пространство заполняли длинные, красные, хаотично переплетенные нити-спирали толщиной в кулак. Между ними стайками шныряли маленькие синие точки. Опустив глаза, Ника увидела окружающую ее ауру — как будто синий свет проступал из ее тела сквозь скафандр. Множество суетливых существ подобно маленьким рыбкам обступили тело Ники, будто бы изучая его, но стоило ей обернуться, как те бросились врассыпную. Даг, тем временем, залез под робота, где уже лежало нечто похожее на слизня. Оно вначале отстранилось от Дага, чье тело также окружала аура, а потом вяло, как бы нехотя, отползло в сторону.

«Жизнь, — как определял ее Сайдар, — есть сложная систе-

ма, способная к репродукции и стремящаяся к поддержанию своего сложного состояния. Базовые элементы, независимо от их природы, могут образовать живой организм некоторой сложности, обладая свойством естественным образом объединяться в подобные системы. Теряя некоторые степени свободы, „элементарные частицы жизни” образуют компоненты более высокого уровня, не все из которых, однако, способны к дальнейшей самостоятельной эволюции. На каждом этапе развития, жизнь порождает новое поколение „существ” использующих представителей нижних уровней для поддержания собственной жизнедеятельности, сохраняя, таким образом, связь всех поколений и делая жизнь единой неделимой системой. Так продолжается до тех пор, пока в высшем поколении есть хотя бы один представитель способный к дальнейшему объединению. Так явление белковой жизни происходит из самого свойства химических элементов образовывать соединения. На самом первом шаге атомы объединяются в молекулы, из которых лишь несколько соединений азота, углерода, кислорода и водорода способны послужить основой для образования „существ” более высокого уровня — аминокислот и РНК. В течение сотен миллионов лет, жизнь находила пути дальнейшего усложнения, сохраняя в своем многообразии тех, кто не смог перейти на более высокий уровень. Вирусы, бактерии, археи, одноклеточные эукариоты, многоклеточные растения, животные, стадные животные, — все это одновременно существующие следы эволюции жизни на пути к самому сложному из известных белковых организмов — человеку. При этом каждое поколение выполняет свою важную функцию: вирусы участвуют в естественном отборе всех уровней и отвечают за перенос генов между разнородными организмами; бактерии перерабатывают органические вещества, делая, таким образом, возможным повторное использование их элементов; усваивая непригодные для питания животных вещества, растения сами становятся пищей для животных. Помимо всего прочего, каждое поколение жизни есть уровень ее защиты от катастроф. Существа простые, всегда могут обойтись без существ сложных, более того, восстановить их в ходе эволюции даже при полном уничтожении. Так миллионы лет по одним и тем же законам развивались жизнь органическая и магическая, сливаясь воедино в частично магических людях и частично органических демонах».

Внезапно Ника почувствовала, как тяжесть скафандра спадает, и темнота Никьян сменяется ярким светом ясного неба, подобно тому, как в момент пробуждения тело перемещается из пространства сна в уютную постель. Через мгновение Ника лежала на спине посреди того странного места, в котором не раз бывала в снах. Дул легкий ветерок, от чего листья деревьев тихо шелестели; из крон доносилось пение птиц. Ни что не выдавало искусственности пейзажа, скорее белая пустошь Никьян походила теперь на сон. Не вставая с земли, Ника повернула голову и среди крестов и гранитных плит увидела юную девушку лет тринадцати, одетую в легкое летнее платье. Девушка сидела на лавочке перед гранитной плитой и, не отрываясь, смотрела на собственную фотографию, висевшую на кресте.

Ника встала с земли и отряхнулась, но девушка, казалось, не услышала этого.

— Привет, — робко произнесла Ника на алларийском. Нике почему-то казалось, что на алларийском девушка скорее ее поймет.

— Привет, — обернувшись к Нике с улыбкой, ответила девушка. — Не бойся. Присаживайся, — сказала она, и подвинулась немного, как бы приглашая Нику присесть с ней рядом.

— Что это за место? — спросила Ника, неуверенно присев на край скамейки.

— Это место, где все началось, — ответила девушка.

— А ты кто? — продолжила расспрашивать Ника, сделав вид, что поняла ответ на предыдущий вопрос.

— Меня зовут Гая. А ты ведь та женщина, именем которой назвали мою планету?

— Никьян?.. Ну, вообще-то это не моя идея...

— Не оправдывайся. Это хорошее имя. А меня вот, наоборот, назвали именем планеты.

— Так эта планета на самом деле называется Гая?

— Да, но я осталась единственной, кто ее так называет. Пойдем, я кое-что тебе покажу.

Девушка встала со скамейки и, взяв Нику за руку, потянула за собой.

— А может не надо, — говорила перепуганная Ника. — Верни меня обратно, пожалуйста.

— Не бойся, обязательно верну. Неужели ты не хочешь узнать

историю планеты, названной твоим именем.

— Хочу, но только быстро. В скафандре все-таки запас кислорода ограничен и вообще...

— Не беспокойся, я все учла. Пойдем. — Девушка еще раз потянула Нику за руку.

«Просто так я, похоже, отсюда не вернусь, — подумала Ника и решила полностью довериться воле странной девушки. — Хорошо хоть Даг рядом — он позаботится если что».

Неспешным прогулочным шагом Гая повела Нику через это странное место к стоявшему неподалеку зданию. Как будто вырываясь из-под земли, оно устремлялось в небо своими острыми шпилями. Вместо того чтобы идти прямо ко входу, дорожка почему-то опоясывала здание и только потом вела к высокой массивной двери.

— Так выглядела Гая пятьсот миллионов лет назад, — говорила девушка.

— Пятьсот миллионов лет?

— Да, пятьсот миллионов лет. Это мой возраст — пятьсот миллионов лет назад я родилась человеком, но очень скоро моя человеческая жизнь закончилась.

— Человеком? Пятьсот миллионов лет назад? Получается на сто миллионов лет раньше, чем появилась жизнь на Титане.

— Правильно.

— То есть получается, что люди существовали все это время?

— Смотря в каком смысле — существовали. Как живые особи человеческого вида — нет конечно, но как сущность в мире идей — определенно, да. Иначе, согласись, вы не были бы на них так похожи. Именно похожи, потому что генетически вы так сильно отличаетесь, что не смогли бы иметь потомства друг от друга. Вы абсолютно разные, но очень фенотипически похожие виды.

— Какие виды?

— Вы созданы по моему образу и подобию, — сказала девушка и улыбнулась.

— То есть ты хочешь сказать, что Никьян, то есть Гая, была когда-то близнецом Титана?..

— Почти.

— В результате эволюции на ней появились люди...

— Верно.

— А потом Гая превратилась в Пояс черны, а на Титане по-

явились такие же люди? И эволюция шла тем же путем и никуда не свернула? Разве это возможно?

— Я вижу, ты уже не торопишься обратно. — Гая еще раз мило улыбнулась. — Хочешь узнать, как это получилось?

— Хотелось бы.

— Это долгая история.

— Надеюсь, ты не будешь пересказывать подробно, что было все эти миллионы лет?

— Нет. Значительных событий за это время произошло немного.

У того места, где дорожка сворачивала в сторону, стояла большая голографическая модель, в которой Ника сразу же узнала солнечную систему. Желтый шар опоясывали орбиты восьми больших и нескольких малых планет. Окруженные множеством спутников газовые гиганты были хорошо знакомы Нике, но ближе к солнцу был изображен не существовавший пояс астероидов, а за ним три планеты, находившиеся в такой конфигурации в какой Титан, Фокос и Галеон не могли находиться никогда. К тому же, Пояс черны никак не был обозначен.

— Такой была Солнечная система в ее первозданном виде, — сказала Гая, почувствовав недоумение Ники.

— Пятьсот миллионов лет назад?

— Да. Такой она сформировалась из облака пыли и предстала перед людьми. Видишь голубой шарик, третий от Солнца? Это Гая.

— А Пояс черны? Хотя, да, если Гая была живой планетой, его, наверное, не было?

— Верно. Пояс черны, Титан и другие планеты пояса жизни, — все это продукт единого замысла и одного акта творения.

— Так значит, это правда? Живые планеты созданы искусственно?

— Конечно. Это звучит невероятно, но ведь, если приглядеться, искусственность их так и лезет наружу. Посуди сама. Взаимное расположение планет — оно никогда не могло появиться естественно. Формируясь на таком близком расстоянии, планеты слились бы в одну. Почему Пояс черны не поглотил их? Да и возраст. Почему кора Титана, Галеона и Фокоса на пятьсот миллионов лет моложе, чем у спутников газовых гигантов? Система живых планет так тонко настроена, что стоит внести в нее мель-

чайшее изменение, и она рассыплется.

— Это все загадки нашей Солнечной системы...

— Но представь себе на секунду, что живые планеты — это инженерное сооружение, и все встанет на свои места.

— Сооружение, созданное людьми?

— Не совсем людьми. Пойдем.

Они пошли дальше по дорожке вокруг высокого здания. Глядя на здание, Ника не обратила внимания вначале, но вскоре заметила, что вокруг были разбросаны странные шарообразные камни разного размера. Похожие на пушечные ядра, они вначале лежали хаотично, поодиночке, но чем дальше, тем меньше было одиночных камней, и тем больше их было сложено в странные фигуры по три, по пять — чем дальше, тем сложнее. Вдруг Ника поняла, что это, узнав в одной из фигур молекулу аминокислоты.

— Когда-то Гая была единственной живой планетой, — говорила девушка. — Жизнь на ней — обычная белковая жизнь — образовалась около полутора миллиардов лет назад в результате вполне естественных химических процессов. И вот что получилось...

Гая выбежала чуть вперед и, поворачиваясь лицом к Нике, обвела пальцем арку, состоящую из свернутых в двойную спираль двух цепочек мелких шариков.

— Дезоксирибонуклеиновая кислота, — произнесла Гая, — элементарная единица эволюции. Это образование универсально — куски вот таких молекул можно найти даже в глубоком космосе. Белковая жизнь — это столь же распространенное явление как звезды, как планеты, и форма этой молекулы роднит живых существ во всей вселенной.

Девушка говорила об этом уверенно, как о чем-то бесспорном и давно ей известном. Ника хотела было спросить, откуда она это знает, но Гая повернулась спиной и пошла дальше, а внимание Ники привлекло то, что находилось за аркой.

По обеим сторонам дорожки располагались статуи странных существ: ракообразные и моллюски со множеством щупалец, за ними насекомые, тут же рядом — рыбы, очень похожие на тех, что населяли воды галеонских океанов. При кажущемся на первый взгляд хаосе, фигуры располагались так, что видно было плавное перетекание одних форм в другие, так что становилось очевидно, кто от кого произошел. Однако, внезапно, это плавное

течение прерывалось, и прежние существа резко сменялись новыми — двуногими ящерами похожими на титанианских драконов. С ними соседствовали длинноногие гиганты, о размере которых можно было судить по фигуркам сосен, с которыми существа были одной высоты. В какой-то момент и это многообразие резко обрывалось, сменяясь новым — совершенно иным, но уже похожим на привычную для Ники титанианскую фауну.

— Дальше был почти миллиард лет эволюции, — продолжала рассказ Гая, — хотя я не люблю это слово. Жизнь, вопреки всеобщему заблуждению, не эволюционирует, а лишь, как газ, заполняет все предоставленное ей пространство. Если какая-то форма жизни и появляется, то лишь для того, чтобы заполнить пустующую нишу. Если же пустых ниш не осталось, жизнь останавливается в своем развитии. Правда фокус в том, что новые формы жизни, как правило, появляясь, создают новые ниши, которые заполняют новые существа и так далее почти до бесконечности.

— А это фауна Гаи? — спросила Ника, показывая пальцем на статуи. — Почему она так резко меняется?

— Это катастрофы — две крупнейшие и множество мелких. Их было немало, особенно вначале.

— А что за катастрофы?

— Жизнь на Гае развивалась с тех пор, когда еще не все крупные космические тела упали на планеты, либо навсегда стали их спутниками. В молодой Солнечной системе множество таких объектов вращалось вокруг Солнца. Их орбиты часто пересекали орбиты крупных планет, и столкновения были нередки. Гая встречалась с такими телами несколько раз, и каждый раз это приводило к массовым вымираниям. К примеру, на южном полюсе Гаи есть кратер диаметром пятьсот километров. Его оставил взрыв в миллион раз превысивший мощностью самую разрушительную бомбу когда-либо созданную людьми. Этот взрыв расколол кору планеты, и содержимое ее недр отравило океаны.

— И жизнь не исчезла? — переспросила Ника с недоверием.

— Как ни странно. Оказывается, жизнь не так-то просто уничтожить. Ты когда-нибудь пробовала сделать это хотя бы в масштабах одного дома? — Гая посмотрела на здание, и Ника невольно сделала то же самое. Старое сооружение у основания было плотно увито плющом, в котором, сливаясь с зеленью, пряталась ящерица. Плющ как будто удерживал стремящееся ввысь здание

— тянул его к земле. — Можно вывести крыс, — продолжила девушка, — останутся тараканы и муравьи. Особенно постаравшись можно истребить их тоже, но выживет плесень и бактерии, которых можно уничтожить разве что вместе с домом. Однажды зародившись, жизнь может исчезнуть только вместе со своей матерью-планетой, но если планета еще цела, и есть не освоенные пространства, жизнь обязательно их заполнит.

Ника и Гая пошли дальше и оказались у следующей скульптурной композиции. У костра сидела странная обезьяна и, держа обеими руками длинный посох, задумчивым взглядом смотрела на огонь, а от нее куда-то шли трое похожих больше на обезьян чем на людей существ: одно — маленькое, с грушевидной фигурой — шло впереди, другое — высокое и мускулистое — шло за ним, и недалеко позади, опираясь на посох, следовало существо самое худое, совершенно бесшерстное, закутанное в обрывки чужой шкуры, но с самой большой среди всех головой.

— А вот и люди, — сказала Ника.

— Да, они самые. На Гае существовал когда-то континент очень похожий на титанианскую Цэттеру. Экватор разделял его напополам. Центральная часть континента была покрыта густыми джунглями, а северная и южная — жаркими сухими саваннами. Вначале четвертой эры в этих саваннах появились хищные, хорошо организованные, степные обезьяны. Они были медленнее и слабее всех остальных хищников, но одна особенность давала им превосходство: их тела не были покрыты подшерстком, поэтому пот испарялся с их кожи быстрее. Благодаря такой системе терморегуляции человекообразные могли охотиться в жаркий полдень, когда вся саванна принадлежала только им.

Человекообразные всегда вели скрытный образ жизни, были осторожны, и выживали исключительно хитростью и взаимовыручкой. Они ходили по саванне с палкой в руках, чтобы, опираясь на нее, вставать повыше и смотреть над травой. А если хищник оказывался близко, они колотили ею по земле, чтобы его напугать. Постепенно человекообразные стали всегда ходить прямо, а палку стали использовать как инструмент и оружие. Со временем, появились и другие приспособления. Жить в саванне было нелегко. Постоянно приходилось искать воду; трудно было добывать еду; все приходилось делать, постоянно следя за хищниками. Все больше и больше приходилось запоминать: что можно есть,

а что нельзя, где есть вода, как ведут себя хищники... Кричать и показывать пальцем уже было мало. Нужно было каждому предмету, существу и явлению придумать имя, еще нужно было как-то обозначить их свойства, действия и свойства действий. Днем саванна принадлежала человекообразным, а ночью они прятались в скалах и окружали себя огнем, которого все хищники жутко боятся. С тех пор, добро у людей стало называться светом, а зло — тьмой. Ночью саванна наполнялась звуками. Человекообразные всегда боялись ночи. Ночью они оставались наедине со своими мыслями, и развитое сознание рисовало страшные картины. Сознание человекообразных всегда стремилось к ясности, а ночь отнимала эту ясность. Инстинкт подсказывал: скрытое может быть опасным; названное и понятное — не так страшно. Назвать — значит понять, объяснить; понять — значить заклясть, пролить свет, подчинить себе. Но были среди окружавших явлений совсем непостижимые, необъяснимые и непредсказуемые. Происшествия как будто происходили сами по себе, без всяких причин. Понять их не было возможности, но разум человекообразных нашел решение, придумав особое слово — «бог». Это нечто не имеющее свойств и образа, но оказывающее действие, влияющее на события. Богов мыслили как существ, пускай капризных, своенравных, но предсказуемых, понятных и всегда похожих на людей, то есть таких, которым можно угодить, с которыми можно договориться — подчинить себе.

— Ты называешь этих существ человекообразными. Разве это были не люди?

— Еще нет. Поначалу было много разных человекообразных существ. У всех у них были общие черты, но они занимали одну и ту же нишу, конкурировали между собой, а значит, должен был остаться только один вид. Одних — самых крупных — убило оледенение, — они просто не смогли добывать достаточно пропитания; других — приспособившихся к холоду — убило потепление. В результате остался только самый слабый, самый ни к чему не приспособленный, самый пугливый, но при этом самый умный и потому стойкий к изменениям вид — люди. Первые люди были некрупными, и потому могли прокормиться даже в самых бедных районах. К тому же, они были самыми умелыми из всех человекообразных. Только люди могли пользоваться луком и стрелами. Это позволило им охотиться на птиц и зайцев, когда не стало

более крупных и неповоротливых существ, которых можно было достать копьём.

Ника и Гая прошли уже две трети пути и оказались на некрутой лестнице, которая, плавно изгибаясь, вела туда, где, по всей видимости, находилась конечная цель этой экскурсии.

— Постепенно люди стали замечать, что многие вещи в природе повторяются, — говорила Гая, неспешно переступая со ступени на ступень. — То тут, то там встречаются почти одинаковые предметы, происходят одни и те же события. Нет в природе ни одной вещи, не имеющей своего подобия. Так люди впервые осознали понятие количества, и для его обозначения придумали числа.

Вначале числа были неразрывно связаны с предметами. Не было просто пяти — было пять пальцев, пять овец, пять дней... Только со временем числа отделились от своих воплощений и стали обозначать чистое количество — они начали жить своей жизнью, в своем мире, который, как оказалось, был сложен и необъятен. Сталкиваясь с задачами в реальном мире, люди снова и снова обращались к миру чисел и каждый раз находили в нем решение. Вначале люди пользовались только целыми положительными числами, но потом, когда встала необходимость давать в долг, появились и отрицательные. Некоторые вещи делятся на части, и для записи количества этих частей и их размера относительно целого стали использовать дроби. Появилось понятие нуля. И вот, однажды, люди сделали еще один важный шаг в развитии мысли. Они пришли к представлению о едином и всемогущем Боге. — Сказав это, Гая остановилась и посмотрела вверх.

Ника и Гая стояли перед величественным фасадом, который указывал всеми своими шпилями на бесконечно удаленную точку в небе. Только сейчас Ника не столько поняла, сколько почувствовала, что перед ней храм. Массивная дверь медленно открывалась, и они вошли внутрь. Огромное помещение было залито ярким разноцветным светом, проникавшим через множество узких витражей. Шума листвы и пения птиц не было слышно, и каждый, даже самый тихий звук, здесь, отражаясь от каменных стен, мгновенно распространялся по всему помещению. В самом конце, над алтарем, висел, как показалось Нике, распятый человек. Ника испугалась, но, взглядевшись лучше, поняла, что это была

скорее статуя. Ника смотрела по сторонам, а Гая вела ее вдоль нефа между рядами деревянных сидений. Тонкие колонны, сливающиеся в свод и бесконечно высокий потолок напомнили Нике центр Акуры и то, какой крошечной она себя почувствовала, впервые оказавшись там.

— Размышления о Боге привели людей к понятию бесконечного, — продолжала рассказ Гая. — Всемогущая сила, вечная жизнь, постоянное стремление к абсолютной духовной чистоте, — все это было неотъемлемыми частями единобожия. Так появились в математике бесконечно большие и бесконечно малые величины, а затем и пределы, функции, производные и интегралы. Ведь что такое производная? Это отношение двух в пределе бесконечно малых величин — язычник никогда не пришел бы к такой концепции. В какой-то момент математика стала совершенно бестелесной, неизобразимой и необъяснимой на бытовых примерах. Ее передовые достижения стали уделом узкого круга посвященных и никогда уже не были доступны обывателю. По началу, люди все же верили в потусторонние силы, хотя и видели, что природа скорее подчиняется строгим математическим закономерностям, а не высшей воле. Единобожие стало скорее необходимостью, ведь отсутствие языческих — материальных — богов уже было очевидным. Понятие Бога становилось все более абстрактным, удаленным от реальности. Ему отводилась область непознанного, которая стремительно сужалась, и в какой-то момент Богу вообще не осталось места в модели мира. Вера стала уделом обывателей, для посвященных же осталась лишь всемогущая математика.

Только у первого ряда сидений Ника смогла разглядеть то, что показалось ей вначале статуей. Это был прикованный к стойке человекообразный робот. Его глаза мертвецки пустым взглядом смотрели на алтарь, который оказался не алтарем, а скорее каким-то устройством, похожим на панель управления.

— Присаживайся, — сказала Гая, указав на скамейку.

— Что это? — спросила Ника.

— Это? Это то, как люди представляли себе будущее, но все было совсем иначе. Приблизительно за двести лет до моего рождения ученым удалось создать законченную математическую теорию вселенной названную впоследствии космометрией. Мощь этой теории невероятна. Оказалось, что вселенная во всех своих

проявлениях обладает удивительной однородностью. Все ее процессы, какими бы сложными или простыми они ни были, можно описать космометрическими числами, интерполируя и экстраполируя которые, можно с достаточной точностью предсказывать события, будь то движения атомов, судьбы людей или целых народов. Элементарная частица, человек или отдельно взятая группа людей, — все это космометрические числа разных порядков.

— И что, вот так просто можно было предсказать любое событие?

— Да, но только имея его космометрическую модель. Для того, чтобы, к примеру, узнать точно, что происходило с человеком в заданный промежуток времени, необходимо использовать его модель во всем многообразии, начиная с уровня элементарных частиц. Такая же модель нужна и для всех предметов с которыми он хоть как-то взаимодействует.

— То есть практически для всей вселенной, если учитывать реликтовое излучение, — сказала Ника и рассмеялась. — Какая же польза от этой теории?

— Так вот прелесть теории заключается в том, что космометрические числа высших порядков можно представлять числами низших порядков, если знать правила аппроксимации. Чем точнее аппроксимация, тем точнее предсказание, но и вычислительная сложность тоже выше. Правда, построить стопроцентную модель чего бы то ни было реального принципиально невозможно, поэтому результаты любого моделирования имеют нечеткое, вероятностное, распределение, дисперсия которого тем больше, чем менее детализирована модель.

— Но ведь так с любой математической моделью.

— Правильно, потому что любая прикладная математическая наука может быть описана в терминах космометрии.

— То есть для любого процесса может быть найдена аппроксимация, а потом его просто можно смоделировать? А функции? Ведь интерполировать и экстраполировать можно только зная закон изменения. Где его взять?

— В этом то и заключается еще одна прелесть космометрии: закон один. Он определяется структурой самого космометрического пространства и верен для чисел всех порядков. Потому-то и возможна аппроксимация. Наблюдая за элементарными частицами, можно понять законы, к примеру, человеческого общества и

наоборот. Сложность заключается лишь в построении адекватной аппроксимации. Для сложных объектов, таких как человек, требуется множество аппроксимаций для разных процессов, потому что в разных процессах различные аспекты человека проявляют себя по-разному и в разной степени важны.

— Если закон известен, — размышляла Ника вслух, — получается, космометрия позволяет пересечь границы возможного опыта — позволяет заглянуть туда, откуда не возвращается информация.

— А ты смысленая. Я не ошиблась в тебе. Да, именно для этого она и разрабатывалась изначально. Она была нужна физикам для объединения всех разрозненных теорий. Благодаря этому появилось то, что вы называете магией.

— Не поняла.

— Магия была создана людьми.

— Так значит, ее не существовало изначально?

— Конечно, нет. Магия — это локальное искривление структуры пространства, которое никак не могло возникнуть без помощи разумных существ. Такие искривления назывались транзионами. Изначально транзионы были придуманы для решения проблемы передачи энергии на большие расстояния без потерь. Другой задачей, которая стояла тогда перед людьми, были быстрые вычисления, но для ее решения нужны были не просто частицы, а целая система частиц способных образовывать соединения, моделирующие космометрические числа. В конечном итоге появилась целая прикладная наука об использовании локальных искривлений пространства. Безграничные возможности вдруг открылись перед людьми: перемещение со сверхсветовой скоростью, мгновенные вычисления, практически бесконечные резервы энергии... Все ограничения казались тогда условными, но из всех возможностей людям удалось, как им казалось, реализовать лишь одну — бессмертие.

— И ты одна из бессмертных.

— Да, как видишь. Дело в том, что транзионы — это элементарные космометрические числа, которые могут образовывать числа сколь угодно высоких порядков. Поскольку любое разумное существо может быть описано космометрическим числом, теоретически, такое существо может состоять из одних лишь транзионов, то есть из транзвещества или магии, как вы его называете.

Материя почти не взаимодействует с транзвеществом; законам классической термодинамики оно не подчиняется, а значит, может существовать практически вечно, сохраняя свое сложное — живое — состояние. Мой отец был первым, кому удалось сделать человеческий разум бессмертным.

— Он сделал бессмертной тебя?

— Когда мне было четырнадцать лет, я тяжело заболела. Так совпало, что отец как раз закончил эксперименты на животных, и все было готово для создания первого человекодуха. Выбора у него особенно не было.

— И он спас тебя, сделав бессмертной.

— Не совсем спас. Понимаешь, если что-то умирает, оно умирает. Можно сделать копию, но это будет всего лишь копия. Я — копия той девочки, которая все-таки умерла. Я обладаю ее памятью, но я — не она. Я — Гая — бестелесный дух.

Девушка встала.

— Я помню себя с того момента, как пришла в сознание здесь, на кладбище. — Гая прошла мимо Ники и медленно направилась обратно к выходу; Ника пошла за ней. — Я была, как будто растворена в пространстве, везде и нигде конкретно. Люди проходили сквозь меня, задевая своими душами, а я не могла даже пошевелиться — так я была слаба. Каждый день мне приносили умерших, и мое тело наполнялось магией.

— Скажи, а почему магия концентрируется в телах живых существ?

— Это было просто решение проблемы удержания транзвещества. Чтобы оно не разлетелось по вселенной, его нужно было привязать к чему-нибудь уникальному, чем обладают люди. Решили привязать к нервной деятельности. Она создает особую конфигурацию физических полей, которую и распознают транзионы. Поэтому любое существо, обладающее нервной системой, притягивает к себе магию.

— Логично. И долго ты была беспомощна?..

— Несколько десятков лет прошло до того момента, как я смогла самостоятельно двигаться, а перемещаться свободно в пределах планеты я смогла только через несколько веков.

— Так долго?.. Но ведь даже человек может овладеть магией за несколько лет?

— Но учти, что человеку, магия сама по себе не нужна. Он

может всю ее тратить на колдовство. Я — дух, поэтому магия нужна мне для поддержания жизнедеятельности. Чем сильнее дух, тем больше магии он тратит на самого себя.

— Понятно. Но ты ведь была не единственным духом?

— Да. Вначале нас было много, и с каждым годом становилось все больше и больше. В какой-то момент воскрешение поставили на поток. Целью было — создать так называемый Пантеон, обессмертить самых выдающихся людей, чтобы те хранили и передавали знания накопленные человечеством — глупая затея.

— Почему же глупая?

— Потому что дух — не человек, и дела ему нет до человеческих судеб. Считалось, что, став бессмертным, человек избавится от всего того, что мешает ему служить высоким идеалам, но на самом деле дух — это обычное живое существо со своими собственными слабостями и потребностями. Каждый дух испытывает голод. Этот голод заставляет его впитывать все больше и больше магии. Наверно это с родни половому влечению у людей. Его можно временно подавить, но избавиться совсем невозможно, потому что как целью органической жизни является воспроизведение себя самой, так целью духа является постоянный рост. Чтобы утолить голод я скиталась по кладбищам, по местам боев, — по тем местам, где смерть. Я видела то, что с точки зрения людей, наверное, ужасно, но не чувствовала ни капли сострадания, напротив, меня это привлекало, потому что где смерть — там магия, а где магия — там утоление голода. Умом я понимала, что с точки зрения людей я, наверное, чудовище, но также я понимала, что где-то есть десятки подобных мне, и новые создаются постоянно. Снова и снова люди голосовали, выбирая из кого сделать следующего пожирателя душ.

— А кого выбирали?

— Выбирали в основном тех, с кем люди не хотели расставаться — кумиров. Чаще выбирали деятелей искусства, писателей, режиссеров, реже выбирали ученых. Доходило даже до абсурда: выбирали музыкантов, то есть людей, чье достижение только и заключалось в том, что они умели играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Никто даже не задумывался, что в этом нет никакого смысла, ведь скорее ребенка можно научить играть также, чем дух восстановит свое мастерство в этом деле. Хотя, это даже не важно, кого выбирали. Кем бы ни был дух, бу-

дучи человеком, воспоминания из прежней жизни для него — не более чем забавное недоразумение. Он может вспомнить только факты, но не образы, звуки, переживания... Поэтому у него складывается ощущение, что это происходило не с ним — как будто он наблюдал все со стороны.

Ника и Гая вышли из храма и побрели обратно к тому месту, откуда начали свою прогулку; Гая продолжала свой рассказ:

— Шли века, и поначалу духи не доставляли людям особых хлопот. С ними разговаривали; некоторые из них отвечали — рассказывали о прошлых временах, но большинство разбрелись по свету и никогда больше не общались с людьми. Они как и я скитались, собирая магию, где только было возможно. Но внезапно, на планете начали разгораться конфликты. Повсюду появлялись агрессивные лидеры, призывавшие людей взяться за оружие. Все стали вдруг всем недовольны. Любая, даже пустяковая, проблема вызывала вооруженный переворот. Такое бывало и раньше, но не в таком количестве. Умные люди поняли, что причиной всему духи, забили тревогу, но было уже поздно. В бедных странах уже вовсю кипели войны. Страны развитые ввязывались в них, но не могли остановить. Это вызывало экономические кризисы уже внутри богатейших стран, а затем и народные восстания, перевороты, гражданские войны... Мир погряз в сепаратизме. Все отделились от всех. Все друг друга ненавидели.

— И все это было из-за духов?

— Говоря по правде, не совсем. Больших усилий не нужно, чтобы разжечь в людях агрессию, гораздо большего труда стоит эту агрессию погасить. Обычно, духи вселялись в отдельных личностей и, полностью захватив сознание, действовали среди людей в человеческом облике. Кроме этого, они, в сущности, не делали ничего сверхъестественного — ничего такого, чего не смог бы сделать обычный человек. В мире было много проблем — духи лишь подливали масла в огонь. Вместо того чтобы защищать людей, они стали для человечества самым страшным злом.

— А люди как-то сопротивлялись?

— Нет, конечно. Как они могли им противостоять? Те люди не обладали геном демона — они не могли управлять магией, они даже не чувствовали ее. Люди не могли нанести духам никакого вреда, даже если бы захотели. К тому же, большинство даже не осознавало, что происходит. На тех, кто говорил, что во всем

виноваты духи, смотрели как на сумасшедших.

— А откуда вообще бралась магия? Кто ее производил?

— Первая магия была создана искусственно, и была продуктом космометрических вычислительных машин. Позднее она производилась самими духами. Тело духа постоянно вырабатывает магию, потребляя энергию электромагнитных полей. Однако эта магия тут же расходуется, отсюда и возникает голод. Израсходованная магия покидает тело духа, и чтобы вернуть ее необходимо ее собрать. Но магия концентрируется в телах не только духов, а всех существ обладающих нервной системой. И духи вывели простую формулу: чем больше людей погибает, тем больше свободной магии. Однако если люди погибают очень быстро и очень в большом количестве, духи не успевают собирать магию. К тому же, много времени тратится на восстановление популяции. Поэтому духам нужно было добиться того, чтобы люди, с одной стороны, постоянно воевали, но с другой стороны, делали это самым примитивным оружием. В этом случае приток магии был бы равномерным и оптимальным. Для начала нужно было избавиться от науки, но это произошло само собой — постоянно воюющим людям было не до нее. Затем, нужно было полностью подавить любую тягу к изобретательству. Для этого духи удивляли людей чудесами, собирали вокруг себя фанатиков, и те, поощряемые духами, подавляли любое свободомыслие. Постепенно люди забыли, кто есть духи на самом деле, и стали поклоняться им как богам. Среди людей считалось, что духи — всемогущи, и только их волей, но никак не самостоятельно можно обрести благополучие. А духи, между тем, делали из людей агрессивных, безмозглых тварей подобно тому, как люди когда-то методами селекции выращивали более полезные породы скота.

— И ты участвовала в этом?

— Не совсем, но не потому, что мне было жалко людей, а потому что нашла более эффективный способ накопления магии. Я охотилась на духов. Дело в том, что духи между собой были неравны. Те, что были старше, были сильнее, те, что моложе — слабее. Я была самым сильным духом, поскольку была значительно старше остальных. Годами я выбирала среди духов самого слабого, нападала на него и забирала всю его магию.

— А остальные так не делали?

— Нет. Они боялись — убить духа не так-то просто. Для этого

нужно быть во много раз сильнее жертвы, потратить много магии, но если все же победил, все усилия окупаются сполна. Один поглощенный дух давал магии больше, чем можно было накопить разведением людей за тысячи лет!

— То есть ты хищница, а они как бы травоядные.

— Именно! За миллионы лет между людьми и духами образовался довольно прочный симбиоз. Люди охотились на себе подобных и других животных, забирали тела убитых с поля боя и относили своим богам. Люди не могли нанести большой урон экосистеме в силу своей примитивности и малочисленности, поэтому как вид просуществовали миллионы лет, практически не меняясь. Впоследствии, люди разделились на несколько видов, каждый из которых был приспособлен к какой-то одной среде обитания. Все они служили духам, и дела до поры до времени шли хорошо.

— Что то изменилось?

— Ты правильно мыслишь. Именно — изменилось. Прошло почти сто миллионов лет с последнего массового вымирания, и пришло время нового. Все началось с поднятия от ядра планеты раскаленных потоков. Такое случалось на Гае раз в несколько сот миллионов лет. На поверхность вылились расплавленные базальты и затопили огромные площади суши. Вулканические газы и водяной пар вызвали парниковый эффект. Стремительное потепление сопровождалось ураганами, каких люди не наблюдали за всю свою историю. Тщетно, спасая людей, духи тратили свою магию и не успевали собирать ту, что высвобождалась в результате вымирания. Почти вся она досталась мне. Вскоре, потепление сменилось похолоданием. Две трети планеты накрыло ледником, а оставшаяся суша представляла собой либо сухую степь, либо вечную мерзлоту.

— Прямо как на Галеоне...

— А вот теперь представь себе: легко ли было выжить крупным, неприспособленным к холоду, неповоротливым созданиям в таких условиях? Эти человекообразные уже не были похожи на людей — они скорее походили на тех своих дальних родственников, что вымерли в свое время в тех же условиях. — Гая кивнула в сторону статуй древних людей.

— И они вымерли?

— Да. Они вымерли вместе со многими другими видами тогда

от голода, от болезней — от того, что исчезла их привычная среда обитания.

— И что же духи?

— После вымирания, на Гае практически не осталось крупных форм жизни. Особей вообще было мало. Мало жизни — мало смерти, мало смерти — мало магии. Духи начали голодать, и от голода занялись каннибализмом. В драках между собой они теребили огромное количество магии; вся эта магия доставалась мне. Глупые, они не понимали, что магии все равно где оседать — в телах живых существ или духов. Они не осознавали, что магия куда-то исчезает, хотя не должна. До последнего момента они и не подозревали о моем существовании. В конце концов, из многих тысяч духов осталось всего восемь, не считая меня.

Гая грустным взглядом посмотрела на арку в виде ДНК.

— Знаешь, я долго думала, в чем была ошибка моего отца. Транзвестество — безусловно, полезная штука, но почему его появление привело к гибели человечества?.. Я обратилась к космометрии и поняла: бессмертие исключает дальнейшую эволюцию. Бессмертие частей ведет к смерти целого, и бессмертие целого возможно только за счет смертности частей. Этот принцип заложен в саму структуру космометрического пространства. Поэтому время жизни отдельных молекул клетки короче жизни самой клетки, а жизнь человека длиннее жизни отдельных клеток, его составляющих, но при этом несоизмеримо короче жизни всего человечества. Духи — существа инертные, в силу своего бессмертия, не способные к образованию чего-то большего. К тому же, духи — это, как оказалось, паразитическая форма жизни. Идея моего отца — создать человека бессмертного была той злокачественной мутацией, которая привела к образованию опухоли, уничтожившей человеческое общество. У общества не было иммунитета, чтобы противостоять этой заразе. Но я нашла решение. — Подойдя к арке, Гая положила руку на один из ее сегментов. — Вот он — ген демона. Если бы люди обладали им тогда, человеческое общество, как существо более высокого порядка, отторгло бы духов как инородное тело. Всю жизнь я мечтала поставить эксперимент, чтобы доказать это. И вот, когда духов осталось всего восемь, я решила воплотить в жизнь свой план. Я попыталась войти в контакт с духами, но, только, продемонстрировав свою силу, смогла это сделать. Поняв, что я способна уничтожить их просто поже-

лав этого, они начали не просто слушать меня, а подчиняться с рабским смирением. И тогда я рассказала им, что их ждет — бессмертных существ в смертном мире. Однажды они окажутся в совершенно пустом бесконечном пространстве, где не будет времени — в пространстве между мирами, вне жизни и смерти, где есть лишь только вечный сон без сновидений. Они ничего не поняли, но жутко испугались. Все, чего они хотели — вернуть прошлое, и я пообещала им сделать это, тем более что в точности это и было моей целью.

Гая встала рядом с моделью солнечной системы, дав понять Нике, что собирается что-то показывать.

— Задача стояла перед нами сложная. Нужно было создать новый мир, в котором жизнь прошла бы все стадии развития необходимые для появления человека. Проблема состояла в том, что на геном человека повлияла практически вся история Гаи. Нужно было либо в точности повторить все развитие планеты, либо воспроизвести все необходимые мутации в нужном порядке искусственно. Я выбрала второе.

Солнечная система на модели начала меняться. Облака астероидов вырвались из пояса и устремились к Солнцу; столкновения усеивали внутренние планеты тысячами желтых точек, постепенно тускневших в клубах поднятой пыли. Затем, планеты начали двигаться, постепенно сближаясь к одной орбите. Взорвавшись, единственный спутник Гаи превратился в огромное облако белой раскаленной плазмы, которая, тускнея, становилась оранжевой по краям. Втягивая в себя астероиды, облако росло и постепенно остывало. Будущие Фокос, Титан и Галеон, закружившись в танце, выбросили Гаю с орбиты и заняли ее место, а окутывавшее планету облако легло знакомой Нике формой Пояса черны.

— Из трех ближайших к Гае планет, — говорила девушка, — я сделала три почти одинаковых мира, из которых самым пригодным для воссоздания людей стал Титан. Я была инженером этих миров, а строительные работы выполняли духи. Пустив на самотек развитие жизни на Фокосе и Галеоне, я тщательно контролировала его на Титане и, в конечном итоге, получила человека почти таким, каким он был на Гае, с той лишь разницей, что теперь люди обладали геном демона. Как только на Титане появились люди, япустила туда духов и стала наблюдать. Больше

в судьбу человечества я не вмешивалась.

— Подожди. Сколько ты говоришь, было духов?

— Восемь, но на Титан отправились только семь. Самый умный из них (я называю его Кукловод) засомневался и не отправился на Титан вместе с остальными. Он, как ему казалось, скрылся от меня в Поясе черны, где создал существ, которых вы называете демонами.

— Ты говоришь семеро духов... Так не оттуда ли все эти легенды о семи посланцах и о восьмом, который вот-вот придет? Значит это все правда?

— Чистая правда. То, что сказано в ваших легендах, конечно, художественно приукрашено, но основано на реальных событиях. Попад на Титан, духи вначале обрадовались — дикие люди, зачарованные чудесами, также как и прежде поклонялись им, но были и те, кто подчиняться духам не желал. Среди смертных стали появляться маги если и не равные по силе, то, объединившись, способные дать духам отпор. Они считали, что магия дана людям единым, истинным, Богом-творцом, и дана неспроста. При помощи нее люди должны были противостоять демонам — посланцам лже-бога. Да, именно духов люди впервые стали называть демонами. Все больше и больше людей вставало на сторону последователей Бога-творца, и духам приходилось постоянно сражаться с ними. Духи слабли, и в какой-то момент подчинились людям — стали их рабами. Люди какое-то время использовали духов просто как источники магии, но после нескольких попыток неповиновения уничтожили. О тех временах остались лишь легенды, в том числе и легенда о восьмом посланце. Древние не знали, конечно, о существовании Кукловода, но подозревали, что духов может быть больше.

— А зачем ты создала Пояс черны? И зачем уничтожила жизнь на Гае?

— Это было необходимо. Можно сказать, это была часть технологического процесса. Гая уже не могла находиться на той орбите, где была бы живой планетой, поэтому жизнь на ней была обречена. Должно было высвободиться много магии, и я была плохим инженером, если бы не придумала, как ее применить. Меня давно мучил еще один вопрос: можно ли из транзвестества создать не духов, а обычных смертных существ, живущих по обычным для живых существ законам? Для этого мне надо было со-

здать планету максимально изолированную от любого излучения, особенно от солнечного света. Так появилась идея Пояса черны.

— А что случилось с восьмым духом?

— С Кукловодом?.. Пока духи боролись с людьми за выживание, в глубинах Пояса черны он создавал существ по образу жизни похожих на прежних, одичавших, людей. Они должны были охотиться на живых существ, собирать их души и относить хозяину. Он думал, что создаст нечто совершенное, но знаний и терпения ему не хватило. Его демоны — это нежизнеспособные, убогие существа, единственное достоинство которых в том, что они способны перемещаться в космосе, хотя и с большим трудом — у людей сейчас это получается лучше. Я не вмешивалась в этот процесс. Мне было забавно наблюдать за его потугами. Несколько раз он пытался атаковать Титан, но ни разу даже не закрепился надолго.

— Если бы тебе не было забавно, мои родители, возможно, были бы живы, — проговорила Ника, попыталась сдержать слезы, но не смогла.

— Не забывай, я — не человек, я — дух.

— А, прости. Я забыла...

Гая обняла Нику за плечо нежной девичьей рукой.

— Я не могу чувствовать как человек, но, ты знаешь, я, похоже, испытываю какие-то материнские чувства ко всему человечеству. Иногда смерть части, оборачивается пользой для целого. Люди вряд ли бы владели магией как сейчас, если бы не сражения с духами. Недавний Небесный плач нанес бы больше ущерба, если бы, люди не сталкивались с демонами постоянно; и никогда люди не достигли бы того уровня развития, которого достигли, если бы были бессмертными и если бы не находились в постоянной борьбе с природой и с самими собой. Иногда, погибая, один человек избавляет человечество от вредоносной идеи, обнаруживает слабость или предупреждает об опасности, спасая, таким образом, множество жизней. Это и называется целым — тем, что больше простоты суммы частей. Люди способны на то, о чем сами не подозревают, но только вместе, как целое.

— Но в чем смысл тогда? Если все смертно, даже вселенная, зачем вообще тогда жить?

— Все смертно, потому что является частью всеобщего вечного целого, как вы его называете, Ши Хоа — Великого Вне.

Мы называли его космометрическим пространством возможностей. Оно определяется космометрическими единицей, нулем и функцией порождения, определяющей множество возможных чисел с первого порядка до бесконечного. Вселенная — лишь точка в этом пространстве — одна из бесконечного множества себе подобных. Как и любое космометрическое число, вселенная имеет много общего с живыми организмами — подобно любому живому организму, она способна к размножению. Разумы, рождающиеся в ней, это ее частичные, искривленные отражения, это как бы ее половые клетки — те ее части, что, не являясь целым, способны в слиянии восстановить его. Соединяясь, каждая клетка перестает существовать по-отдельности, но все вместе они рожают новое целое. В этом, мне кажется, есть смысл.

— Создать новую вселенную? Разве это возможно?

— Теоретически, возможно, но требует большого труда.

— А что будет с тобой? Ты же ведь бессмертная.

— Я могу быть бессмертной, а могу не быть. Я трачу свои силы, нахожусь в постоянном движении, а значит смертна. Я такое же разумное существо как и вы просто больше, старше и сильнее. В остальном мы с вами равны. Скоро я покину Солнечную систему — я отправляюсь исследовать другие миры. Думаю, вы даже не заметите моего отсутствия.

— Тогда удачи тебе...

— Прощай Никьян.

— Прощай Гая.

Через мгновение тело Ники снова плотно облегал скафандр. С глаз как будто спала пелена. Впереди, как и прежде была лишь уходящая в темноту белая пустошь.

— Все! Ходовая накрылась, — раздался в переговорном устройстве голос Дага.

Ника обернулась. Магический сканер уже автоматически выключился, но Даг еще ковырялся в сломанном роботе.

«Не мог он так долго копаться в роботе», — думала Ника. Ей казалось, что прошло не менее получаса, но, похоже, на самом деле она отсутствовала всего несколько минут.

— С тобой все в порядке? — насторожено спросил Даг, увидев растерянные глаза Ники.

— Да, просто залюбовалась духами.

— Здесь сканер работает?... — буркнул Даг под нос. — Точно все в порядке? Ты какая-то испуганная.

— Да нет, все нормально.

— Ну ладно. — Даг снял с плеча Ники трос и направился к роботу. — Нужно отбуксировать его к шаттлу.

— А что с ним?

— Да он где-то ободрал теплоизоляцию. Азотный конденсат охладил ходовую до такой степени, что металл стал хрупким. В конце концов, лопнула шестеренка и заклинила весь механизм. Я ее снял, но, похоже, весть привод надо менять.

Ника и Даг перекинули через плечи трос и поволокли робота к шаттлу. Поскольку скафандры усиливали сгибания конечностей во много раз, тянуть трехсоткилограммовый аппарат не составляло никакого труда, и Ника снова и снова обдумывала только что увиденное.

«Что это было? Галлюцинация?... Сон?... А может и вправду — божественное откровение? Да нет, не может быть. Девочка... Храм... Кладбище... Бред какой-то!.. Но не могла же я все это придумать. Может быть, это все разговоры биологов с демонологами в столовой?... Если они наложились на рассказы Сайдара... Но ни он, ни они не говорили ни о чем подобном... Не буду никому рассказывать! Даже Дагу. Еще подумают, что сумасшедшая... Поскорей бы отсюда улететь, а то это место на меня как-то плохо влияет».

Уже в шаттле, снимая скафандр, Даг снова столкнулся со взглядом Ники.

— Да со мной все в порядке, — сказала она, и рассмеялась.

— Ты какая-то отрешенная.

— Не отрешенная, а задумчивая.

— Взлетать будем жестко — с прыжка, — сказал Даг, пристегиваясь к креслу. — Проверь, там оборудование закреплено?

— Все закреплено.

— Стартовые — готовы, боковые маневровые — готовы, ускорители... — готовы. — Даг положил руку на стартовый ключ. — Полетели.

Шаттл взмыл вертикально почти без тряски подобно скоростному лифту, затем накренился, и термоядерные ускорители озарили пламенем ледяную равнину. Стремительно ускоряясь, шаттл поднимался, охватывая алым светом все большую пло-

щадь. Вскоре, желтая точка скрылась за горизонтом, а поднятое ею облако ионизированного азота еще сияло тусклым свечением; через несколько минут оно погасло, и Никьян погрузилась обратно в свою вечную тьму.

Шаттл перешел в полет с постоянной скоростью, и жесткая перегрузка сменилась невесомостью. Даг отстегнул ремни.

— Как в центрифуге! — сказал он, и Ника, стыдливо прикрыв лицо ладонью, захихикала. Она вспомнила как однажды, еще в академии, Лис вычитала в одном журнале, что от перегрузок некоторые женщины якобы испытывают сексуальное удовольствие. Это знание она озвучила в разговоре с подружками, запустив тем самым волну пошлых шуточек про центрифугу, стыдливо перешептываемых девушками друг другу на ушко.

— Ты чего? — спросил Даг, сам улыбаясь от заразительного смеха Ники.

— Да это я так, о своем — о женском.

— Ох уж это ваше женское...

Даг ожидал, что как обычно Ника отведет взгляд и начнет заниматься своими делами, а он продолжит любоваться ею, но Ника не переставала смотреть ему в глаза. Даг хорошо знал, что означает этот взгляд — хитрый, цепкий, с полуулыбкой; он парализовал мужчину, лишал воли. Десятки раз Даг видел этот взгляд направленным не на него. Он не мог поверить своим глазам — Ника флиртовала с ним! Даг перелетел к месту Ники и оказался прямо над ней. Ника провела его взглядом, не изменив выражения лица — значит, Даг делал все правильно. Желто-зеленое свечение приборов создавало интимный полумрак, в котором какие-то два огонька отражались в ее глазах, делая лицо Ники еще более манящим. Даг подлетал медленно, как будто проверяя ее намерения, а Ника вжалась в кресло, растягивая удовольствие от этого приближения. Когда между ними оставалось всего несколько сантиметров, она закрыла глаза и расслабилась. Их губы слились в поцелуе. Кончиками пальцев Даг чувствовал, как по шее Ники пробегают мурашки. В невесомости ее тело казалось особенно нежным и податливым, и ничего приятнее прикосновений к нему Даг не ощущал никогда прежде.

— Прости меня, — прошептала Ника.

— За что?

— За то, что не замечала.

— Я не в обиде.

— Я хочу, чтобы мой ребенок был похож на тебя.

— Ну, это не сложно, — ответил Даг, и оба рассмеялись.

«Вот так, сливаясь в своих потомках, они остаются вместе навсегда, — думала Гая. — И даже смерть не разлучает их...»

Дмитрий Братусь

Пояс черны

Отпечатано в ООО «Издательство Простобук»

www.prostobook.com

Заказ: 11-421691

Тираж: 1 экз. (изготовлено по требованию)

©Дмитрий Братусь, 2011

©Оформление. Дмитрий Братусь, 2011